

В. В. УЗДЕНИКОВ

МОНЕТЫ РОССИИ

XVIII – начала XX века

Очерки по нумизматике

Факты, предположения, рекомендации

3-е издание, исправленное и дополненное

Москва
2004

Уздеников В. В.

Монеты России XVIII – начала XX века. Очерки по нумизматике. Факты, предположения, рекомендации. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Круг коллекционеров, 2004. – 590 с.

ISBN 5-901260-12-0

Издательство благодарит руководителя фирмы “Монеты и медали” господина **И. Лаврука** за содействие в выпуске книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящая книга посвящена российским монетам, чеканившимся с 1700-го по 1917 год. Основная цель издания – это рассмотрение отдельных, достаточно примечательных эпизодов, имевших место в российском монетном производстве и денежном обращении того времени; поэтому книга состоит из отдельных, вполне самостоятельных очерков.

В этих очерках предпринята попытка выявить причины и определить последствия тех случаев монетной чеканки, денежного обращения или реформирования монетной системы, которые на момент написания очерка еще не получили окончательной оценки в работах (отечественных или зарубежных) по российской нумизматике. При этом не исключено, что предположения и выводы, содержащиеся в некоторых очерках, могут оказаться спорными.

В книгу вошли работы, написанные за время с 1977-го по 2003 год. Одни из них были в свое время опубликованы в различных изданиях, другие нигде не публиковались. Очерки, написанные достаточно давно, были доработаны для данного издания в соответствии с результатами новейших исследований.

Все очерки снабжены полным комплектом необходимых иллюстраций. Для обеспечения наибольшей автономности каждого очерка некоторые изображения монет воспроизведены одновременно в нескольких очерках.

Автор выражает искреннюю благодарность всем нумизматам – профессионалам и любителям, а также издателям И. Касаткиной и Б. Дулькину за помощь в написании, доработке и выпуске этой книги.

ПЕРЕХОД НА ЦИФРЬ В ОБОЗНАЧЕНИИ ДАТЫ НА РОССИЙСКИХ МОНЕТАХ

Одной из новаций петровского времени был переход в обозначении чисел от букв славянского алфавита (буквицы) к арабским цифрам. Российские монеты XVIII века позволяют в какой-то мере проследить за ходом этого процесса.

В годы, когда осуществлялся переход к цифри, числом, обозначенным на монетах буквицей, была дата изготовления монеты. Напомним, какие именно буквы славянского алфавита использовались для этого.

А – 1	Д – 4	З – 7	І – 10	Ψ – 700
В – 2	Е – 5	И – 8	К – 20	✱А – 1000
Г – 3	С – 6	Ө – 9		

При написании даты (как и любого другого числа) буквы располагались слева направо в порядке убывания разряда чисел, обозначавшихся этими буквами: тысячи → сотни → десятки → единицы. Цифра “0” никак не обозначалась, и на месте отсутствующего разряда никакая буква не проставлялась. Даты, оканчивающиеся на числа от 11 до 19, обычно писались так, как эти числа читаются (например, “тринадцать” – это “три на дцать”, то есть на “десять”), а потому в таких датах буква, обозначающая единицы, чаще всего помещалась перед буквой, обозначающей десятки.

Такая, казалось бы, простая операция, как замена букв на цифры, осуществлялась, тем не менее, со значительными трудностями. Скорее всего, это было следствием борьбы между проводниками петровских реформ и ревнителями старины, в том числе – и в сфере монетного производства. Документального подтверждения этого пока обнаружить не удалось, а потому воспользуемся результатами обследования имеющихся в нашем распоряжении монет.

Весь процесс перехода на монетах от буквицы к цифири достаточно точно укладывается в следующие временные отрезки:

1-й этап – с 1700-го по 1707 год,

2-й этап – с 1707-го по 1714 год,

3-й этап – с 1715-го по 1717 год,

4-й этап – с 1718-го по 1721 год.

На протяжении этих четырех этапов различные группы монет датировались по-разному. Серебряные проволочные копейки (рис. 1) за все время их выпуска (до 1718 года) имели только буквенное обозначение даты. Золотые монеты, получившие цифирную дату впервые в 1710 году, позднее никогда буквицей не датировались. Медные монеты массового выпуска с 1700-го по 1718 год имели буквенное обозначение даты (цифрью были датированы лишь немногочисленные пробные экземпляры), а с 1718-го по 1721 год датировались одновременно и буквицей, и цифирью. Наконец, серебряные монеты регулярного чекана наиболее полно отразили весь ход интересующего нас процесса.

Итак, рассмотрим, чем же характерен каждый из обозначенных выше этапов.

На первом этапе, с 1700-го и примерно до апреля 1707 года все без исключения российские монеты имели даты, обозначенные буквицей. Но уже в 1707 году, с которого начинался второй этап, впервые, наряду с монетами, имевшими буквенную дату (рис. 2), появляются серебряные монеты с цифирной датой: рубли (рис. 3), полтинники, полуполтинники и гривенники. Такое же изменение имело место и на монетах особой, “русско-польской” эмиссии – тинфах (рис. 4, 5). Массовая чеканка серебряных монет с цифровой датой продолжалась (с некоторыми перерывами) до 1714 года (тинфов – до 1709 года). Кроме того, на втором этапе (с 1710 года) была начата массовая чеканка червонцев с цифирной датой (рис. 6), а в 1708, 1709 и 1710 годах были отчеканены пробные медные монеты, дата на которых также была обозначена цифрами (рис. 7–11); кроме того, на пробной копейке 1711 года (рис. 12) цифровая дата дублировала буквенную. Также следует отметить, что на втором этапе, в

1713-м и 1714 годах, была впервые осуществлена массовая чеканка низкопробных разменных серебряных монет с цифирной датой: пятикопеечников, алтынов и копеек (рис. 13–15).

Возникновение такого “цифрового” этапа в российском монетном производстве совпало по времени с двумя обстоятельствами: с работой на Кадашевском монетном дворе саксонского медальера Готфрида Гаупта и с зачислением в 1707 году в штат Красного монетного двора французского медальера Соломона Гуэна. Эти два мастера-иностранца и начали одновременно резать в 1707 году штемпеля для чеканки монет с цифровым обозначением даты; такое совпадение объясняется, скорее всего, соответствующим указанием, поступившим на оба монетных двора от вышестоящего начальства. Конечно, вместе с Гуэном и Гауптом работали и другие резчики монетных штемпелей, но все же основная часть монет второго этапа отчеканена штемпелями, изготовленными именно этими двумя граверами, причем большинство таких штемпелей помечено их знаками (“G” – “Gouin” и “H” – “Haupt”).

Решительный переход на цифирь, предпринятый в 1707–1714 годах, встретил явное противодействие со стороны некоторых чинов, имевших отношение к монетному делу и занимавших, видимо, достаточно высокие должности – об этом свидетельствует целый ряд фактов.

Прежде всего, в 1709 году на Красном монетном дворе была вдруг, после четырехлетнего перерыва, отчеканена большая (более 300 тысяч штук) партия серебряных гривен (рис. 16). Внешнее оформление этих монет было вообще призвано противостоять новшествам, насаждавшимся в эти годы (см. очерк “Против реформ царя Петра Алексеевича”), а в данном случае – цифирному обозначению даты. Организация массового выпуска гривен 1709 года в самый разгар “цифирного” этапа была наиболее действенной акцией противников цифири.

Гораздо менее эффективной оказалась попытка противостоять внедрению цифири, предпринятая в 1710 году, когда решался вопрос о возобновлении чеканки серебряных алтынов и гривенников. Очередной выпуск таких монет состоялся: алтынов из высокопробного серебра (рис. 17) – в

1711 и 1712 годах, гривенников (рис. 18) – в 1713 году, причем все эти монеты были снабжены цифирной датой. А вот пробные их экземпляры (рис. 19, 20), отчеканенные в 1710 году, имели буквенное обозначение даты; интересно отметить, что реверс пробного алтына (рис. 20) имеет такой вид, будто штемпель для него резался в большой спешке и в тайне от начальства. Не удивительно, что был отчеканен еще один экземпляр пробного алтына 1710 года, но уже с цифирной датой (рис. 21). Вполне вероятно, что существовал и второй пробный гривенник с цифирью, но до нас он не дошел.

И последнее. Хорошо известны полтины массового выпуска и уникальнейший червонец, вообще не имеющие даты (рис. 22, 23), хотя по всем признакам они были отчеканены также в 1710 году. До последнего времени появление таких монет объяснения не имело. Теперь же есть все основания считать, что они представляют собой компромиссное решение спорного вопроса, предложенное противниками цифири: если уж столь необходимо убрать с монет буквицу, так пусть на них не будет и цифирной даты. Вполне очевидно, что такой выход из создавшегося положения был совершенно неприемлем хотя бы с точки зрения учета готовой продукции и отчетности монетных дворов.

После 1710 года подобных деклараций со стороны противников цифири уже не наблюдалось, и, тем не менее, окончательный переход к цифири на втором этапе так и не состоялся, а наступивший с 1715 года третий этап характерен практически полным прекращением этого процесса. В 1715–1717 годах производился массовый выпуск только серебряных проволочных копеек (рис. 1) и медных монет, датированных буквицей, а выпущенные в 1716 году червонцы с цифирной датой (рис. 24) имели латинские надписи и не предназначались для обращения внутри страны. Что же касается серебряных монет регулярного чекана, то они в эти три года вообще не чеканились.

С началом в 1718 году четвертого этапа в датировке российских монет произошли существенные изменения. Прежде всего, вместо червонцев стали чеканиться золотые двухрублевики, снабжавшиеся только ци-

фирной датой. А вот серебряные монеты регулярного чекана и медные монеты массового выпуска в период с 1718-го по 1721 год имели одновременно и буквенное, и цифровое обозначение даты. Так, серебряные рубли и полтины (рис. 25, 26) имели на реверсе дату, обозначенную буквицей, а в надписи на гурте – цифрами. Серебряные гривенники в 1718-м и 1719 годах имели цифирную дату (рис. 27), а в 1720 году – и цифирную, и буквенную (рис. 28). С 1718 года был полностью прекращен выпуск серебряных проволочных копеек, имевших обозначение даты буквицей, зато с таким же обозначением даты в 1718 году была выпущена большая партия серебряных низкопробных алтынников и копеек регулярного чекана (рис. 29, 30). Наконец, медные монеты, из которых в те годы чеканились только полушки 40-рублевой монетной стопы, в каждом году имели часть тиража с буквенной датой (рис. 31), а часть – с цифровой (рис. 32). Кстати сказать, в 1718 году, как и в 1710 году, существовал также не реализованный проект выпуска медных монет всех номиналов с цифровой датой – он представлен пробными копеечкой (рис. 33) и денгой (рис. 34).

Использование вначале на пробной копеечке 1711 года (рис. 12), а затем на монетах 1718–1721 годов одновременно и буквицы, и цифири в обозначении даты наводит на мысль, что такое сочетание было призвано облегчить постепенное приобщение населения к цифири. Однако подобное предположение ошибочно и вот почему.

Прежде всего любой человек и во все времена, собираясь использовать монету по ее прямому назначению (в качестве платежного средства или средства накопления), в первую очередь определяет ее достоинство, а дата изготовления монеты, находящейся в обращении, могла заинтересовать лишь крайне ограниченный круг лиц: это либо чиновники, имеющие отношение к монетному делу, либо коллекционеры. Уже только поэтому возлагать на датировку монет какие-то надежды как на проводника цифири, совершенно нереально. Но и это еще не все.

Возьмем полушки, чеканившиеся в 1718–1721 годах как с буквенным, так и с цифирным обозначением даты. Конечно, в первый год их чеканки можно было сопоставить две монеты и выяснить, что именно обозначает

непонятная пока цифирь. Но что с чем надо было сопоставлять в последующие годы, когда в обращении находились монеты с двумя, тремя и четырьмя различными датами, каждая из которых имела по два различных обозначения? Далее, в 1718 году чеканились полушки с цифирной датой, на которых, по версии А. Ильина, был проставлен знак минцмейстера Иоганна Ланга в виде латинской буквы “I” (рис. 35). На монетах эта буква не только практически не отличается от арабской единицы, но еще и помещена между цифрами даты, в результате чего дата читается как “17I18”, что, конечно, весьма “помогало” освоению цифири. Наконец, в 1720-м и 1721 годах какой-то резчик штемпелей решил облегчить себе работу и изобразил эти две даты в виде “17K” (рис. 36) и “17K1” (напомним, что буква “K” означает число “20”). С этим “нововведением” только недавно разобрались специалисты, а каково было простому люду XVIII века осваивать такую “цифирь”?

Теперь о рублях и полтинах с буквенной датой на реверсе и с цифровой в надписи на гурте. Если какой-то владелец монеты вдруг захотел бы узнать, как дата обозначается цифирью, он прежде всего должен был точно знать, где цифирная дата на его монете находится, а потом разыскивать ее среди большого скопления плохо оттиснутых и зачастую стертых букв гуртовой надписи. Эти его поиски могли и не увенчаться успехом, поскольку дату на гурте зачастую просто забывали проставить. А иногда лучше бы было эту цифирную дату вообще не находить, так как довольно часто дата на гурте не совпадала с датой на реверсе, и это несовпадение могло достигать двух лет. Происходило это по той простой причине, что монетные дворы в целях экономии могли использовать в работе хорошо сохранившиеся, но датированные прошедшим годом штемпели реверса или гуртильные верейки (известен также документально зафиксированный случай использования заранее изготовленной верейки, датированной еще не наступившим годом). Нечего и говорить, что все это могло только поставить в тупик людей, решивших воспользоваться для освоения цифири двойным обозначением дат на рублях и полтинах 1718–1721 годов. И уж вообще никакого отношения к этому

процессу не могли иметь гривенники, чеканившиеся в разные годы с различным обозначением дат.

В результате становится очевидным, что цифирное обозначение дат на монетах вводилось вовсе не для приобщения населения России к цифровому выражению чисел: царю Петру Алексеевичу было необходимо убрать с российских монет наиболее архаичный элемент их оформления.

Что же касается присутствия на монетах четвертого этапа как цифровых, так и буквенных дат, то это была всего лишь временная уступка противникам цифири, и в первую очередь – духовенству. И действительно, не мог быть случайным совпадением тот факт, что сразу же после учреждения в 1721 году Святейшего Синода, поставившего церковь в прямую зависимость от государства, со всех российских монет исчезла дата с буквенным обозначением; лишь некоторые разновидности полтины каким-то образом “прорвались” в 1722 год с буквенной датой (рис. 37).

1

2

3

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

29

30

31

32

33

34

35

36

37

ОТ МОСКОВСКОГО РУБЛЯ – К РУБЛЮ РОССИЙСКОМУ

На протяжении первой четверти XVIII века несколько раз изменялось содержание надписей на аверсе, на реверсе, а затем и на гурте российских серебряных рублей и полтин. Как выясняется, такие изменения находились в прямой зависимости от происходившего в это время перехода от буквенного обозначения даты на монетах к цифровому обозначению. По времени изменения в надписях точно совпадают с четырьмя описанными в предыдущем очерке этапами перевода датировки монет на цифри (за исключением третьего этапа, с 1715-го по 1717 год, когда рубли и полтины вообще не чеканились).

На первом этапе (1700–1707 гг.), когда дата на всех монетах обозначалась буквицей, титул царя Петра Алексеевича, после непродолжительных поисков (рис. 1), уже к 1702 году был определен как “ВСЕЯ РОССИИ ПОВЕЛИТЕЛЬ”, а номинал с 1701 года обозначался как “МОНЕТА ДОБРАЯ (то есть полноценная. – В. У.), ЦЕНА РУБЛЬ” (рис. 2) или “ПОЛТИНА”.

С началом второго этапа (1707–1714 гг.), характерного решительным переводом датировки золотых и серебряных монет регулярного чекана на цифри, содержание надписи на аверсе рублей и полтин в принципе не меняется, однако вторая часть титула царя вместо полного написания “ВСЕЯ РОССИИ ПОВЕЛИТЕЛЬ” сокращается до аббревиатуры “ВРП”. Что же касается обозначения номинала на реверсе, то оно существенно изменяется и формулируется как “МОСКОВСКИЙ РУБЛЬ” или “ПОЛТИННИК” (рис. 3).

Такого рода изменения в надписях были весьма похожи на уступки противникам реформ в обмен на их согласие не препятствовать переводу монет на цифровую датировку. Действительно, ни на одной монете всех последующих царствований аббревиатура в титуле правителя никогда не использовалась, не считая, конечно, аббревиатуры “Б. М.” (“Божьей милостью”), присутствовавшей с 1730 года в титуле всех императоров и

императриц. Правда, сокращения окончаний некоторых слов в титуле иногда имелись, но они всегда были обусловлены отсутствием места для их полного написания. А вот в 1737 году решением Кабинета министров был забракован прекрасный портретный штемпель работы Лукьяна Дмитриева как раз из-за того, что на нем в титуле императрицы Анны Иоанновны было допущено сокращение двух слов: “САМОДЕРЖ.” и “ВСЕРОСС. “. Этот случай дает полное основание считать, что включение аббревиатуры в титул царя Петра было направлено отнюдь не на поддержание авторитета царской власти, а как раз наоборот, что и требовалось противникам царя-реформатора, При этом нужно учитывать, что места для полного написания титула можно было при желании найти на монетах второго этапа – примером тому монеты первого этапа. Что же касается присвоения двум самым представительным монетам названия “МОСКОВСКИХ“, то оно, конечно же, не указывало на место чеканки этих монет, а было, скорее всего, призвано закрепить за Москвой ее значение как исконной столицы государства Российского, его религиозного центра и “третьего Рима“. Это было особенно актуально в условиях, когда полным ходом шло строительство Санкт-Петербурга, который и стал в 1712 году официальной столицей.

Предположение о якобы состоявшемся в 1707 году соглашении между сторонниками и противниками цифири на первый взгляд кажется надуманным, тем более что конкретные участники этого соглашения на сегодня неизвестны. Но обратимся к некоторым фактам.

Как только в 1709–1710 годах такое соглашение было противниками цифири нарушено (выпущена партия гривен и отчеканены пробные гривенник и алтын с буквенной датой), сразу же последовали санкции: в 1710 году на рублях и полтинах массового выпуска обозначение номинала “МОСКОВСКИЙ РУБЛЬ” или “ПОЛТИНА” было заменено на прежнее: “МОНЕТА ДОБРАЯ. ЦЕНА РУБЛЬ” (рис. 4) или “ПОЛТИНА”; более того, в том же году была отчеканена пробная монета с обозначением номинала “РОССИЙСКИЙ РУБЛЕВИК” (рис. 5).

Не исключено также, что изготовление в 1709 году на Красном монетном дворе партии гривен с буквенной датой явилось одной из причин перевода в июне 1711 года этого двора из ведения Приказа Большой казны в подчинение Сенату.

Кстати сказать, недатированная полтина (рис. 6) появилась, несомненно, по инициативе противников цифири, так как из всех монет массового выпуска, чеканившихся в 1710 году, только она имеет обозначение номинала с названием “МОСКОВСКАЯ”.

Поскольку после 1710 года никаких нарушений соглашения со стороны противников цифири не наблюдалось, содержание надписей на рублях и полтинах вернулось в исходное для второго этапа положение (рис. 7). Лишь в последнем году этого этапа опять возникла конфликтная ситуация: в 1714 году изготовили комплект штемпелей и отчеканили пробный рубль (рис. 8), на аверсе которого вообще отсутствовал титул “ВРП”. Однако этот комплект штемпелей был забракован, а рубли массового выпуска (рис. 9) чеканились в 1714 году с титулом “ВРП” штемпелями, изготовленными еще в 1713 году (последняя цифра даты на них была перегравирована на “4”).

Все перечисленные выше “встречные” действия сторон позволяют считать, что соглашение о взаимных уступках все же существовало. Кстати сказать, со следами таких уступок мы еще встретимся на монетах четвертого этапа.

С наступлением в 1718 году четвертого этапа рубли и полтины получают оформление аверса и реверса, очень близкое к оформлению монет первого этапа; кроме того, на них впервые появилась гуртовая надпись. На аверсе этих монет опять присутствует титул царя в полном написании и только слово “ПОВЕЛИТЕЛЬ” заменено словом “САМОДЕРЖЕЦ”. А на реверсе формулу “МОСКОВСКИЙ РУБЛЬ” (или “ПОЛТИНА”) сменило обозначение номинала монет первого этапа с небольшим изменением: вместо “МОНЕТА ДОБРАЯ” теперь значит “МОНЕТА НОВАЯ”. Но главным было то, что на реверс рублей и полтин четвертого этапа опять вернулась буквенная дата (рис. 10).

Правда, эти монеты имели и цифровую дату, но она была помещена в трудно читаемую гуртовую надпись; в то же время эта надпись содержала и формулу “МОСКОВСКИЙ РУБЛЬ” (или “ПОЛТИНА”).

Вся же гуртовая надпись имела следующий вид: “МОСКОВСКИЙ УКАЗНЫЙ РУБЛЬ (или “ПОЛТИНА”) КРАСНОГО ДЕНЕЖНОГО ДВОРА” или “МОНЕТНОГО ДЕНЕЖНОГО (то есть Кадашевского. – В. У.) ДВОРА и цифровую дату. Присутствие в надписи одновременно и формулы “МОСКОВСКИЙ РУБЛЬ”, и названия монетного двора подтверждает высказанное ранее предположение, что название “МОСКОВСКИЙ” не является указанием на место изготовления монеты: это место однозначно определено названием монетного двора, отчеканившего данную монету. Что касается слова “УКАЗНЫЙ”, то оно означает, что монета изготовлена в соответствии с требованиями именного указа от 24 января 1718 года, впервые утвердившего пробу сплава и монетную стопу серебряных монет.

Итак, на рублях и полтинах четвертого этапа взаимным уступкам сторонников и противников цифири был как бы дан “обратный ход”: с аверса убрали аббревиатуру “ВРП”, а с реверса – формулу “МОСКОВСКИЙ РУБЛЬ” (или “ПОЛТИНА”), зато взамен на реверс вернулась буквенная дата. В целом же следует признать, что победа на четвертом этапе осталась за противниками цифири: ведь именно буквенная дата стала на рублях и полтинах этого этапа основной, поскольку именно она была обозначена крупными, хорошо читаемыми литерами и располагалась именно там, где и должна находиться дата – на реверсе монеты, тогда как цифровая дата находилась на гурте, обнаруживалась с трудом, да и проставлялась далеко не всегда.

Окончание в 1721 году четвертого этапа совпало с весьма важными событиями. В этом году был заключен мирный Ништадтский договор со Швецией, а царь Петр был провозглашен императором, “Великим” и “Отцом Отечества”, что конечно же ослабило позиции его противников. Кроме того, в том же 1721 году был учрежден Святейший Синод, поставивший церковь в полную зависимость от государства. В результате противники цифири, среди которых было немало представителей духовенства, потеря-

ли возможность и дальше препятствовать введению цифровой датировки монет, либо выставлять взамен какие-то требования. Благодаря этому с 1722 года все монеты были окончательно переведены на цифровое обозначение даты, на аверсе рублей (рис. 11) и полтин появился новый титул правителя: “ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ”, а гуртовые надписи монет четвертого этапа, еще содержавшие претенциозную формулу “МОСКОВСКИЙ РУБЛЬ” или “ПОЛТИНА”, были заменены гуртовыми надписями с новой формулой: “РОССИЙСКИЙ РУБЛЬ” и “РОССИЙСКАЯ ПОЛТИНА”.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

ПРОТИВ РЕФОРМ ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА

В 1704 году, на шестом году проведения денежной реформы, в обращение поступили наконец монеты двух основных номиналов – серебряный рубль и медная копейка. И в этом же году появились две серебряные монеты, существенно отличавшиеся от всех других монет новой российской монетной системы: это были гривна (рис. 1) и алтын (рис. 2). Особенность этих двух монет заключалась в том, что основные элементы их внешнего оформления были как бы заимствованы из прошлого и фактически противопоставлялись тем нововведениям (вернее, отдельным их составляющим), которые насаждались в это время царем Петром. В первую очередь это, конечно же, относится к гривне.

Начать с того, что для обозначения достоинства этой монеты было использовано название счетно-денежной единицы, существовавшей на Руси с VIII по XVII век, тогда как с 1701 года уже чеканилась массовыми тиражами (в том числе и в 1704 году) монета с вновь принятым обозначением номинала – гривенник (рис. 3). Вполне очевидно, что не было никакой реальной необходимости присваивать десятикопеечнику какое-то другое обозначение номинала, а было лишь стремление “ревнителей старины” обозначить свое неприятие новой терминологии.

Далее, на аверсе гривны гербового двуглавого орла окружает многобуквенная аббревиатура: “Ц.ИК.П.Я.В.Р.С.” (Царь и князь Петр Алексеевич всея России самодержец”). Такое оформление гривны было напрямую заимствовано у золотых “жалованных” монет (рис. 4), чеканившихся в правление ненавистной Петру царевны Софьи, причем на гривне, как и на “жалованных” монетах, титул Петра был преднамеренно сокращен: вместо “ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ” аббревиатура содержит лишь “Ц.ИК.” (то есть “Царь и князь”), хотя для размещения литеры “В” (“великий”) место в аббревиатуре имеется.

И на гривне, и на алтыне 1704 года начертание буквы “аз” дано в соответствии с церковно-славянским алфавитом – в виде современной буквы “Я”, а это означало неприятие планов по введению царем Петром

гражданского алфавита. Правда, такое начертание буквы “аз” имело место и на некоторых других петровских серебряных монетах, но только в 1701–1702 годах и только в буквице, то есть в обозначении даты славянскими буквами. А на гривне и алтыне 1704 года буква “аз” в виде “Я” присутствует не только в буквице, но и в обозначении номинала, а на гривне – и в аббревиатуре (начальная буква отчества царя Петра – “Алексеевич”). Начертание “аз” в виде “Я” было применено на гривне и алтыне преднамеренно и вполне осознанно: ведь на забракованных пробных экземплярах этих монет (рис. 5 и 6) буква “аз” имеет общепринятое для того времени начертание – в виде греческой буквы “альфа”.

Массовый выпуск гривен вначале был ограничен 1704 и 1705 годами, а алтына – 1704 годом. Однако гривна была позднее еще раз востребована “ревнителями старины” в их борьбе с нововведениями царя – речь идет о переводе даты на российских монетах с буквенного обозначения на цифровое. Этот процесс, начавшийся в 1707 году, развивался на первом этапе настолько успешно, что к 1710 году практически все серебряные монеты регулярного чекана уже имели цифровую дату. И тогда противниками цифири был предпринят ответный демарш в виде выпуска в 1709 году большой партии гривен, конечно же, снабженных буквенной датой (рис. 7).

Таким образом, алтын 1704 года и гривну вполне можно рассматривать как явное средство борьбы приверженцев старых устоев против всяческих реформ и против царя-реформатора, хотя это средство и не принесло каких-либо ощутимых результатов.

Местом чеканки гривен 1704, 1705 и 1709 годов, а также алтынов 1704 года был Красный монетный двор, находившийся в эти годы в ведении Приказа Большой казны. Не исключено, что именно выпуск таких крамольных монет явился одной из причин передачи в 1711 году Красного монетного двора из подчинения Приказу в ведение Сената.

Кстати сказать, в отличие от гривен, на которых Красный монетный двор проставлял аббревиатуру “БК” (“Большая казна”), гривенники, чеканившиеся в 1704–1706 годах, помечены литерой “М”. Первоначальная

расшифровка этой литеры – “Москва”, видимо, была ошибочной: скорее всего, это сокращенное обозначение Кадашевского двора (на котором эти гривенники чеканились), обычно метившего свою продукцию аббревиатурой “МД” (“монетный двор”).

1

2

3

4

5

6

7

СЧЕТНЫЕ ЗНАКИ НА МОНЕТАХ. ПЕРЕХОД К ЦИФИРИ В ОБОЗНАЧЕНИИ НОМИНАЛА

Помещавшиеся на российских монетах выпуклые точки, звездочки, розетки или “палочки” очень часто не были простыми декоративными элементами: в XVIII – начале XIX века они играли весьма важную роль – служили счетными знаками, дублировавшими основное обозначение номинала. Как правило, счетными знаками снабжались только разменные монеты, причем число этих знаков соответствовало количеству копеек, составлявших достоинство монеты. В связи с этим счетные знаки обычно помещались на монетах достоинством не ниже копейки, хотя в начале XVII века знак не присутствовал и на копеечных монетах, но только медных; в то же время вполне очевидно, что число счетных знаков на монете не должно быть слишком большим.

В 1712 году в обращение поступили серебряные алтыны (трехкопеечники), в верхней части реверса которых были компактно размещены три трилистника (рис. 1). Эти трилистники вполне можно было бы принять за счетные знаки, если бы в нижней части реверса этих монет не находились еще три таких же трилистника. И тем не менее не исключено, что все шесть этих деталей все же являются счетными знаками, хотя и отличающимися от всех других. Дело в том, что в XV–XVII веках алтын, как счетно-денежную единицу, составляли три новгородских денги, ставшие впоследствии копейками, или шесть московских денег (полукопеечников). Поскольку в начале XVIII века счет на денги-полукопеечники еще существовал (хорошо известны пятикопеечники 1701–1704 годов с обозначением номинала “ДЕСЯТЬ ДЕНЕГ”), вполне возможно, что и алтын 1712 года приравнивался к шести денгам и потому имел шесть счетных знаков. Однако вопрос о том, был ли алтын 1712 года шестиденежным или же трилистники на его реверсе являются лишь декором, пока остается нерешенным.

А бесспорные счетные знаки впервые появились на низкопробных серебряных монетах 1713–1714 годов – пятикопеечнике, алтыне и копейке (рис. 2–4), причем на разновидности пятикопеечника 1713 года вместо точек проставлены счетные “палочки” (рис. 5). Кстати сказать, все серебряные копейки 1713 года, на которых счетным знаком также служит “палочка”, – несомненные новodelы.

В дальнейшем счетными точками были снабжены гривенники 1718–1723 годов (рис. 6), а также низкопробные серебряные алтыны и копейки 1718 года (рис. 7, 8).

С 1723 года счетные знаки появились и на медных монетах пятикопеечниках: вначале на одном из пробных образцов (рис. 9), а потом и на монетах массового выпуска 1723–1730 годов (рис. 10). В 1724 году была отчеканена пробная медная двухкопеечная монета – грош (рис. 11), также снабженная счетными точками.

Полуполтина 1726 года, массовый выпуск которой так и не был осуществлен (рис. 12), весьма примечательна тем, что была переведена из обычного для такой монеты разряда старших (банковых) монет в разряд монет разменных. В соответствии с этим на ней были размещены и счетные знаки – целая пирамида из 25 точек. В таком количестве, да еще и неудачно размещенные, счетные знаки уже не могли эффективно дублировать основное обозначение номинала, поскольку сосчитать их в реальных условиях денежного обращения было практически невозможно. Уже отчеканенные полуполтины были переплавлены и использованы при изготовлении десятикопеечников – гривен 1726–1727 годов (рис. 13), снабженных для подсчета набором из десяти счетных точек.

В те же 1726–1727 годы было отчеканено очень большое количество пробных разменных серебряных и медных монет¹, зачастую снабженных счетными знаками (например, рис. 14 и 15). Особенно примечательным был низкопробный серебряный грош 1727 года (рис. 17), снабженный почему-то сразу двумя видами счетных знаков – и точками, и “палочками”. А в 1729 и 1730 годах появлялись пробные серебряные копейки с розеткой в качестве счетного знака (рис. 18).

С 1731-го по 1735 год массовыми тиражами выпускался серебряный гривенник с десятью счетными точками (рис. 19). Эти точки делали гривенники образца 1731 года очень похожими на гривенники 1718 года (рис. б), которые в то время изымались из обращения, а потому выпуск гривенников в 1735 году был вообще прекращен, и начались поиски нового их оформления; именно в этом году и вышел сенатский указ от 5 июня ², в котором было не только объяснено назначение счетных знаков на монетах (“...для знания безграмотным и цифири незнающим людям”), но и на долгие годы отменено использование этих знаков.

Кстати сказать, этот указ намного опередил события: упоминая о людях, не знающих цифири, он не учитывал того обстоятельства, что до его выхода еще не существовало ни одной российской монеты массового выпуска, на которой номинал (вернее, его количественная составляющая) был бы обозначен цифирью.

Итак, после прекращения в 1735 году чеканки гривенников образца 1731 года монеты со счетными знаками появились только через 20 лет: в 1755 году была начата массовая чеканка серебряных пятикопеечников, имевших на аверсе пять счетных звездочек, а на реверсе – числовое обозначение номинала (рис. 20). Это были первые российские монеты массового выпуска, оформленные подобным образом, хотя пробные монеты с цифирью в обозначении номинала были отчеканены еще в 1727 году (рис. 15, 16).

Теперь, начиная с 1755 года, счетные знаки на монетах всегда будут сопутствовать только цифровому обозначению номинала.

Серебряные пятикопеечники образца 1755 года чеканились до 1761 года, а уже в 1760 году появились пробные серебряные 20- и 15-копеечники с цифирью в обозначении номинала и соответствующим числом счетных точек (рис. 21, 22). Такие же пробы чеканились при Петре III в 1762 году (рис. 23, 24) и при Екатерине II в 1763 году (рис. 25, 26), а с 1764 года монеты этих двух номиналов стали выпускаться большими тиражами.

Интересно отметить, что если на полуполтине 1726 года (рис. 12) все 25 счетных точек были “свалены” в одну кучу, то на 20- и 15-копеечниках, чеканившихся до 1793–1794 годов, счетные точки были сгруппированы по 5 штук, что обеспечивало их быстрый подсчет.

При Екатерине II чеканились еще два вида монет со счетными знаками: так называемая “таврическая” серия 1787 года из монет четырех номиналов – 20 копеек (рис. 27), 10, 5 и 2 копейки с цифровым обозначением номиналов (серебро) и молдово-валашские монеты 1771 года достоинством пара – 3 денги³ (рис. 28). На этих последних монетах три счетные точки, как, возможно, и на алтыне 1712 года, соответствовали количеству денег (полукопеек), а кроме того, в нарушение уже сложившейся практики, имея счетные знаки, они не имели цифрового обозначения номинала.

Что касается общегосударственных медных монет, то после кратковременного (с 1755-го по 1757 год) выпуска копеек 8-рублевой монетной стопы, имевших цифровое обозначение номинала (рис. 29), в течение почти 40 лет монеты 16-рублевой стопы чеканились только со словесным обозначением номинала и, разумеется, без счетных знаков.

За это время лишь дважды, в 1762 и в 1796 годах, появлялись монеты 32-рублевой монетной стопы, имевшие и цифирный номинал, и счетные знаки. В обоих случаях эти монеты изготавливались перечеканкой ранее выпущенных медных монет с удвоением их нарицательной цены. Но за предшествовавшие годы население так привыкло к старым монетам, что определяло их достоинство “на ощупь”, по их размерам и весу, и поэтому, чтобы особо обратить внимание пользователей на вдвое увеличенное достоинство новых монет, было применено двойное дублирование их номинала: вначале цифрой была обозначена его количественная составляющая, затем номинал был полностью обозначен словесно и, наконец, были проставлены счетные знаки; в первом случае это были звездочки (см. рис. 30), во втором – окантованные точки (см. рис. 31).

После воцарения Павла I, с 1797 года, на всех разменных монетах (и серебряных, и медных), количественная составляющая обозначения но-

минала была переведена на цифирь и при этом полностью отменены счетные знаки (рис. 32–37). Такие меры в отношении серебряных разменных монет полностью себя оправдали: именно с 1797 года эти монеты будут чеканиться только в подобном оформлении. А вот для медных монет отмена счетных знаков оказалась, видимо, преждевременной и вызвала определенные сложности в обращении этих монет среди низших слоев населения. Только этим можно объяснить тот факт, что после воцарения Александра I, в период с 1802-го по 1810 год, медные пятикопеечники (рис. 38), двухкопеечники и копейки опять чеканятся со счетными знаками – окантованными точками, размещенными на пятилинейном ободке.

Можно считать, что после 1810 года счетные знаки на монетах полностью себя изжили, поскольку розетки на некоторых пробных медных монетах 1916 года (рис. 43, 44), несомненно, являются лишь элементами декора этих монет, хотя число розеток в каждой из двух их групп соответствует количеству копеек, содержащихся в монете.

Введенное в 1797 году цифровое обозначение номинала медных монет младших достоинств – “1 ДЕНЬГА” и “1 ПОЛУШКА” (рис. 36, 37) по существу было чисто формальным, и от него в дальнейшем отказались. А вот цифровое выражение номинала монет этих достоинств, представленных в виде фракций копейки ($\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ копейки), осваивалось, по всем признакам, с большим трудом. Впервые монеты с таким обозначением номинала появились в 1839 году (рис. 39, 40), однако через 10 лет, в 1849 году, их опять сменили деньга (денежка) и полушка. Лишь в 1867 году был окончательно осуществлен переход на фракции копейки (рис. 41, 42).

Переход к цифровому обозначению номинала на серебряных банковых и золотых монетах происходил в процессе общего изменения оформления этих монет и в различные сроки. Так, полуполтинник стал 25-копеечником в 1827 году, а полтина – 50-копеечником в 1886 году⁴. Обозначение номинала золотых монет было переведено на цифирь в 1832 году, когда был изменен вид гербового орла, помещавшегося на

золотых и серебряных монетах, и изменено общее оформление этих монет (рис. 45, 46).

В результате всего изложенного выше складывается парадоксальное впечатление, будто бы население России (в том числе и низшие его слои) без затруднений прочитывало словесные обозначения номиналов монет, но никак не могло (или упорно не хотело?) освоить цифирь. Скорее всего, это объясняется тем, что введенный Петром I гражданский алфавит во многом имел большое сходство с церковно-славянским, тогда как буква и цифирь ничего общего имели.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. очерк “Пробные монеты 1726–1727 годов”.
2. Полный свод законов Российской империи, № 6742.
3. Пара – турецкая денежная единица, использовавшаяся в то время в Молдове и Валахии и равная $\frac{1}{40}$ куруша.
4. См. очерк “От множества названий номиналов – к системе “рубль – копейка””.

1

2

3

4

5

6

7

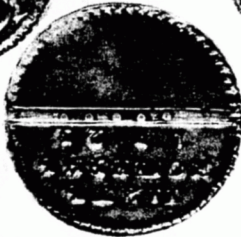
8

9

10

11

12

13

14

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

ОТ МНОЖЕСТВА НАЗВАНИЙ НОМИНАЛОВ – К СИСТЕМЕ “РУБЛЬ – КОПЕЙКА”

Возникшая в России в результате денежной реформы царя Петра Алексеевича новая монетная система неоднократно претерпевала достаточно серьезные изменения, такие, например, как смена весовой нормы монет, корректировка пробы сплавов драгоценных металлов, изменение набора номиналов чеканившихся монетных серий и другие. К числу этих изменений относится и процесс сокращения использовавшихся в российском монетном деле многочисленных названий монетных номиналов. Будучи заимствованным из старого русского денежного счета, неоправданно большое количество этих названий только затрудняло пользование монетами нового времени, а потому постепенное отмирание большинства из них было вполне закономерным.

В первой четверти XVIII века номиналы российских монет имели восемь названий исходных (рубль, полтина, гривна, алтын, грош, копейка, денга и полушка) и четыре производных (рублевик, полтинник, гривеник и алтынник). К этому же времени относится появление еще трех производных названий, обозначающих вдвое меньшее достоинство некоторых монет (полполтины, полуполтинник и полполушки). Значительно позднее появилось еще одно производное название – денежка.

С течением времени все перечисленные выше названия номиналов (кроме рубля и копейки) с самих монет исчезли, хотя некоторые из этих названий в их первоначальном или измененном виде еще долгое время использовались в устной речи и в официальных документах. Проследим, как именно осуществлялись интересующие нас изменения на протяжении XVIII и XIX веков (см. рис. 1).

Рубль – название одного из двух основополагающих номиналов российской монетной системы. Появившись на монетах царя Петра в 1704 году (рис. 2), оно и в настоящее время является названием основной денежной единицы России. А вот производное от рубля название – “рублевик” помещалось на реверсе монеты (причем пробной) только однажды – в

1710 году (рис. 3), однако это название многократно использовалось в надписях на гурте рублей массового выпуска 1718–1721 годов. Достоинство подавляющего большинства банковых монет старших номиналов исчислялось в рублях, причем количественный показатель номинала этих монет имел почти полтора десятка различных значений: от $\frac{1}{4}$ до 37. В 1895 году была предпринята попытка сменить название “рубли” на “рус”, а в 1798 году предполагалось ввести для полторарублевой монеты название “ефимок”; однако в обоих случаях дело ограничилось изготовлением пробных образцов.

Полтина из всех исчезнувших названий номинала оказалась самой долговечной. Появившись на пробной петровской монете в 1699 году (рис. 4), в массовом монетном производстве это название использовалось с 1701 года в течение 185 лет, и лишь в 1886 году последняя разновидность полтины (рис. 5) была заменена 50-копеечником. Что же касается названия “полтинник”, то оно присутствует на монетах только одного, 1707 года (рис. 6), хотя в надписях на гурте полтин массового выпуска 1718–1722 годов это название использовалось неоднократно.

Полполтины – название, встречающееся только на очень редких монетах Екатерины I 1726 года (одна из них представлена на рис. 7). В отличие от него название “полуполтинник” присутствует на монетах массового выпуска с 1701 года (рис. 8) по 1810 год. А в 1827 году не утвержденный в качестве образца для массовой чеканки пробный полуполтинник (рис. 9) был заменен 25-копеечником.

Гривна хотя и была исходным названием, но на монетах это название появилось позднее производного, да и чеканились гривны лишь в 1704, 1705 и 1709 годах (рис. 10), а также в 1726 и 1727 годах (рис. 11). А название “гривенник”, появившись в 1701 году (рис. 12), использовалось в массовом монетном производстве до 1796 года включительно и было заменено “10 копейками” при Павле I в 1797 году. Тем не менее, название “гривенник” используется в обиходе в качестве синонима десятикопеечника и до настоящего времени, а, примерно до 40-х годов XX века, двадцатикопеечник часто называли двугривенным.

Алтын, как и алтынник, использовался для обозначения номинала серебряных трехкопеечных монет с 1704-го по 1718 год (рис. 13 и 14), но уже в 1727 году была отчеканена пробная серебряная монета с названием номинала “три копейки”. После этого название “алтын”, или “алтынник”, на монетах никогда больше не появлялось, хотя медные монеты трехкопеечного номинала выпускались массовыми тиражами с 1839 года и до конца царской монетной чеканки, а примерно до 40-х годов XX века пятнадцатикопеечник в обиходе называли пятиалтынным.

Грош – такое название номинала присутствует только на нескольких пробных двухкопеечных монетах 1724 и 1727 годов (рис. 15 и 16), хотя в обиходе и даже в некоторых документах двухкопеечники называли грошами или грошевиками до конца XVIII века, а то и позднее. Однако со второй половины XIX века грошом вдруг стала не двухкопеечная, а полукопеечная монета. Причиной такого необычного превращения гроша послужили следующие события. В связи с намеченной ликвидацией национальной монетной системы, которая вначале существовала в Царстве Польском, входившем в состав Российской империи, в качестве переходной меры была выпущена особая серия монет с русским и польским обозначением номинала. Достоинство этих монет исчислялось по-разному: в рублях и польских злотых, в копейках и польских злотых и, наконец, в копейках и польских грошах. Поступление в обращение монет последней группы (одна из таких монет представлена на рис. 17) и привело к “подмене” русского гроша-двухкопеечника польским грошом, который в те годы действительно соответствовал половине русской копейки.

Копейка – название второго основополагающего номинала российской монетной системы. Появившись на медной петровской монете в 1704 году (рис. 18), оно до настоящего времени является названием $\frac{1}{100}$ части основной денежной единицы России – рубля. После ликвидации устаревших названий номиналов достоинство монет, меньших рубля, исчислялось, как правило, только в копейках, причем количественный показатель номинала таких монет имел более десятка различных значений: от $\frac{1}{4}$ до 50.

Денга и полушка – названия двух фракций копейки – появились на самых первых монетах массового выпуска царя Петра Алексеевича в 1700 году (рис. 19 и 20). Эти названия просуществовали в общей сложности около 160 лет и были окончательно заменены соответственно на “½ копейки” и “¼ копейки” в 1867 году. А первая попытка такой замены была предпринята в 1839 году, однако по прошествии десяти лет пришлось признать, что это новшество в те годы было преждевременным. В 1700 году была выпущена небольшим тиражом самая мелкая фракция копейки – “полполушки” (рис. 21), которая в дальнейшем больше не чеканилась. Необходимо отметить две особенности, присущие денге. Во-первых, в XVIII веке монета такого номинала дважды выступала не как фракция копейки, а как самостоятельная монетная единица, подобная рублю или копейке: в 1701–1704 годах чеканился серебряный пятикопеечник с названием номинала “десять денег” (рис. 22), а в 1771–1773 годах чеканились молдово-валашские монеты (рис. 23), на которых в обозначении номинала эквивалентом турецкой “пара” выступали русские “3 денги”. Вторая особенность денги касается написания ее названия: вначале писали “денга”, после 1796 года – “деньга”, а с 1849 года – “денежка”. Появление последнего названия в царствование Николая I, видимо, объясняется тем, что теперь три младшие медные монеты (рис. 24–26) выстраивались как по ранжиру: на аверсе – вензель императора, на реверсе – название номинала с одинаковым для всех монет количеством букв и с единым окончанием на “-ка”.

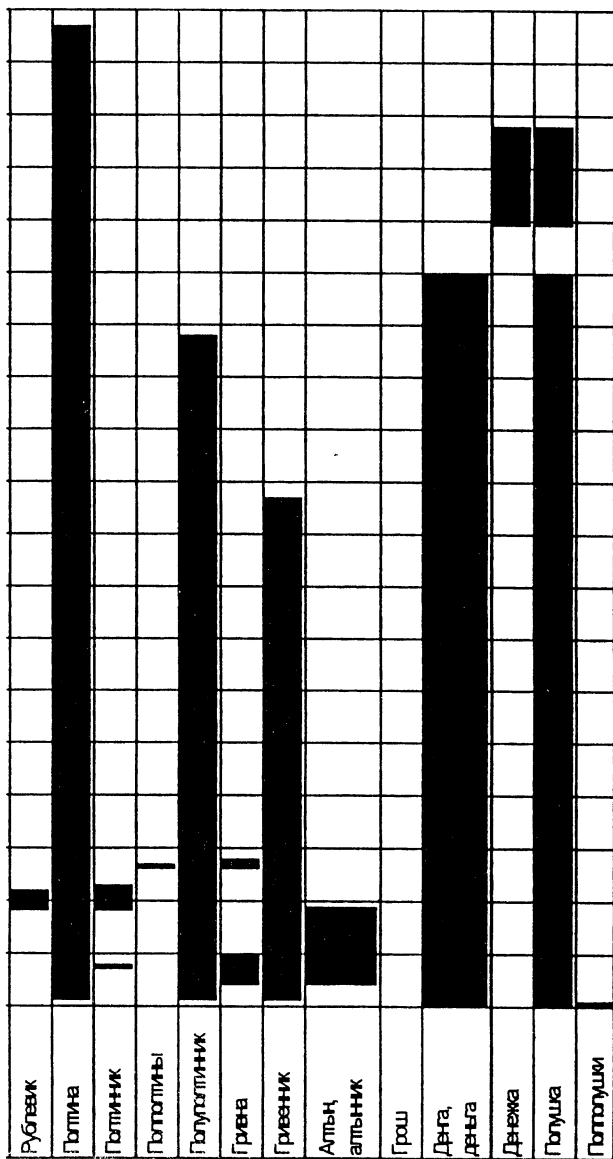
Наконец, в XVIII веке в России существовала еще одна монета, на которой номинал обозначен не был, но которая и в обиходе, и в документах того времени называлась “червонным”. Эта золотая монета чеканилась по образцу западноевропейского дуката с 1701-го по 1797 год (иногда регулярно, а чаще эпизодически) и имела достоинство примерно 2 руб. 25 коп. (рис. 27 и 28).

А в документах XIX века золотая трехрублевая монета (рис. 29 и 30) получила название “червонец”, несомненно родственное “червонному”. Видимо, именно поэтому со второй половины XIX века в нумизматической

литературе и червонные XVIII века были переименованы в червонцы.

Итак, при императоре Александре III в 1886 году исчезло последнее устаревшее название номинала – “полтина”. С этого года достоинство всех российских монет исчислялось только в рублях и копейках, а это означало, что монетная система Российской империи приобрела наконец законченную и достаточно совершенную форму. Именно поэтому совершенно непонятно, по каким соображениям в результате денежной реформы 1924 года появились монеты советского чекана с названиями номиналов, исчезнувшими еще в XVIII веке. Это серебряные монеты 1924–1927 годов с названием номинала “полтинник” (рис. 31), как на монетах 1707 года (рис. 6) и медные монеты 1925–1928 годов с названием номинала “полкопейки” (рис. 32), подобным названию 1700 года “полполушки” (рис. 21). Тем более не находит приемлемого объяснения появление в 1923 году золотой монеты РСФСР с названием номинала “червонец” (рис. 33): ведь по лигатурной массе и пробе золота эта монета в точности соответствовала золотому десятирублевику образца 1897 года, тогда как червонный XVIII века имел достоинство около 2 руб. 25 коп., а червонец XIX века – 3 рубля.

Диапазон использования устаревших названий номиналов на монетах массового выпуска

1700 1710 1720 1730 1740 1750 1760 1770 1780 1790 1800 1810 1820 1830 1840 1850 1860 1870 1880 1890

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

ПЕРЕЧЕКАНКА МОНЕТ В XVIII ВЕКЕ

В XVIII веке в русском монетном производстве получила широкое распространение перечекалка – способ изготовления монет, при котором оттиск монетных штемпелей наносился не на гладкий кружок-заготовку, а на какую-либо ранее изготовленную устаревшую или иностранную монету. Именно поэтому на лицевой или оборотной стороне монет, изготовленных перечекалкой, часто просматриваются различные изображения, цифры, буквы, а иногда и целые надписи, являющиеся инородными по отношению к этой монете.

Применение перечекалки преследовало лишь одну цель – сокращение производственных расходов, поскольку при такой переработке устаревших и иностранных монет из производственного цикла исключался ряд высокочрезвычайно затратных операций: переплавка старых монет, прокатка полос, вырубка из полос кружков-заготовок и повторная переплавка отходов, оставшихся после вырубки кружков. К тому же перечекалка предотвращала потери металла, возникавшие при переплавке старых монет и отходов (так называемый “угар”).

Еще одну операцию можно было не выполнять в случае применения перечекалки – не наносить новое оформление на гурт монет. Такое упрощение было вполне закономерно в тех, наиболее частых, случаях, когда гуртовое оформление монет, поступавших на перечекалку, совпадало с законным оформлением гурта монет нового образца. Но даже если у новых монет гуртовое оформление, оставшееся от монет старого образца, оказывалось нестандартным, оно продолжало успешно выполнять свои функции – затруднять подделку монет и исключать возможность безнаказанного опиливания или обрезания монет из драгоценных металлов. Поэтому обычно гурчение исключалось из производственного цикла либо полностью, либо для какой-то части монет.

Перечеканка могла производиться:

целенаправленно, если по каким-то причинам возникла необходимость ликвидировать определенную категорию монет, заменив их монетами нового образца;

в том случае, если на монетном дворе оказывались поступившие на переработку в качестве вторичного сырья устаревшие отечественные или иностранные монеты, пригодные (по массе, пробе сплава и диаметру) для перечеканки их в монеты текущего выпуска; такую перечеканку можно называть *вспомогательной*, дополняющей обычную чеканку на гладких заготовках;

при опробовании штемпелей, предназначенных для проведения целенаправленной перечеканки, но по каким-то причинам не утвержденных; изготовление монет в процессе такого опробования можно считать *пробной* перечеканкой.

1. Целенаправленная перечеканка

Первая целенаправленная перечеканка монет в России, начавшаяся в 1724 году и продолжавшаяся, видимо, до 1727 года, носила совершенно особый характер: перечеканивались медные копейки 1704–1718 годов новыми штемпелями в копейки же, датированные 1724 годом (рис. I-1). Цель этой перечеканки – затруднить подделку копеек фальшивомонетчиками (сенатский указ от 31 января 1724 года)¹. Для этого штемпели, которыми выполнялась перечеканка, были изготовлены более тщательно по сравнению с ранее применявшимися, а на гладкий гурт всех без исключения старых копеек, поступивших на перечеканку, была нанесена сетчатая насечка (рис. А), значительно затруднявшая подделку.

Во всех последующих случаях целенаправленная перечеканка медных монет выполнялась только при изменении их весовой нормы. Чтобы такая перечеканка была возможна, среди монет старого и вновь вводимого образца должны были находиться монеты, равные между собой по весу, а номиналы таких равновесомых монет должны были соотноситься как целые числа. В 1762 и 1796 годах, при двукратном уменьшении весовой нормы медных монет, в обычный набор их номиналов специально вво-

дились десяти- и четырехкопеечники только для того, чтобы обеспечить перчеканку пяти- и двухкопеечников старого образца.

В 1730 году именованным указом от 22 декабря² была утверждена новая, десятирублевая, стопа медных монет. В связи с этим в 1730–1735 годах производилась целенаправленная перчеканка копеек двадцатирублевой стопы 1704–1718 годов (не уничтоженных предыдущей перчеканкой) и 1724 года в денги (полукопеечники), а также перчеканка копеек сорокарублевой стопы 1728–1729 годов в полушки (рис. 1-2). На гладкий гурт всех поступивших на перчеканку копеек 1704–1718 годов (за редким исключением) была нанесена сетчатая насечка (рис. А); копейки 1724 года такую насечку на гурте уже имели. Что же касается копеек 1728–1729 годов, то некоторые из них при перчеканке не перегурчивались. Поэтому иногда полушки образца 1730 года вместо стандартной шнуровидной насечки (рис. Б) имеют на гурте узор (рис. В), бывший принадлежностью копеек 1728–1729 годов. В ряде случаев перегурчивание копеек 1728–1729 годов было выполнено недоброкачественно: под шнуровидной насечкой на гурте полушек, изготовленных перчеканкой, часто просматривается гуртовой узор копеек, а иногда гурт полушек как бы состоит из двух частей: на одной из них находится насечка, а на другой – узор. Не все денги и полушки в 1730–1735 годах перчеканивались из копеек, часть их чеканились на гладких заготовках, а с 1736-го по 1754 год они изготавливались только обычной чеканкой.

В 1755 году, после долгих поисков, была найдена возможность ликвидировать пятаки 1723–1730 годов без нанесения тяжелого ущерба казне. Для этого предстояло выкупить у населения пятаки, покупательная способность которых была постепенно снижена до 2 копеек, и перчеканить их в копейки (именной указ от 18 августа 1755 года)³. Перед началом перчеканки Петербургский, московский Красный и Екатеринбургский монетные дворы изготовили довольно значительное количество копеек нового образца обычной чеканкой на гладких заготовках – эти копейки (“выкупная партия”) предназначались для начальной стадии выкупа у населения пятаков, подлежащих перчеканке; в дальнейшем за

пятаки при их выкупе платили копейками, изготовленными перечеканкой ранее выкупленных пятак. Чеканка копеек на гладких заготовках производилась и позднее, главным образом на Екатеринбургском монетном дворе.

Перечеканка пятак в копейки (рис. 1–3) началась во второй половине 1755 года и продолжалась до апреля 1757 года. Гуртовое оформление копеек 1755–1757 годов весьма разнообразно. Это либо сетчатая насечка (рис. А), либо гуртовая надпись одного из трех видов: “С. ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА”, МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА” и “ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ДВОРА”. Копейки с любой гуртовой надписью обычно имеют кружок стандартных размеров и не несут на себе следов пятака. В отличие от них, копейки с кружком уменьшенной толщины и увеличенного диаметра, часто имеющие остаточные следы изображений и надписей, присущих пятакам 1723–1730 годов, имеют на гурте сетчатую насечку. Такая четкая градация позволяет считать, что весь объем перечеканки пятак 1723–1730 годов в копейки 1755–1757 годов был выполнен без перегурчивания, поскольку сетчатая насечка была стандартным оформлением гурта пятак. А копейки, чеканившиеся на гладких заготовках, снабжались гуртовой надписью, содержание которой соответствовало месту, где была отчеканена монета.

В 1757 году именным указом от 8 апреля 1757 года ⁴ для медной монеты опять была изменена монетная стопа с 8 рублей из пуда меди на 16 рублей из пуда. Стандартным гуртовым оформлением для новых монет 5-, 2- и 1-копеечного номинала была выбрана сетчатая насечка (рис. А), а для денег и полушек – рубчатая насечка (рис. Г). Изготовление двухкопеечников нового образца в значительной мере производилось перечеканкой копеек 1755–1757 годов (рис. 1–4), причем Петербургский и московский Красный монетные дворы производили при перечеканке перегурчивание, снабжая двухкопеечники стандартной сетчатой гуртовой насечкой, а Екатеринбургский двор выполнял перечеканку без перегурчивания, да к тому же и при обычной чеканке двухкопеечни-

ков на гладких заготовках, видимо, продолжал использовать гуртильный инструмент, ранее применявшийся для гурчения копеек образца 1755–1757 годов (с надписью “ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ДВОРА”). Это привело к тому, что двухкопеечники 1757–1762 годов получили три вида оформления гурта: стандартную насечку (рис. 1), надпись “ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ДВОРА” и надпись “МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА” (надпись “С. ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА” на двухкопеечниках практически не встречается ввиду значительной редкости копеек с такой надписью). Перечеканка привела также к появлению курьезной “двойной” датировки двухкопеечников 1757–1760 годов: кроме их собственной даты, на них зачастую (и очень отчетливо) просматривается дата, принадлежавшая копейкам 1755, 1756 или 1757 годов и не уничтоженная оттиском нового штемпеля.

17 января 1762 года был подписан именной указ Петр III⁵ о введении для медной монеты стопы в 32 рубля из пуда меди, то есть об удвоении номинала всех монет образца 1757 года. Изготавливались новые монеты в 1762 году главным образом перечеканкой монет Елизаветы Петровны, хотя сначала было изготовлено некоторое их количество (“выкупная партия”) обычной чеканкой на гладких заготовках. В качестве стандартного гуртового оформления новых монет была выбрана все та же сетчатая насечка (рис. А), а перечеканка пятаков, двухкопеечников, копеек и денег Елизаветы Петровны соответственно в десяти-, четырех-, двухкопеечники и копейки Петра III (рис. 1–5) производилась без перегурчивания. В результате гурт новых десяти- и двухкопеечников оказался оформленным в полном соответствии со стандартным, а монеты остальных номиналов получили по несколько вариантов гуртового оформления: четырехкопеечники – стандартную сетчатую насечку, надпись “ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ДВОРА” и надпись “МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА”, а копейка – стандартную сетчатую насечку (рис. А) и рубчатую насечку денги Елизаветы Петровны (рис. Г).

Сенатским указом от 27 января 1763 года⁶ была прекращена перечеканка медных монет Елизаветы Петровны в монеты 32-рублевой стопы, а

изготовленные этой перечекалкой десяти-, четырех- и двухкопеечники подлежали перечекалке соответственно в пяти-, двухкопеечники и копейки (рис. 1–6), поскольку для медных монет Екатерины II вновь вводилась 16-рублевая стопа. Перечекалка монет Петра III производилась без их перегурчивания, в результате чего некоторое количество двухкопеечников нового образца опять оказалось с гуртовой надписью копеек 1755–1757 годов. Установить содержание гуртовой надписи на этих двухкопеечниках в большинстве случаев уже невозможно – слишком долго их кружки были в обращении.

16-рублевая стопа медных монет Екатерины II сохранялась до 1796 года, когда на основании утвержденного доклада князя Зубова от 8 мая 1796 года⁷ была установлена, как и в 1762 году, 32-рублевая стопа и начата перечекалка пяти-, двухкопеечников, копеек, денег и полушек образца 1763 года соответственно в десяти-, четырех-, двухкопеечники, копейки и деньги нового образца (рис. 1–7); пятаки и полушки этой серии чеканились на гладких заготовках. Перед началом перечекалки было отчеканено на гладких заготовках некоторое количество монет нового образца всех номиналов (“выкупная серия”) – они предназначались для выкупа у населения старых монет, подлежавших перечекалке. Стандартным оформлением гурта всех монет серии 1796 года являлась шнуровидная насечка (рис. Б), однако перечекалка старых монет проводилась без перегурчивания. В результате появляется большое разнообразие в гуртовом оформлении новых монет. Так, шнуровидную насечку имеют все монеты “выкупной” серии а также десятикопеечники, копейки и деньги, изготовленные перечекалкой пятаков, денег и полушек Сузунского и Таврического монетных дворов. Сетчатую насечку (рис. А) имеют десяти-, четырех- и двухкопеечники, изготовленные перечекалкой пятаков, двухкопеечников и копеек старого образца всех монетных дворов, кроме Сузунского. Наконец, рубчатую насечку (рис. Г) имеют деньги, изготовленные перечекалкой полушек Екатеринбургского двора, а четырехкопеечники изредка встречаются со следами гуртовой надписи копеек 1755–1757 годов. (Здесь не учитывается ничтожно малая вероятность перечекалки в

1796 году некоторых чрезвычайно редких монет образца 1763 года, имевших на гурте шнуровидную насечку.)

В том же 1796 году, после смерти Екатерины II, все монеты 32-рублевой стопы, не успев попасть в обращение, согласно указу Павла I от 10 декабря 1796 года⁸ были “арестованы” на монетных дворах, а затем уничтожены: десяти- и четырехкопеечники – перечеканкой, монеты остальных номиналов – переплавкой. Известные в настоящее время монеты 1796 года нового образца сохранились только благодаря тому, что случайно избежали уничтожения. Перечеканка десяти- и четырехкопеечников 1796 года соответственно в пятаки и двухкопеечники (рис. 1-8), получившая специальное название “павловский перчекан”, имела уникальную особенность: монеты вместе с возвращением в прежнее достоинство приобретали прежнее оформление с вензелем Екатерины II и даже фиктивно датировались годами правления этой императрицы. Столь необычный подход к перчеканке был, тем не менее, вполне обоснованным. Во-первых, правительство Павла I совершенно справедливо оценило проект князя Зубова как финансовую аферу и приняло необходимые меры для ликвидации медных монет нового образца. Во-вторых, применив для уничтожения десяти- и четырехкопеечников 1796 года перчеканку с ее несомненными экономическими выгодами, правительству удалось сэкономить немалые средства при минимальных потерях, поскольку десяти- и четырехкопеечники, направлявшиеся на перчеканку, по суммарному весу металла многократно превосходили монеты остальных номиналов, поступавшие на переплавку. В-третьих, при Павле I прекратилась чеканка медных пятикопеечников (поскольку с 1797 года был начат выпуск серебряных монет этого номинала), тогда как в обращении, в числе других монет старого образца, продолжало находиться огромное количество медных пятаков Екатерины II, не успевших попасть в перчеканку по проекту князя Зубова; значит, если десятикопеечники 1796 года и можно было перчеканить, то только в пятаки Екатерины II. Наконец, четырехкопеечники 1796 года, в принципе, можно было перчеканить в двухкопеечники Павла I, но как раз начиная с монет нового цар-

ствования в русском монетном производстве было полностью прекращено применение перечеканки. Дело в том, что перечеканка неизбежно приводила к резкому ухудшению внешнего вида монет, и при Павле I, как при Петре I (см. очерк “Чеканка российских монет в печатном кольце в XVIII веке”), соображения государственного престижа оказались важнее экономической выгоды. Именно поэтому, чтобы сохранить одинаково престижный внешний вид всех монет нового царствования, и было решено перечеканить четырехкопеечники 1796 года в двухкопеечники царствования минувшего, при котором перечеканка применялась в широких масштабах и без учета ее негативных последствий; соображения престижности были, несомненно, учтены и при решении вопроса о перечеканке десятикопеечников 1796 года. Остается только напомнить, что монеты Екатерины II, чеканившиеся до 1796 года, монеты “павловского перечекана” и монеты Павла I имели одну и ту же норму (16 рублей из пуда меди), а потому вполне могли находиться в обращении одновременно, хотя бы в первые годы нового царствования. Таким образом, уникальный “павловский перечекан”, обычно считавшийся одной из причуд Павла I, в действительности явился результатом вполне рационального подхода к решению ряда финансовых, экономических, политических и технических задач.

Выполнялся “павловский перечекан” как подлинными штемпелями монет Екатерины II, так и специально изготовленными штемпелями (последними оттиснуты монеты, представленные на рис. I–8: орел на аверсе пятака имеет особый рисунок, а буквы обозначения Екатеринбургского монетного двора на аверсе двухкопеечника расположены по сторонам коня, а не под конем, как на обычных монетах).

В настоящее время довольно трудно определить, как в процессе “павловского перечекана” выполнялось гурчение, поскольку монеты, изготовленные этой перечеканкой, имеют не только стандартную для них сетчатую насечку (рис. А). Так, на гурте пятаков, помеченных знаками Екатеринбургского (“ЕМ”) и Аннинского (“АМ”) монетных дворов, встречается шнуровидная насечка (рис. Б), которая на этих монетных

дворах не применялась, а на гурте некоторых двухкопеечников видны следы гуртовой надписи копеек 1755–1757 годов. Это свидетельствует о том, что в данных случаях перегурчивание при “павловском перечекане” не выполнялось, однако монеты с нестандартным гуртовым оформлением не являются производственным браком – их слишком много. В то же время хорошо известны пятаки “павловского перечекана” с явными следами перегурчивания, хотя и выполненного недоброкачественно: на их гурте под вновь нанесенной сетчатой насечкой отчетливо просматривается старая шнуровидная. Более того, иногда гурт пятаков как бы состоит из двух частей: на одной помещена сетчатая насечка, а на другой – шнуровидная. О выполнении перегурчивания при “павловском перечекане” четырехкопеечников 1796 года, имевших шнуровидную гуртовую насечку, свидетельствует полное отсутствие двухкопеечников “павловского перечекана” с этой насечкой. Такие взаимоисключающие особенности гуртового оформления монет “павловского перечекана” могут быть предположительно объяснены так:

а) перегурчиванию с нанесением стандартной сетчатой насечки были подвергнуты при перечеканке все десяти- и четырехкопеечники “выкупной серии” 1796 года, изготовленные обычной чеканкой на гладких заготовках и имевшие шнуровидную насечку, стандартную для монет 1796 года нового образца; при этом имелись случаи недоброкачественного перегурчивания десятикопеечников;

б) все десяти- и четырехкопеечники 1796 года, изготовленные перечеканкой пятаков и двухкопеечников образца 1763 года, при “павловском перечекане” не перегурчивались; в результате среди пятаков “павловского перечекана” оказались монеты как со шнуровидной насечкой, оставшейся от пятаков образца 1763 года Сузунского и Таврического монетных дворов, так и монеты с сетчатой насечкой пятаков образца 1763 года всех остальных монетных дворов; а среди двухкопеечников “павловского перечекана” оказались монеты с оформлением гурта, характерным для всех двухкопеечников образца 1763 года – с сетчатой насечкой и остатками гуртовой надписи копеек 1755–1757 годов.

Серебряные рубли и полтины перечеканивались целенаправленно только однажды.

После дворцового переворота в ноябре 1741 года на престол была возведена Елизавета Петровна. Кратковременное малолетнего императора Иоанна III (Ивана Антоновича) было объявлено незаконным, сам он был заключен в крепость, а монеты с его изображением и именем подлежали изъятию из обращения и уничтожению. На протяжении четырех лет, с 1741-го по 1744 год, было издано четыре правительственных указа⁹, которые обязывали население сдавать такие монеты в казну, а сенатским указом от 27 февраля 1743 года¹⁰ была предусмотрена перечеканка рублей и полтин с портретом “принца Иоанна” в рубли и полтины Елизаветы Петровны. Фактически же такая перечеканка (рис. 1–9) была начата сразу после переворота, что обеспечивало одновременно и ускорение выпуска монет с портретом новой правительницы. Выполняли перечеканку Петербургский и московский Красный монетные дворы.

Рубли и полтины Ивана Антоновича и Елизаветы Петровны имели одно и то же стандартное гуртовое оформление: на монетах Петербургского двора (знак на аверсе “СПБ”) – гуртовая надпись “С. ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА”, на монетах Красного двора (знак на аверсе “ММД”) – гуртовая надпись “МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА”. Но на некоторых рублях Елизаветы Петровны, изготовленных перечеканкой из рублей Ивана Антоновича, гуртовое оформление противоречит знаку монетного двора на аверсе: на рублях со знаком “СПБ” встречается гуртовая надпись “МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА”, а на рублях со знаком “ММД” – гуртовая надпись “С. ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА”. Рубли с такой аномалией, несомненно, являются производственным браком, появившимся в ходе перегурчивания рублей Ивана Антоновича, когда отдельные экземпляры этих рублей случайно не попадали на гуртильный станок. Дело в том, что на рублях Елизаветы Петровны “ММД”, изготовленных перечеканкой и имеющих соответствующую гуртовую надпись (“МОСКОВСКОГО МО-

НЕТНОГО ДВОРА”), зачастую отчетливо просматриваются следы от первоначально имевшегося знака “СПБ”; такие же остаточные следы от знака “ММД” иногда (хотя и значительно реже) просматриваются и на перечеканных рублях “СПБ” с гуртовой надписью “С. ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА”. Следовательно, на обоих монетных дворах в ходе перечеканки рублей Ивана Антоновича производилось и их перегурчивание, скорее всего – только рублей, изготовленных на “чужом” монетном дворе. Именно поэтому при перечеканке на Петербургском дворе не перегурчивались очень редкие рубли Ивана Антоновича “СПБ” с гуртовым узором рублей Анны Иоанновны (рис. Д), в результате чего появились еще более редкие рубли Елизаветы Петровны “СПБ” с таким же, необычным для них, оформлением гурта.

Что же касается перечеканки полтин Ивана Антоновича, то до настоящего времени не обнаружено ни одного экземпляра полтины Елизаветы Петровны с нестандартным (сетчатым) гуртом или с гуртовой надписью, не соответствующей обозначению монетного двора на аверсе.

Незначительный объем целенаправленной перечеканки монет из драгоценных металлов объясняется прежде всего тем, что перечеканку нельзя было применять в случаях изменения весовой нормы этих монет. В XVIII веке такие изменения либо были невелики и не обеспечивали простого соотношения номиналов исходных и полученных перечеканкой монет, либо сопровождалась изменением пробы сплава, а это требовало обязательной переплавки старых монет, если они использовались для изготовления новых.

II. Вспомогательная перечеканка

Практиковавшееся в начале XVIII века изготовление русских серебряных монет путем перечеканки монет западноевропейских было обусловлено одним из основных положений денежной реформы Петра I: по лигатурному весу и пробе серебра российский рубль (в его первоначальном виде) полностью соответствовал западноевропейскому талеру. В результате некоторая часть рублей и полтин 1704–1705 годов была изготовлена перечеканкой талеров и полталеров (рис. II-1). Гуртовое

оформление иностранных монет при перечеканке обычно уничтожалось, однако известны отдельные экземпляры рублей 1704–1705 годов со следами гуртовой надписи, принадлежавшей талеру (рис. Ж).

К вспомогательной перечеканке относится и перечеканка золотых и серебряных монет Петра III в соответствующие по номиналу монеты Екатерины II (рис. II-2). В отличие от перечеканки монет Ивана Антоновича, целью этой перечеканки было лишь утилитарное использование монет предыдущего царствования для ускорения выпуска монет нового образца в первые месяцы правления Екатерины II. Монеты Екатерины II, изготовленные перечеканкой, имеют на гурте только стандартную для них шнуровидную насечку (рис. Б), хотя часть рублей и полтин Петра III была снабжена гуртовой надписью. Следовательно, и Петербургский, и московский Красный монетные дворы либо производили при перечеканке перегурчивание монет с гуртовой надписью, либо отбирали для перечеканки монеты с гуртовой насечкой, не нуждавшейся в перегурчивании. Золотые десяти- и пятирублевки Петра III в перегурчивании при перечеканке не нуждались, поскольку, подобно монетам Екатерины II, имели на гурте только шнуровидную насечку.

В 1795 году на Красном монетном дворе была перечеканена в общегосударственную монету партия бронзовых молдово-валашских монет, оставшихся в России после присоединения Молдовы и Валахии к Турции (рис. II-3). На первый взгляд такая перечеканка не отвечала основному требованию – равенству массы монеты, получаемой в результате перечеканки. Действительно, согласно “Привилегии”, выданной П. Гартенбергу на чеканку молдово-валашской монеты¹¹, масса монеты 2 пара – 3 копейки должна была равняться 22,8 г, тогда как нормативная масса общегосударственного двухкопеечника, который изготавливался перечеканкой указанной выше монеты, составляет 20,4 г; аналогичное расхождение в значении массы имели пара – 3 денги и общегосударственная копейка. Однако на практике такое несоответствие не возникало, поскольку на Садогурском частном монетном дворе систематически занижалась весовая норма, установленная для молдово-валашских монет. Перече-

канка 1795 года проводилась без перегурчивания, в результате чего изготовленные перчеканкой двухкопеечники и копейки этого года с обозначением Красного монетного двора (“ММ”) оказались с гуртовым узором молдово-валашских монет (рис. Е).

В заключение остается отметить, что в процессе изготовления двухкопеечников 1757–1762 годов, четырехкопеечников 1762 года и двухкопеечников 1763–1795 годов широко применялась вспомогательная перчеканка пятикопеечников 1723–1730 годов, уцелевших от предыдущих перчеканок всех видов. Точно так же при изготовлении четырехкопеечников 1762 года и двухкопеечников образца 1763 года применялась вспомогательная перчеканка копеек 1755–1757 годов, а при изготовлении четырехкопеечников 1796 года – вспомогательная перчеканка копеек 1755–1757 годов, двухкопеечников образца 1757 года и четырехкопеечников 1762 года. Во всех этих случаях (рис. II-4) перегурчивание при перчеканке не выполнялось.

III. Пробная перчеканка

При пробной перчеканке оттиски штемпелей не всегда наносились на ранее отчеканенные монеты – иногда для этого использовались и гладкие заготовки, но сущность изготовленных пробной перчеканкой монет от этого не менялась.

Гуртовое оформление для монет пробной перчеканки большого значения не имело: оно могло наноситься заново, могло сохраняться от перчеканенной исходной монеты, а могло и вообще отсутствовать (при наличии гладкого гурта на исходной монете или на гладкой заготовке). Зачастую разные экземпляры одной и той же монеты при пробной чеканке имеют различный гурт – оформленный и неоформленный или оформленный по-разному.

Рассмотрим причины появления монет пробной чеканки.

Перчеканка копеек 1704–1718 годов (рис. III-1). Копейка 1724 года – неутвержденный вариант внешнего оформления монеты этого образца (утвержденный вариант см. на рис. I-1). Копейка 1726 года – проба нескольких пар штемпелей, предназначавшихся для продолжения перечеканки.

канки петровских копеек, начатой в 1724 году, но почему-то не использованных в массовом производстве (весь объем перчеканки петровских копеек в 1724–1727 годах был выполнен штемпелями, датированными только в 1724 году). Грош 1724 года – первая попытка перчеканки копеек двадцатирублевой стопы в монеты сорокарублевой стопы. Такую же попытку представляют собой две разновидности гроша и двухкопеечник 1727 года.

Перчеканка пятаков 1723–1730 годов (1-й этап – рис. III-2). Монеты 1-го этапа являются иллюстрациями к неосуществленным проектам ликвидации пятаков 1723–1730 годов путем их перчеканки в копейки, двухкопеечники и пятаки.

Перчеканка пятаков 1723–1730 годов (2-й этап – рис. III-3). Монеты 2-го этапа являются неутвержденными вариантами внешнего оформления копейки, которая на основании именного указа от 18 августа 1755 года ¹² должна была изготавливаться перчеканкой пятаков 1723–1730 годов (утвержденный вариант внешнего оформления копейки см. на рис. I-3).

Перчеканка медных монет образца 1757 года в монеты 32-рублевой стопы (рис. III-4). Двухкопеечник и копейка 1760 года – иллюстрации к проекту П. Шувалова ¹³, предусматривавшему такую перчеканку и осуществленному в 1762 году. Денга 1762 года – проба нескольких пар штемпелей, предназначавшихся для перчеканки полушек образца 1757 года; в массовом производстве штемпели не использовались, скорее всего ввиду нерентабельности перчеканки монет низшего номинала.

Перчеканка медных двухкопеечников образца 1810 года (24 рублевой стопы) в трехкопеечники 36-рублевой стопы (рис. III-Б). После проведения “павловского перчекана” ни один вид массовой санкционированной перчеканки в России больше не выполнялся, хотя на отдельных экземплярах медных монет изредка обнаруживаются следы самодельной перчеканки. Тем не менее, в 1827 году в докладе российского министра финансов Е.Ф. Канкрин (о чеканке медных монет по новой весовой норме – 36 рублей из пуда меди) ¹⁴ содержалось предложение изготавли-

вать трехкопеечники нового образца перечекалкой двухкопеечников прежней 24-рублевой стопы; к докладу был приложен пробный трехкопеечник, штампея которого должны были использоваться для целенаправленной чеканки двухкопеечников. Это предложение не только не было реализовано, но повлекло за собой исключение монеты трехкопеечного достоинства из набора номиналов монет 36-рублевой стопы.

В заключение назовем основные признаки, по которым можно отличить монеты, изготовленные целенаправленной или вспомогательной перечекалкой, от монет, изготовленных обычной чеканкой:

1. Остатки изображений и надписей, принадлежавших исходной монете.
2. Увеличенный диаметр и уменьшенная толщина монеты.
3. Особые признаки (специфический рисунок орла на пятаках “павловского перечекана”; сетчатый гурт на копейках 1755–1757 годов).
4. Нестандартное гуртовое оформление монеты, а также остатки гуртового оформления, принадлежавшего исходной монете.

И еще одно необычное явление, связанное с перечекалкой: это существование копеек образца 1704 года с сетчатой насечкой (рис. А) вместо гладкого гурта и копеек образца 1728 года со шнуровидной насечкой (рис. Б) вместо гуртового узора (рис. В). Согласно предположению, высказанному в 1987 году Р. Зандером и А. Берглундом¹⁵ и подтвержденному позднее В. Калинином, гуртовая насечка была нанесена на эти монеты перед их перечекалкой: первых – в копейки 1724 года или в денги (полукопеечники) образца 1730 года, вторых – в полушки образца 1730 года. Однако на перечекалку они так и не поступили вследствие того, что из-за неисправности гуртильного станка были сильно деформированы.

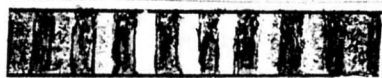
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ), № 4448.
2. ПСЗ, № 5657.
3. ПСЗ, № 10447.
4. ПСЗ, № 10717.

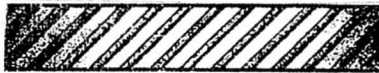
5. ПСЗ, № 11407.
6. ПСЗ, № 11741.
7. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1894. Т. I. С. 298.
8. Там же. С. 326–327.
9. ПСЗ, №№ 8494, 8690, 8712, 9093.
10. ПСЗ, № 8712.
11. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1894. Т. I. С. 160–161.
12. ПСЗ, № 10447.
13. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Елизаветы I. СПб., 1896. Т. I. С. 232–245.
14. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Николая I. СПб., 1890. С. 13–18.
15. *Zander R.* 1712 or 1724? // *Journal of the Russian Numismatic Society.* 1987. № 26. P. 42.

А

Г

Б

Д

В

Е

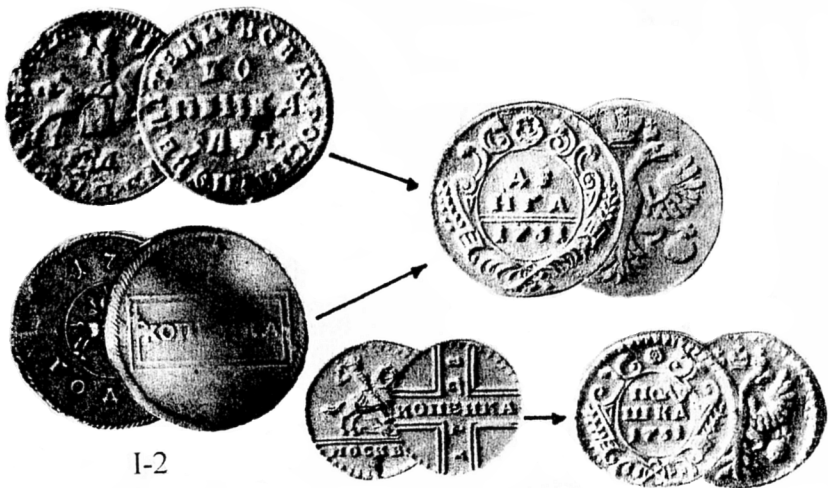

Ж

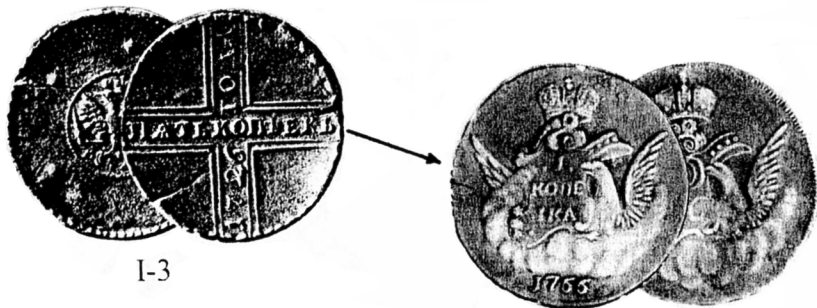

И-1

I-2

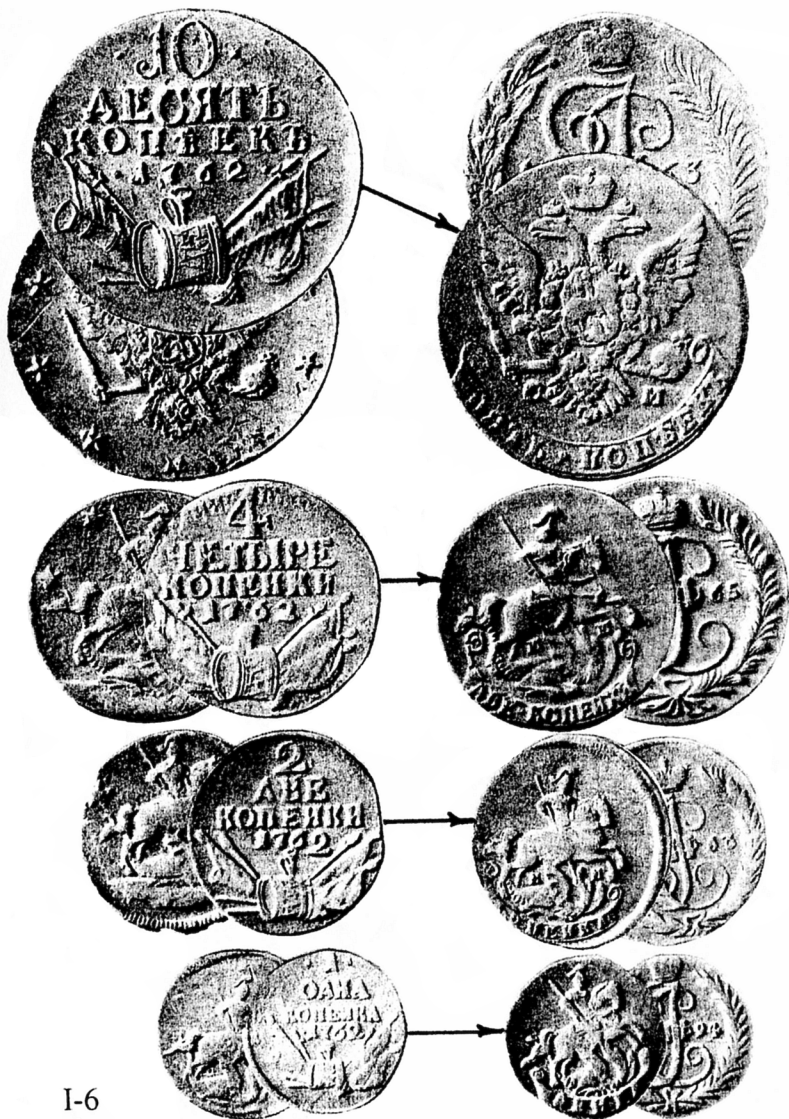
I-3

I-4

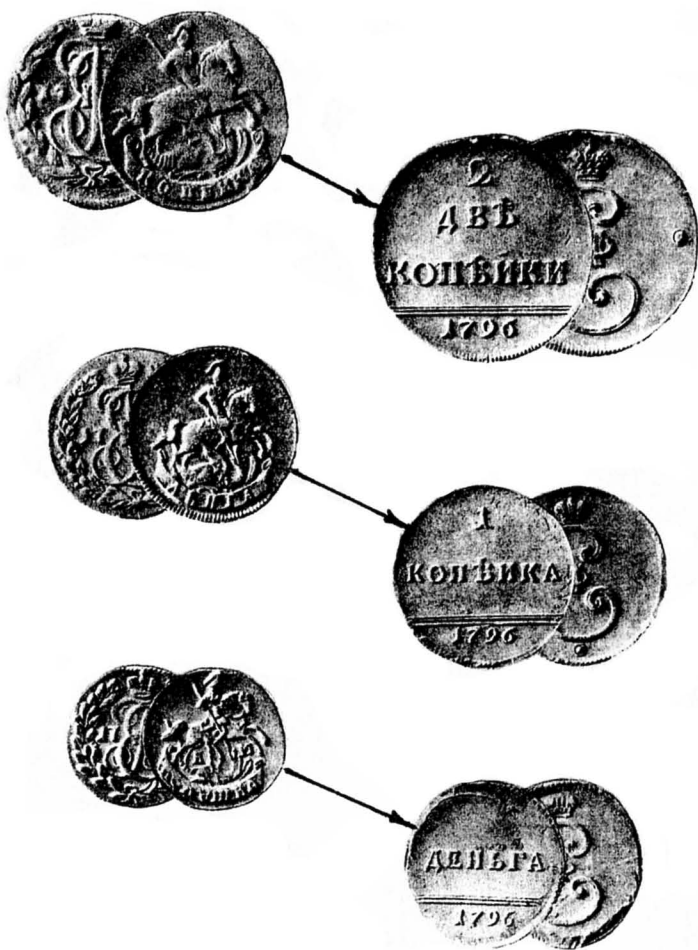
1-5

I-6

1-7 (начало)

I-7 (окончание)

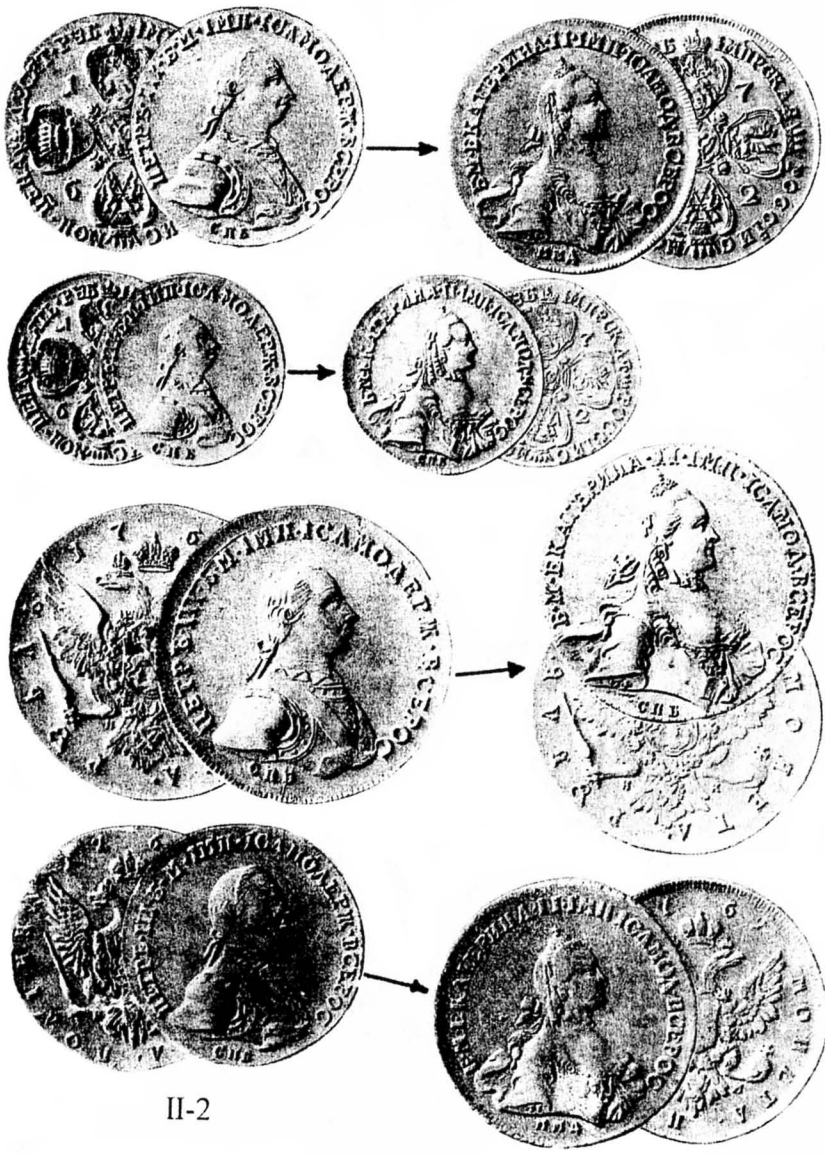
I-8
“павловский перечекан”

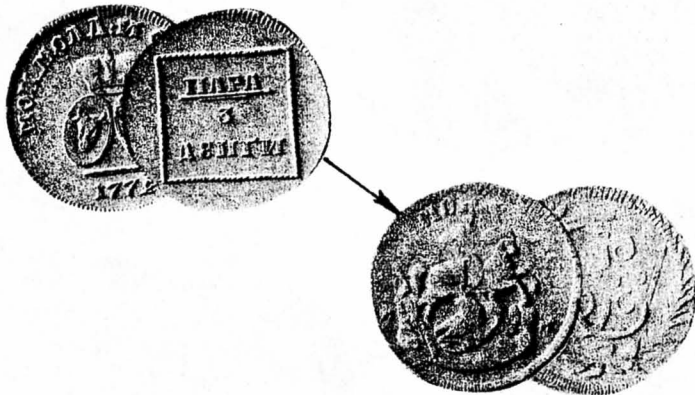
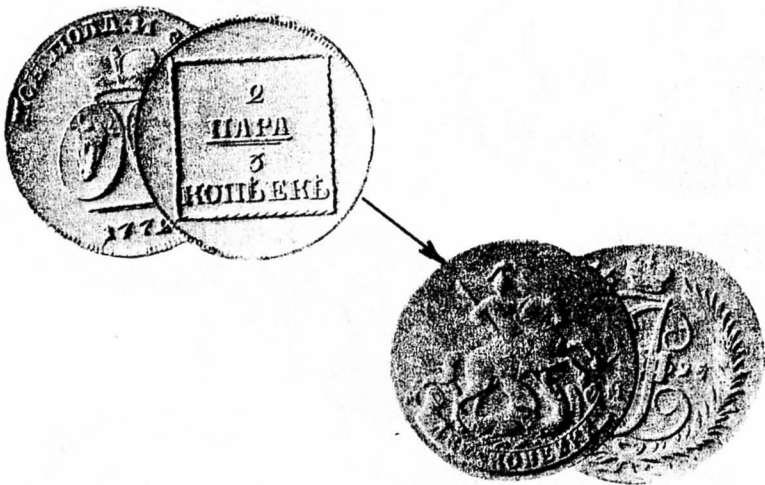
I-9

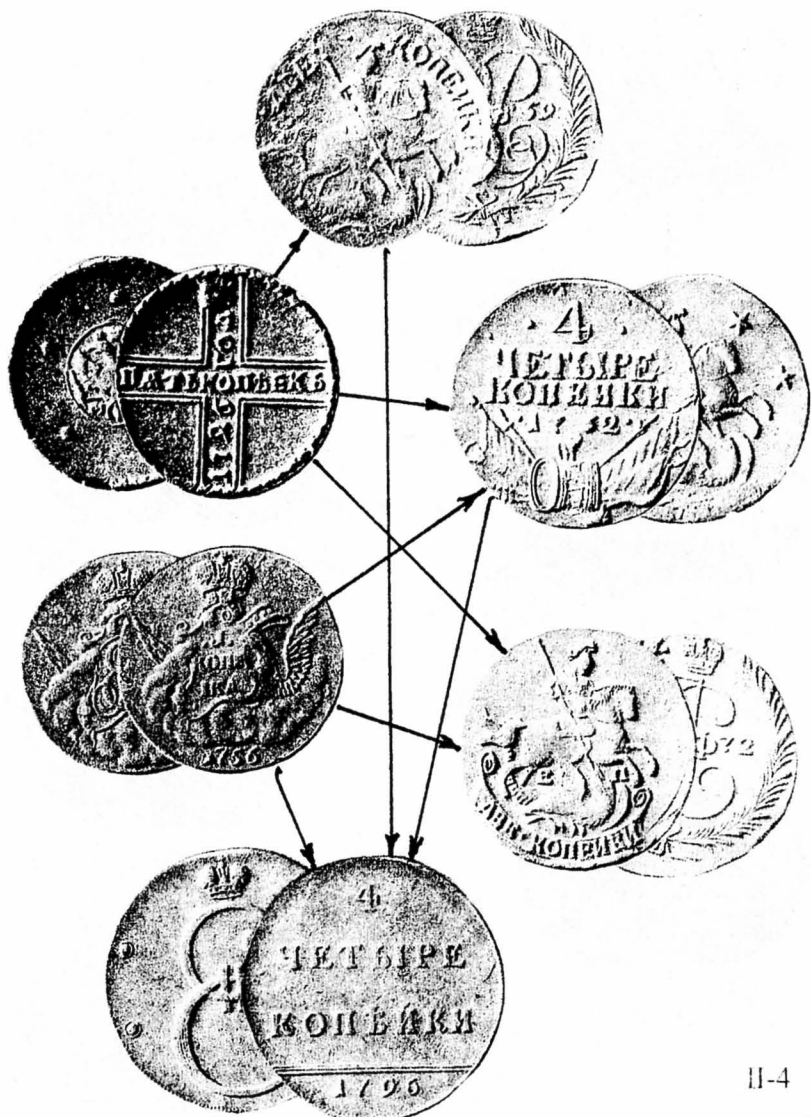
II-

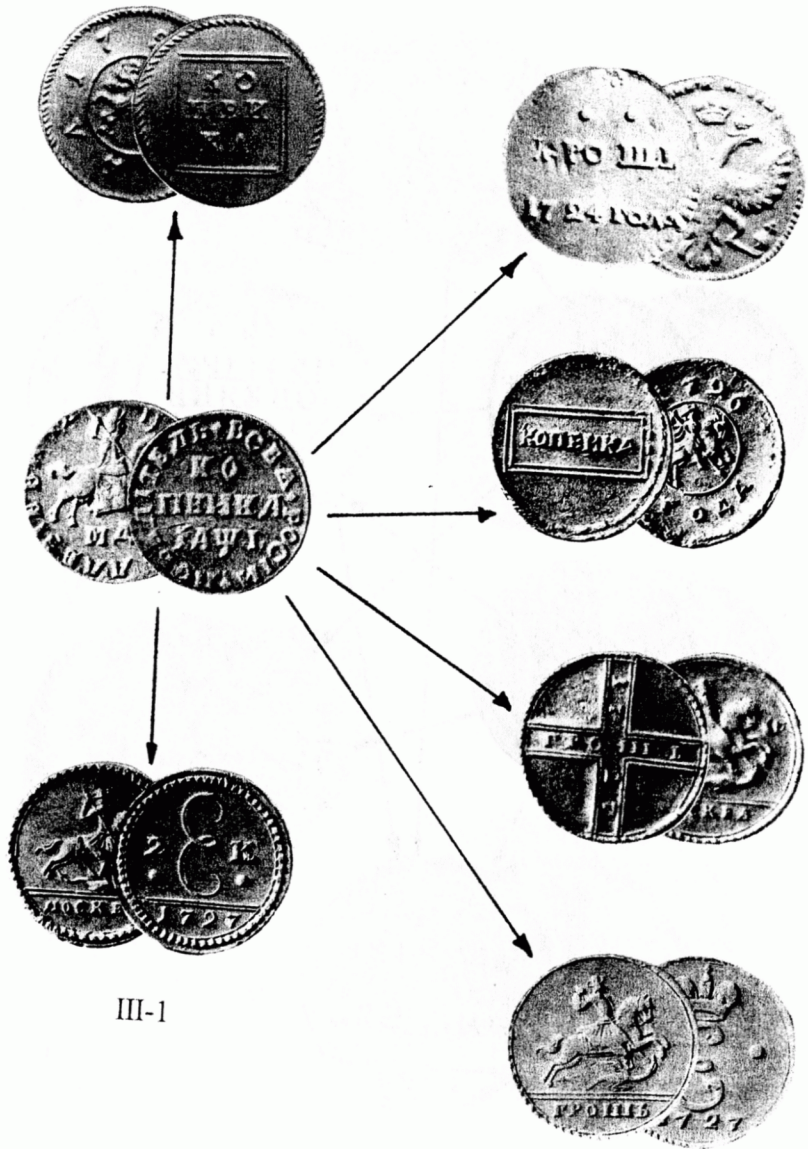
II-2

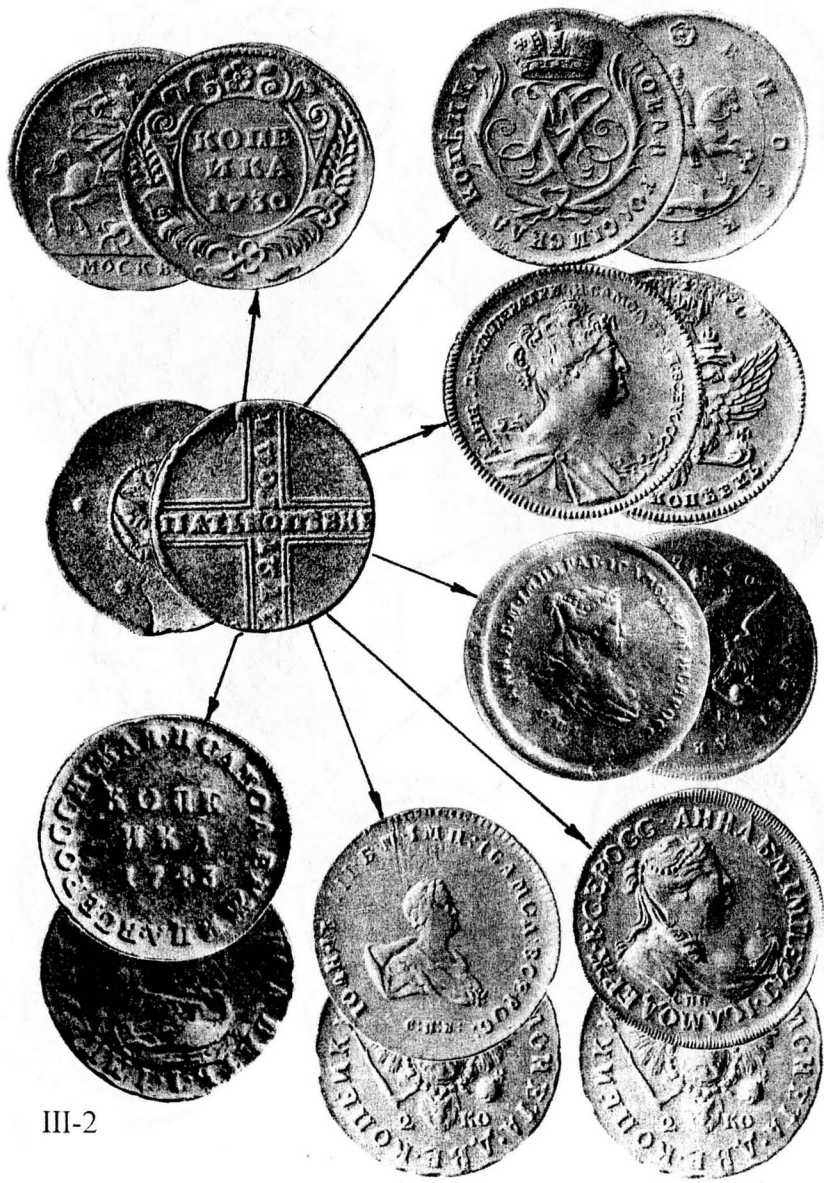
II-3

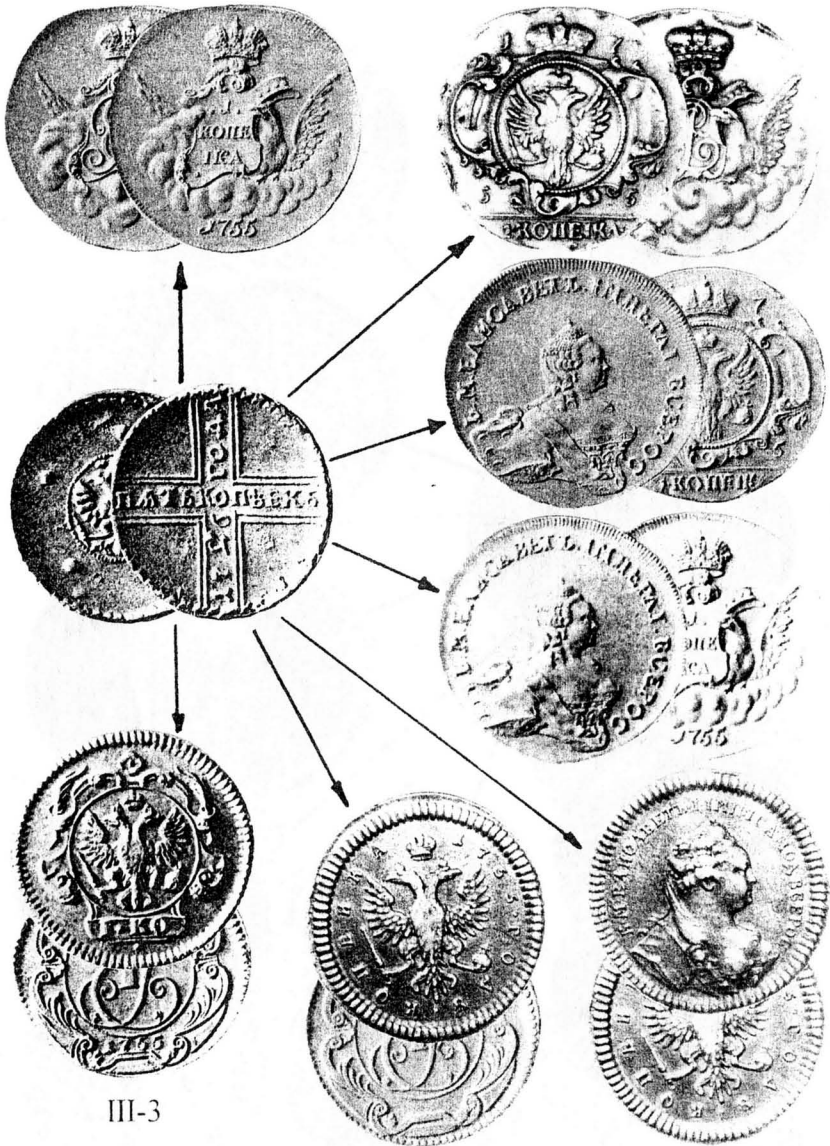
II-4

III-1

III-2

III-3

III-4

III-5

МОНЕТЫ ПЕРЕХОДНЫХ ПЕРИОДОВ (В ГОДЫ СМЕНЫ ЦАРСТВОВАНИЙ)

При вступлении на престол нового императора или императрицы российские монеты, чеканившиеся в это время, нередко приобретали ряд характерных особенностей. Иногда они несли на себе отдельные признаки монет устаревшего образца, иногда отражали какое-либо предшествующее событие, а иногда на протяжении некоторого времени вообще выпускались монеты с портретом, именем или вензелем уже скончавшегося правителя. Так, например, рубли и полтины Петра I чеканились в 1725 году в течение нескольких месяцев после его кончины; точно так же обстояло дело с чеканкой в 1727 году рублей и полтин Екатерины I, с чеканкой в 1740 году рублей и полтин Анны Иоанновны, а медные монеты с вензелем Елизаветы Петровны, скончавшейся в 1761 году, выпускались даже в 1762 году с соответствующей датировкой (о чем будет сказано ниже).

К “переходным” монетам с полным основанием может быть отнесен рубль Екатерины I 1725 года, известный среди коллекционеров как “траурный” (рис. 1). Вопреки сложившемуся мнению, портрет императрицы на этой монете не несет никакой особой смысловой нагрузки: согласно результатам последних исследований А. В. Храменкова, его появление на монетах массового выпуска объясняется лишь отсутствием в то время обязательной процедуры утверждения монет нового образца, разрабатываемых при смене царствования. Портрет Екатерины I без царских регалий, “сочиненный” гравером, изготовившим штемпель, был помещен на аверсе рублевиков, которые начали чеканить без ведома Сената и без одобрения императрицы. А спустя некоторое время этот портрет был решительно забракован и заменен другим – со всеми регалиями. Что же касается уже выпущенных рублевиков с неприемлемым портретом, то было даже решено негласно изъять их из обращения, однако практически это так и не было выполнено.

При вступлении на престол императрицы Анны Иоанновны сенатским указом от 15 апреля 1730 года¹ были подтверждены параметры серебряных рублевых монет, установленные еще при Петре I в 1718 году: из 1 фунта серебра 70-й пробы надлежало чеканить монеты на сумму в 14 руб. 40 коп. Поэтому при изготовлении пробных рублей 1730 года, обычно называемых “Анна с цепью” (рис. 2), вполне естественным было использование монетных кружков, приготовленных (загурченных) для чеканки серийных рублевиков предшествовавшего царствования. В результате некоторые экземпляры пробного рубля 1730 года приобрели (вместо стандартного для рублей Анны Иоанновны гуртового узора) гуртовую надпись рублей Петра II – “РОССИЙСКИЙ РУБЛЬ МОСКОВСКОГО ДВОРА”.

После кончины императрицы Анны Иоанновны и провозглашения императором малолетнего Ивана Антоновича монетные кружки, приготовленные (загурченные) на Петербургском монетном дворе для чеканки рублей и полтин Анны Иоанновны, использовались при изготовлении:

- некоторых экземпляров пробного рубля 1740 года “СПБ” с вензелем Ивана Антоновича (рис. 3);
- небольшого количества рублей Ивана Антоновича “СПБ” массового выпуска 1741 года (рис. 4);
- небольшого количества полтин Ивана Антоновича “СПБ” массового выпуска 1741 года (рис. 5).

Перечисленные монеты, вместо стандартной для них гуртовой надписи, имеют гуртовое оформление монет Анны Иоанновны: рубли – гуртовой узор, полтины – сетчатую насечку. Такое использование монетных кружков Анны Иоанновны могло иметь место по той причине, что параметры рубля и полтины, утвержденные при Анне Иоанновне сенатским указом от 22 января 1731 года (15 руб. 84 коп. из 1 фунта серебра 77-й пробы)², в царствование Ивана Антоновича не изменялись³.

25 ноября 1741 года, в результате дворцового переворота, на престол вступила Елизавета Петровна. Одной из первоочередных задач, вставших перед дочерью Петра I, было уничтожение монет с именем и портретом свергнутого императора Ивана Антоновича. Поскольку это уничтожение осуществлялось путем перечеканки, многие рубли и полтины первых лет нового царствования несут на себе следы именно такого способа их изготовления. Чаще всего эти следы представляют собой остатки круговых надписей, имевшихся на аверсе и реверсе монет Ивана Антоновича, но в некоторых случаях факт перечеканки проявляется и в гуртовых надписях.

Дело в том, что при проведении перечеканки монетные дворы выполняли перегурчивание только тех рублей и полтин Ивана Антоновича, которые были изготовлены другим двором; в результате этого при перечеканке на Петербургском монетном дворе не были перегурчены очень редкие рубли Ивана Антоновича “СПБ” с гуртовым узором рублей Анны Иоанновны и появились еще более редкие рубли Елизаветы Петровны со столь необычным для них оформлением гурта. Кроме того, при проведении перегурчивания “чужих” рублей и Петербургский, и московский Красный монетные дворы изредка допускали производственный брак, когда монеты, подлежащие перегурчиванию, случайно не попадали на гуртильный станок, вследствие этого появлялись рубли Елизаветы Петровны “СПБ” с гуртовой надписью “МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА” и рубли “ММД” с гуртовой надписью “С. ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА”. Обнаружение таких экземпляров среди монет, находившихся в обращении, вызвало изготовление новодельного рубля “СПБ”, датированного 1744 годом и имеющего приведенное выше сочетание гуртовой надписи и знака монетного двора на аверсе.

После кончины Елизаветы Петровны новый император – Петр III взошел на российский престол 25 декабря 1761 года, а уже 17 января 1762

года вышел его именной указ ⁴, определивший новые параметры серебряных рублей и полтин (17 руб. 6 $\frac{3}{4}$ коп. из 1 фунта серебра 72-й пробы) и новую стопу медных монет (32 руб. из 1 пуда меди). Еще до выхода этого указа гравер Петербургского монетного двора Самойла Юдин успел изготовить штемпель лицевой стороны, два различных штемпеля оборотной стороны рублевика нового образца и отчеканить этими штемпелями пробные монеты (рис. 6–7) на кружках серийных рублей Елизаветы Петровны. Поэтому все экземпляры пробных рублей 1762 года с портретом Петра III работы С. Юдина имеют лигатурную массу порядка 25,85 г (вместо 24,00 г по указу 1762 года) и 77-ю пробу серебра (вместо 72-й); ни один другой рубль или полтина Петра III не имеют параметров серебряных монет Елизаветы Петровны.

А пока шла подготовка к перечеканке ранее выпущенных медных монет Елизаветы Петровны (16-рублевой монетной стопы) в монеты нового образца 32-рублевой стопы (рис. 8–11), Екатеринбургский монетный двор успел начеканить без малого 7 млн. штук пятикопеечников и около 5 млн. штук двухкопеечников старого образца – с вензелем уже скончавшейся Елизаветы Петровны, но датированных 1762 годом (рис. 12–13).

Кончина императрицы Екатерины II и воцарение императора Павла I пришлось на начало ноября 1796 года, тогда как манифест Павла I, определивший новые параметры золотых червонцев (117 $\frac{1}{2}$, шт. из 1 фунта золота 94 $\frac{3}{4}$ пробы) и серебряных монет всех номиналов (14 руб. из 1 фунта серебра 83 $\frac{1}{2}$ пробы), а также возвративший прежнюю стопу медных монет (16 руб. из 1 пуда меди), вышел только 20 января 1797 года ⁵. В результате получается, что червонцы и рубли Павла I, помеченные аббревиатурой “БМ” (“банковая монета”) и датированные 1796 годом (рис. 14–15), вроде бы “опередили” манифест 1797 года, будучи изготовленными по параметрам, установленным этим манифестом. В действитель

ности же штемпеля с аббревиатурой “БМ”, изготовленные в 1796 году для Банковского монетного двора (который начал функционировать лишь в 1799 году), были использованы в работе Петербургским монетным двором именно в 1797 году.

А вот пробный портретный рубль (рис. 16) был на самом деле отчеканен в 1796 году, причем все его экземпляры оказались оттиснутыми на кружках рубля Екатерины II и потому имеют параметры этой монеты: лигатурную массу порядка 24,00 г (вместо 29,25 г по манифесту 1797 года) и 72-ю пробу серебра (вместо 83½). Ни одна другая серебряная монета Павла I, кроме пробного рубля 1796 года, не имеет параметров серебряных монет Екатерины II.

Совершенно необычное явление представляют собой медные монеты, изготовленные в первые годы царствования Павла I – так называемые монеты “павловского перечека”, который проводился на основании именного указа от 10 декабря 1796 года⁶. Несмотря на изготовление этих монет при Павле I, они имеют внешнее оформление и датировку (фиктивную) монет Екатерины II. Такая их особенность явилась следствием ряда обстоятельств:

- монеты Екатерины II образца 1796 года (32-рублевой стопы) необходимо было уничтожить, так как они нанесли бы серьезный ущерб экономике России;

- перечеканка десяти- и четырехкопеечников образца 1796 года (рис. 17 и 18) со снижением вдвое их нарицательной цены давала (по сравнению с их переплавкой) несомненную экономическую выгоду (перечеканка монет остальных номиналов ощутимой выгоды не приносила);

- перечеканка приводила к резкому ухудшению внешнего вида монет, и потому монеты “павловского перечека” (рис. 19 и 20) были фиктивно отнесены к предшествующему царствованию, когда перечеканка применялась очень широко; монеты же нового царствования (основного образца) сохраняли при этом вполне престижный вид⁷.

В 1855 году, после вступления на престол императора Александра II, на Екатеринбургском монетном дворе было изготовлено небольшое количество медных копеек (рис. 21), для чеканки которых был ошибочно использован устаревший штемпель реверса, датированный 1854 годом, то есть годом, когда еще царствовал император Николай I. Обнаружение таких копеек вызвало фабрикацию двух фантастических новоделов схожего вида: копейки со знаком Варшавского монетного двора (“ВМ”), датированной 1856 годом, и денежки со знаком Екатеринбургского двора (“ЕМ”), датированной 1857 годом, причем на аверсе обоих этих новоделов был помещен вензель императора Николая I, скончавшегося еще в 1855 году (рис. 22 и 23).

Остается сказать о безымянных монетах, не несущих на себе ни имени, ни портрета, ни вензеля правителя и при этом не обладающих какими-либо особенностями внешнего оформления или внутреннего содержания, присущими монетам только одного определенного царствования.

Если такие монеты датированы годом, в котором произошла смена правителя, то обычно бывает невозможно определить, к какому именно царствованию эти монеты относятся. Также невозможно установить принадлежность к определенному царствованию и упоминавшихся выше рублей и полтин Петра I 1725 года, Екатерины I 1727 года и Анны Иоанновны 1740 года: хотя эти монеты и именные, но их чеканка и выпуск в обращение осуществлялись в пределах двух смежных царствований.

Лишь изредка возникают обстоятельства, позволяющие назвать правителя, при котором были отчеканены те или иные безымянные монеты, оказавшиеся на стыке двух царствований. Например, довольно сложными сопоставлениями удалось выяснить, что безымянная пробная медная копейка 1727 года (рис. 24), скорее всего, появилась в конце царствования Екатерины I, хотя массовый выпуск копеек этого образца имел место уже при Петре II в 1728–1729 годах⁸.

В то же время в этом вопросе бывают и явные заблуждения. Например, укоренилось мнение, что легковесные медные монеты 1762 года целиком относятся к царствованию Петра III. В действительности же Екатерина II, возведенная на престол в результате дворцового переворота 28 июня 1762 года, не сочла возможным сразу отменить шедшее полным ходом изготовление легковесных монет: прежде она рассмотрела различные мнения по этому вопросу, и лишь 27 января 1763 года согласно ее решению вышел сенатский указ⁹, приостановивший дальнейшую перечеканку медных монет Елизаветы Петровны в легковесные. Таким образом, медные монеты 32-рублевой стопы, введенные при Петре III (рис. 8–11), более полугода чеканились уже при Екатерине II, и только потом их стали перечеканивать в монеты 16-рублевой стопы. А это значит, что при Екатерине II легковесных монет 1762 года было выпущено не меньше (если не больше), чем при Петре III. Однако возможность обнаружить среди этих монет те довольно редкие экземпляры, которые были, несомненно, отчеканены при Петре III, все же имеется: это монеты, предназначавшиеся для начального выкупа у населения монет, подлежавших перечеканке. Монеты такого “первичного” тиража были изготовлены не перечеканкой монет Елизаветы Петровны, как все остальные легковесные монеты 1762 года, а чеканкой на гладких кружках-заготовках, и потому на них, естественно, полностью отсутствуют следы перечеканки¹⁰.

Еще одним заблуждением является мнение, что безымянный пятикопеечник 1881 года (рис. 25) относится исключительно к царствованию императора Александра II – такое мнение сложилось на том основании, что в последующие годы царствования императора Александра III пятикопеечники вроде бы вообще не чеканились. В действительности же основная часть пятаков 1881 года была отчеканена именно при Александре III. Согласно отчетной документации Петербургского монетного двора, в 1881 году было изготовлено 13 824 тыс. штук пятикопеечников, то есть немногим меньше, чем в 1880 году (15 355 тыс. штук), а Александр II был убит 1 марта 1881 года. Вполне очевидно, что всего за два месяца

1881 года Петербургский монетный двор не мог изготовить весь почти 14-миллионный тираж этой монеты. Но и это еще не все. В документации Петербургского двора значится, что чеканка пятикопеечников производилась и в 1882 году (тираж – 1378 тыс. штук), при этом наверняка использовались штампы реверса, датированные предыдущим, 1881 годом (подобные случаи имели место неоднократно), так как ни одного пятака с датой “1882” пока не найдено.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ), № 5533.
2. ПСЗ, № 5677.
3. Подробнее об этом см. в очерке “Монеты императора Ивана Антоновича”.
4. ПСЗ, № 11407.
5. ПСЗ, № 17748.
6. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1894. Т. 1. С. 326–327, док. 435.
7. Чеканка медных монет Павла I основного образца была начата в 1797 году, одновременно с изготовлением монет “павловского перечека-на”. О “павловском перечекане” подробнее см. в очерке “Перечеканка монет в XVIII веке”.
8. О копейке 1727 года подробнее см. в очерке “Пробные монеты 1726–1727 годов”.
9. ПСЗ, № 11741.
10. При этом необходимо учитывать, что на некоторых легковесных монетах 1762 года, изготовленных перечеканкой, следы этой операции просматриваются с трудом, особенно если монета имеет плохую сохранность.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

МОНЕТЫ XVIII–XIX ВЕКОВ С НЕСТАНДАРТНОЙ МАССОЙ

Среди российских медных монет массового выпуска XVIII–XIX веков весьма часто встречаются экземпляры, имеющие очень большое несоответствие фактической массы их номиналу и установленной для них монетной стопе. Такая особенность характерна, в основном, для новодельных монет, однако эти экземпляры являются несомненно подлинными, а потому их следует рассматривать как совершенно особую категорию монет.

Прежде всего, это монеты, отчеканенные на кружках, предназначенных для монет другого, более крупного номинала. Например, на рис. 1 представлена денга 1706 года, отчеканенная на кружке копейки; на рис. 2 – полушка 1730 года, отчеканенная на кружке денги; на рис. 3 – копейка 1840 года, отчеканенная на кружке двухкопеечника. Вполне очевидно, что все эти монеты имеют массу, вдвое большую нормативной.

Нестандартную массу также имеют монеты, изготовленные перчеканкой монет несоответствующей монетной стопы или несоответствующего номинала. Например, полушка 1731 года (рис. 4) изготовлена перчеканкой копейки образца 1704 года (20-рублевой монетной стопы), тогда как для ее изготовления требовалась перчеканка копейки образца 1728 года (40-рублевой стопы). Четырехкопеечники 1762 года (рис. 5, 6) изготовлены перчеканкой соответственно копейки и пятака образца 1758 года, тогда как для их изготовления требовалась перчеканка двухкопеечников. В результате масса полушки 1731 года (рис. 4) вдвое превышает нормативную, масса первого четырехкопеечника 1762 года (рис. 5) вдвое меньше, а второго (рис. 6) – в 2,5 раза больше нормативной.

Монеты с нестандартной массой появлялись и в результате того, что кружки для них вырубались из полос меди несоответствующей толщины, предназначавшихся для вырубki кружков под монеты другого номинала. Вот несколько примеров:

Наименование монеты	Толщина кружка	Масса монеты, г	
		нормативная	фактическая
Копейка 1713 г.	Как у полушки	8,20	3,1
5 копеек 1729 г.	Как у копейки	20,50	10,5
5 копеек 1758 г.	Как у двухкопеечника	51,20	25,8
2 копейки 1759 г.	Как у пятикопеечника	20,50	34,5
Копейка 1761 г.	Как у пятикопеечника	10,25	20,6
½ копейки 1841 г.	Как у трехкопеечника	5,10	10,6
½ копейки 1841 г.	Как у двухкопеечника	5,10	9,2

Одна из таких монет (двухкопеечник 1759 года с толщиной кружка как у пятикопеечника) представлена на рис. 7.

Наконец, встречаются монеты с обычной толщиной кружка, но с уменьшенным диаметром – о таких монетах говорится в указе, направленном из Монетной экспедиции в канцелярию Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов 23 февраля 1760 года¹. Как следует из этого указа, два двухкопеечника, обнаруженные в составе партии медных монет, прибывшей с Екатеринбургского монетного двора, были "...в округлости весьма малого обреза, почти против копейки, в коих и весом со уменьшением против надлежащего весу...".

Что же представляют собой все эти необычные монеты? На первый взгляд это производственный брак, не обнаруженный приемщиками готовой продукции на монетных дворах. Однако при более внимательном рассмотрении выясняется, что такие монеты специально изготавливались монетчиками с вполне определенной целью.

Действительно, трудно даже представить, чтобы в 1713 году мастер, вырубавший кружки для медных копеек, не заметил, что к нему поступила не обычная полоса двухмиллиметровой толщины, а чуть ли не фольга толщиной 0,5 мм, из которой вырубались кружки для полушек. Или что мастер, проводивший в 1762 году перечеканку медных монет Елизаветы Петровны в монеты Петра III, мог спутать огромный пятак с двухкопеечником, и так далее.

Но имеется и более веское доказательство преднамеренного изготовления медных монет с нестандартной массой. Дело в том, что многие из них, имея не свойственную им толщину кружка, подвергались гурчению, как и обычные монеты того же образца. Например, из перечисленных выше монет стандартное гуртовое оформление (сетчатую насечку) имеют пятаки 1729 и 1758 годов, двухкопеечник 1759 года (рис. 7) и копейка 1761 года. Как известно, гуртильные станки на монетных дворах настраивались на обработку кружков для монет текущего выпуска с вполне определенным соотношением между их диаметром и толщиной. Поэтому гурчение кружка с толщиной, не соответствующей его диаметру, можно было выполнить только после специальной переналадки одного из станков. Следовательно, переналаживая станок и производя гурчение, мастер прекрасно понимал, что за кружок он обрабатывает. Если бы речь шла о простом производственном браке, то такой кружок был бы немедленно отправлен на переплавку: ведь монета, отчеканенная на этом кружке, при проведении весового контроля почти наверняка привела бы к отбраковке целой партии вполне доброкачественных монет. И если подобная монета была все же снабжена стандартным гуртовым оформлением, а затем и отчеканена, то это, конечно же, свидетельствует о преднамеренном ее изготовлении.

Наконец, в упомянутом выше указе от 23 февраля 1760 года нестандартные двухкопеечники (“грошевики”) рассматриваются вовсе не как производственный брак, а как специально изготовленные монеты, в связи с чем заводской канцелярии было предписано представить в Монетную экспедицию объяснение, “...для чего оные грошевики не в силу присланных из Экспедиции в ту Канцелярию образцов деланы малого обреза и против надлежащего веса с уменьшением”². К сожалению, объяснение, данное канцелярией этому случаю, на сегодня не обнаружено.

Таким образом, вполне очевидно, что медные монеты с нестандартной массой изготавливались на монетных дворах преднамеренно, в нарушение строжайшего запрета на поставку подобной некондиционной продукции. Во многих документах XVIII века перечисляются меры нака-

зания монетных мастеров за нарушение установленной для медных монет весовой нормы. Так, в Ордере действительного статского советника Татищева от 30 декабря 1736 года³ предписывается строго выдерживать нормативный вес и весовой допуск при чеканке медных монет на Екатеринбургском монетном дворе "...и в том как мастерам, так и приемщикам под жестоким наказанием подписаться". В именном указе от 19 июня 1738 года⁴ виновным в несоблюдении весового допуска определено наказание "...с немалым штрафом и истязанием" и так далее.

Зачем же понадобилось изготавливать на монетных дворах монеты, появление которых влекло за собой весьма тяжкие последствия? Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим, какой весовой допуск устанавливался при изготовлении медных монет и как проверялись монеты на соответствие этому допуску.

В доношении из Канцелярии Монетного правления в Кабинет ее величества от 9 ноября 1736 года⁵ содержатся сведения о том, что для медных монет, чеканившихся в то время по стопе в 10 рублей из пуда меди, допускалось отклонение от нормативного веса в ту или другую сторону до 4 фунтов при взвешивании партии монет на сумму в 100 рублей (нормативный вес партии – 10 пудов), что составляет 1% от нормативного веса. В Историческом описании, "до монетного дела принадлежащем", составленном И. Шлаттером и дополненным А. Нартовым⁶, приведены аналогичные сведения по медным монетам 16-рублевой стопы: для этих монет достоинством в 5, 2 и 1 копейку допустимое отклонение от нормативного веса составляло 2 фунта (0,8%), а для монет достоинством в деньгу и полушку – 4 фунта (1,6%), причем и в этом случае весовому контролю подвергалась партия монет на сумму в 100 рублей (нормативный вес партии – 6 пудов 10 фунтов). Таким образом, при проверке медных монет на соответствие весовому допуску в XVIII веке взвешивались не отдельные монеты, а целая партия монет. Такой же порядок весовой проверки медных монет существовал и в XIX веке⁷.

Подобная методика весового контроля, прежде всего, позволяла снизить требования к точности соблюдения нормативного веса на каждой

отдельно взятой монете, поскольку присутствие в проверяемой партии какого-то количества, скажем, слишком легких монет вполне могло примерно компенсироваться наличием соответствующего количества перетяжеленных монет. Но эта методика открывала перед персоналом монетного двора еще одну, очень важную для него, возможность: она позволяла “исправлять” те партии монет, которые не укладывались в весовой допуск и подлежали отбраковке с применением к виновным соответствующих санкций. Для такого “исправления” можно было бы изъять из некондиционной партии слишком тяжелые или, наоборот, слишком легкие монеты и заменить их монетами с весом, близким к нормативному. Однако в условиях массового производства выполнять такие операции было совершенно невозможно: ведь для этого потребовалось бы взвесить чуть ли не каждую монету из некондиционной партии, поскольку монеты, вызвавшие превышение весового допуска, не могли быть обнаружены визуально.

А чтобы все же реализовать возможность “исправления” некондиционных партий медных монет, мастера монетных дворов и изготавливали заранее целые наборы монет, у которых вес либо был значительно меньше нормативного, либо значительно его превышал. Теперь, имея такой набор, “исправление” можно было выполнить в считанные секунды, заменяя любую монету или несколько монет из некондиционной партии значительно более легкими или значительно более тяжелыми – в зависимости от того, в каком направлении был нарушен весовой допуск. Используя такой способ, монетные мастера всегда могли предотвратить отбраковку недоброкачественной продукции и избежать связанных с этим нежелательных последствий. Нечего и говорить, что при этом в обращение попадали не только специально изготовленные монеты с нестандартной массой: увеличивалось попадание в обращение и монет с отклонениями от весового допуска, представлявших собой обычный производственный брак.

Поскольку “исправление” партий монет, не укладывавшихся в весовой допуск, было, безусловно, действием противозаконным, предназна-

чавшиеся для этой операции монеты с нестандартной массой должны были изготавливаться тайно. Кто же на монетном дворе мог быть посвящен во все эти дела? В первую очередь в “исправлении” некондиционных партий были, конечно же, заинтересованы монетные мастера – именно им грозило жестокое наказание за превышение весового допуска. Однако каждая забракованная партия монет негативно влияла на всю деятельность монетного двора, сокращая выпуск продукции и удорожая производство, и за это несла ответственность уже администрация монетного двора. Поэтому напрашивается вывод, что администрация, несомненно заинтересованная в безнаказанном сбыте недоброкачественной продукции, знала о существовании практики “исправления” партий, подлежащих отбраковке, но сознательно не чинила ей препятствий. Чтобы своевременно выявить некондиционную партию монет и успеть ее “исправить”, необходимо было взвешивать все партии еще до того, как они поступят на официальный весовой контроль, а это было немыслимо без попустительства со стороны администрации монетного двора. В результате, как свидетельствуют находки медных монет с нестандартной массой, их изготовление и использование на монетных дворах России, чеканивших медную монету, продолжалось почти полтора столетия и прекратилось с 1849 года в связи с началом чеканки монет нового образца. Согласно докладу министра финансов, представленному в Государственный Совет 8 декабря 1848 года ⁸, с самого начала предполагалось эти монеты “производить в более изящном виде, улучшенными штемпелями, и выпускать в обращение после самой строгой браковки”, а также “обратить исключительное внимание на усовершенствование всех операций, при выделке монет употребляемых”. Видимо, реализация этих мероприятий, с одной стороны, сделала невозможной фальсификацию весового контроля, а с другой – резко улучшила качество монет, предотвратив частые случаи превышения весового допуска. И тем не менее, медные монеты с нестандартной массой, отчеканенные после 1848 года, хотя и очень редко, но все же встречаются; скорее всего, они представляют собой производственный брак.

Почему же практика “исправления” результатов весового контроля не нашла широкого применения в отношении монет из драгоценных металлов? Ведь на сегодня известно лишь небольшое количество серебряных монет XVIII века младших номиналов с серьезными отклонениями от нормативного веса.

Если опять обратиться к работе И. Шлаттера и А. Нартова⁹, то можно увидеть, что золотые монеты при проверке их на соответствие весовому допуску взвешивались только индивидуально, а серебряные – как партиями, так и индивидуально, на выбор из партии. Следовательно, для золотых монет не подходил сам принцип “исправления”, а “исправлять” партии серебряных монет, не укладывавшиеся в допуск, было слишком рискованно: случайное обнаружение в ходе выборочной проверки хотя бы одной монеты с нестандартной массой, скорее всего, повлекло бы за собой серьезное расследование этого случая.

Ввиду стихийного характера появления медных монет с нестандартной массой и совершенной невозможности учесть все их многообразие, систематизации эти монеты не поддаются, а потому и описывать их в каталогах в качестве разновидностей аналогичных монет обычной массы, видимо, не следует. В то же время их следует включать в состав любой нумизматической коллекции как интереснейшие памятники истории монетного дела в России XVIII–XIX веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Елизаветы I. СПб., 1896. С. 223.
2. Там же.
3. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1901. С. 143.
4. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ), № 7856.
5. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1901. С. 139.
6. Горный журнал. 1832. Ч. 9. С. 428.

7. ПСЗ-II, № 22992.
8. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Николая I. СПб., 1890. С. 129.
9. Горный журнал. 1832. Ч. 9. С. 427–428.

1

2

3

4

5

6

7

РОССИЙСКИЕ МОНЕТЫ XVIII ВЕКА, ОТЧЕКАНЕННЫЕ В ПЕЧАТНОМ КОЛЬЦЕ

Массовая чеканка монет в гладком неразъемном печатном кольце, начавшаяся в России в 1807 году, имела свою предысторию: в XVIII веке таким способом были отчеканены три группы российских монет. Это были рубли и полтины, датированные 1703 и 1704 годами, пробные медные монеты 1796 года 32-рублевой монетной стопы достоинством в 10 и 5 копеек и, наконец, ефимки 1798 года. Принципиальная схема чеканки монет в печатном кольце представлена на рис. 1 (А – монетный кружок, Б – верхний подвижный штемпель, В – нижний неподвижный штемпель, Г – печатное кольцо, Д – шиберный стол).

Особенности чеканки пробных серебряных монет 1798 года с обозначением номинала “ефимок” (рис. 18–20) были уже рассмотрены ранее (см. очерк “Минцмейстер Осип Мейджер”). По всей видимости, эти монеты были отчеканены в Англии на прессе конструкции Болтона-Дро, причем чеканка эта была выполнена, скорее всего, по заказу российского правительства; во всяком случае, исполнителям были сообщены основные параметры этих монет (весовая норма и проба серебра), а также необходимые элементы их внешнего оформления.

В отношении пробных медных монет 1796 года (рис. 13–16) также имеется достаточно оснований утверждать, что и они были отчеканены в Англии на прессе Болтона-Дро с использованием печатного кольца, однако на этот раз чеканка была выполнена, видимо, по инициативе самих исполнителей. Штемпели монет 1796 года, представленных на рис. 13–16, как и штемпели ефимков 1798 года, были, несомненно, изготовлены по месту чеканки, но если штемпели ефимков выглядят вполне “по-русски”, то оформление штемпелей медных монет 1796 года явно свидетельствует об их иностранном происхождении и об отсутствии согласования этого оформления с российскими представителями.

Прежде всего, на это указывает рисунок короны над вензелем Екатерины II: вместо императорской короны на этих монетах изображена ко-

рона совершенно особой формы, что для общегосударственных российских монет конца XVIII века было недопустимо. Другой признак иноземного происхождения этих штемпелей – римская цифра “I” (вместо арабской) в обозначении номинала на десятикопеечниках и в обозначении даты на всех монетах; такое написание единицы встречается только на фальшивых пятаках Екатерины II шведской чеканки (рис. 17). И, наконец, не может быть случайным совпадением тот факт, что при чеканке первой разновидности ефимка (рис. 18) и медных пятаков 1796 года (рис. 15 и 16) было использовано одно и то же печатное кольцо диаметром около 1³/₄ дюйма.

В печатном кольце были отчеканены еще две российские серебряные монеты – рубль и полтина, входящие в особую группу монет, датированных 1703 и 1707 годами. Составляющие эту группу четыре монеты (рис. 2, 3, 4 и 5) имеют следующие особенности, принципиально отличающие их от соответствующих монет массового выпуска (рис. 6, 7 и 8):

- портреты царя Петра Алексеевича, помещенные на аверсе монет особой группы, скопированы с портретов, имевшихся на соответствующих монетах массового выпуска;

- гербовые орлы, помещенные на реверсе монет особой группы, имеют специфический рисунок, тогда как на монетах массового выпуска такие орлы в 1703-м и последующих годах не встречаются;

- рубли (рис. 2) и полтины (рис. 3) отчеканены, как уже говорилось, в печатном кольце, хотя остальные монеты особой группы – полтины (рис. 4) и полуполтинники (рис. 5) – отчеканены без этого приспособления.

То, что портреты царя на монетах особой группы были скопированы, особенно заметно на рублевой монете (рис. 2): портрет на ней заметно отличается от портрета работы Федора Алексея на рублях массового выпуска (рис. 6), хотя именно этот портрет несомненно был использован в качестве образца; кроме того, скопированный портрет на рубле имеет очень высокий, почти медальный, рельеф. И для других монет особой

группы портреты царя были скопированы с портретов на соответствующих монетах массового выпуска, хотя и более удачно.

Орел на реверсе всех четырех монет особой группы, будучи по существу российским гербовым орлом, в то же время в отдельных деталях имеет несомненное сходство с орлами, изображавшимися на монетах некоторых западноевропейских государств. Особенно наглядно это проявилось в изображении орлиных лап. Если у обычного российского гербового орла лапы плотно держат скипетр и державу всеми четырьмя пальцами, то у орлов на монетах особой группы только три пальца каждой лапы, обращенные когтями вверх, обозначают удержание скипетра и державы, а противостоящий им четвертый палец отставлен далеко в сторону, обращен когтем вниз и вообще предмета, удерживаемого в лапе, не касается. Такое необычное изображение орлиных лап могло появиться лишь в том случае, если гравер-иностранец переделывал на российский лад привычного для него западноевропейского гербового орла, у которого лапы с широко растопыренными пальцами (когтями вниз) ничего не держат (рис. 9). В результате такой переделки иностранный орел, прежде всего, стал двуглавым, а, чтобы обозначить удержание в его лапах скипетра и державы, три пальца на каждой лапе были неестественно вывернуты на 180° и оказались когтями вверх. И еще одна деталь, присущая зарубежным гербовым орлам, изображена на рассматриваемом орле: это язык, высунутый из раскрытого клюва; на обычных российских гербовых орлах такая деталь в 1703–1705 годах отсутствует.

Необходимо отметить, что орел, очень похожий на орла монет особой группы, изображен на полтинах 1701 года, отчеканенных на Московском монетном дворе штемпелями работы французского гравера Соломона Гуэна. Однако “гуэновский” орел (рис. 10) хотя и тремя пальцами, но очень плотно держит скипетр и державу.

Что касается чеканки рублей и части полтин особой группы в печатном кольце, то факт такой чеканки сомнений не вызывает, поскольку эти монеты отличаются не только правильной цилиндрической поверхностью гурта, но и наличием у них облоя – заусенца на кромке монеты, об-

разовавшегося в процессе чеканки вследствие выдавливания металла монеты в зазор между штемпелем и печатным кольцом.

Практически на всех экземплярах рублей и полтин, отчеканенных в печатном кольце, наблюдаются весьма характерные производственные дефекты: наличие на их аверсе или реверсе фрагментов оформления, не имеющих никакого отношения к оформлению данной монеты, и деформация (а иногда и растрескивание) монетного кружка. Первый дефект свидетельствует о том, что эти монеты изготавливались перечеканкой талеров и полуталеров: фрагменты их оформления, не уничтоженные оттиском новых штемпелей, просматриваются на вновь изготовленных монетах, причем эти остаточные следы обнаруживаются с трудом и не позволяют определить, какие именно талеры и полуталеры были перечеканены. Такое, достаточно высокое качество перечеканки, как и большой размер облоя, скорее всего, были следствием значительного увеличения нагрузки на штемпели.

Об этом же свидетельствуют и повреждения, наблюдаемые на монетах, отчеканенных в печатном кольце. Дело в том, что из-за отсутствия необходимого технического оснащения такие монеты, видимо, извлекались в те годы из печатного кольца простейшим способом – с помощью молотка и выколотки. При сильном заклинивании монеты в печатном кольце такой способ вполне мог вызвать повреждение монеты, а заклинивание, естественно, возникало при чрезмерном давлении штемпелей на монету (теперь извлечение отчеканенной монеты из печатного кольца осуществляется нажатием на монету нижнего штемпеля при опускании шибера стола).

Где же могли быть отчеканены монеты особой группы?

Прежде всего, штемпели для их чеканки вряд ли были изготовлены в России: зачем тогда надо было копировать уже имевшиеся портретные штемпели и создавать особый, переделанный из иностранного, рисунок гербового орла? Сделать их заново пришлось потому, что конструкция тех штемпелей, использовавшихся для массовой чеканки, не обеспечивала их сопряжения с печатным кольцом. Что же касается изготовления

самых монет, то о чеканке их в печатном кольце на одном из московских монетных дворов в начале XVIII века не могло быть и речи: в то время в России еще только шел процесс становления машинного монетного производства, и при чеканке монет еще использовалось такое примитивное оборудование, как “молотовый снаряд” (подобный “снаряд”, установленный на Тульском оружейном заводе, изображен на рис. 11). Поэтому можно уверенно считать, что все монеты особой группы, а также штемпели для их чеканки были изготовлены на одном из западноевропейских монетных дворов по заказу российских монетчиков.

Выполнение этого заказа должно было начаться не раньше 1704 года, поскольку дата, проставленная на полтинах и полуполтинниках особой группы (1703 год), видимо, не соответствует действительному времени их чеканки, и вот почему. Во-первых, даты на всех рассматриваемых монетах, обозначенные буквами славянского алфавита, скорее всего, были просто добросовестно скопированы с монет, переданных российской стороной исполнителям заказа в качестве образцов, причем граверы-иностранцы, резавшие штемпели, могли вообще не знать, что именно эти славянские буквы обозначают. А во-вторых, нет никаких оснований считать, что монеты особой группы могли быть отчеканены не одновременно, а по мере поступления образцов, растянувшегося почему-то на два года. Поэтому будет наиболее правильным считать, что монеты-образцы хотя и были отчеканены в разное время, но к исполнителям заказа поступили одновременно, а время изготовления всех монет особой группы следует определять, ориентируясь на монету с наиболее поздней датой, то есть на рубль 1704 года: раньше этого года не могла начаться даже первая стадия всей операции (изготовление штемпелей).

Монеты особой группы всегда считались весьма редкими, а значит, они были отчеканены в очень небольшом количестве экземпляров с какой-то вполне определенной целью. И действительно, если бы это был просто заказ на чеканку за рубежом партии российских монет (что в дальнейшем будет иметь место неоднократно), то в этом случае иностранный монетный двор не мог допустить поставку заказчику явно бра-

кованной продукции и не стал бы прибегать к перечеканке талеров. А между тем именно перечеканка послужила, по всей видимости, основной причиной изготовления монет особой группы.

Как известно, в 1704 году в России не только начался массовый выпуск серебряных рублевых монет, но и стала впервые применяться при изготовлении рублей и полтин перечеканка западноевропейских талеров и полуталеров. Такой способ изготовления монет был чрезвычайно выгоден для казны (см. очерк “Перечеканка монет в XVIII веке”), однако полученные в результате перечеканки монеты почти всегда имели существенный дефект – остаточные следы от перечеканенной монеты (рис. 12). Поскольку царь постоянно заботился о достойном внешнем виде российских монет, использовать все выгоды перечеканки можно было в те годы только после устранения указанного выше дефекта. В связи с этим и было, видимо, решено обратиться за помощью к зарубежным монетчикам, воспользоваться их знаниями и многолетним опытом работы, так как ни того, ни другого у московских монетных дворов тогда еще не было, да и производственная база у них, как уже говорилось, была крайне слаба.

Что же смогли предложить иностранные специалисты для уничтожения следов от перечеканенной монеты?

Как мы видели, при изготовлении перечеканкой монет особой группы были применены два новшества: была существенно увеличена нагрузка на штемпели, а чтобы монета при этом не была “раздавлена”, ее поместили в печатное кольцо. Однако в результате всего этого получилось, что следы от перечеканенной монеты хотя и слабые, но все же остались, а сама монета при извлечении ее из печатного кольца получала заметные повреждения. Кроме того, большая нагрузка на штемпели, несмотря на небольшое количество отчеканенных монет, вызывала преждевременное разрушение штемпелей, и свидетельство тому – изготовление дубликатов некоторых из них. Действительно, полтины, представленные на рис. 3 и 4, без видимой необходимости отчеканены двумя разными комплектами штемпелей, не имеющих никаких принципиальных различий. И для че-

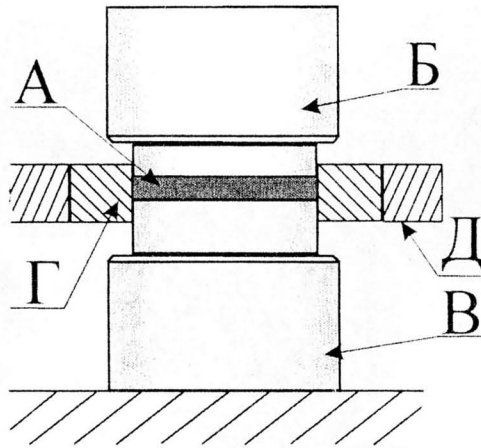
канки трех известных разновидностей рубля были использованы два штемпеля аверса и два штемпеля реверса, причем попарно эти штемпели различаются между собой лишь незначительными деталями оформления; к тому же на аверсе некоторых экземпляров рубля хорошо виден след от частичного разрушения рабочей поверхности штемпеля (см. рис. 2). Два очень мало различающихся штемпеля аверса были использованы и при чеканке двух известных разновидностей полуполтинника.

Таким образом, обращение к зарубежным монетчикам в надежде получить от них дельные рекомендации на этот раз успеха не принесло. Но и поступиться престижем государства, продолжая выпускать недоброкачественные монеты ради материальной выгоды, которую обеспечивала перечеканка, российское руководство не посчитало возможным. Поэтому, ознакомившись с результатами экспериментов зарубежных коллег, московские монетные дворы (Красный и Кадашевский) перечеканку талеров и полуталеров в рубли и полтины после 1705 года полностью прекратили.

Факт обращения за рекомендациями к зарубежным монетчикам подтверждается в настоящее время лишь существованием монет особой группы, а каких-либо письменных сведений, относящихся к этому событию, еще не обнаружено. Вследствие этого некоторые обстоятельства чеканки интересующих нас монет пока не могут быть объяснены: например, зачем нужно было чеканить часть полтин без использования печатного кольца (рис. 4) или чеканить полуполтинники, которые вообще не изготавливались перечеканкой? Имеющиеся в каталоге Х. Гиля и в некоторых других каталогах сведения о существовании рубля 1705 года, чеканенного в печатном кольце, до настоящего времени подтверждения не получили, а потому эти сведения, скорее всего, являются ошибочными.

Итак, все российские монеты, отчеканенные в XVIII веке с использованием печатного кольца, а также штемпелем для чеканки этих монет,

были изготовлены на зарубежных монетных дворах – именно об этом вроде бы и свидетельствуют изложенные выше факты. Что же касается медных “сестрорецких” рублей, имеющих выпуклую гуртовую надпись, то в разъемном (из трех частей) печатном кольце чеканились только заводские экземпляры этих монет (датированные 1771 годом, но изготовленные в XIX веке), а известные в настоящее время подлинные экземпляры 1770 года чеканились, скорее всего, без печатного кольца и гуртовались обычным способом – прокаткой монетного кружка между гуртильными верейками.

4

5

6

7

8

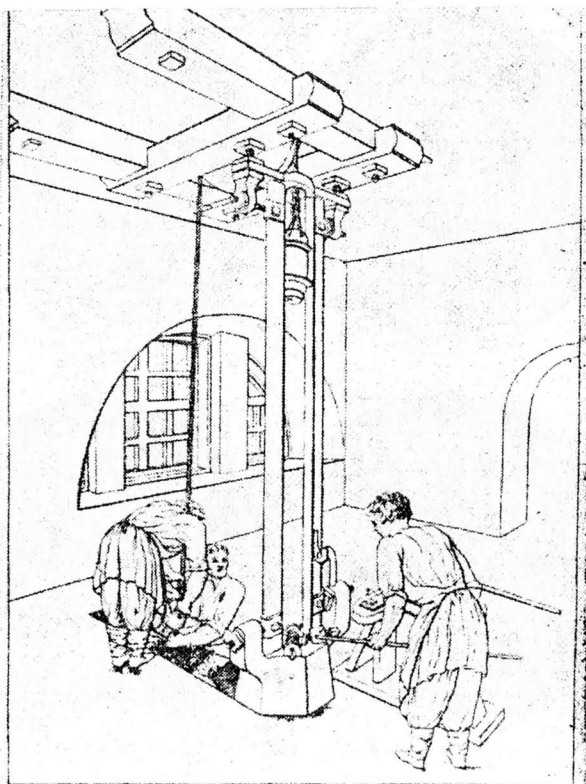

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

О ЧЕКАНКЕ МОНЕТ С ЗАГЛУБЛЕННЫМИ НАДПИСЯМИ

В XVIII–XIX веках в России трижды появлялись пробные серебряные монеты, у которых часть надписей на аверсе или на реверсе была выполнена не выпуклыми, как обычно, а вдавленными буквами и цифрами. Такой особенностью обладают:

1. Два варианта пробного ефимка 1798 года, отчеканенные с использованием двух различных комплектов штемпелей и имеющие заглавленную дату на аверсе и слово “ПРОБА” на реверсе (рис. 1, 2).
2. Два варианта пробного рубля 1806-го или 1807 года чеканки (с неполным обозначением даты), имеющие заглавленную круговую надпись с обозначением номинала и даты на гербовой стороне, которая на обоих вариантах оттиснута одним и тем же штемпелем (рис. 3, 4).
3. Пробный “константиновский” рубль 1825 года с заглавленным обозначением номинала на реверсе (рис. 5).

Кроме того, существует подделка “константиновского” рубля, известная как “рубль Трубецкого”, с таким же заглавленным обозначением номинала на реверсе, как у подлинной монеты (рис. 9).

Что касается медных монет, то заглавленные надписи с обозначением номинала на аверсе и даты на реверсе имеют монеты массового выпуска 1867–1916 годов достоинством от пятака до копейки (рис. 10).

Каковы же причины появления на перечисленных монетах заглавленных надписей, и какими способами они были выполнены? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, напомним, как изготавливались штемпели для массовой чеканки монет в конце XVIII – начале XIX века.

Выпуклые изображения различных элементов оформления монеты (портретов, гербов, венков, корон и т. п.), а также букв и цифр надписей получались на монете оттиском штемпеля, имевшего заглавленное негативное изображение всех перечисленных компонентов. Заглавленные

изображения могли вырезаться на штемпеле вручную, но чаще переводились на него с соответствующих маточников, а надписи выбивались отдельными пунсонами с позитивным изображением букв и цифр. Перевод сразу всей надписи на штемпель со специального маточника тогда не практиковался. Маточники с выпуклым изображением элементов оформления монеты могли быть изготовлены только путем перевода их со специального штампа – формы, которая имела заглабленные изображения и, подобно штемпелю, вырезалась вручную. Изготовление формы было необходимо и для получения маточника, с которого можно было перевести на штемпель сразу целую надпись, однако использование вместо маточника отдельных литерных и цифирных пунсонов считалось в XVIII – начале XIX века, по всей видимости, более выгодным. Тем более что форма, несущая на себе дату, находится в работе в течение только одного календарного года. И все же можно было переводить на штемпель надписи с маточника, для изготовления которого форма не требовалась. Для этого необходимо, чтобы надписи на монете были заглабленными; тогда на штемпеле они будут выпуклыми, а на маточнике – вдавленными, и их можно будет выбивать на нем пунсонами.

Исключение из производственного цикла изготовления формы, несомненно, сокращало расходы, хотя и требовало наличия особого комплекта пунсонов – с негативным изображением букв и цифр (для нанесения надписей на маточник).

Другим существенным преимуществом заглабленных надписей на монетах является то, что они мало подвержены различным механическим повреждениям и не страдают от потертости. В то же время, при длительном нахождении монеты в обращении, заглабленные надписи могли заполняться грязью, что делало их весьма непривлекательными. Именно поэтому заглабленный шрифт всегда использовался только в надписях служебного характера (главным образом, в обозначении даты и номинала монет) и никогда не применялся при написании имени и титула императора.

Два варианта пробного ефимка 1798 года (рис. 1, 2) стали первыми российскими монетами с заглабленными надписями. Такие надписи на этих монетах входили в целый комплекс средств защиты элементов оформления от механических повреждений, главным образом – от потертости. Прежде всего, защиту изображения и надписи, находившихся в центральной части поля аверса и реверса, обеспечивает широкий выпуклый ободок, расположенный по краю обеих сторон монеты. Помещенные на этом ободке надписи частично выполнены вдавленным шрифтом (дата на аверсе и слово “ПРОБА” на реверсе), а частично – выпуклым (слово “ЕФИМОК” на аверсе и значение пробы на реверсе), но выпуклые буквы и цифры находятся на заглабленных участках ободка и не выступают за пределы его поверхности. Впервые на этих монетах вдавленным шрифтом выполнена и гуртовая надпись, что обеспечивает не только ее сохранность, но и возможность чеканки монеты в кольце.

И изготовление штемпелей этих монет, и их чеканка, скорее всего, были осуществлены в Англии. А в 1806-м или 1807 году попытка создать нечто подобное была предпринята и на Петербургском монетном дворе, только что начавшем работать после реконструкции: был изготовлен особый гербовый штемпель для двух вариантов пробного рубля (рис. 3, 4). Гербовая сторона этих монет имеет широкий защитный ободок с заглабленной надписью, содержащей дату и номинал монеты, причем в дате не проставлена последняя цифра. Это было сделано для того, чтобы сохранить возможность использования в серийном производстве пробного маточника с круговой надписью даже в том случае, когда монета принята к массовой чеканке позднее, а не в том году, когда был отчеканен ее пробный образец: для этого нужная цифра (от 7 до 9) могла быть выбита на маточнике пунсоном.

Рассматриваемые два варианта рубля имеют различное оформление гурта: если портретный вариант (рис. 3) имеет гладкий гурт, то вариант, представленный на рис. 4, имеет гуртовую надпись, выполненную вдавленным шрифтом.

Итак, на ефимках 1798 года и на рублях 1806–1807 годов вдавленный шрифт обеспечивал защиту надписей от повреждений и мог несколько упростить процесс изготовления штемпелей.

Использование вдавленного шрифта для обозначения номинала на пробном “константиновском” рубле 1825 года (рис. 5) преследовало иную цель. Если сравнить эту монету с ее проектным рисунком (рис. 7), согласно которому обозначение номинала первоначально предполагалось выполнить обычным выпуклым шрифтом, то окажется, что заглавленное обозначение значительно улучшило внешнее оформление реверса. В самом деле, приподнятый участок поля с заглавленным словом “РУБЛЬ” очень удачно разрушает однообразие выпуклой круговой надписи, четко обособливает обозначение номинала от смежного с ним текста и является самостоятельным элементом богатого убранства реверса этой монеты. Ввиду возникшей необходимости получить пробные образцы “константиновского” рубля в самые сжатые сроки три комплекта штемпелей для него изготавливались вручную одновременно тремя мастерами; естественно, что вручную вырезались на штемпелях реверса и выпуклые литеры обозначения номинала¹. Закончены были только два комплекта, из которых один был закален и использовался для чеканки всех известных экземпляров монеты (рис. 5), а с другого, незакаленного, были сняты при невыясненных пока обстоятельствах лишь свинцово-оловянные слепки (на рис. 6 представлен двусторонний слепок, хранящийся в фондах Государственного Исторического музея). Весь процесс ручного изготовления штемпелей “константиновского” рубля хорошо прослеживается на односторонних свинцово-оловянных слепках, снявшихся на различных стадиях работы над штемпелями (эти слепки находятся в фондах Государственного Эрмитажа, два из них представлены на рис. 8-а и 8-б).

О сложности вырезания на штемпеле вручную выпуклой надписи наглядно свидетельствует “рубль Трубецкого” (рис. 9). Несмотря на то, что штемпели этой подделки изготовлены на самом высоком профессиональном уровне и, вероятнее всего, на Парижском монетном дворе², со-

стояние поверхности участка поля реверса, на котором помещено слово “РУБЛЬ”, чрезвычайно плохое и резко контрастирует с отличным состоянием поверхности всех других участков поля обеих сторон монеты. Необходимо отметить, что мастера Петербургского монетного двора, изготовившие подлинные штемпели, справились с вырезанием выпуклых литер несравненно успешнее.

Не вызывает никакого сомнения, что на серийные штемпели “константиновского” рубля выпуклое обозначение номинала переводилось бы с маточника, однако, как известно, до изготовления маточников для этой монеты дело так и не дошло.

Итак, на “константиновском” рубле 1825 года заглубленная надпись была использована в качестве декоративного элемента.

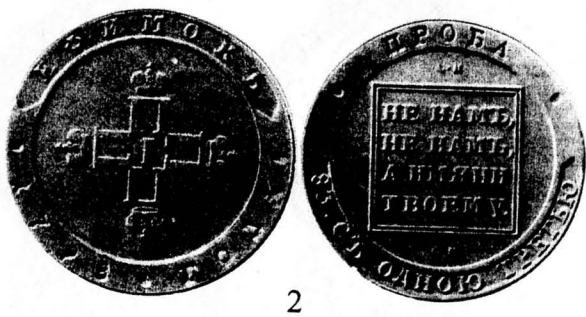
Все перечисленные пробные серебряные монеты по разным причинам не были приняты к массовой чеканке, однако положительные свойства заглубленных надписей, выявленные при изготовлении этих монет, впоследствии были учтены и оценены по достоинству. Прежде всего, заглубленные гуртовые надписи с 1806 года полностью вытеснили на русских монетах выпуклые. Что же касается заглубленных надписей на аверсе и реверсе, то они с успехом применялись на медных монетах массового выпуска 1867–1916 годов (рис. 10). Сочетание выпуклого и вдавленного текста на этих монетах был использовано, как на “константиновском” рубле, в качестве одного из элементов их художественного оформления. Да и защита круговой надписи от повреждений была осуществлена на них совершенно так же, как на ефимках 1798 года.

В то же время заглубленные надписи на медных монетах 1867–1916 годов стали играть еще одну немаловажную роль. В записке министра финансов от 1 февраля 1867 года “О выпуске в народное обращение новой разменной серебряной и медной монеты”³ содержится следующее рассуждение: “Для затруднения же подделки необходимо составить новые более красивые рисунки (речь идет о проектных рисунках медных монет нового образца. – В. У.), приняв, кроме других улучшений, для надписей на монете два рода букв: выпуклые и вдавленные. Буквы эти

требуют разного способа приготовления, и, следовательно, для выделки фальшивых штемпелей будет необходимо большее искусство". Такова еще одна задача, решавшаяся применением на монетах заглубленных надписей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Спасский И. Г.* По следам одной редкой монеты. Л., 1964. С. 18.
2. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Николая I. СПб., 1890. С. XII.
3. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Александра II. СПб., 1888. С. 101.

4

5

6

7

8-a

8-b

9

10

НОМИНАЛ МОНЕТЫ – 5 КОПЕЕК

Монеты “императорского” периода достоинством в пять копеек занимают среди других российских монет в какой-то мере особое положение.

Во-первых, практически только пятикопеечники на протяжении длительного времени могли чеканиться либо попеременно, либо одновременно и в серебре, и в меди. Во-вторых, начиная со второй половины XVIII века, пятикопеечник являлся самой мелкой серебряной монетой, и в то же время в подавляющем большинстве случаев (кроме особого периода 1830–1839 годов, а также двух кампаний по перечеканке 1762 и 1796 годов) монета пятикопеечного номинала была самой крупной среди медных монет. И в-третьих, в отношении пятикопеечника гораздо чаще, чем в отношении других монет, принимались различные меры по обеспечению обязательного присутствия монет этого номинала в денежном обращении.

Первые пятикопеечники с обозначением номинала “десять денег” (то есть десять полукопеечников) чеканились в 1701, 1702 и 1704 годах (рис. 1), а привычное для нас обозначение номинала этого достоинства появилось на пятикопеечниках, чеканившихся в 1713 и 1714 годах (рис. 2). Перечисленные выше монеты изготавливались только из серебра, и лишь в 1723 году появились первые медные пятаки: вначале пробные (рис. 3 и 4), а затем и массового выпуска утвержденного образца (рис. 5). Выпуск этих пятаков продолжался до 1730 года, а в обращении они находились до 1755 года (правда, последние десять лет – с постепенным снижением их покупательной способности).

Поскольку пятаки образца 1723 года, чеканившиеся по монетной стопе в 40 рублей из пуда меди, обеспечивали очень высокую прибыль фальшивомонетчикам, правительство постоянно искало наиболее приемлемый способ изъятия их из обращения и рассматривало многочисленные проекты, посвященные решению этой проблемы (см. очерк “История чеканки и обращения медных пятаков 1723–1730 годов”).

Так, в 1740 году появился один из наиболее обоснованных проектов, предусматривавший перечеканку всех пятаков 1723–1730 годов в двухкопеечники. И как только с появлением этого проекта возникла реальная возможность ликвидации медных пятаков, тут же на смену им был запланирован выпуск пятаков серебряных – были даже отчеканены пробные экземпляры такой монеты в двух вариантах внешнего оформления (рис. 6 и 7). Поскольку же проект 1740 года не получил одобрения, не состоялся и выпуск в 1740 году серебряных пятикопеечников. Когда же в 1755 году ликвидация медных пятаков (путем перечеканки их в копейки) была наконец начата, в том же году начался и массовый выпуск серебряных пятикопеечников (рис. 8), продолжавшийся до 1761 года включительно.

В 1757 году, когда для медных монет была утверждена 16-рублевая стопа, появляются пробные образцы медного пятака с различными вариантами оформления аверса: с московским гербом (рис. 9), с гербом города Санкт-Петербурга (рис. 10) и с гербом Царства Сибирского (рис. 11), а в 1758 году начинается массовый выпуск нового медного пятака утвержденного образца – с государственным гербом на аверсе (рис. 12).

Чеканка монет пятикопеечного номинала одновременно и в серебре, и в меди осуществлялась при Елизавете Петровне в течение четырех лет. Такая параллельная чеканка была, видимо, вызвана прежде всего стремлением обеспечить удобное пользование этими монетами. Действительно, те, кому затруднительно было иметь при себе тяжелые (более 50 г каждый) и крупногабаритные медные пятаки, могли заменить их на легкие (с массой около 1,2 г), удобные для хранения и транспортировки, серебряные; а те, кому трудно было обращаться с очень небольшими по размерам серебряными пятикопеечниками, могли воспользоваться медными, которые и отличить от других монет было легко, и потерять не так просто. При этом не следует также забывать, что в то время медяки были более привычны для простого люда, а серебром пользовались, в основном, достаточно обеспеченные слои населения.

В кратковременное царствование Петра III чеканка медных пятаков не только не производилась, но, скорее всего, и не планировалась. Поэтому на Петербургском монетном дворе велась подготовка к выпуску серебряного пятикопеечника: были отчеканены пробные образцы такой монеты с тремя вариантами внешнего оформления (рис. 13–15). Однако выбрать образец для массового выпуска и организовать его массовую чеканку при Петре III, видимо, просто не успели.

Пробный серебряный пятикопеечник был отчеканен и в начале царствования Екатерины II (рис. 16), но чеканка монеты пятикопеечного достоинства одновременно в двух металлах теперь была признана нецелесообразной, а потому в продолжение всего царствования этой императрицы массовыми тиражами выпускались только медные пятаки 16-рублевой стопы (рис. 17). Монета пятикопеечного достоинства была включена и в серию медных монет 32-рублевой стопы, чеканка которых была начата в 1796 году, но после кончины Екатерины II сразу же прекращена Павлом I. Основная часть монет этой серии изготавливалась перечеканкой ранее выпущенных медных монет, но пятак (рис. 18) и полушка чеканились обычным способом, на гладких кружках-заготовках.

С воцарением Павла I пятак был исключен из комплекта медных монет нового образца – вместо него была начата массовая чеканка серебряного пятикопеечника (рис. 19). Однако медные пятаки при Павле I в обращении, несомненно, находились: это были начеканенные в огромных количествах пятаки Екатерины II, а также пятаки, изготовленные из медных десятикопеечников 1796 года в процессе “павловского перечекана” (см. очерк “Перечеканка монет в XVIII веке”). Использование этих пятаков при Павле I было вполне закономерным, поскольку 16-рублевая стопа, по которой они чеканились, была утверждена и для медных монет нового царствования.

В первое десятилетие царствования Александра I наблюдается очевидная смена приоритетов: исчезает серебряный пятикопеечник при массовом выпуске медных пятаков (рис. 20). А в 1810 году, наоборот, исчез медный пятак и появился серебряный пятикопеечник (рис. 21). С этого

года серебряная пятикопеечная монета непрерывно, вплоть до 1915 года, входит в комплект разменных серебряных монет (за исключением двух кратковременных перерывов в 1894–1896 годах и в 1907 году). За эти сто с лишним лет у серебряного пятикопеечника лишь несколько изменилось внешнее оформление (рис. 22–24) и снизилась проба серебра (с 83½ до 48) при незначительном уменьшении лигатурной массы.

Чеканка медных пятаков возобновилась в 1830 году и продолжалась до 1839 года (рис. 25). Однако теперь это уже не была одновременная чеканка пятикопеечной монеты в двух различных металлах. Дело в том, что в этот период времени курс медных монет относительно монет серебряных непрерывно падал вместе с падением курса бумажных денег (ассигнаций), для которых медные монеты служили разменным средством. В конце концов покупательная способность медных и серебряных монет достигла соотношения 1:3 и медный пятак стал соответствовать примерно 1,7 копеек серебром. Таким образом, серебряный и медный пятикопеечники 1830–1839 годов фактически были различными монетами, хотя формально номинал на них был обозначен один и тот же. Так же обстояло дело и с чеканившимися в это время медными и серебряными десятикопеечниками.

С 1840-го по 1848 год медный пятак не чеканился, а появился вновь лишь в 1849 году, причем теперь он был полностью равноценен серебряному пятикопеечнику. С 1849-го по 1866 год пятаки (рис. 26 и 27), как и все медные монеты, чеканились по 32-рублевой стопе, а в 1867 году стопа была повышена до 50 рублей из пуда меди и было изменено внешнее оформление медных монет (рис. 28). Таким образом, с 1849-го по 1881 год монеты пятикопеечного номинала чеканились одновременно и в серебре, и в меди. Причина возобновления этой параллельной чеканки, видимо, та же, что и в 1758–1761 годах, – стремление обеспечить удобное пользование этими монетами. Однако при Александре III такую заботу об удобствах посчитали излишней, и с 1882 года выпуск медных пятаков был прекращен.

Фактически не возобновлялся он и при Николае II, хотя в 1911–1912 годах и в 1916 году массовая чеканка пятаков все же имела место. Как известно, в 1911–1912 годах рассматривался первый отечественный проект введения в России монет из медно-никелевого сплава (см. очерк “Никелевая монета в России”). Отчеканенная в 1919 году серия никелевых монет состояла из четырех номиналов (25, 20, 10 и 5 копеек), которые должны были заменить разменные серебряные монеты, а чеканка в 1911–1912 годах медных пятаков была, видимо, предпринята для оценки экономической целесообразности замены серебряного пятикопеечника либо никелевым (рис. 29), либо медным (рис. 30) пятаком.

Поскольку проект 1911 года реализован не был, в последующие годы продолжилась чеканка только серебряных пятикопеечников, а когда в 1915 году эта чеканка была прекращена, с 1916 года опять стали выпускать медные пятаки. Такие монеты, несомненно, планировалось чеканить и в дальнейшем; во всяком случае, на сегодня известны три медных пятака 1917 года (рис. 31).

Если в 1911–1912 годах так и не было решено, каким должен стать пятикопеечник – никелевым или медным, то для авторов нового проекта, появившегося в 1916 году, такого вопроса уже не существовало. Этот проект предусматривал замену монетами нового образца всего комплекса разменных монет: серебряные монеты достоинством 25, 20, 15 и 10 копеек предполагалось заменить никелевыми монетами соответствующих номиналов, а серебряный пятикопеечник и существовавшие медные монеты 50-рублевой стопы – новыми медными монетами 100-рублевой стопы с номиналами от пятака до копейки (монеты достоинством ниже одной копейки предполагалось из обращения исключить).

В серии пробных монет 1916 года медный пятак, который должен был заменить серебряный пятикопеечник, представлен тремя образцами с различными вариантами внешнего оформления (рис. 32–34).

Проект 1916 года, как и проект 1911 года, реализован не был.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

1718 ГОД

Хорошо известно, что в результате проведения денежной реформы Петра I Россия получила самую передовую и, по тому времени, самую совершенную монетную систему. Реформа, начатая в 1698 году, по мнению большинства исследователей, была завершена в 1704 году с поступлением в обращение монет основополагающих номиналов: серебряного рубля и медной копейки. Другие исследователи считают, что завершение реформы ознаменовалось прекращением в 1718 году чеканки серебряных проволочных копеек дореформенного образца. Однако, несмотря на то что новая монетная система вполне заслужила столь высокую оценку, она была в скором времени подвергнута глубокому реформированию.

В 1718 году были опубликованы два именных указа Петра I (от 24 января и 14 февраля), результатом которых стало преобразование всего денежного хозяйства страны, поскольку эти указы предусматривали введение новых или модернизацию уже существовавших монет всех трех категорий: золотых, серебряных и медных. И прежде всего, как уже говорилось, была прекращена чеканка серебряных проволочных копеек (рис. 1), служивших гарантами выпущенных в 1700 году в обращение медных монет: стало очевидным, что к этому времени дореформенные копейки свою роль сыграли полностью.

С 1718 года, вместо высокопробных золотых червонцев, ориентированных на западноевропейский дукат, началась чеканка золотых двухрублевиков (рис. 2). Эти последние, изготовленные из золота пониженной пробы (75-й вместо $94\frac{1}{10}$ у червонцев), имели русское обозначение номинала, а на их реверсе вместо гербового орла было помещено изображение небесного покровителя России святого апостола Андрея Первозванного; кроме того, на гурт двухрублевиков был нанесен узор в виде чередующихся продолговатых колец, тогда как гурт червонцев оставался неоформленным. Золотые двухрублевики чеканились на протяжении десяти лет, вплоть до 1728 года. И если червонцы использовались в основном для международных платежей, то двухрублевики предназначались для обращения внутри страны.

Набор номиналов серебряных монет старших достоинств, согласно указам 1718 года, оставался, в основном, неизменным: рубль, полтина и гривенник, – хотя исчез полуполтинник, чеканившийся последний раз в 1713 году. Однако сами монеты претерпели существенные изменения. Прежде всего, впервые за все время реформы для серебряных монет была законодательно определена проба сплава – 70-я. Если в начальный период реформы российские серебряные монеты должны были чеканиться из серебра талерной пробы (в среднем 84-й), то начиная примерно с 1707 года наблюдается постепенное, не санкционированное правительством снижение пробы монетного серебра, иногда весьма значительное. Указ 1718 года упорядочил этот процесс, прекратив самодеятельность монетных дворов. Другим стабилизирующим фактором было упорядочение внешнего оформления серебряных рублевиков и полтин (рис. 3 и 4). Правда, помещавшиеся на них портреты Петра I и изображения гербового орла продолжали отражать все многообразие художественного вкуса и умения резчиков монетных штемпелей, но в содержании легенд на аверсе и реверсе этих монет было установлено строгое единообразие. Если раньше на рублях и полтинах встречались легенды самого различного содержания, то с 1718 года на аверсе этих монет будет всегда написано: “ЦАРЬ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ ВСЕЯ РОССИИ САМОДЕРЖЕЦ”, а на реверсе – “МОНЕТА НОВАЯ, ЦЕНА РУБЛЬ” (или “ПОЛТИНА”). Легенды такого же содержания (хотя и с грамматическими сокращениями некоторых слов) помещаются на аверсе и реверсе золотых двухрублевиков. Такое оформление просуществует на рублях и полтинах до 1722 года, а на двухрублевиках – до 1721 года, то есть до провозглашения Петра I императором.

Наконец, в 1718 году на рублевиках и полтинах впервые появляется гуртовая надпись. Напомним, что опыты нанесения надписи на гурт монет (тогда – медных) были проведены в России еще в 1710 году.

Что касается серебряных гривенников (рис. 5), то их реверс получил совершенно новое оформление (по сравнению с гривенниками, чеканившимися ранее), а на их гурт была впервые нанесена шнуровидная насеч-

ка. Таким образом, в 1718 году все монеты из драгоценных металлов (за исключением низкопробных серебряных разменных монет) получили защиту от подделки и порчи (обрезания и опилования) в виде специального оформления их гуртовой поверхности.

В 1718 году была реализована в полном объеме предпринятая четырьмя годами ранее попытка ввести в широкое обращение разменные серебряные монеты мелких номиналов, изготовленные из медно-серебряного сплава 38-й пробы. Если в 1713–1714 годах таких монет (пятикопеечников, алтынов и копеек) было начеканено на общую сумму в 3,5 тысячи рублей, то за один 1718 год серебряных алтынов и копеек (рис. 6 и 7) изготовили на сумму около 29 тысяч рублей. Видимо, эмиссия такого объема вполне удовлетворила существовавшие тогда потребности рынка, вследствие чего в дальнейшем массовая чеканка низкопробных серебряных разменных монет до 1726 года больше не производилась.

На аверсе алтынов и копеек 1718 года впервые вместо гербового орла был помещен московский герб вне связи его с государственным гербом. Таким образом, в 1718 году на монетах появились изображения сразу двух православных святых: святого апостола Андрея Первозванного, держащего крест, на котором он был распят, и святого Георгия Победоносца, поражающего копьём змия.

Необходимо отметить, что до 1718 года серебряные монеты регулярного чекана в течение трех лет в России вообще не изготавливались. Видимо, в это время шла подготовка московских монетных дворов (Красного и Кадашевского) к выпуску новых серебряных монет строго регламентированной пробы сплава и нового внешнего оформления, включая гуртовую надпись на рублях и полтинах. Действительно, на каждом монетном дворе требовалось заново изготовить большое количество монетных штемпелей десяти новых видов, изготовить гуртильные станки и найти рабочие площади для их размещения, изготовить большое количество комплектов гуртильного инструмента трех видов, пополнить штат монетных дворов пробовальными и гуртильными мастерами, увеличить

количество резчиков монетных штемпелей, обучить специалистов по изготовлению гуртильных вереек и провести еще целый ряд организационно-технических мероприятий.

И все же наиболее глубокие изменения произошли в 1718 году с выпуском медных монет. Прежде всего, новые монеты имели вдвое меньшую весовую норму: если раньше из пуда меди начеканивали монет на 20 рублей, то теперь из пуда выходило медных монет на 40 рублей. А кроме того, вместо копеек, денег и полушек достаточно сложного внешнего оформления стали чеканить только полушки (рис. 8), весьма примитивно оформленные. Вдвое меньший расход меди и небольшие затраты на изготовление значительно упрощенных штемпелей давали казне ощутимую прибыль от чеканки новых монет. Однако поступление в обращение этих монет, совершенно незащищенных от подделки и суливших фальшивомонетчикам небывалые доходы (40 рублей из пуда меди, стоившего на рынке около 6 рублей), привело к катастрофическому наполнению рынка фальшивой медной монетой. Поэтому, когда через пять лет вместо полушек стали чеканить медные пятаки той же весовой нормы, на них уже были предусмотрены меры защиты от фальсификации. Однако и эти меры, в конечном счете, ощутимого эффекта не дали.

В настоящее время неизвестны пробные образцы золотых и разменных серебряных монет, появившихся в 1718 году. А вот дошедшие до нас пробные медные монеты (рис. 9–11) свидетельствуют о том, что первоначально предполагалось начать в 1718 году чеканку по весовой норме в 40 рублей из пуда весь набор медных номиналов: копейку, деньгу и полушку, – причем все они должны были иметь оформление монет прежнего выпуска.

Итак, все перечисленные выше мероприятия дают полное основание считать, что в 1718 году имели место не отдельные изменения в той или иной группе монет, а было проведено коренное реформирование всей монетной системы России.

1

2

3

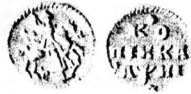
4

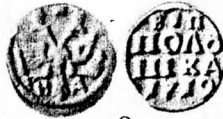
5

6

7

8

9

10

11

1755 ГОД

По своей значимости в деле реформирования российской монетной системы 1755 год занимает в XVIII веке одно из первых мест. Действительно, именно в 1755 году была наконец начата важнейшая кампания по изъятию из обращения и перечеканке в копейки 8-рублевой стопы (образца 1723 года). Успешно завершившись через два года, эта кампания не только избавила российскую экономику от монет, наносивших ей ощутимый ущерб на протяжении всей второй четверти XVIII века, но и послужила основой для разработки новых медных монет 16-рублевой стопы, причем такая монетная стопа, просуществовав практически более полувека (до 1810 года), была использована и позднее, в ходе проведения реформы Е. Ф. Канкрин (в 1839–1847 годах). Такая востребованность стопы в 16 рублей из пуда меди объясняется тем, что она, с одной стороны, обеспечивала государству приемлемый доход от эксплуатации монетной регалии, а с другой – делала невыгодной подделку медных монет¹.

В том же 1755 году, в целях предотвращения разменного кризиса, была начата чеканка серебряных пятикопеечников, заполнивших образовавшийся разрыв между копеечным и десятикопеечным номиналами. Опыт непрерывной чеканки таких монет в течение 7 лет (с 1755-го по 1761 год) послужил хорошей основой для организации их выпуска при Павле I (в 1797–1801 годах) и в 1810 году, когда пятикопеечник был окончательно включен в номенклатуру номиналов серебряных разменных монет.

Наконец, в 1755 году в России впервые появились золотые монеты массового выпуска достоинством 10 и 5 рублей, тогда как до этого времени самой крупной российской монетой был изредка чеканившийся золотой двойной червонец, оценивавшийся в 4 руб. 50 коп. (или 4 руб. 60 коп.). Номиналы золотых монет в 10 и 5 рублей, установленные в 1755 году, просуществовали до конца царской золотой чеканки.

Все эти начинания, успешно осуществленные в 1755 году, сопровождались активными поисками наиболее приемлемых характеристик новых монет, вводимых в денежное обращение России. Например, на сегодня

известно семь пробных копеечных монет с различным внешним оформлением, датированных 1755 годом и отчеканенных неутвержденными комплектами штемпелей, которые предназначались для перечеканки легковесных пятикопеечников образца 1723–1730 годов, – об этих пробных копейках имеется достаточно много сведений². Остается только упомянуть об одном новоделе, также датированном 1755 годом и по существу представляющем собой медную копейку 8-рублевой стопы хотя номинал на нем не обозначен (рис. 1).

Аверс этого новодела оттиснут штемпелем аверса новодельной серебряной полтины, датированной 1746 годом. Что же касается штемпеля реверса, то его происхождение до настоящего времени остается невыясненным. Для изготовления такого штемпеля предположительно могли существовать три причины: либо это был штемпель какой-либо неутвержденной памятной медали, либо он был специально изготовлен для чеканки новоделов, либо, наконец, он представляет собой штемпель еще одного неутвержденного варианта пробной медной копейки 8-рублевой стопы. Рассмотрим, насколько вероятны эти предположения.

1. Интересующий нас штемпель не мог быть медальным по той причине, что в 1755 году произошло лишь одно событие, достойное быть отмеченным памятной медалью – учреждение Московского университета, состоявшееся 12 января 1755 года. Однако по поводу этого события была выпущена полноразмерная (диаметром 51 мм) памятная медаль, датированная 1754 годом, поскольку именно в этом году И. И. Шувалов читал в Сенате донесение об учреждении этого учебного заведения³.

2. Маловероятно, что такой штемпель был специально изготовлен для чеканки новоделов, поскольку в этом случае обязательно был бы изготовлен в пару ему и другой штемпель и был бы известен хотя бы один новодел, отчеканенный полным комплектом штемпелей. Также очень сомнительно, чтобы изготовитель интересующего нас штемпеля сразу предназначал его в пару к портретному штемпелю новодельной серебряной полтины, поскольку отчеканенные в результате такого сочетания новоделы, из-за отсутствия на них обозначения номинала, могли быть

причислены к монетам лишь условно, что резко снижало их привлекательность в глазах коллекционеров, для которых новоделы и предназначались,— фактически это и наблюдается.

3. Наиболее вероятно, что рассматриваемый штемпель все же является подлинным и свидетельствует о существовании в 1755 году еще одной, восьмой, разновидности пробной и не получившей утверждения копейки 8-рублевой монетной стопы. Действительно, если сравнить этот штемпель со штемпель-гербовиком копейки, представленной на рис. 2, то прежде всего обнаруживается явная идентичность изображенных на обеих монетах гербовых орлов довольно специфического рисунка, а также почти полное совпадение начертания на обеих монетах цифр даты; кроме того, наблюдается несомненное стилистическое сходство фигурных рамок, окружающих орлов, причем такое же сходство имеют рамки, изображенные на лицевой и оборотной сторонах копейки, представленной на рис. 3. Все это может свидетельствовать только об одновременности изготовления интересующего нас штемпеля и штемпелей некоторых дошедших до нас пробных копеек 1755 года (рис. 2, 3). Что же касается отсутствия на рассматриваемом новоделе обозначения номинала, то оно могло находиться на втором штемпеле пробной копейки, который так и остался для нас неизвестным.

Согласно сенатскому указу от 25 мая 1755 года⁴, существовало четыре варианта внешнего оформления серебряного пятикопеечника, которые были представлены Канцелярией Монетного правления в Сенат, однако до нас не дошли ни пробные образцы, ни описание неутвержденных вариантов. А к массовому выпуску был принят вариант оформления, подобный утвержденному для медных копеек 8-рублевой стопы, но с добавлением пяти счетных звездочек (см. рис. 10 и 11).

Значительно больше известно о разработках, выполненных Петербургским Монетным двором в отношении крупных золотых монет. Эти разработки велись по четырем направлениям:

1. Выбор наиболее выгодного для новых монет сплава золота.

2. Поиски наиболее приемлемого геральдического изображения, помещаемого на их реверсе.

3. Выбор формулы обозначения их номинала.

4. Определение набора номиналов новых монет.

Согласно сенатскому указу от 31 июля 1755 года ⁵, Канцелярия Монетного правления была обязана представить на рассмотрение Сената два пробных десятирублевика, изготовленных: один – из золота 88-й пробы, другой – из золота 94²/₃ пробы (из такого золота изготавливались червонцы 1749–1753 годов). Утвержден был сплав 88-й пробы, который использовался многими европейскими государствами; в российском монетном производстве этот сплав находил применение (с незначительным перерывом) вплоть до 1885 года.

Согласно определению Сената от 10 августа 1755 года ⁶, для размещения на реверсе новых золотых монет были предложены три различных геральдических изображения:

– коронованный щит с изображением святого Андрея Первозванного, держащего крест;

– четыре коронованных щита с изображением гербов московского, Царства Казанского, Царства Астраханского и Царства Сибирского, расположенные вокруг государственного герба;

– шесть коронованных щитов с изображением гербов Царства Казанского, Царства Астраханского, Царства Сибирского, Великого княжества Владимирского и Великого княжества Новгородского, расположенных вокруг московского герба.

При этом на аверсе монет всех вариантов должен был располагаться портрет императрицы Елизаветы Петровны с обычной круговой надписью (“Б. М. ЕЛИСАВЕТ І ІМП. І САМОД. ВСЕРОСС.”).

Однако перечень предлагавшихся реверсных изображений должен быть пополнен. Прежде всего, на уникальном пробном десятирублевике из собрания Государственного Эрмитажа щит с изображением святого Андрея Первозванного, держащего крест, существует не сам по

себе, а расположен на груди гербового орла (рис. 4). Кроме того, существуют новодельные пятирублевые монеты (рис. 5/7, 5/8, 6/7 и 6/8) с двумя различными вариантами оформления реверса.

Один из них (рис. 7) представляет собой гербового орла, на груди которого помещен щит с изображением распятого святого Андрея Первозванного, а другой (рис. 8) почти в точности воспроизводит знак ордена Андрея Первозванного, только, в отличие от орденского знака, орел на монетном изображении держит в лапах скипетр и державу.

В отношении этих новоделов в Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича ⁷ имеется следующее примечание: “Последние четыре монеты помещены между новодельными, так как ржавчина на штемпеле указывает на позднейшую чеканку этих монет, хотя штемпеля, весьма вероятно, современные”. Но новодельный характер этих монет подтверждается не только имеющимися на них следами от коррозии штемпелей реверса, но и недопустимым разбросом значений их лигатурной массы, достигающим 4 г, а также наличием на их гурте необычной шнуровидной насечки, существенно отличающейся от насечки на подлинных золотых монетах этого времени бóльшим углом наклона и бóльшим шагом. Учитывая, что такая же насечка имеется на подлинных золотых монетах 1802 – 1805 годов и что все указанные выше новоделы отчеканены из золота, использовавшегося для массовой чеканки именно в эти годы (примерно 94 пробы), можно предположить, что как раз 1802–1805 годы и являются временем изготовления интересующих нас новоделов. Такое же предположение было высказано А. Марковым еще в 1906 году ⁸, однако каких-либо оснований этого предположения тогда приведено не было. Но коррозия штемпелей реверса этих монет свидетельствует и о другом, гораздо более важном факте: штемпели, заново изготовленные для чеканки новоделов, всегда сразу же пускались в работу и не могли долгое время где-то ржаветь. Следовательно, для чеканки рассматриваемых нами новоделов были, безусловно (а не “весьма вероятно”), использованы подлинные штемпели реверса двух не дошедших до нас пробных пятирублевиков 1755 года.

Интересно отметить, что аверс двух из этих новоделов (рис. 5) отчеканен подлинным штемпелем аверса пятирублевика массового выпуска с портретом работы Б. Скотта (рис. 13), а аверс двух других (рис. 6) – подлинным штемпелем аверса двойного “андреевского” червонца 1749 или 1751 годов (рис. 14).

В результате рассмотрения всех перечисленных выше вариантов оформления реверса новых российских золотых монет был выбран вариант с четырьмя территориальными гербами, расположенными вокруг государственного герба.

В доношении из Монетной канцелярии в Сенат от 6 июля 1755 года⁹ предлагалось обозначение номиналов новых золотых монет сформулировать следующим образом: “ЕЛИСАВЕТИНЪ ЗОЛОТОЙ ЦЕНА ДЕСЯТЬ (или “ПЯТЬ”) РУБЛЕЙ” – именно так и обозначен номинал на пробном десятирублевике (рис. 4) и на двух новодельных пятирублевиках (рис. 5, 6). А в уже упоминавшемся определении Сената от 10 августа 1755 года¹⁰ приведены еще два предлагавшихся варианта обозначения номинала: “РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ МОНЕТА ДЕСЯТЬ (или “ПЯТЬ”) РУБЛЕЙ” и “МОНЕТА ЗОЛОТАЯ ДЕСЯТЬ (или “ПЯТЬ”) РУБЛЕЙ”. В то же время, на двух других новоделах (рис. 7, 8) имеется еще один вариант: “МОНЕТА ЦЕНА ПЯТЬ РУБЛЕЙ”. И все же, согласно именному указу от 12 ноября 1755 года¹¹, было выбрано совсем другое обозначение номинала: “ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЙСКАЯ МОНЕТА ЦЕНА ДЕСЯТЬ (или “ПЯТЬ”) РУБЛЕЙ”. Непосредственно на монетах эта надпись воспроизводилась с сокращениями: “ИМПРСКАЯ РОССИИС.МОН.ЦЕНА ДЕСЯТ (или “ПЯТЬ”) РУБ.”. Такая формула обозначения номинала дала основания для присвоения десятирублевику дополнительного названия “ИМПЕРИАЛ”, а пятирублевику – “ПОЛУИМПЕРИАЛ”¹².

Наконец, в 1755 году была предпринята попытка расширить набор номиналов новых золотых монет путем присоединения к десяти- и пятирублевику двадцатирублевой монеты. Пробный двадцатирублевик (рис. 9) был, видимо, отчеканен уже после того, как были решены вопросы с

пробой золота, с геральдическим оформлением реверса и с формулой обозначения номинала, однако к массовому выпуску монета такого крупного достоинства не была принята.

Таким образом, в 1755 году в денежное обращение России были внедрены четыре новые монеты: медная копейка 8-рублевой монетной стопы (рис. 10), серебряный пятикопеечник (рис. 11) и золотые десятирублевик (рис. 12) и пятирублевик (рис. 13), причем первая и две последние монеты имели определяющее значение для российской монетной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Доход от эксплуатации монетной регалии (то есть исключительного права государства на выпуск монет) заключался в разнице между нарицательной ценой (номиналом), которую государство присваивало монете и затратами государства на изготовление монеты. Так же формировалась и прибыль от изготовления фальшивой монеты, только фальшивомонетчику приходилось сопоставлять размер этой прибыли с риском быть пойманным и казненным страшной казнью. Поэтому только очень большая прибыль (получаемая, например, при 40-рублевой стопе) заставляла фальшивомонетчиков рисковать жизнью.

2. Подробнее о медных пробных копейках 1755 года см. в очерке “История чеканки и обращения медных пятаков 1723–1730 годов”.

3. *Букатина-Дараган Г.Е.* Медали, нагрудные знаки и жетоны Императорского Московского университета // Нумизматический сборник. Вып. 98. Ч. XIII. Труды ГИМ. М., 1998. С. 244.

4. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ), № 10415.

5. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Елизаветы I.. СПб., 1896. Т. 1. С. 158.

6. Там же. С. 158–160.

7. Там же. Т. 2. Монета 390. С. 57.

8. Труды нумизматического отделения Императорского Археологического общества. СПб., 1906. Т. 1. С. 89–92.

9. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Елизаветы I. СПб., 1896. Т. 1. С. 157–158.

10. Там же. С. 158–160.

11. ПСЗ, № 10483.

12. Как известно, это дополнительное название было непосредственно помещено только на монетах массового выпуска 1895–1897 годов, а также на пробных золотых монетах 1895 года.

1

2

3

4

7

5

6

8

9

10

11

12

13

14

В ПОИСКАХ НОВОЙ МОНЕТНОЙ СТОПЫ

Первые 40 лет XIX века характеризуются в России постепенным снижением весовой нормы общегосударственных медных монет: если до 1810 года медные монеты чеканились по стопе 16 рублей из пуда меди, то в 1810–1830 годах – по 24-рублевой стопе, а в 1830–1839 годах из пуда меди начеканивали монет на сумму в 36 руб. Соответственно медная копейка в 1802–1810 годах (рис. 1) имела нормативную массу 10,24 г, в 1810–1830 годах (рис. 2) – 6,38 г, а в 1830–1839 годах (рис. 3) – всего 4,55 г. Такое уменьшение веса медных монет объяснялось их прямой связью с бумажными деньгами – ассигнациями. Дело в том, что в эти годы медные деньги служили в русском денежном обращении разменным средством при ассигнационном рубле, а курс последнего по отношению к курсу серебряного рубля непрерывно падал в результате ничем не ограниченной эмиссии бумажных денег. Чтобы по цене заложенного в них металла медные деньги на какой-то период времени хотя бы примерно соответствовали падавшему курсу ассигнационного рубля, и приходилось время от времени снижать их весовую норму.

Свидетельством проводившегося в 1809–1810 годах поиска новой стопы медных монет являются дошедшие до нас редчайшие экземпляры монет 16-рублевой стопы, надчеканенные специальными клеймами. На первом этапе поиска, в 1809 году, предполагалось, видимо, увеличить стопу медных денег сразу вдвое, то есть до 32 рублей пуда меди. Следовательно, предстояло вдвое уменьшить массу каждой монеты, а этого можно было достичь двукратным увеличением нарицательной цены (номинала) всех медных монет, находившихся в обращении. Раньше, до 1797 года, для этого, конечно же, использовали бы перечеканку, при которой монеты новой весовой нормы изготавливались оттиском штемпелей нового образца не на гладких кружках-заготовках, а непосредственно на устаревших монетах. Однако, как известно, правительство Павла I, считая необходимым в первую очередь обеспечить престижный внешний вид монет, как “визитных карточек” государства, решительно отказалось

от перчеканки, которая в большинстве случаев просто уродовала монеты, хотя и обеспечивала немалую экономическую выгоду (не надо было переплавлять устаревшие монеты, прокатывать полосы, вырубать из этих полос кружки-заготовки, а затем вновь переплавлять оставшиеся после вырубки кружков отходы). Именно в результате полного отказа от перчеканки 1809 году пятикопеечники 16-рублевой стопы (Екатерины II и Александра I) были, даже в порядке экспериментального опробования новой монетной стопы, не перчеканены в десятикопеечники штемпелями нового образца, а лишь надчеканены соответствующими малоразмерными клеймами (рис. 4, 5).

Но 32-рублевая монетная стопа была, по всей видимости, признана в 1809 году неподходящей, вследствие чего поиск был продолжен, и появилась новая надчеканка. На этот раз двухкопеечник 16-рублевой стопы (Павла I) был надчеканен малоразмерным клеймом с цифрой “3” (то есть “3 копейки”) и подходящим по диаметру штемпелем аверса серебряного пятикопеечника 1810 года (рис. 6). Полученный в результате такой экспериментальной надчеканки трехкопеечник имел стопу в 24 рубля из пуда меди: $(16:2) \times 3 = 24$, и именно такая стопа была утверждена в 1810 году для медной монеты. При этом интересно отметить, что монета трехкопеечного номинала не была включена в серию монет нового образца, чем исключалась возможность применения перчеканки двухкопеечников старой, 16-рублевой, стопы при переходе на новую стопу. Этот переход, осуществленный на основании Манифеста от 29 августа 1810 года¹, некоторое время сопровождался поисками нового внешнего оформления медных монет.

Прежде всего, четыре монетных двора, чеканивших в это время медные монеты, попытались ввести дополнительную маркировку своей продукции в виде специфического рисунка гербового орла, помещавшегося на лицевой стороне новых монет их производства. На рис. 7 показан орел Екатеринбургского двора, на рис. 8 – Сузунского двора и на рис. 9 – Петербургского и его филиала, Колпинского двора. Попытки эти окончились неудачей: для всех общегосударственных монет был введен единый

рисунок гербового орла – предложенный Петербургским двором, хотя Сузунский двор продолжал настаивать на орле собственного рисунка еще целых три года.

А в 1811 году появились две серии пробных медных монет 24-рублевой стопы с оригинальным внешним оформлением, отчеканенные на Екатеринбургском монетном дворе (рис. 10–15). Монеты эти утверждены не были, но для истории монетного дела в России они имеют важное значение, поскольку на периферийных монетных дворах пробные общегосударственные монеты изготавливались нечасто.

Вопрос о необходимости нового снижения весовой нормы медных монет возник уже к середине 1820-х годов. В 1827 году министр финансов Е. Ф. Канкрин внес предложение о чеканке медных монет нового образца по стопе в 36 рублей из пуда меди². В предложении Канкрина, как это ни странно, содержалась рекомендация изготавливать (в целях экономии) трехкопеечные монеты новой стопы путем перечеканки двухкопеечников 24-рублевой стопы: $(24:2) \times 3 = 36$, хотя эта рекомендация явно противоречила уже твердо сложившемуся мнению о недопустимости использования такого способа изготовления монет. В качестве иллюстрации предложения Канкрина было отчеканено небольшое количество новых трехкопеечников (рис. 16) на кружках, использовавшихся для изготовления двухкопеечников 24-рублевой стопы.

Нечего и говорить, что рекомендация Канкрина не была принята. Более того, в серию монет 36-рублевой стопы, чеканка которых была начата в 1830 году³, трехкопеечник вообще не был включен, что полностью исключало возможность проведения перечеканки, предлагавшейся Канкриным.

Такова причина появления пробного трехкопеечника 1827 года. Характерной особенностью этой монеты является рисунок помещенного на ней гербового орла: он полностью соответствует рисунку орла, помещавшегося в 1826–1830 годах на серебряных монетах. По сравнению с орлом на медных монетах массового выпуска 1830–1839 годов (рис. 18), он увенчан одной короной вместо трех, имеет на груди видоизмененный

английский щиток (с удлиненной верхней частью) вместо обычного английского щитка и не имеет в правой лапе стрел-молний, тогда как орел на серийных монетах держит в лапах полный набор атрибутов (венок, ленту ордена Андрея Первозванного, факел, перун и стрелы).

В настоящее время медный трехкопеечник 1827 года не так уж редок по сравнению с другими российскими пробными монетами, и причины этого заслуживают более подробного рассмотрения. Дело в том, что опубликованные В. В. Бартошевичем документы ⁴ свидетельствуют о существовании заказов частных лиц на чеканку Петербургским монетным двором новодельных трехкопеечников 1827 года, и хотя приведенный в этой публикации заказ купца Еремеева от октября 1846 года, прямо называвший эту монету, выполнен не был, имеется достаточно большая вероятность того, что по более ранним заказам такие новоделы были отчеканены. Эта чеканка, скорее всего, вначале производилась подлинными штемпелями и на кружках двухкопеечников 1810–1830 годов (масса около 13,6 г, толщина 2,1 мм), в связи с чем наряду с подлинными пробными экземплярами этой монеты вполне могут существовать новоделы, отличить которые от подлинников невозможно.

Обследование монет, находящихся в собрании Государственного Исторического музея, позволило примерно проследить дальнейший ход чеканки на Петербургском монетном дворе новодельных трехкопеечников 1827 года. В результате использования для такой чеканки подлинных штемпелей, вероятно, вышел из строя штемпель реверса, для замены которого был изготовлен новый, отличавшийся от подлинного формой линейного знака ⁵: вместо узкого ромбовидного (рис. 19-а) на этом штемпеле был изображен широкий веретенообразный знак (рис. 19-б). К этому же времени, по всей видимости, иссякли запасы как кружков-заготовок для двухкопеечников образца 1810–1830 годов, так и лент, из которых эти кружки вырубались. Поэтому в дальнейшем новодельные трехкопеечники чеканились (с использованием “смешанного” комплекта штемпелей – подлинного штемпеля аверса и вновь изготовленного штемпеля реверса) на кружках с массой около 16,5 г и толщиной порядка 3,2 мм,

вырубленных из полос, предназначенных для двухкопеечников образца 1839–1848 годов (16-рублевой стопы), которые в это время находились в массовом производстве⁶. А в 1847 году, как следует из документов, опубликованных В. В. Бартошевичем, император Николай I утвердил предложение министра финансов об уничтожении на Петербургском монетном дворе всех пробных штемпелей и штемпелей, изготовленных для чеканки новоделов, что вроде бы и было исполнено⁷. В числе уничтоженных, скорее всего, оказался и “смешанный” комплект штемпелей трехкопеечника 1827 года.

В своей публикации В. В. Бартошевич выразил уверенность в том, что результатом этой акции стала полная невозможность изготовления новодельных штемпелей в будущем⁸. К сожалению, это оказалось не так, о чем свидетельствует следующий факт.

Среди трехкопеечников 1827 года в собрании Государственного Исторического музея оказались экземпляры, отчеканенные еще одним комплектом штемпелей (рис. 17). Штемпель аверса из этого комплекта отличается от подлинного штемпеля многими мелкими деталями; наиболее заметные из них – “взлохмаченное” оперение на левой (правой от зрителя) голове орла (рис. 20-б) вместо “приглаженного” на подлинном штемпеле (рис. 20-а) и особый рисунок трилистников на короне (рис. 21-б), существенно отличающийся от рисунка на подлинном штемпеле (рис. 21-а). Что же касается штемпеля реверса, то он имеет линейный знак, такой же широкий, как на уничтоженном новодельном штемпеле (рис. 19-б), но более плоский. Все новоделы, отчеканенные с использованием этого комплекта штемпелей, имеют массу порядка 10,5 г и толщину 2,2 мм, а это масса и толщина двухкопеечников образца 1849–1867 годов (32-рублевой стопы)⁹. Следовательно, третий комплект штемпелей был, несомненно, изготовлен после 1847 года, поскольку кружки, использованные для чеканки новоделов третьего типа, не могли появиться на монетном дворе в количествах, обеспечивающих их побочное использование, раньше начала массовой чеканки монет нового образца, установленного Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 7 февраля 1849 года¹⁰. Та-

ким образом, изготовление штемпелей для чеканки новоделов продолжалось на Петербургском монетном дворе и после уничтожения пробных и новодельных штемпелей в 1847 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный свод законов Российской империи, № 24334.
2. *Георгий Михайлович, вел .кн.* Монеты царствования императора Николая I. СПб., 1890. С. 13–18, док. 17.
3. В 1830 году была отчеканена небольшая партия монет 36-рублевой стопы, а их массовая чеканка началась в 1831 году, хотя именной указ о выпуске их в обращение появился лишь 1 июня 1832 года (II Полный свод законов Российской империи, № 5406).
4. *Бартошевич В. В.* К вопросу о судьбе монетных штемпелей С.-Петербургского монетного двора и истории изготовления ими новоделов // Новейшие исследования в области нумизматики. Нумизматический сборник. Ч. XIII. Труды ГИМ. М., 1998. Вып. 98. С. 309.
5. Линейный знак – декоративная деталь, отделяющая на реверсе монеты обозначение номинала от даты.
6. Все новодельные трехкопеечники 1827 года чеканились в печатном кольце подлинной монеты с диаметром 29 мм, тогда как кружки-заготовки для двухкопеечников образца 1839–1848 годов имели диаметр порядка 32 мм и потому не могли непосредственно использоваться при чеканке новодельных трехкопеечников 1827 года.
7. *Бартошевич В. В.* Указ. соч. С. 315.
8. Там же. С. 318.
9. Диаметр кружков-заготовок для двухкопеечников 1810–1830 и 1849–1867 годов примерно одинаков – около 28 мм.
10. II Полный свод законов Российской империи, № 22992.

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

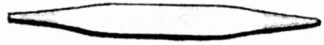
17

18

19-a

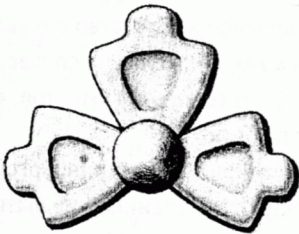
19-6

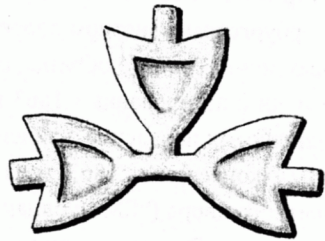
20-a

20-6

21-a

21-6

НИКЕЛЕВАЯ МОНЕТА В РОССИИ

История введения в денежное обращение России никелевой монеты начинается примерно с середины XIX века. К этому времени разменные монеты из никелевого сплава заняли прочное место в монетных системах США и целого ряда стран Западной Европы, а потому наибольшее число проектов по никелевой монете поступило на рассмотрение правительства России от иностранных организаций и фирм: Брюссельского монетного двора, английской фирмы “Ральф Хитен и сыновья”, французского акционерного общества “Никель”, берлинского банкирского дома “Мендельсон и К^о”. Несколько предложений было получено и от частных лиц, в том числе и от русского академика Б. С. Якоби. Всего на протяжении второй половины XIX века насчитывается более десятка таких проектов, но все они были отклонены российским правительством.

В начале XX века никелевой монетой начинает заниматься и Петербургский монетный двор, однако разработанные с его участием два отечественных проекта также реализованы не были.

Из всех проектов по введению в России разменной монеты из никелевого сплава наибольший интерес представляют, безусловно, те, которые сопровождались изготовлением пробных образцов – именно эти проекты здесь и будут рассмотрены.

Проект 1863 года. В 80-х годах XIX века было обнаружено, что на Петербургском монетном дворе хранится большое количество двухкопеечных монет особого образца, отчеканенных как в никелевом сплаве, так и в меди и датированных 1863 годом (рис. 1). Никаких документов, объясняющих их появление, найдено при этом не было¹.

Двухкопеечники 1863 года имеют обозначение Екатеринбургского монетного двора (“ЕМ”), однако изготовление их за границей не вызывает сомнения. Во-первых, они имеют соотношение сторон $\uparrow\downarrow$, совершенно не характерное для монет XIX века отечественной чеканки; во-вторых, скипетр и держава в лапах гербового орла на этих монетах помещены неправильно (наоборот), а такая ошибка могла быть допущена только на

иностранным монетным дворе. В Корпусе русских монет ² высказано предположение, что эти монеты были отчеканены в Брюсселе, и это действительно так: согласно каталогу 1977 года ³, штемпели пробного никелевого двухкопеечника 1863 года хранятся в музее Брюссельского монетного двора.

Масса никелевых двухкопеечников 1863 года в среднем равна 9,6 г, то есть очень близка к нормативной массе медного общегосударственного двухкопеечника образца 1849–1867 годов (рис. 2), равной 10,2 г. В те годы цена на никель превышала цену на медь примерно в 7,5 раза, а поэтому монета из никелевого сплава с любым содержанием никеля должна была иметь существенно меньшую массу, чем аналогичная медная монета, – из условия равноценности заложенного в них количества металла. Поскольку никелевый двухкопеечник 1863 года не соответствует этому условию, он должен рассматриваться не как реальная пробная монета, а как демонстрационный образец, свидетельствующий лишь о лучшем внешнем виде никелевых монет по сравнению с медными. Именно для такого сравнения и были одновременно отчеканены как никелевые, так и медные экземпляры этой монеты. Ввиду такой особенности никелевого двухкопеечника 1863 года, а также из-за отсутствия в настоящее время каких-либо документальных данных остаются невыясненными основные положения проекта 1863 года: набор номиналов рекомендуемых никелевых монет, их масса и состав сплава.

Проект 1871 года. 17 июля 1871 года министру финансов России через академика Б.С. Якоби был представлен доклад директора Брюссельского монетного двора А. Аллара с проектом введения в России никелевой монеты и с предложением чеканить эти монеты на Брюссельском монетном дворе ⁴. К докладу были приложены образцы десятикопеечных монет в двух вариантах оформления реверса и с портретом Александра I, как “спасителя Европы от Наполеона”, на аверсе (рис. 3, 4). В проекте предлагалось установить вес русского никелевого десятикопеечника равным суммарному весу двух никелевых монет США достоинством в 5 и 3 цента, а также позаимствовать у этих монет состав

сплава. Следовательно, масса никелевого десятикопеечника должна была равняться примерно 7 г (масса пятицентовика в то время равнялась 5 г и трехцентовика – примерно 2 г), а сплав должен был содержать 25% никеля и 75% меди. Интересно отметить, что при исследовании пробных образцов десятикопеечника американские нумизматы Ч. Тьюмоза и Р. Зандер обнаружили иной состав сплава: в среднем он содержит 12% никеля, 84% меди и 4% цинка⁵. К проекту 1871 года относится и монетовидный кружок, оттиснутый в никелевом сплаве с использованием штемпеля аверса десятикопеечника (рис. 5).

Особое внимание в докладе Аллара было обращено на преимущество внешнего вида монет из никелевого сплава по сравнению с медными монетами. Видимо, для подтверждения этого преимущества вместе с экземплярами десятикопеечника из никелевого сплава были представлены медные экземпляры, отчеканенные теми же наборами штемпелей. Медные десятикопеечники 1871 года являются, безусловно, не реальными пробными монетами, а лишь демонстрационными образцами, поскольку их масса, как и у никелевых экземпляров, равна примерно 7 г, тогда как нормативная суммарная масса двух пятикопеечников образца 1867 года (рис. 6) равнялась примерно 33 г.

Таким образом, проект 1871 года определял значение массы никелевого десятикопеечника и состав его сплава, но совершенно не упоминал о наборе номиналов и массе монет всей серии.

Проект 1883 года. 15 января 1883 года на имя министра финансов России был направлен доклад представителя французского акционерного общества “Никель” Б. де Леклюза с проектом введения в России никелевой монеты⁶. Проект сопровождался предложением использовать для изготовления монет никель, добывавшийся на рудниках этого общества в Новой Каледонии. К проекту были приложены образцы никелевого трехкопеечника, датированного 1882 годом (рис. 7).

В проекте предусматривалось коренное изменение всего состава российской монеты. По-прежнему должны были чеканиться двадцатикопеечник из серебра 48-й пробы и медные 1 и ½ копейки, из никеля предпо-

лагалось чеканить десяти-, пяти-, трех- и двухкопеечники, а чеканку монет достоинством в 15 и $\frac{1}{4}$ копейки прекратить.

Масса русского трехкопеечника приравнивалась к массе французской никелевой монеты в 10 сантимов (3 г), а масса каждой из остальных никелевых монет (в граммах) должна была численно равняться их номиналу. Таким образом, монетная стопа русских никелевых монет устанавливалась в 10 рублей из 1 кг никелевого сплава. Это подразумевало использование метрической системы мер и весов, в России тогда еще не применявшейся (напомним, что в 1883 году монетная стопа русских монет исчислялась из фунта легированного серебра или золота и из пуда меди).

Состав никелевого сплава рекомендовался проектом 1883 года тот же, который был принят в это время во многих странах мира: 25% никеля и 75% меди. Этот состав сплава указан в круговой надписи на аверсе пробного никелевого трехкопеечника: “SPECIMEN ALL.: 25 · 75” (“Образец сплава: 25 · 75”).

Никелевый кружок с датой “1902”. Этот кружок (рис. 8) оттиснут, видимо, для решения чисто технологических вопросов монетной чеканки на ранее не использовавшемся для этого металле. Оттиск выполнен произвольно выбранным, хорошо сохранившимся, но не пригодным для дальнейшего использования в массовом производстве штемпелем реверса двадцатикопеечника (с устаревшей датой). Вследствие этого невозможно определить точное время изготовления кружка: можно только констатировать, что он оттиснут не ранее 1903-го и не позднее 1911 года. Кружок представляет собой первое дошедшее до нас свидетельство обращения Петербургского двора к вопросам чеканки российских монет на никелевом сплаве.

Проект 1911 года. Серия никелевых монет 1911 года относится к первому отечественному проекту по никелевой монете. Серия была отчеканена на Петербургском монетном дворе – все монеты серии помечены знаком минцмейстера этого двора Эликума Бабаянца (“ЭБ”).

Серия состоит из монет четырех номиналов: 25, 20, 10 и 5 копеек (рис. 9–13), а масса этих монет соответственно равна (в среднем) 8, 5, 6,

4 и 3 г. Двадцатикопеечная монета представлена в двух вариантах оформления (рис. 10, 11).

Особенностью серии никелевых монет 1911 года по сравнению со всеми другими русскими монетами является отсутствие у нее единой монетной стопы, поскольку имеющаяся зависимость массы монет этой серии от их номинала не может быть описана математически. Следовательно, серия построена по принципу, основанному на целесообразном соотношении диаметра и толщины монет различных номиналов – именно так были в то время сформированы серии никелевых монет в США и Мексике.

Согласно документам, опубликованным в 1986 году М. И. Смирновым⁷, для чеканки монет 1911 года, скорее всего, был использован сплав с содержанием 25% никеля и 75% меди.

Проект 1916 года. Этот проект представлен в настоящее время единственной никелевой монетой 25-копеечного достоинства (рис. 14) и свинцовыми оттисками штемпелей реверса монет достоинством в 20, 15 и 10 копеек (рис. 15–17). На монетном дворе в Петербурге сохранился также полный набор маточников для изготовления штемпелей никелевых монет 1916 года перечисленных выше номиналов.

Таким образом, серия никелевых монет 1916 года состояла из четырех монет в 25, 20, 15 и 10 копеек. Диаметры 25- и 20-копеечников 1916 года равны диаметрам аналогичных монет 1911 года, а диаметры 15- и 10-копеечников 1916 года равны соответственно диаметрам 10- и 5-копеечников 1911 года.

Масса 25-копеечной монеты 1916 года равна 7 г (вместо 8,5 г у монеты 1911 года). Установить значение массы остальных монет серии не представляется возможным. Неизвестен и состав сплава монет 1916 года, однако нет оснований считать, что он отличается от сплава монет 1911 года (25% никеля и 75% меди).

Проект 1916 года предусматривал не только внедрение в русскую монетную систему монет из никелевого сплава, но и разработку новых медных монет. Пробные медные монеты, отчеканенные по проекту 1916 го-

да, имели уменьшенную вдвое весовую норму (100 рублей из пуда меди) и были представлены двумя сериями: большой – 5, 3, 2 и 1 копейка (рис. 18–21) и малой – 5 и 1 копейка (рис. 22–23). Связь между никелевыми и пробными медными монетами 1916 года прослеживается по следующим признакам:

1. Из набора номиналов никелевых монет в 1916 году был исключен пятикопеечник, поскольку монета такого номинала должна была чеканиться из меди; следовательно, никелевые и медные монеты 1916 года составляли единую серию.
2. Медные монеты обеих серий и никелевые монеты имеют попарно одинаковую величину диаметра кружка: 5 копеек и 25 копеек, 3 копейки и 20 копеек, 2 копейки и 15 копеек, 1 копейка и 10 копеек.
3. Изображение гербового орла было переведено на штампы аверса медного пятикопеечника из большой серии (рис. 18) и никелевого 25-копеечника, с одного того же маточника должны были изготавливаться попарно штампы аверса и других медных монет большой серии и никелевых монет.
4. С одного и того же маточника на штампы аверса медного пятикопеечника из малой серии (рис. 22) и никелевого 25-копеечника было переведено изображение скрещенных ветвей лавра.

Существование 25-копеечной монеты и оттисков штампов других никелевых монет 1916 года свидетельствует о том, что для чеканки этих монет были изготовлены все четыре комплекта штампов. Однако на отечественных монетных дворах эти штампы не обнаружены, а 25-копеечник не помечен знаком минцмейстера, как и все монеты XIX–XX веков, чеканившиеся по заказу русского правительства на зарубежных монетных дворах. Эти и некоторые другие обстоятельства позволяют считать, что пробная партия никелевых монет 1916 года была отчеканена в Японии на Осацком монетном дворе, на котором в том же году чеканились по заказу русского правительства серебряные пятнадцати- и десятикопеечники без знака минцмейстера. Видимо, отчеканенные

в Японии никелевые монеты по каким-то причинам через официальные каналы в Россию не поступили. Поэтому не исключена возможность обнаружения всех четырех номиналов никелевых монет 1916 года. Как известно, первые русские никелевые монеты массового выпуска появились лишь 15 лет спустя, в 1931 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Описание и изображение некоторых редких монет моего собрания. СПб., 1886. С. 32.
2. *Георгий Михайлович вел. кн.* Монеты царствования императора Александра II. СПб., 1888. С. 204.
3. *Lippens de J., Thiron M.* Keumeulen van A. Catalogus van de patrijzen & matrijzen van het Museum van het Munthof. Bruxelles, 1977. P. 463.
4. *Георгий Михайлович вел. кн.* Монеты царствования императора Александра II. СПб., 1888. С. 117–119.
5. *Tumosa Ch., Zander. R.* The 1871 ten-kopeck pattern // Journal of the Russian Numismatic Society. 1987. № 27. P. 16.
6. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Русские монеты 1881–1890 годов. СПб., 1891. С. 9–15.
7. *Смирнов М. И.* Из истории введения никелевых монет в денежное обращение России // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXVI. Л., 1986. С. 48.

1

2

3

4

5

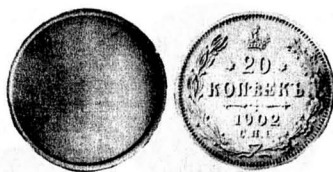

6

7

8

9

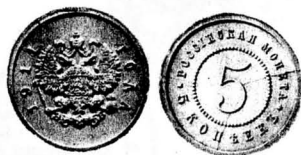
10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

ИЗОБРАЖЕНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО И ОРДЕНА ЕГО ИМЕНИ НА РОССИЙСКИХ МОНЕТАХ

Святой апостол Андрей Первозванный, почитаемый как небесный покровитель России, а также самый первый и самый главный российский орден – орден Андрея Первозванного – многократно изображались на монетах XVIII–начала XX века.

Впервые изображение святого Андрея, держащего за спиной крест, на котором, по преданию, он был распят, появилось в 1718 году на золотых двухрублевых монетах.

Как известно, до 1718 года в России чеканились только высокопробные золотые одинарные и двойные червонцы без обозначения номинала и с гербовым орлом на реверсе, причем образцом для этих монет (в отношении пробы золота и их весовой нормы) был западноевропейский дукат. Новые же “андреевские” двухрублевики по всем показателям были чисто русскими монетами.

Чеканка таких монет продолжалась в течение одиннадцати лет; при Петре I (рис. 1) – с 1718-го по 1725 год, при Екатерине I (рис. 2) – в 1726 и 1727 годах, при Петре II (рис. 3) – в 1727 и 1728 годах. А затем возобновилась чеканка золотых червонцев, продолжавшаяся (с некоторыми перерывами) с 1729-го по 1753 год.

Основная масса этих монет по внешнему оформлению в принципе не отличалась от червонцев Петра I (не считая, конечно, помещавшихся на них в разное время портретов Петра II, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны). Однако с 1749 года, одновременно с червонцами и двойными червонцами обычного вида (с гербовым орлом на реверсе), была начата чеканка одинарных (рис. 4) и двойных (рис. 5) червонцев с изображением святого Андрея на реверсе. Чеканка как “андреевских”, так и обычных червонцев продолжалась до 1753 года, когда возник вопрос о необходимости разработки новых образцов российских золотых монет крупных номиналов.

С 1755 года была начата массовая чеканка монет не известных ранее номиналов – в 10 и 5 рублей золотом. Этим же годом датирован ряд пробных золотых монет, не принятых к массовому выпуску. Среди них известны три, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой теме.

В собрании Государственного Эрмитажа хранится уникальный пробный десятирублевик 1755 года (рис. 6).

Гербовый орел на реверсе этой монеты, вместо московского герба, имеет на груди щиток с изображением святого Андрея, держащего крест перед собой. Поле щитка покрыто горизонтальной штриховкой, что по законам геральдики означает голубой цвет.

Еще две пробные пятирублевые монеты 1755 года известны в настоящее время в виде очень редких новоделов, реверс которых оттиснут не дошедшими до нас подлинными штемпелями. На реверсе одной из этих монет (рис. 7) был помещен гербовый орел с изображением святого Андрея, распятого на косом кресте. Изображение расположено на груди орла в щитке с голубым полем (с горизонтальной штриховкой). На реверсе другого пятирублевика (рис. 8) было помещено изображение, очень близкое к изображению знака ордена Андрея Первозванного: гербовый орел с изображением святого Андрея, распятого на косом кресте. Отличие от знака ордена заключается в том, что орел держит в лапах скипетр и державу, а на концах креста отсутствуют литеры SAPR (“Святой Андрей Покровитель России”). Вполне вероятно, что эти изображения были разработаны с расчетом на возможность высочайшего утверждения одного из них в качестве нового государственного герба Российской империи; однако этого не произошло. Созданием этих трех пробных монет была предпринята последняя попытка поместить на российских монетах изображение святого апостола Андрея Первозванного. Зато начиная с 1730 года на подавляющем большинстве российских общегосударственных монет присутствует изображение атрибутов ордена Андрея Первозванного, включенных в состав малого государственного герба: знака ордена, цепи и “андреевской” ленты.

Впервые изображение атрибутов ордена в сочетании с государственным гербом появилось на пробной серебряной полтине 1699 года (рис. 9), то есть практически сразу же после учреждения ордена. На этой монете цепь со знаком ордена еще не входит в состав государственного герба, а лишь окружает его. Такое же сочетание атрибутов ордена с гербом представлено и на пробном рублевике 1730 года (рис. 10). Однако в том же 1730 году на золотых и серебряных монетах впервые появляется официально утвержденное изображение государственного герба, включавшего в себя и цепь со знаком ордена Андрея Первозванного (рис. 11). В этом первом варианте герба цепь как бы слегка наброшена на обе шеи двуглавого орла. А с 1736 года цепь уже плотно опущена на плечи орла (рис. 12). Наконец, с 1832 года цепь со знаком ордена окружает щиток с московским гербом, расположенный на груди орла (рис. 13). С 1859 года в состав государственного герба включается еще один атрибут ордена: «андреевская» лента соединяет короны над орлом (рис. 14).

Еще на двух гербах цепь со знаком ордена Андрея Первозванного занимает положение, аналогичное описанному выше.

В первом случае – это герб на монетах, чеканившихся в Российской империи для Финляндии (рис. 15). Здесь цепь со знаком ордена окружает щиток с гербом Великого княжества Финляндского, помещенный на груди российского гербового орла под коронами, соединенными орденской «андреевской» лентой.

Во втором случае речь идет о гербе, сочиненном для памятного талера 1753 года (рис. 16), который был отчеканен в городе Мангейме по случаю провозглашения наследником российского престола немецкого принца Карла Петера Ульриха – будущего императора Петра III. Герб представляет собой двуглавого орла под одной короной, без скипетра и державы, на груди которого помещены два щитка: с российским гербовым орлом и с соединенным гербом наследных земель Дома Романовых (Норвегии, Шлезвига, Гольштейна, Штормарна, Дитмаршена, Ольденбурга и Дельменхорста). Цепь со знаком ордена Андрея Первозванного окружает оба щитка.

В 1817 году, в царствование Александра I, на российских золотых монетах появился государственный герб совершенно иного типа – так называемый “орел с распростертыми крыльями” (рис. 17). При императоре Николае I этот герб (с некоторыми изменениями) был перенесен в 1826 году на серебряные монеты (рис. 18) и в 1830 году – на медные (рис. 19). В составе нового герба был только один атрибут ордена Андрея Первозванного: гербовый орел вместе с другими символическими предметами (лавровым венком, факелом и стрелами-молниями) держит в лапах “андреевскую” ленту, тогда как обычные для российского герба атрибуты – цепь со знаком ордена – на этом типе герба отсутствуют. Видимо, чтобы восполнить этот недостаток, при разработке в 1826 году нового образца серебряного рубля было предложено несколько вариантов его оформления, которые предусматривали размещение цепи со знаком ордена вокруг “орла с распростертыми крыльями” (рис. 20–22) – по образцу пробной полтины 1699 года (рис. 9) и пробного рубля 1730 года (рис. 10). Но предложения эти не были одобрены.

Завершая обзор использования атрибутов ордена Андрея Первозванного в геральдическом оформлении российских монет, следует упомянуть еще о двух монетах особого вида.

Во-первых, это пробный медный пятикопеечник 1740 года (рис. 23), где на реверсе был помещен гербовый орел, на плечи которого надета лента (возможно, “андреевская”) с подвешенным на ней знаком ордена Андрея Первозванного. Столь необычная трактовка российского государственного герба, скорее всего, объясняется тем, что автором этой монеты, конечно же, не получившей одобрения, был иностранец – знаменитый шведский медальер И. К. Гедлингер. А другая монета – это “коронационный” рубль императора Николая II 1896 года (рис. 24). На реверсе этой памятной монеты изображены скипетр, государственный меч и держава под большой императорской короной с лентой ордена Андрея Первозванного.

Но изображения атрибутов главного российского ордена играли на монетах еще одну роль: они воспроизводились на портретах российских императоров и императриц.

Первой монетой с таким портретом стал рубль 1723 года, на котором император Петр I изображен со знаком ордена Андрея Первозванного, подвешенным на цепи (рис. 25). В дальнейшем на императорских портретах присутствует главным образом “андреевская” орденская лента, надетая через правое плечо (рис. 26–34), и только на груди императора Иоанна III (рис. 29) и некоторых портретах императрицы Елизаветы Петровны (рис. 30) изображен еще и знак ордена, который, вообще-то, при ленте полагалось носить на левом бедре, а не на груди.

На многих портретах Екатерины I (рис. 26), на портретах Петра II 1729 года (рис. 27) и на ранних портретах Анны Иоанновны (рис. 28) орденская лента покрыта горизонтальной штриховкой – в подтверждение того, что это именно “андреевская”, голубая лента. Такая мера была здесь вполне уместна, поскольку орденская лента на этих портретах имела слишком малую ширину (в сравнении с другими деталями изображения).

После Петра I на очень немногих портретах российских императоров и императриц отсутствовало изображение орденской ленты: это так называемый “траурный” портрет Екатерины I 1725 года (рис. 35), портреты Петра II 1727 и 1728 годов (рис. 36) и портрет Елизаветы Петровны 1757 года работы медальера Ж.-А. Дасье (рис. 37). А на некоторых портретах, (например, на поздних портретах Анны Иоанновны), изображена лишь незначительная часть ленты.

Остается отметить, что “андреевская” лента присутствует и на портрете новоявленного наследника российского престола – принца Карла Петера Ульриха (рис. 16).

На портретах Екатерины I, где она обращена влево от зрителя (рис. 26), кроме ленты ордена Андрея Первозванного, изображена также орденская звезда. Такая же звезда присутствует и на большинстве портретов Петра II образца 1728 года (рис. 36); но поскольку все эти портреты повернуты на монетах вправо от зрителя, то и звезда изображена на правой стороне груди, где “андреевская” звезда не должна была находиться. Однако Петр II, судя по его живописным портретам, никакими другими орденами

ми награжден не был, а потому звезду на его монетных портретах следует считать “андреевской”, но изображенной условно, подобно тому, как знак ордена при ленте изображен на груди Иоанна III и Елизаветы Петровны. Кстати сказать, на портретах Екатерины I, обращенных вправо (рис. 26), звезда не изображалась.

Погрудные портреты императоров Павла I и Александра I (рис. 33 и 34) были последними монетными портретами, позволяющими разместить на них изображения атрибутов ордена Андрея Первозванного. В дальнейшем на российских портретных монетах изображалась лишь голова императора.

И еще одно проявление на монетах символики, связанной с образом святого Андрея: если монограмма императора Петра I на реверсе рублевиков, отчеканенных в Москве, образует прямой “константиновский” крест (рис. 25), то на рублевиках петербургской чеканки та же монограмма образует косой “андреевский” крест (рис. 38). При этом в центре монограммы на петербургских рублевиках помещено упрощенное изображение звезды ордена, в центральном медальоне которой изображен тот же “андреевский” крест (впервые это обстоятельство обнаружили одновременно и независимо друг от друга В. А. Калинин и Г. К. Ручкин).

В свое время И. Г. Спасский высказал предположение, что косой “андреевский” крест присутствует и на реверсе медных пятикопеечников 1723–1730 годов чеканки (рис. 39). Однако в дальнейшем это предположение не подтвердилось.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

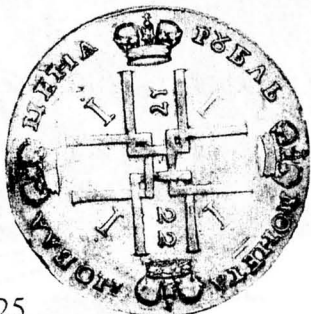
23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

ЭМБЛЕМАТИКА ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫХ И РУССКО-ФИНСКИХ МОНЕТ 1917 ГОДА ЧЕКАНКИ

К 1917 году в России функционировало всего два монетных двора: Петроградский (Петербургский) двор, обеспечивавший потребности страны в общегосударственной монете, и Гельсингфорсский двор, чеканивший монеты для Великого княжества Финляндского, пользовавшегося в Российской империи автономией и имевшего собственную денежную систему.

Вопросы монетной чеканки 1917 года были довольно подробно освещены И. Г. Спасским еще в 1968 году¹, однако до настоящего времени оставалось непонятным, почему на общегосударственных монетах, чеканившихся при Временном правительстве, сохранялся герб царской России, а на монетах для Финляндии помещалась весьма сомнительная модификация царского герба, тогда как бумажные денежные знаки Временное правительство выпускало с собственным гербом (по рисунку известного русского художника И. Я. Билибина).

Чтобы разобраться в этом вопросе, воспользуемся богатыми архивными материалами, приведенными в упомянутой выше работе И. Г. Спасского, и, прежде всего, сведениями об объеме монетной чеканки на Петроградском монетном дворе. Произведя несложные расчеты, на основании этих сведений можно составить таблицу (см. на стр. 197), дающую представление о месячных тиражах чеканки серебряной банковской и разменной монеты в тысячах рублей (чеканка золотой монеты была прекращена в России еще до начала первой мировой войны: общегосударственных монет – в 1911 году, монет для Финляндии – в 1913 году).

Как видно из таблицы, с началом первой мировой войны сразу возрастает общий объем чеканки серебряной монеты, причем это происходит исключительно за счет увеличения объема чеканки низкопробной разменной монеты, тогда как чеканка высокопробной банковской монеты (рублей и полтин) в 1914 году резко сокращается, а с 1915 года прекращается полностью (в таблице не показаны отчеканенные в 1914–1916

годах памятные “гангутские” рубли – 30 900 штук, которые в обращение не поступали). Такое перераспределение выпуска монет в условиях войны, требовавшей мобилизации всех ресурсов страны, легко объяснимо: из одного и того же количества чистого серебра можно было изготовить разменной монеты (500-й пробы) на сумму в 1,4 раза большую, чем при чеканке банковской монеты (900-й пробы). Разменные серебряные монеты 1917 года представлены на рис. 1–3.

Периоды чеканки		Банковая монета	Разменная монета
В среднем за месяц	1913 г.	394	203
	1914 г.	92	1378
	1915 г.	–	3200
	1916 г.	–	4417
За январь	–	2716	
За февраль	–	1332	
За март	–	–	
За апрель	–	–	
За май	1917 г.	–	400
За июнь		–	100
За июль		–	–
За август		–	58

Что касается чеканки медных монет, то в 1917 году были отчеканены лишь единичные экземпляры (рис. 4–7). Долгое время были известны только пятак и копейка 1917 года в собрании Государственного Русского музея и пятак в собрании Государственного Исторического музея, и лишь недавно обнаружилась серия из четырех монет (пятак, трехкопеечник, двухкопеечник и копейка) в частной коллекции. А на монетном дворе в Петербурге хранятся комплекты штемпелей как перечисленных медных монет, так и ½-копеечника 1917 года.

Куда же расходовалась царским правительством в годы первой мировой войны разменная серебряная монета? Американский нумиз-

мат Р. Джулиан в одной из своих работ ² высказывает предположение, что небывалый рост выпуска Россией в 1914–1916 годах разменной серебряной монеты объясняется в основном необходимостью выплачивать жалованье огромной армии, в том числе частям, находившимся за границей – в Персии и в Галиции. И. Г. Спасский, соглашаясь с мнением Р. Джулиана, в то же время указывает еще на одну, весьма важную, статью расходов: согласно документам, хранящимся в Историческом архиве Ташкента, Государственное казначейство направляло разменную серебряную монету в Среднюю Азию, в районы заготовки хлопка – сырья для пороховой промышленности, причем эти операции производились даже в конце 1917 года.

В условиях огромного размаха боевых действий русской армии на фронтах первой мировой войны обеспечение бесперебойных поставок хлопка не могло не приобрести первостепенного значения, и потому количество серебряной монеты, направлявшейся в Среднюю Азию в 1914–1916 годах и в первой половине 1917 года, не могло существенно сокращаться. Следовательно, постепенное уменьшение объема чеканки серебряной монеты, наблюдавшееся в последние месяцы пребывания у власти царского правительства (январь – февраль 1917 года), могла компенсироваться только за счет выплаты все большей части денежного довольствия армии бумажными деньгами. Что же касается серебряных монет, отчеканенных с мая по август 1917 года, то объем этой чеканки был настолько незначительным, что о выплате в это время сколько-нибудь существенной части армейского жалованья серебряными деньгами не могло быть и речи. Видимо, именно поэтому Р. Джулиан в другой работе ³ высказал предположение, что после Февральской революции серебром выплачивалось жалованье лишь тем воинским частям, которые оставались верными Временному правительству. Насколько справедливо такое предположение?

Прежде всего нужно иметь в виду, что в мае и июне 1917 года, когда была начеканена основная часть общегосударственных серебряных монет, поступивших в распоряжение Временного правительства, в стране

существовало двоевластие, и в этих условиях вопрос о необходимости выявления и поощрения воинских частей, верных Временному правительству, был совершенно неактуален. Что же касается монетной чеканки в августе 1917 года, то есть после июльского кризиса, положившего конец двоевластию, то здесь, скорее всего, состоялась не плановая чеканка, а подчистка остатков Петроградским монетным двором, свертывавшим свою работу. В то же время многочисленные документы и свидетельства очевидцев однозначно подтверждают факт выплаты войскам денежного довольствия после Февральской революции исключительно бумажными деньгами.

В итоге можно с большой степенью достоверности утверждать, что практически все серебряные монеты, отчеканенные Петроградским монетным двором за время нахождения у власти Временного правительства, были направлены в Среднюю Азию и использованы для расчетов с поставщиками хлопка. Вот с этим-то целевым предназначением серебряных денег и согласуется то обстоятельство, что Временное правительство не позаботилось о таком немаловажном нововведении, как чеканка общегосударственных монет текущего выпуска с собственным гербом.

Действительно, если бы отчеканенные в мае – августе 1917 года монеты должны были поступить в воинские части или предназначались для обращения в центральных областях России, то весьма вероятно, что Временное правительство не отказалось бы от возможности еще раз провозгласить победу в России буржуазно-демократической революции, теперь уже средствами эмблематики на монетах, тем более что в июне 1917 года в обращение начали поступать бумажные деньги с гербом Временного правительства. Но поскольку серебряные монеты были единственными чеканившимися в 1917 году на Петроградском монетном дворе и все они направлялись на далекую окраину России, где могли их просто не признать в новом, непривычном оформлении, то спешить с заменой на них царского герба, видимо, не следовало. То, что такая замена не представляла для столичного монетного двора ни малейшей трудности, подтверждает опыт чеканки в 1918 году металлических бон

армавирского отделения Госбанка, снабженных, хоть и с большим опозданием, гербом Временного правительства (рис. 8): ведь в Армавире вообще не было монетного двора, а штемпели для этой чеканки резал пленный австриец Иосиф Задлер (его знак “JЗ” помещен на боках под гербовым орлом).

Конечно, не исключено, что монеты майского, самого большого, выпуска были отчеканены еще до утверждения проектного рисунка И. Я. Билибина в качестве нового герба. Но и в этом случае Временное правительство вполне могло при необходимости внести хоть какие-то изменения в эмблематику общегосударственных монет, как это было сделано Великим княжеством Финляндским на своих региональных монетах. Следовательно, такой необходимости у Временного правительства тогда не возникло.

Изменение оформления монет, чеканившихся для Финляндии, было произведено следующим образом. Гельсингфорский монетный двор на протяжении первых двух-трех месяцев 1917 года чеканил серебряные русско-финские монеты в 50 и 25 пенни (рис. 9, 10) с обычным для этих монет гербом: русский гербовый орел под тремя императорскими коронами со знаками царской власти – скипетром и державой в лапах и с гербом Великого княжества Финляндского на груди. Медные русско-финские монеты в 10 и 5 пенни, чеканившиеся в это время (рис. 11, 12), имели на лицевой стороне вензель Николая II под императорской короной. Но не прошло и месяца после отречения Николая II от престола, как Сенат Великого княжества Финляндского счел необходимым отразить это событие в оформлении русско-финских монет. 21 марта (8 апреля) 1917 года, на основании доклада директора Гельсингфорского монетного двора И. Сунделя, было принято решение помещать на всех русско-финских монетах, как серебряных, так и медных, тот же самый герб, который помещался ранее на серебряных монетах, но без императорских корон над орлом⁴.

Очевидно, с точки зрения законов геральдики такое видоизменение герба никак нельзя признать достаточным. Чтобы отразить факт сверже-

ния самодержавия, необходимо было, как минимум, убрать с герба не только императорские короны, но и основные знаки царской власти – скипетр и державу, а этого не было сделано. Причина такого не совсем логичного решения Сената становится понятной, если обратить внимание на техническую сторону вопроса, на то, каким способом были изготовлены штампы гербовой стороны русско-финских монет нового образца – ведь недаром доклад Сенату представил директор монетного двора. А дело заключалось в следующем.

При сравнении рисунков старого и нового герба на русско-финских монетах (см. рис. 9, 10, 13, 14) нетрудно заметить, что для изготовления штампов нового образца были использованы ранее применявшиеся маточники, прошедшие очень простую доработку: на них было срезано выпуклое изображение корон над гербовым орлом. С таких доработанных маточников и были переведены штампы лицевой стороны монет в 50 и 25 пенни нового образца (рис. 13, 14). Столь же просто были изготовлены гербовые штампы для медных монет: штамп монеты в 10 пенни (рис. 15) был переведен с доработанного маточника серебряной монеты в 2 марки (рис. 18), штамп монеты в 5 пенни (рис. 16) – с доработанного маточника серебряной монеты в 1 марку (рис. 19) и штамп монеты в 1 пенни (рис. 17) – с доработанного маточника, использовавшегося для изготовления штампа серебряной монеты нового образца в 25 пенни (рис. 14). А вот срезать с маточников выпуклое изображение скипетра и державы, оказывается, было недопустимо, поскольку при этом простота технического решения нанесла бы серьезный ущерб символике герба: ведь тогда левая (от зрителя) лапа орла, державшая скипетр, оказалась бы “сжатой в кулак”, а правая, в которой находилась державка, оказалась бы широко раскрытой “ладонью вверх”. Вполне очевидно, что столь сомнительная жестикюляция гербового орла неизбежно вызвала бы недоумение у непосвященных и породила бы массу нежелательных домыслов.

Но так или иначе, а февральские события нашли отражение в эмблематике русско-финских монет 1917 года, и весьма оперативно. Это и по-

нятно: Финляндия, более века входившая в состав Российской империи, была кровно заинтересована в последствиях свержения самодержавия, открывавших перед ней реальную возможность обретения государственной независимости. К тому же необходимо было срочно менять оформление медных русско-финских монет, на лицевой стороне которых был помещен вензель Николая II, уже отрекшегося от престола.

Как свидетельствуют опубликованные сведения о тиражах русско-финских монет⁵, объем чеканки в 1917 году серебряных монет с царским гербом почти в четыре раза превышал объем чеканки этих монет с измененным гербом (3440 тыс. против 864 тыс. финских марок). Это обстоятельство позволяет предположить, что чеканка на Гельсингфорском монетном дворе русско-финских монет могла в 1917 году полностью закончиться еще до официального утверждения герба Временного правительства, который на этих монетах так никогда и не появился.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Спасский И. Г.* Несколько замечаний по поводу русской монетной чеканки 1914–1917 годов // *Нумизматика и сфрагистика*. Киев, 1968. Вып. 3. С. 138–150.
2. *Julian R. W.* The coinage of Nicholas II // *Seaby's coin and medal bulletin*, 1964.
3. *Julian R. W.* The Russian silver coinage of 1796–1917. С рукописью этой работы автор очерка был ознакомлен через Русское нумизматическое общество (США).
4. Эти сведения получены автором очерка через Русское нумизматическое общество (США) от финского нумизмата Т. Тальвио.
5. *Borg E.* Suomessa kaytetyt rahat. Helsinki, 1976.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

ВРЕМЕННЫЕ МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Первая исследовательская работа, в которой описывалось учреждение в Санкт-Петербурге временного монетного двора, была опубликована И. Г. Спасским в 1977 году¹. Позднее этот вопрос был рассмотрен тем же автором в статье 1986 года², а спустя пять лет вторая статья была перепечатана в журнале американского Русского нумизматического общества. В статьях Спасского была изложена следующая история организации временного монетного двора, начавшего чеканку российских монет еще до ввода в строй штатного двора в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

В конце лета 1723 года на Невский рейд прибыл корабль с монетным прессом, закупленным в Нюрнберге, а поскольку строительство монетного двора в Петропавловской крепости завершить не успели, сенатским указом от 4 сентября 1723 года Я. В. Брюсу, возглавлявшему в то время Берг- и Мануфактур-коллегию, было предписано: “Для манетного серебряного дела в Санкт-Петербурге, покамест особый двор сделан будет, очистить двор, в котором ныне Берг- и Мануфактур-коллегия”. 21 апреля 1724 года Берг-коллегия доложила, что “...манетное дело в Санкт-Петербурге апреля в 21 число сего 724 году немецким инструментом под смотрением минцмейстера Бера начато”.

Спасский совершенно справедливо предположил, что речь здесь идет о начале чеканки серебряных рублевиков на временном, так называемом “Коллежском” монетном дворе, оборудованном на месте прежнего размещения Берг- и Мануфактур-коллегии, которые, как утверждает Г. Н. Комелова в статье “Панорама Петербурга”³, переехали в связи с этим в бывший дворец царевича Алексея Петровича.

Где же размещались вначале Берг- и Мануфактур-коллегия, а затем на их месте – временный “Коллежский” монетный двор? Спасский считал, что ответ на этот вопрос дает план Санкт-Петербурга 1738 года, со-

ставленный И. Б. Зихгеймом. Действительно, показанная на этом плане под № 141 усадьба на левом берегу Невы на Московской стороне (в Литейной части), вблизи церкви Воскресения Христова, в экспликации обозначена как “Монетный двор” (рис. 1). В связи с этим Спасский писал: “В 1738 году настоящий Монетный двор, возвращенный в Петербург после десятилетнего отсутствия (1728–1737), возобновил работу на старом месте, в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, а на Литейной стороне называли “Монетным двором” запустевшее 10 лет назад подворье, покинутое в 1728 году Берг-коллегией и первым монетным двором Петербурга. Старый план помогает открыть забытые страницы истории Ленинградского монетного двора”⁴.

Однако такая трактовка плана Зихгейма вызывает серьезные возражения, поскольку усадьба, значащаяся на плане под № 141, вроде бы стала иметь отношение к монетному производству не в 1723 году, а лишь 11 лет спустя. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства.

В доношении начальника канцелярии Монетного правления графа М. Головкина в Сенат от 7 декабря 1736 года⁵ читаем: “В прошлом 1734 году Генваря 17, да марта 20-го чисел по присланным Ея Императорского Величества из Правительствующего Сената по доношению от Монетной Канторы указам велено двор под оную Кантору и для вымена мелких серебряных денег с каменным и деревянным строением на Московской стороне в приходе у церкви Воскресения Христова, что бывал князь Александра княж Никитина сына Прозоровского, за 300 рублей купить, а на пристройку того двора, на материалы и припасы и за работу деньги до 1500 рублей держать. И по силе тех указов оный двор за показанную цену куплен и переустроен и сделаны среди того двора каменные палаты, в которых лежит казна денежная, золото и серебро, плавильня покупному и подрядному золоту и серебру и пробовальная, а в купленных палатах поставлены прессы для печатания медалей, рублевых монет и червонных, и к этому делу всякие материалы и инструменты, и на дворе в сарае всякие припасы, а над теми палатами в деревянных хоромах имеется вымен мелких серебряных денег и живут минцпробирер, резнаго

штемпельного дела подмастерье, монетчики и резчики, и караульные солдаты, а Канцелярии Монетного Правления за теснотою также и за дальностию от Правительствующаго Сената и Коллегий на том дворе быть не возможно”.

Из этого документа следует, что на плане 1738 года показано не “запустевшее 10 лет назад подворье”, как считал И. Г. Спасский, а вполне работоспособный монетный двор, оборудованный в бывших палатах князя А. Н. Прозоровского незадолго до восстановления штатного Петербургского монетного двора в Петропавловской крепости. Что же касается “Коллежского” двора, то нет никаких документальных свидетельств того, что в 1724–1727 годах он действительно размещался на месте монетного двора, обозначенного на плане Зихгейма. Да и вообще весьма сомнительно, чтобы князь Прозоровский где-то в 1728 году, после прекращения работ на “Коллежском” дворе, зачем-то приобрел у Берг-коллегии “обжитую” монетчиками и потому, конечно же, непригодную для нормального проживания усадьбу, а через шесть лет опять продал ее Монетной конторе. К тому же необходимо отметить, что в доношении графа Головкина от 7 декабря 1736 года нет ни слова упоминания хоть о малейшей приспособленности купленной усадьбы к нуждам монетного производства, а это неизбежно имело бы место, если бы там функционировал “Коллежский” двор. Наоборот, в доношении указывается, что после покупки усадьба была “переустроивана”, на что правительством была отпущена сумма, впятеро превышавшая стоимость самой усадьбы.

Что же чеканили на монетном дворе, оборудованном в 1736 году в бывших палатах князя Прозоровского? Есть все основания считать, что этот двор (назовем его условно “Прозоровским”) осуществлял в 1736–1737 годах чеканку монет и медалей штемпелями, изготовленными выдающимся шведским медальером Иоганном Карлом Гедлингером, который в 1736 году был приглашен на русскую службу. В самом деле, в процитированном выше доношении графа Головкина говорится, что в купленных у князя Прозоровского палатах “...установлены прессы для

печатания медалей, рублевых монет и червонных”. Вполне понятно, что станки, предназначавшиеся для чеканки рублевиков и червонцев, могли с успехом использоваться и для чеканки соответственно полтин и гривенников, выпускавшихся в то время для обращения массовыми тиражами, однако о чеканке монет этих номиналов в доношении почему-то вообще не упоминается. Причина такого странного, на первый взгляд, умолчания становится понятной при ознакомлении с перечнем монет и медалей, отчеканенных в Петербурге в 1736–1737 годах из “кабинетского”⁶ золота и серебра штемпелями, которые были изготовлены И. К. Гедлингером по заказу русского правительства: 10 золотых медалей, 50 медалей серебряных, 50 червонцев и 2671 серебряный рублевик (доношение из канцелярии Монетного правления в Кабинет от 19 апреля 1737 года⁷). Столь полное совпадение перечня изделий, для чеканки которых предназначались прессы, установленные в бывших палатах князя Прозоровского, с перечнем медалей и монет, отчеканенных штемпелями Гедлингера, конечно же, не могло быть случайным. Да и вообще в 1736–1737 годах в Петербурге негде было произвести чеканку монет и медалей, кроме как на временном “Прозоровском” монетном дворе: ведь 17 февраля 1738 года граф Головкин донес в Кабинет, что первая сплавка серебра для монетной чеканки была выполнена на штатном Петербургском монетном дворе лишь 24 января 1738 года, после завершения работ по его восстановлению⁸.

Итак, в первой половине XVIII века в Санкт-Петербурге в разное время функционировали два временных монетных двора: один – в 1724–1725 годах, другой – в 1736–1737 годах. Согласно документам, обнаруженным в 2003 году А. В. Храменковым⁹, на первом “Коллежском” дворе были отчеканены все рубли и полтины Петра I, помеченные аббревиатурой “СПБ” (рис. 4–5) и рубли Екатерины I 1725 года (рис. 6) и частично 1726 года, так как штатный Петербургский монетный двор в Петропавловской крепости начал функционировать только в конце 1725-го или даже в начале 1726 года. На втором, “Прозоровском” монетном дворе штемпелями работы И. К. Гедлингера чеканились медали, червонцы и

серебряные рубли (рис. 2). “Коллежский” двор базировался на месте первоначального размещения Берг- и Мануфактур-коллегии, второй (“Прозоровский”) – в бывших палатах князя А. Н. Прозоровского на Московской стороне, в приходе церкви Воскресения Христова.

До последнего времени о месте расположения “Коллежского” монетного двора фактически не было ничего известно, поскольку не имелось никаких сведений о том, где же первоначально находились Берг- и Мануфактур-коллегия. Лишь в 1995 году автором настоящего очерка было высказано предположение о том, что наиболее вероятным местом базирования этого двора являлось одно из строений Литейного двора¹⁰, хотя вернее было бы предположить, что “Коллежский” двор располагался вблизи Литейного двора, который находился в то время на Московской стороне рядом с домом главы Берг- и Мануфактур-коллегии Я. В. Брюса (рис. 3). Действительно, в 1997 году на Пятой Всероссийской нумизматической конференции заведующий отделом нумизматики Государственного Эрмитажа В. А. Калинин сообщил, что им обнаружен документ, подтверждающий такую версию: в одном из протоколов Берг-коллегии (от 14 июля 1725 года)¹¹ содержится прямое указание на соседство “Коллежского” монетного двора и артиллерийского литейного производства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Спасский И. Г.* Петербургский монетный двор в 1724–1727 годах (к 250-летию Ленинградского монетного двора) // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XLII. Л., 1977. С. 58–60.

2. *Спасский И. Г.* Первое трехлетие Петербургского монетного двора (1724–1727 годы) // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XXVI. Л., 1986. С. 35–45.

3. *Комелова Г. Н.* Панорама Петербурга // Культура и искусство Петровского времени. Л., 1977. С. 111–143.

4. *Спасский И. Г.* Петербургский монетный двор в 1724–1727 годах (к 250-летию Ленинградского монетного двора) // Сообщения Государст-

венного Эрмитажа. Вып. XLII. Л., 1977. С. 58–60.

5. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1901. С. 140–141, док. № 198.

6. То есть переданного в Монетную канцелярию из Кабинета (Кабинет в 1731–1740 годах – верховный правительственный орган в составе трех кабинет-министров).

7. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. С. 148, док. № 212.

8. Там же. С. 178, док. № 238.

9. В ближайшее время документы будут опубликованы А. В. Храменковым.

10. *Уздеников В. В.* Объем чеканки российских монет 1700–1917. М., 1995. С. 122–123.

11. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, фонд 95, опись 5, л. 38.

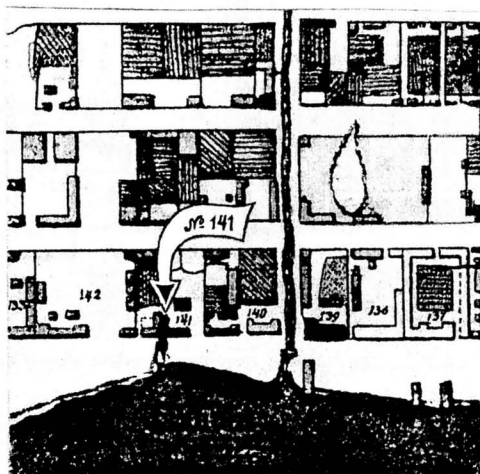
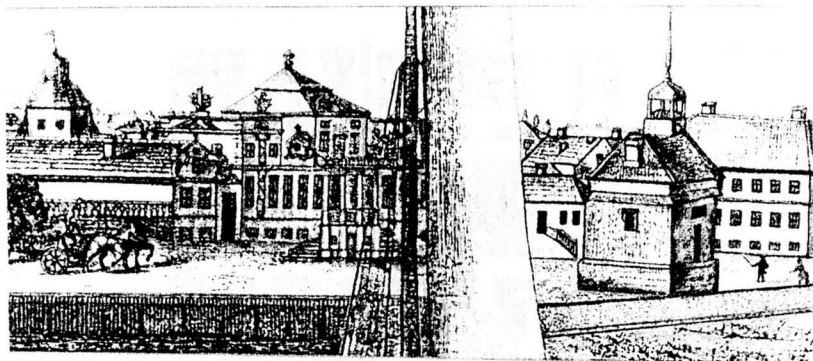

Рис. 1. Деталь плана Зихгейма. 1738.
Литейная сторона

1

2

Дом Я. В. Брюса и Литейный двор. Фрагмент «Панорамы Петербурга»

НЕОБЫЧНЫЙ ПОЛУПОЛТИННИК ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА

В 1701 году в России, в ходе денежной реформы царя Петра Алексеевича, на московском Кадашевском дворе было начато изготовление серебряных монет регулярного чекана. Одновременно с налаживанием массового выпуска таких монет проводился поиск оптимального варианта их оформления: выбор наилучшего типа портрета Петра, наиболее приемлемого для монетной легенды титула царя, наиболее удачного рисунка гербового орла. Именно этим и объясняется обилие существенных различий в оформлении серебряных монет 1701–1703 годов, причем наибольшее количество разновидностей приходится на 1701 год. Например, насчитывается не менее шести разновидностей полуполтинника 1701 года (рис. 1–6), для чеканки которых было использовано четыре штемпеля аверса и пять штемпелей реверса, несомненно выполненных различными граверами. В числе этих граверов необходимо отметить находившегося на русской службе француза Соломона Гуэна, чей знак (литера “G” – “Goin”) помещен на одном из полуполтинников (рис. 6). К 1704 году оформление рублей, полтин и полуполтинников стабилизировалось и в течение двух лет осуществлялось фактически по одному образцу, разработанному русским гравером Федором Алексеевым¹, – с оригинальным портретом Петра и специфическим рисунком гербового орла (рис. 7).

Кроме указанных выше шести разновидностей полуполтинника 1701 года, во всех каталогах русских монет числится еще одна, представленная на рис. 8, однако эта разновидность требует специального рассмотрения ввиду присущих ей принципиальных особенностей.

Если сравнить полуполтинники, изображенные на рис. 1–6, то можно легко установить, что, несмотря на имеющиеся различия, им присущ целый ряд общих черт. Так, например, портрет на их аверсе задрапирован в мягкие одежды, дата на их реверсе расположена под орлом, все изображенные на них большие (центральные) короны над орлом имеют навер-

шье, образованное линейными или точечными дужками, а в богатом и разнообразном декоре этих корон совершенно не встречается украшение в виде трилистника.

Несомненно, имеются и другие особенности оформления, общие для указанных выше полуполтинников 1701 года, но именно по перечисленным наблюдаются принципиальные отличия в оформлении полуполтинника, представленного на рис. 8. Петр изображен на его аверсе в латах, дата на реверсе помещена слева от орла, большая корона над орлом имеет совершенно особую форму наверху (рис. 8-а), а трилистник является основным элементом декора всех трех корон: обе малые короны скомпонованы из трех трилистников (рис. 8-б), на центральной короне два крупных трилистника помещены по краям наверху и три ромба в середине наверху составлены из четырех малых трилистников каждый. Очевидно, что оформление интересующего нас полуполтинника выполнено с использованием таких компонентов, которые совершенно не характерны для полуполтинников 1701 года, но широко представлены на монетах более поздних годов. Действительно, портрет в латах появляется на полуполтинниках в 1705 году, а впервые обнаруживается в 1703 году на золотом червонце (рис. 9); расположение даты слева от орла стало применяться на полуполтинниках только с 1704 года (см. рис. 7); украшение в виде трилистника на полуполтинниках появляется в 1705 году, а впервые обнаруживается в 1704 году на гривенниках (рис. 10).

Таким образом, отчетливо прослеживается сходство оформления полуполтинника, изображенного на рис. 8, с оформлением монет 1704–1705 годов, и это позволяет предположить, что он был отчеканен не в 1701 году, а в более позднее время и что среди монет последующих годов могут быть аналоги. Аналоги действительно существуют – это две разновидности полуполтинника 1705 года (рис. 11 и 12). Во-первых, на реверсе этих двух монет помещен гербовый орел, очень схожий по конфигурации с орлом на реверсе интересующего нас полуполтинника, чего никак не скажешь об орлах на полуполтинниках 1701 года (см. рис. 1–6), а малые короны над орлом на всех трех монетах совершенно одинаковы и

ни в одном году на полуполтинниках в таком изображении больше не встречаются *. Во-вторых, портреты на этих трех монетах (рис. 8, 11 и 12) хотя и имеют незначительные различия, тем не менее практически идентичны: на них полностью, до мельчайших подробностей, совпадает изображение лат (даже число “гвоздей” на рукаве одинаково – по 9 штук), одинаково изображен плащ, лавровый венок имеет одинаковое число и форму листьев и т. д., а главное – на всех трех портретах царю Петру приданы практически одни и те же, весьма своеобразные, черты лица. Такое совпадение никак не может быть случайным, а потому можно утверждать, что штемпели аверса всех трех монет были изготовлены одним и тем же мастером – саксонским гравером Готфридом Гауптом, чей знак (латинская литера “Н” – “Haupt”) помещен на обоих полуполтинниках 1705 года (рис. 11 и 12).

Посмотрим теперь, как обозначена дата на обследуемом нами полуполтиннике (рис. 8). По мнению всех нумизматов, исследовавших монеты Петра I, на этом полуполтиннике обозначен 1701 год, а потому и в Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича ², и в каталоге Х. Гиля ³ он помещен под 1701 год без каких-либо комментариев. Однако нетрудно заметить, что последняя литера в дате была вырезана на штемпеле реверса этой монеты не полностью: если это была литера “А” (то есть год 1701), то у нее недостает средней горизонтальной черты. Но это может быть и литера “Д” (то есть год 1704), у которой недостает нижней горизонтальной черты с двумя “ножками”.

С другой стороны, могла ли та монета, отчеканенная с использованием штемпеля работы Готфрида Гаупта, быть датирована 1704 годом, если мастер был зачислен в штат Кадашевского монетного двора только в 1705 году? Вполне возможно, поскольку условия найма иностранных мастеров в то время могли предусматривать зачисление их в штат мо-

* Для чеканки всех полуполтинников, датированных 1705 годом, был использован один и тот же штемпель реверса.

нетного двора только после прохождения испытательного срока. Пример тому – уже упоминавшийся нами французский гравер Соломон Гуэн, знак которого помещен на нескольких монетах 1701 года, тогда как в штат Красного монетного двора он был зачислен лишь в 1707 году. Следовательно, и Гаупт мог изготовить штемпель полуполтинника, представленного на рис. 8, еще не будучи штатным гравером Кадашевского двора.

Итак, на основании рассмотрения особенностей оформления и датировки полуполтинника, отнесенного во всех каталогах русских монет к 1701 году, можно сделать вывод, что в действительности он был отчеканен в 1704 году, а автором штемпеля его лицевой стороны является гравер Готфрид Гаупт.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Щукина Е. С.* Федор Алексеев, русский медальер и механик начала XVIII века // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., 1953. Вып. 54. С. 187–189.
2. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Петра I. СПб., 1914. С. 24.
3. *Гиль Х. Х.* Таблицы русских монет двух последних столетий. СПб., 1898. С. 58.

1

2

3

4

5

6

7

8

8-a

8-b

9

10

11

12

ИСТОРИЯ ЧЕКАНКИ И ОБРАЩЕНИЯ МЕДНЫХ ПЯТАКОВ 1723–1730 ГОДОВ

Одним из важнейших результатов успешного проведения денежной реформы Петра I (1698–1718) было внедрение в денежное обращение России медной монеты, дискредитированной предшествующей реформой Алексея Михайловича (1654–1664.). Благодаря реформе 1698–1718 годов медная монета не только превратилась в основное платежное средство для широких народных масс России, но и стала для абсолютистского государства одним из основных средств увеличения доходов от эксплуатации монетной регалии: дефицит государственной казны неоднократно погашался за счет снижения весовой нормы медных денег и непомерного увеличения объема их чеканки. Менее чем за 20 лет, прошедших после появления в России новых монет регулярного чекана, в условиях, когда стране требовались огромные средства для ведения войны со Швецией, на строительство флота, на административные преобразования и для покрытия других государственных расходов, весовая норма медной монеты понижалась трижды и к 1718 году достигла 40 рублей из пуда меди (вместо 12 руб. 80 коп. в 1700 году) при рыночной цене на медь от 6 до 8 рублей за пуд. Такая существенная разница в цене на медь сырьевую и на медь “обмонеченную”, конечно же, не могла не привести к резкой активизации деятельности фальшивомонетчиков. И действительно, с поступлением в 1718 году в обращения медных полушек, чеканенных по 40-рублевой монетной стопе (рис. 1), внутренний рынок страны сразу же наводнился фальшивками, количество которых многократно превысило количество подделок, копировавших ранее обращавшиеся медные монеты 20-рублевой стопы. Фальсификация новых полушек существенно облегчалась их малыми размерами, допускавшими чеканку с использованием ручного инструмента, а также убогим оформлением их аверса и реверса и отсутствием специального оформления их гурта. Поскольку подделка этих монет достигла угрожающих размеров, были начаты поиски новых мер борьбы с этим злом, так как обычно применяв-

шие меры устрашения оказались в данном случае, при высокой прибыльности изготовления фальшивок, совершенно неэффективными. Свидетельством таких поисков следует считать появление в 1721 году пробной полушки без обозначения номинала, но со сложным внешним оформлением, призванным затруднить работу фальшивомонетчиков: на аверсе был помещен портрет и титул Петра I, на реверсе – вензель царя и дата (рис. 2). Вполне очевидно, что такое оформление не могло получить практического применения на монетах достоинством в $\frac{1}{4}$ копейки: оно требовало больших затрат на изготовление сложных штампов, а это лишало казну значительной доли прибыли от выпуска подобных монет. Сложное внешнее оформление этой пробной монеты и отсутствие на ней обозначения номинала дали основание считать ее одно время копейкой. Однако это не так. Во-первых, ее масса равна 0,82 г, что на 0,2 г меньше нормативной массы полушки 40-рублевой монетной стопы, а копейка с такой массой имела бы совершенно немыслимую 160-рублевую монетную стопу. Во-вторых, отсутствие обозначения номинала могло быть допущено в 1721 году только на полушке, поскольку в это время, начиная с 1719 года, полушка была единственной медной монетой, выпускавшейся массовыми тиражами.

Чеканка полушек образца 1718 года была прекращена в 1722 году, а в 1723 году вместо них был начат выпуск пятаков той же 40-рублевой монетной стопы. В документах того времени не указана причина этой замены. Она была раскрыта несколько позднее, в именном указе от 16 мая 1729 года, предписывавшем вместо запланированных копеек и полушек чеканить по-прежнему пятаки: "...пятикопеешники против копеек и полушек сделаны будут скорее и прибыли от них будет больше" ¹.

Приступая к выпуску пятаков 40-рублевой стопы, правительство Петра I понимало, что эти монеты оставались чрезвычайно выгодным объектом фальсификации. В связи с этим при разработке мероприятий по выпуску пятаков образца 1723 года особое внимание было обращено на всемерное затруднение подделки этих монет как чеканкой, так и отливкой в форму. Вот выдержки из некоторых документов того времени.

“Кругом оных (пятаков. – *В. У.*) по ребрам, по гурту рубежки, и которые рубежки будут по ребрам, оным надлежит сочинить щет (счет. – *В. У.*), сколько их надобно, понеже инструмент тот, коим по ребрам рубежки сочиняются, зело искусной работы бывает, и немногие мастера оный могут сделать, а паче ж оный надлежит содержать в тайности, сверх того можно посоветоваться с мастерами монетного двора, как бы оное воровство можно прекратить” (доношение Берг-коллегии Сенату от 25 июня 1723 года)².

“...А для пресечения воровства, дабы отливать было не можно, такие новыя деньги (пятаки. – *В. У.*) делать с резьбой мелкою, а не обронною (толстой, выпуклой. – *В. У.*), доброго мастерства, и по краям опечатывать на подобие рубешков, а на одной стороне, на которой будет назначена цена и год, оставлять половину гладкого места, или каким другим лучшим к тому способом, как Берг-коллегия за благо разсудит” (именной указ от 28 июня 1723 года)³.

Таким образом, на первом этапе предполагались следующие меры борьбы с фальсификацией новых монет:

– сложный и высококачественный рисунок помещаемых на монете изображений, трудновоспроизводимый как на самодельных штемпелях, так и при изготовлении литых фальшивок;

– наличие на монете больших участков гладкой поверхности, не занятых изображениями и надписями, на которых были бы хорошо заметны поверхностные раковины и неровности, образующиеся при литье или некачественном изготовлении штемпелей;

– насечка на гурте, препятствующая воспроизведению подлинного оформления гурта пятак на литых фальшивках;

– наличие узора по краям лицевой и оборотной сторон монеты (“по ребрам”) с целью затруднить изготовление самодельных штемпелей, а также сохранение в тайне инструмента для нанесения узора на штемпель.

Кроме того, Берг-коллегии предлагалось продолжить изыскания новых эффективных мер защиты монет от фальсификации.

На основании указа от 28 июня 1723 года были отчеканены пробные пятаки двух видов: с московским гербом и с изображением бога войны Марса на аверсе, с большими участками свободной поверхности на реверсе, снабженные гуртовым узором сложного рисунка и узором по краям поля аверса и реверса (рис. 3–5). Таким образом, на этих пробных монетах были выполнены все перечисленные выше рекомендации, и, тем не менее, окончательно утверждена была монета совершенно другого образца. В сенатском указе от 28 июля 1723 года читаем: “...медные пятикопеешники делать по пробам, каковы внесены в Сенат из Берг-коллегии; а именно против свинцовой пробы, на которой с одной стороны в середине изображен Его Величества герб мелкою резьбою и около герба пять точек, а на другой стороне крест и в нем год и пять точек же, что значит пять копеек; точию вместо тех точек назначить литерами пять копеек и по ребрам того пятикопеешника учинить тисненные рубежки, дабы не можно было ворамам оных пятикопеешников отливных делать”⁴.

На новом образце пятака (рис. 6) был существенно упрощен рисунок гуртовой насечки (рис. 7), нанесен узор по краю поля лицевой и оборотной сторон, образованы большие участки свободной поверхности не только на реверсе, но и на аверсе и введен совершенно новый элемент оформления реверса – крест из двойных линий, внутри которого помещены пересекающиеся обозначения номинала и даты. Остановимся на этом нововведении подробнее.

Прежде всего отметим, что оформление в виде креста не позволяет сразу определить, какое положение реверса монеты является правильным, и это нашло отражение в нумизматической литературе. Так, в рисованных таблицах, датируемых примерно серединой XVIII века*, и в книге С. Н. Шодуара “Обозрение русских денег”⁵ реверс пятака образца 1723 года изображен при горизонтальном положении обозначения номинала (рис. 8, 9); в атласе Ф. Шуберта⁶ – при горизонтальном положении

* Хранятся в фондах отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.

даты (рис. 10); в Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича – в одном случае ⁷ при горизонтальном положении обозначения номинала (рис. 11), в другом случае ⁸ при горизонтальном положении даты (рис. 12); а в книге И. Г. Спасского “Русская монетная система” ⁹ крест на реверсе пятака представлен в виде косоугольного “андреевского” креста (рис. 13).

Если обзор пятака начать с его реверса и вращать монету вокруг ее вертикальной оси, то есть по обычной для подавляющего большинства русских монет схеме – $\uparrow \uparrow$, то окажется, что ни одному из трех возможных положений реверса не соответствует правильное положение аверса (рис. 14). И только если вращать пятак вокруг его горизонтальной оси ($\uparrow \downarrow$), то выявляется, что правильному положению аверса соответствует горизонтальное положение обозначения номинала на реверсе (рис. 15).

Но в первые два десятилетия XVIII века русских монет с таким соотношением сторон ($\uparrow \downarrow$) практически не было. Лишь в начальный период денежной реформы Петра I, когда производился выбор основных характеристик для вновь вводимых монет регулярного чекана (монетной стопы, размеров и внешнего оформления), были опробованы и два варианта соотношения сторон этих монет: один – по образцу рублевиков и полтин Алексея Михайловича 1654 года ($\uparrow \uparrow$), другой – по образцу некоторых западноевропейских монет ($\uparrow \downarrow$). С целью такого опробования в 1700 году и было отчеканено некоторое количество медных монет достоинством в денгу с соотношением сторон $\uparrow \downarrow$, тогда как все остальные монеты этого рода чеканки имели соотношение $\uparrow \uparrow$. Поскольку окончательное предпочтение было отдано соотношению $\uparrow \uparrow$, ни одной русской монеты с соотношением сторон $\uparrow \downarrow$ до 1723 года больше не появлялось, не считая явного производственного брака, а также полушек 1718–1722 годов (рис. 1), имевших не только убогое и неряшливо выполненное оформление, но и нефиксированное соотношение сторон.

Итак, внешнее оформление в виде креста допускает три совершенно равноправных положения реверса монеты, два из которых (положение “андреевского” креста и горизонтальное расположение даты) соответст-

вуют неправильному положению аверса, а при третьем (горизонтальное расположение обозначения номинала) правильное положение аверса имеет место при соотношении сторон монет $\uparrow \downarrow$, совершенно не свойственном подавляющему большинству русских монет первой половины XVIII века. Благодаря этому (а также и беспорядочной чеканке полушек 1718–1722 годов) внимание фальшивомонетчиков не акцентировалось на необходимости строго выдерживать вполне определенное соотношение сторон на изготавливаемых ими подделках, а правительственные органы получали в свое распоряжение еще один, очень простой, способ выявления фальшивок – по неправильному соотношению сторон. Само собой разумеется, что суть этого способа надлежало “содержать в тайне”.

Было применено и еще одно дезориентирующее фальшивомонетчиков мероприятие. Заключалось оно в том, что небольшая часть пятаков чеканилась с обычным для большинства русских монет соотношением сторон ($\uparrow \uparrow$), но на этих пятаках имелась своя особая примета: при горизонтальном положении обозначения номинала дата на них читалась не снизу вверх, как на всех других пятаках, а сверху вниз (рис. 16).

За шесть лет, с 1723 по 1729 год, объем чеканки пятаков был определен несколькими правительственными решениями:

1. Именной указ от 28 июня 1723 года: “...сделать вновь пятикопечников 500 000 рублей, а буде возможно, то и больше...”¹⁰;

2. Именной указ от 26 января 1727 года: “...умножить как наискорее медной пятикопечной монеты до толикого числа, сколько по настоящим нуждам заблагоразсуждено будет, а наперед для скорости сделать ныне ж не меньше два миллиона...”¹¹;

3. Указ из Верховного тайного совета от 7 июня 1727 года: “...пятикопечников медных с прежними сделать всего два миллиона...”¹²;

4. Именной указ от 18 сентября 1727 года: “...сделать пятикопечников старыми штемпелями всего и с теми, которые уже сделаны, полтретья (два с половиной. – В. У.) миллиона...”¹³;

5. Именной указ от 16 мая 1729 года: “...сделать миллион пятикопечников из наличной меди и из старого дела копеек”¹⁴.

Таким образом, всего было намечено начеканить пятаков на сумму в 3,5 млн. рублей. В действительности же, согласно сведениям, приведенным в книге А. И. Юхта “Государственная деятельность В. Н. Татищева”¹⁵, чеканка пятаков производилась примерно в такой последовательности: с момента начала чеканки в 1723 году и до февраля 1727 года было изготовлено пятаков на 605 тыс. руб.; с 18 марта по 10 октября 1727 года – на 1395 тыс. руб.; с 10 октября 1727 года по 31 января 1728 года – на 500 тыс. руб.; с 31 января 1728 года и до окончания чеканки в 1730 году – 673 тыс. руб. Следовательно, начиная с 1730 года, в обращении находилось пятаков на сумму не менее 3,173 млн. руб. – именно эта сумма и показана в сенатском указе от 25 января 1731 года¹⁶. Кроме того, в обращение непрерывно поступали фальшивые пятаки, общее количество которых невозможно назвать даже приблизительно.

Комплекс оградительных мер, примененный во внешнем оформлении пятаков образца 1723 года, видимо, сыграл определенную роль в деле выявления и изъятия из обращения фальшивок. Об этом свидетельствует прежде всего использование точно таких же мер на медных копейках 40-рублевой монетной стопы, массовый выпуск которых производился в 1728–1729 годах.

Подобно пятакам образца 1723 года, большинство копеек 1728–1729 годов имеет соотношение сторон $\uparrow \downarrow$ и дату, читаемую снизу вверх (рис. 17), а небольшая их часть имеет соотношение сторон $\uparrow \uparrow$ и дату, читаемую сверху вниз (рис. 18).

Свидетельством того, что расчет на невнимательность фальшивомонетчиков оказался правильным, является также тот факт, что среди сохранившихся поддельных пятаков примитивного изготовления (рис. 19) большинство составляют фальшивки с неправильным, чаще всего произвольным, соотношением аверса и реверса.

Но не эти легко выявляемые подделки кустарного изготовления представляли основную опасность для государственной казны. Чрезвычайно высокая прибыль, получаемая от изготовления пятаков образца 1723 года, стала причиной того, что при фабрикации подделок этих монет, с це-

лью улучшения их качества и ускорения тиражирования, стала применяться машинная чеканка и гурчение.

В “Приговоре Правительствующего Сената о вымене пятикопеечников” (приложение к именному указу от 11 мая 1744 года)¹⁷ говорится, что встречаются поддельные пятаки, “...которые равномерно таким же штемпелем, и уповательно, такую же большою машиною (ибо молотком и другими малыми инструментами оных, за величию тех пятикопеечников, чеканить не можно) печатаны, как и здешние в России на монетных дворах, и никаким образом с российскими узнать их не возможно...”. И все же хотя бы в двух случаях подобные фальшивки могут быть опознаны.

Сенатским указом от 25 августа 1738 года¹⁸ было обнародовано, что пятаки образца 1723 года, имеющие обозначение номинала “ПЯТЬ КОПЕИКЪ”, являются поддельными. По свидетельству резчиков, работавших на московских монетных дворах и изготовлявших штемпели для чеканки пятаков, подлинные монеты должны были иметь надпись “ПЯТЬ КОПЕЕКЪ” или “ПЯТЬ КОПЕЯКЪ”, а “...таковых пятикопеечников, на которых напечатано: пять копейк на монетном дворе никогда не явлено и с начала пятикопеечного передела с 1723 по 1731 год пятикопеечных чеканов с такою надписью ни кем не резаны”. В собрании Государственного Исторического музея имеется несколько монет с надписью “ПЯТЬ КОПЕИКЪ” (рис. 20). Обследование этих монет не оставляет сомнения в том, что их чеканка и гурчение выполнены машинным способом. Так же изготовлены и пятаки, имеющие надпись “ПЯТЬ КОПЕЕКЪ” (рис. 21), но помеченные знаком Красного монетного двора (“КД”), который был обязан на монетах своего изготовления писать “ПЯТЬ КОПЕЯКЪ”. Такая особенность этих пятаков – явное свидетельство фальсификации, поскольку надпись “ПЯТЬ КОПЕЕКЪ” помещалась только на монетах Кадашевского (“МД”) и Набережного (“НД”) монетных дворов.

Вероятность того, что на территории России в это время был организован подпольный монетный двор, оснащенный необходимым машинным оборудованием, чрезвычайно мала, а это позволяет утверждать, что

чеканка фальшивых русских пятаков производилась на зарубежных монетных дворах. И действительно, документы того времени свидетельствуют о массовом притоке фальшивых пятаков образца 1723 года из-за границы, с чем постоянно сталкивалась русская таможенная служба. За период с 1730-го по 1752 год было издано 13 правительственных указов¹⁹, специально посвященных мерам по пресечению ввоза фальшивых пятаков из-за рубежа.

Изъятие пятаков иностранной чеканки, уже попавших в обращение внутри России и не имевших явных признаков (например, надписи “ПЯТЬ КОПЕИКЪ”), было чрезвычайно затруднено не только вследствие безупречного оформления их аверса, реверса и гурта, а также точного соответствия их веса узаконенной монетной стопе. Эти фальшивки имели к тому же и правильное соотношение сторон (↑ ↓). Поэтому экстраординарные меры, принимавшиеся русским правительством, были направлены прежде всего на обеспечение перехвата ввозимых из-за границы пятаков (как фальшивых, так и подлинных) силами русской таможенной службы, либо – в крайнем случае – администрацией приграничных районов.

Фальшивые пятаки не только отягощали русскую казну обесцененной легковесной монетой. Было также установлено, что иностранцы, привозившие с собой пятаки, скупают на них в России и вывозят за границу золото и серебро, нанося этим дополнительный ущерб экономике страны и усугубляя и без того острый дефицит этих металлов. Поэтому русским правительством были также разработаны меры, направленные на пресечение вывоза из страны золота и серебра в монетах, слитках и ювелирных изделиях. В конечном счете административные меры, направленные против принявшей угрожающие размеры иностранной финансово-экономической диверсии, сводились, в основном, к следующему:

– строжайший досмотр всех лиц, приезжающих из-за границы и выезжающих за пределы страны;

– арест лиц, уличенных в провозе пятаков или в вывозе золота и серебра, допрос их с пристрастием и в случае установления их вины –

смертная казнь на месте с конфискацией всего имущества;

– награждение таможенников, выявивших случаи ввоза фальшивых пятаков или вывоза золота и серебра;

– смертная казнь таможенников, допустивших недосмотр;

– арест иностранцев, уличенных в обмене пятаков на золотую или серебряную монету при торговых операциях, конфискация их имущества и высылка их самих за границу;

– прекращение выдачи пятаков в приграничные города на казенные расходы и в пограничные полки для выдачи жалованья.

Что касается отечественных фальшивомонетчиков, то административные меры борьбы с ними предусматривали, как обычно, безусловную смертную казнь для виновных в подделке монеты и весьма солидное вознаграждение для доносителей.

В то же время русское правительство хорошо понимало, что наличие в денежном обращении страны медных монет 40-рублевой стопы – явление вынужденное, наносящее несомненный ущерб национальной экономике, и скорейшее изъятие этих монет из обращения – важнейшая задача, которая не может быть подменена никакими охранительными мероприятиями. Поэтому уже в именном указе от 26 января 1727 года²⁰ предусматривалась развернутая система мер по обеспечению выкупа пятаков образца 1723 года у населения: “...серебряных денег капитал запасть, на что серебро на медные деньги мочно покупать с прибавкою цены; а для поставки заморского серебра казенных товаров умножать... також медные заводы распространять, медь умножать, из которой делать платы (медные квадратные монеты 10-рублевой стопы. – В. У.), и когда государственный капитал серебряных денег, також и платы умножится, государство во всем исправится и подданные облегчены и в доброе состояние придут, тогда все медныя деньги из народа выкупить в казну, за которые платить серебряными деньгами и платами”. Эта программа так и осталась благим намерением, а интенсивная чеканка пятаков продолжалась до 1730 года.

В 1730 году именованным указом от 22 декабря²¹ была установлена монетная стопа для медных денег в 10 рублей из пуда меди. С самого начала чеканки монет нового образца часть из них изготавливалась перечеканкой: в полукопеечные монеты (денги) перечеканивались копейки 1704–1718 и 1724 годов (20-рублевой стопы), а в полушки – копейки 1728–1729 годов. Перечеканкой копеек 1728–1729 годов было положено начало изъятию из обращения монет 40-рублевой стопы, но ликвидация этих копеек вопроса еще не решала – слишком мало их было выпущено: согласно именованному указу от 16 мая 1729 года²² их должны были начеканить на сумму не более 500 тысяч рублей. Фактический объем чеканки составил 496 544 рубля. Что же касается пятаков образца 1723 года, от которых, как писал В. Н. Татищев, был “государству великий вред”, то вопрос об их изъятии будет решаться на протяжении долгих 25 лет, ибо для русского правительства это оказалось чрезвычайно сложным делом.

Еще до введения монет 10-рублевой стопы сенатским указом от 19 июня 1730 года²³ была создана специальная комиссия, которая должна была разработать новые меры по обеспечению скорейшей ликвидации пятаков 40-рублевой стопы. Предложения этой комиссии, разработанные с большим опозданием, были оформлены в виде сенатского указа от 25 января 1731 года²⁴ и сводились в основном к следующему:

– имеющиеся в наличии в государственных учреждениях пятаки должны быть немедленно переданы на монетный двор;

– все государственные подати и сборы население должно выплачивать только медными пятаками;

– до 1 мая 1731 года все пятаки должны быть выкуплены у населения по их нарицательной цене с оплатой серебром и новыми медными монетами 10-рублевой стопы;

– все пятаки перечеканить в копейки 8-рублевой стопы; убытки от перечеканки в размере 2 524 585 рублей покрыть за счет государства.

На основании этого указа был изготовлен комплект штемпелей для перечеканки пятаков в копейки и отчеканена в небольшом количестве экземпляров пробная копейка 8-рублевой стопы, датированная 1730 го-

дом (рис. 22). Оформление этой монеты было полностью идентично оформлению 10-рублевой стопы, и только на ее аверсе, подобно всем ранее выпускавшимся копейкам, вместо государственного герба был помещен московский герб (то есть всадник с копьем). Несмотря на то что указ от 25 января 1731 года подробно перечислял источники финансирования намеченной операции, казна была не в состоянии покрыть убытки в размере более 2,5 млн. рублей. В результате этого указ постигла та же участь, что и указ от 26 января 1727 года.

В дальнейшем появился целый ряд проектов, большинство из которых было главным образом посвящено изысканию средств для покрытия расходов, связанных с изъятием пятаков из обращения.

Проект советника Ивана Шлаттера от 14 марта 1737 года²⁵. Для выкупа пятикопеечников следует напечатать бумажных билетов ценою в 1000, 100, 50, 10, 5 и 1 руб., 50, 10 и 5 коп. на общую сумму 3,2 млн. руб. и начеканить 4 млн. серебряных пятикопеечников по стопе 17 руб. 32 коп. из фунта серебра 77-й пробы. Выкуп производить таким образом, чтобы 80% суммы принесенных на сдачу медных пятаков оплачивалось билетами, а 20% – серебряной монетой или медными копейками, полученными перечеканкой сданных пятаков. Бумажные билеты должны иметь хождение наравне с монетой в течение 5 лет, после чего они должны быть обменены на обычные деньги по обозначенной на них цене.

Проект асессора Ивана Мокеева от 23 мая 1737 года²⁶. Для вымена пятикопеечников, выпущенных на сумму 3 984 885 рублей, начеканить из сибирской меди новых пятикопеечников по стопе в 20 рублей из пуда меди на сумму 3 млн. рублей, заплатив этими же новыми пятикопеечниками по 6 руб. 25 коп. за пуд приобретаемой казной меди. Выменные старые пятикопеечники переработать в новые, 20-рублевой стопы. Убыток от этой переработки в размере 1 992 442 рублей погасить за счет прибыли, которая будет получена от чеканки новых пятикопеечников. А чтобы прибыль была как можно большей, все операции по чеканке выполнить на машинах с водяным приводом, для чего в Москве прорыть специальный канал и на нем поставить монетный двор.

Проект комиссара Монетной канцелярии Мартына Шпеермана от 24 апреля 1738 года²⁷. С целью приобретения средств для выкупа у населения пятикопеечников организовать денежную лотерею. В результате ни государство, ни население не пострадают от операции по ликвидации пятикопеечников.

Проект комиссара Монетной канцелярии Петра Крекшина от мая 1739 года²⁸. Получение средств для выкупа пятаков организовать следующим образом. На имеющиеся в казне пятаки закупить медь, заплатив по 6 рублей за пуд. Из этой меди чеканить платы по стопе 10 рублей из пуда, заплатив по 1 рублю за переработку одного пуда меди в монету. В результате на каждые 40 рублей взятых из казны пятаков будет получено 57 руб. 13,5 коп. в платах, а прибыль казны от этой операции будет составлять около 43 копеек на каждый затраченный рубль.

Проект советника Ивана Шлаттера от 26 июня 1739 года²⁹. Средства для выкупа пятаков наиболее целесообразно получить за счет прибыли от чеканки золотой монеты, изготавливая из 1 фунта легированного золота 77-й пробы 117 штук двухрублевиков.

Проект главного директора Монетного правления обергофмейстера Христиана Вильгельма Миниха от 1740 года³⁰. Все пятикопеечники должны быть подвергнуты клеймению специальными малыми клеймами в строго установленный срок, по прошествии которого хождение неклеяемых пятаков запретить. За клеймение отчислять в казну от каждых 25 пятаков один, что в результате должно составить около 200 тысяч рублей. Выявленные фальшивые пятаки не клеймить, а отбирать в казну без оплаты. Таким образом, из обращения будут изъяты пятаки, поступающие в казну в качестве платы за клеймение, все фальшивые монеты, а также пятаки, не предъявленные для клеймения в установленный срок. В дальнейшем все клейменные пятаки следует перечеканить в двухкопеечники таким образом, чтобы на полученных перечеканной монетах просматривалось ранее наложенное на пятак клеймо – этим будет дополнительно затруднена подделка новых двухкопеечников.

Сохранились вещественные свидетельства проекта Х. В. Миниха. Это пятаки, надчеканенные клеймами двух видов – с гербовым орлом и датой (рис. 23) и с гербовым орлом и обозначением Петербургского монетного двора “СПБ” (рис. 24), двухкопеечники с портретом Анны Иоанновны 1740 года, изготовленные перечеканкой пятаков с использованием двух различных комплектов штемпелей (рис. 25, 26), и, наконец, двухкопеечник, изготовленный перечеканкой клейменого пятака (рис. 27).

Поскольку при жизни Анны Иоанновны этот проект не получил одобрения, Х. В. Миних представил его вторично, но уже на имя регентши Анны Леопольдовны, матери малолетнего императора Ивана Антоновича (Иоанна III)³¹. Теперь проект сопровождался пятаком, надчеканенным двумя клеймами, на которых были помещены гербовый орел, вензель императора и обозначение Петербургского монетного двора “СП” (рис. 28), а также изготовленным перечеканкой пятака двухкопеечником с портретом Иоанна III (рис. 29); эта перечеканка была выполнена с использованием уже готовых штемпелей: штемпеля аверса серебряной полтины массового выпуска 1741 года и штемпеля реверса двухкопеечника, представленного на рис. 26.

Еще один проект 1740 года (автором его считается известный шведский медальер И. К. Чедлинггер) предусматривал также перечеканку пятаков образца 1723 года, но с сохранением их пятикопеечного номинала. Согласно этому проекту, предотвращение подделки новых пятаков (рис. 30) обеспечивалось использованием для перечеканки портретного штемпеля аверса и совершенно особым оформлением реверса: изображение знака ордена Андрея Первозванного, расположенное на груди гербового орла, в процессе чеканки монеты оттискивалось на специальной бронзовой вставке, помещавшейся в центре монетного кружка со стороны реверса.

Ориентация на усложнение внешнего оформления монеты, как на основное средство борьбы с фальсификацией, в данном случае, как и в случае, например, с пробной полушкой 1721 года (рис. 2), вполне объяснимо: и в том, и в другом случае не менялась весовая норма монеты.

Совсем иначе обстояло дело с проектом Х. В. Миниха. Этим проектом предусматривалась перечеканка пятаков в двухкопеечники, благодаря чему монетная стопа снижалась с 40 до 16 рублей из пуда меди.

Последующие события показали, что 16-рублевая монетная стопа служила достаточно надежной защитой от фальсификации, так как подделка монет с такой весовой нормой становилась уже невыгодной. Поэтому дополнительные меры защиты, предусмотренные проектом Х. В. Миниха (предварительная надчеканка пятаков и использование для их перечеканки дорогостоящих портретных штемпелей аверса), были совершенно излишними. Но, как будет видно в дальнейшем, подобные и даже более существенные просчеты были присущи не одному проекту Х. В. Миниха.

Прежде чем перейти к изложению заключительного этапа ликвидации пятаков образца 1723 года, напомним о существовании еще одного проекта перечеканки их в копейки 8-рублевой монетной стопы. К сожалению, никаких письменных сведений по этому проекту на сегодня обнаружить не удалось, однако известно несколько экземпляров пробной копейки оригинального внешнего оформления, датированной 1735 годом и отчеканенной в весе пятака (рис. 31).

Основные события, предшествовавшие окончательному изъятию пятаков образца 1723 года из обращения, развернулись в конце 1743 или в начале 1744 года, когда Сенатом были подробно рассмотрены все имевшиеся предложения и проекты, посвященные этому важнейшему для государства мероприятию. Итоговый документ, появившийся в результате такого рассмотрения – “Приговор Правительствующего Сената о вымене пятикопеечников”, – был опубликован в качестве приложения к именному указу от 11 мая 1744 года³². Всего Сенатом было рассмотрено одиннадцать проектов, в том числе – сенатский указ от 25 января 1731 года³³, шесть проектов 1737–1740 годов, изложенных выше, а также четыре проекта, обнаруженные в бумагах А. И. Остермана, Б. Х. Миниха, Г. И. Головкина и в делах бывшего Кабинета министров: проекты судьи Монетной канцелярии князя Голицына (о чеканке медных копеек 10-рублевой

стопы на сумму в 2 млн. рублей и использовании их для выкупа пятаков), фельдмаршала Бурхарда Христофора Миниха (об организации купеческой компании для монопольной торговли с Китаем, Хивой, Бухарой и на Камчатке с использованием части прибыли этой компании для выкупа пятаков), неизвестного автора (о переделе серебряных копеек дореформенного образца в гривенники и использовании прибыли от этого передела для выкупа пятаков) и, наконец, проект бывшего генерал-прокурора П. И. Ягужинского. Рассмотрев все эти проекты, Сенат пришел к выводу, что те из них, которые были направлены только на изыскание источников финансирования операции по выкупу пятаков у населения (а таких проектов было большинство – девять из одиннадцати), совершенно нереальны и не обеспечивают получения средств, необходимых государству для проведения выкупа. Был отвергнут Сенатом и проект Х. В. Миниха, как весьма дорогостоящий и технически трудно-выполнимый. В итоге Сенат признал единственно приемлемым для реализации проект П. И. Ягужинского. Согласно этому проекту, следовало постепенно снижать нарицательную цену пятаков: на первом этапе пятакам должно быть установлено достоинство в 4 копейки, через год их следовало перечекивать в трехкопеечники, а еще через какое-то время перекеймить в копейки. Автор проекта считал, что в результате такой последовательности убытки распределятся между правительством и народом поровну. Поддерживая проект П.И. Ягужинского в принципе, Сенат считал, что на промежуточных стадиях снижения нарицательной цены пятаков перекеивать их не следует – эта операция должна быть проведена только на последнем этапе, когда пятаки получают достоинство в 1 копейку. В своем “Приговоре” Сенат рекомендовал начать снижение нарицательной цены пятаков с 1 января 1745 года и закончить ее в течение последующих четырех лет. Вполне очевидно, что наибольший убыток от этого мероприятия должен был понести тот держатель пятаков, который к моменту объявления указа о снижении цены будет иметь наибольшее их количество. Поэтому, чтобы обезопасить казну от резкого увеличения притока пятаков, а следовательно, и от дополнительных

убытков, Сенат считал необходимым "...о той убавке содержать в наивысшем секрете, дабы прежде времени в народе о том было не известно".

Против рекомендаций Сената выступил статский советник Демидов – его "Мнение... о мерах, назначенных в докладе Правительствующего Сената к приведению медной монеты в существенную цену" было приложено к именному указу от 23 мая 1744 года³⁴. Демидов считал, что за время, необходимое для постепенного снижения нарицательной цены медных пятаков согласно проекту П. И. Ягужинского, за границу будет вывезено огромное количество русской серебряной и золотой монеты, купленной иностранцами за пятаки, несмотря на все административные меры, принимаемые против этого правительством. Поэтому Демидов предлагал сразу снизить нарицательную цену пятаков до минимальной и перечековать их в копейки. О возражениях Демидова можно было бы и не упоминать, если бы не одно обстоятельство: есть основание считать, что редчайшая пробная копейка, датированная 1743 годом (рис. 32), была приложена к "Мнению" Демидова в качестве иллюстрации.

В конечном счете рекомендации Сената были узаконены именным указом от 11 мая 1744 года "О приеме медных пятикопеечников прежнего чекана во всех платежах частных и казенных за четыре копейки"³⁵ с той лишь разницей, что снижение нарицательной цены пятаков началось не с 1 января 1745 года, как рекомендовал Сенат, а с 1 августа 1744 года. Два с половиной месяца с момента подписания указа потребовалось для его размножения и рассылки в опечатанном виде по всей стране в места, где его должны были 1 августа вскрыть и зачитать народу или вывесить для всеобщего обозрения. Одновременно с указом от 11 мая 1744 года о снижении достоинства пятаков был подписан именной указ "О запрещении ввозить в Россию медную монету и о невывозе за границу золотых и серебряных денег, слитков и посуды"³⁶. Этот указ, продублированный сенатским указом от 17 мая 1744 года³⁷, вводил особо жесткие оградительные меры, предусматривающие смертную казнь на месте как для нарушителей запрета, так и для нерадивых или недобросовестных таможенников.

Через год, 5 июня 1745 года, был подписан именной указ о приеме с 1 октября 1745 года медных пятаков во все платежи за три копейки³⁸, а с 28 августа 1746 года цена пятака была установлена в две копейки (именной указ от 20 июня 1746 года)³⁹. Что же касается снижения нарицательной цены пятака до копейки, то оно по разным причинам задерживалось. В докладе на имя императрицы от 25 января 1755 года сенатор П. И. Шувалов писал: "...а с 1747 года четвертая ("убавка" нарицательной цены пятаков. – В. У.), в разсуждении как умаления в государстве мелких денег, о чем из многих губерний доношениями представлено, так и других важных резонов остановлена..."⁴⁰. Каковы были эти резоны, можно только предполагать, но наиболее вероятным представляется нарушение основного принципа проводившихся мероприятий – равного распределения убытков между государственной казной и населением страны.

Действительно, население, будучи свидетелем трех ежегодных снижений покупательной способности пятаков, скорее всего, предвидело и четвертое, а потому сделало все возможное, чтобы избавиться от столь убыточных монет и переправить их в казну. Правительство же, откладывая реализацию конечного этапа операции, старалось этим успокоить народ и возратить как можно больше пятаков из казны в широкое обращение. Однако в конце 1754 года была все же начата подготовка к проведению последнего снижения нарицательной цены пятаков и перечеканки их в копейки.

Сенатским указом от 22 декабря 1754 года⁴¹ был определен следующий порядок действий:

- Монетная канцелярия должна начеканить новых медных копеек по стопе в 8 руб. из пуда меди, но не более чем на 1 млн. рублей;
- на эти копейки должен быть произведен обмен пятаков после того, как их нарицательная цена будет снижена до 1 копейки;
- для обмена пятаков на копейки должен быть установлен определенный срок;
- все выменянные пятаки должны быть перечеканены в копейки теми же штемпелями, которыми будут чеканиться новые копейки;

– Монетная канцелярия должна немедленно изготовить для чеканки и перечеканки штампы и представить их на утверждение в Сенат.

И здесь мы опять встречаемся с удивительной недооценкой фактора снижения монетной стопы: ведь новые копейки имели стопу в 8 рублей из пуда меди при существовавшей в то время цены на медь не более 8 рублей за пуд, вследствие чего подделка этих копеек уже не могла принести дохода, который хоть в какой-то мере оправдывал бы смертельный риск, связанный с такого рода деятельностью. И тем не менее, согласно указу от 22 декабря 1754 года, Монетной канцелярии надлежало "...немедленно сделать вновь с портретом Ея Императорского Величества и другим разным манером наилучшие штампы, под которые б воровским людям подделываться было невозможно...". Спрашивается, зачем потребовалось применение дорогостоящих портретных штампов для чеканки монет достоинством всего в 1 копейку, если подделка их практически полностью исключалась их низкой монетной стопой? Видимо, на новые копейки, порожденные пятаками образца 1723 года, было невольно перенесено опасение массовой их фальсификации, неизменно сопровождавшей пятаки.

Во исполнение сенатского указа от 22 декабря 1754 года было изготовлено не менее восьми различных штампов, причем один из них в процессе чеканки пробных монет был доработан (см. рис. 39 и 41) – на нем была выбита дата. Этими штампами, путем различного их сочетания, было отчеканено семь известных в настоящее время пробных монет (рис. 33/34, 33/35, 35/36, 36/34, 37/38, 38/39 и 40/41). Однако снижение нарицательной цены пятаков до копейки так и не состоялось – 7 марта 1755 года императрице был представлен поддержанный Сенатом проект сенатора П. И. Шувалова, содержащий предложение не снижать цену пятаков до копейки, а выкупать их у населения по цене 2 копейки за штуку, заплатив за них новыми копейками, и выкупленные пятаки перечеканить в копейки. В отличие от сенатского указа от 22 декабря 1754 года, проект предусматривал чеканку новых копеек для выкупа пятаков на сумму не в 1 млн., а в 3 млн. рублей.

Проект Шувалова был утвержден Елизаветой Петровной⁴². На основании этого проекта в качестве рабочего документа был издан сенатский указ от 9 марта 1755 года⁴³, определивший основные направления подготовки к выкупу пятаков, а также были изданы еще два сенатских указа (от 17 апреля и 2 мая 1755 года)⁴⁴, установившие правила выкупа пятаков и ответственность лиц, допустивших приемку фальшивок. Наконец 18 августа 1755 года был подписан именной указ⁴⁵, которым было объявлено “во всенародное известие” о чеканке копеек по 8-рублевой монетной стопе, о выкупе пятаков по цене 2 копейки за штуку и о последующей перчеканке пятаков в копейки. И только 19 июня 1756 года сенатским указом⁴⁶ был установлен срок нахождения пятаков в обращении и предъявления их на выкуп – 1 сентября 1756 года.

Несмотря на первоначальное намерение придать новым копейкам восьмирублевой стопы сложное внешнее оформление, возобладал реалистичный подход к решению этого вопроса: был утвержден образец с довольно простым оформлением, схожий с пробной копеейкой, представленной на рис. 34–36, но с менее рельефными изображениями на аверсе и реверсе (рис. 42). Понижение рельефа изображений обеспечивало лучшее качество перчеканки (более полное уничтожение следов изображений и надписей, бывших на пятаке) при меньшей нагрузке на штемпели. С этой же целью на новых копейках было применено соотношение сторон $\uparrow \downarrow$, причем на пробной монете (рис. 34–36) вначале были опробованы оба варианта соотношения сторон – и $\uparrow \uparrow$, и $\uparrow \downarrow$. Дело в том, что оформление обеих сторон копеейки образца 1755 года практически одинаково, и при этом основные элементы изображений на аверсе и реверсе образуют некоторое подобие треугольника. При таком оформлении и при соотношении сторон $\uparrow \uparrow$ изображение, имеющееся на аверсе монеты, точно проецируется на изображение, имеющееся на реверсе (рис. 43 А). Если же стороны монеты относятся как $\uparrow \downarrow$, то изображения, находящиеся на аверсе и реверсе, распределяются более равномерно по всему кружку монеты (рис. 43 Б), а это позволяет получать доброкачественные оттиски при меньшей нагрузке на штемпели. Вообще же Сенат проявил

определенную заботу об улучшении внешнего вида копеек, изготавливаемых перечеканкой. Так, в указе от 9 марта 1775 года ⁴⁷ содержится такое требование: "...а грошевики (пятаки, ценившиеся по 2 коп. – В. У.), вступающие в казну, перепечатывать с подпущенным темным колером, дабы не столь грошевые знаки видны были".

Остается только отметить, что на части копеек образца 1755 года массового выпуска все же была применена мера охраны их от фальсификации – на их гурт наносилась надпись: "С.ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА", или "ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ДВОРА".

Копейки образца 1755 года, самые "тяжеловесные" из всех российских медных монет, просуществовали недолго: уже 8 апреля 1757 года именным указ "О новом переделе медных денег" ⁴⁸ утвердил для медных монет новую, 16-рублевую стопу. В этом указе среди прочего было записано: "Доныне сделанныя из пяти-копеечников перепечатанныя копейки, в народ уже выпущенные, перепечатать паки все в грошевики новым штемпелем, дабы также 16 рублей из пуда было..."

Обращает на себя внимание то, что в указе от 8 апреля 1757 года подведены итоги проведенного в 1755–1756 годах выкупа пятаков образца 1723 года: "возвратилось оной (пятикопеечной монеты. – В. У.) в казну Нашу гораздо меньше, нежели выпущено было, так что вместо того, что опаеаемо было великое число подвозных (из-за границы. – В. У.) и поддельных медных пятикопеечников, не достало оных при вымене противу выпущеннаго в народ числа 205 723 рубли". Итог, прямо надо сказать, удивительный: на протяжении многих лет русское правительство вело непрерывную и ожесточенную борьбу с отечественными, а главное, зарубежными фальшивомонетчиками, наводнявшими внутренний рынок поддельными (часто не отличимыми от подлинных) пятаками, а в результате население смогло сдать на выкуп пятаков на 206 тыс. рублей меньше той суммы, на которую их начеканили российские монетные дворы. И в то же время итог этот вполне закономерен.

Прежде всего, в именном указе от 18 августа 1755 года ⁴⁹, которым был назначен выкуп пятаков, не был определен срок, в который этот вы-

куп должен быть завершен, – случай для документов такого рода беспрецедентный. Когда же этот срок (1 сентября 1756 года) был наконец установлен сенатским указом от 19 июня 1756 года⁵⁰, то оказалось, что до конца этой колоссальной операции осталось всего-навсего меньше двух с половиной месяцев. Всего же выкуп продолжался около года. Если же учесть, что выкуп пятаков у населения с оплатой каждого пятака двумя копейками 8-рублевой стопы был для казны явно невыгодным, то причина манипуляций со сроком выкупа становится легко объяснимой.

Таким образом, и явно недостаточное общее время, отведенное на проведение выкупа, и продолжительное сокрытие от населения конечного срока выкупа способствовали тому, что весьма значительное количество пятаков так и осталось у населения. Именно этим объясняется непонятный на первый взгляд итог выкупной операции, массовое использование пятаков 1723–1730 годов для изготовления перечеканкой двухкопеечников 1757–1762 годов, четырехкопеечников 1762 года и даже двухкопеечников образца 1763 года, а также чрезвычайно большое количество этих пятаков в государственных и частных коллекциях и в запасниках музеев.

Такова история проектирования, чеканки, обращения, подделки и ликвидации монет, присутствие которых в денежном хозяйстве страны лихорадило российскую экономику на протяжении всей второй четверти XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ), № 5411.
2. Копия “Доношения” хранится в фондах отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.
3. ПСЗ, № 4258.
4. ПСЗ, № 4276.
5. *Шодуар С. Н.* Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. Таблицы. СПб., 1837–1841.

6. *Schubert F.* Monnaies Russes des derniers trois Siecles. Atlas. Leipzig, 1857. Taf. XIX.
7. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины I. СПб., 1904. Табл. XXV.
8. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1901. Табл. III.
9. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. Л., 1962. С. 136.
10. ПСЗ, № 4258.
11. ПСЗ, № 5003.
12. ПСЗ, № 5088.
13. ПСЗ, № 5156.
14. ПСЗ, № 5411.
15. *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII века. М., 1985.
16. ПСЗ, № 5684.
17. ПСЗ, № 8940.
18. ПСЗ, № 7640.
19. ПСЗ, №№ 6818, 7101, 7212, 7640, 8940, 8942, 9099, 9102, 9143, 9247, 9289, 9833, 9923.
20. ПСЗ, № 5003.
21. ПСЗ, № 5657.
22. ПСЗ, № 5411.
23. ПСЗ, № 5578.
24. ПСЗ, № 5684.
25. Российский государственный архив древних актов, XIX разряд, дело № 129, ч. 1.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.

31. *Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования императора Иоанна III.* СПб., 1901. С. 39.

32. ПСЗ, № 8940.

33. ПСЗ, № 5684.

34. ПСЗ, № 8948.

35. ПСЗ, № 8939.

36. ПСЗ, № 8940.

37. ПСЗ, № 8942.

38. ПСЗ, № 9185.

39. ПСЗ, № 9297.

40. ПСЗ, № 10370.

41. ПСЗ, № 10339.

42. ПСЗ, № 10370.

43. ПСЗ, № 10374.

44. ПСЗ, №№ 10396, 10401.

45. ПСЗ, № 10447.

46. ПСЗ, № 10574.

47. ПСЗ, № 10374.

48. ПСЗ, № 10717.

49. ПСЗ, № 10447.

50. ПСЗ, № 10574.

1

2

3

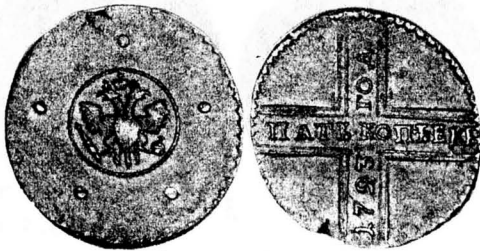

4

5

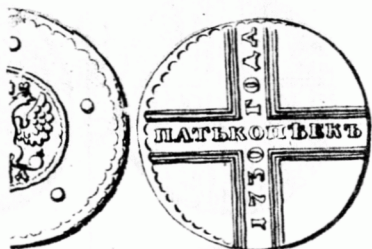
6

7

8

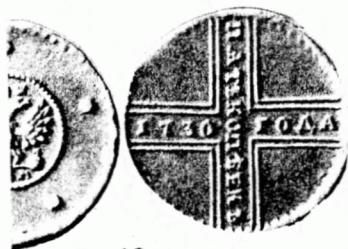
9

10

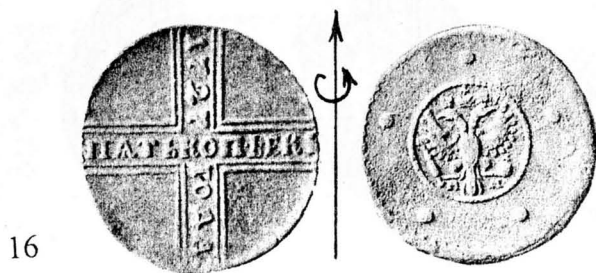
11

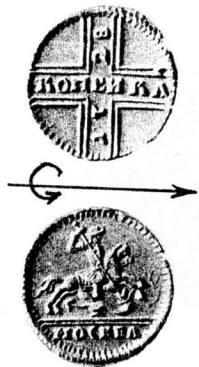

12

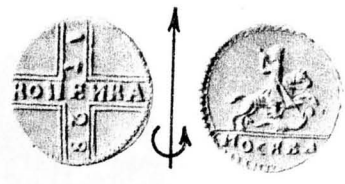

13

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

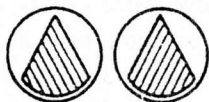
32

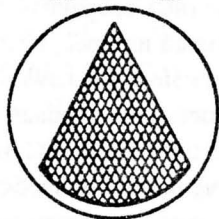
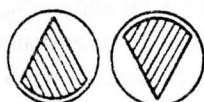

42

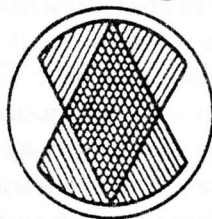
аверс реверс

аверс реверс

A

Б

43

ПРОБНЫЕ МОНЕТЫ 1726–1727 ГОДОВ

За всю историю существования монетного дела в России русская монетная система под воздействием развития экономики страны, политических преобразований и других факторов общественной жизни претерпела неоднократные изменения, сопровождавшиеся разработкой соответствующих проектов. Большинству этих проектов сопутствовало изготовление на монетных дворах опытных образцов – пробных монет, наглядно демонстрировавших все те мероприятия, которые предусматривались тем или иным проектом.

После рассмотрения проектов в соответствующих правительственных инстанциях пробные монеты в конечном итоге подразделялись на две основные категории: на пробы, получившие одобрение и утверждение в качестве образцов для новых монет массового выпуска, и на пробы, не получившие по каким-то причинам одобрения и оставшиеся в единичных экземплярах или размноженные малотиражными выпусками. Роль и значение проб первой категории полностью исчерпывается утверждением их в качестве образцов. Такие “образцовые” монеты обычно в нумизматические собрания не попадали, так как после утверждения их пробивали, прошнуровывали, опечатывали сургучной печатью, и они оседали в архивах¹. Что же касается проб второй категории, которые встречаются во многих государственных и даже частных собраниях, то в ряде случаев они представляют значительный научный интерес, поскольку многие из них являются свидетельством (иногда единственным) поисков путей решения различных финансово-экономических проблем, возникавших в стране в тот или иной период времени и не нашедших отражения в монетах массового выпуска. Поэтому изучение таких пробных монет и причин их появления может во многом способствовать получению целого ряда дополнительных сведений в области экономики, денежного обращения и монетного производства. Постараемся показать это на примере группы пробных монет 1726–1727 годов, появившихся в достаточно сложный период русской истории, когда перед правительством стоял целый ряд задач, требовавших скорейшего решения.

Среди многочисленных дошедших до нас пробных монет XVIII – начала XX века пробы 1726–1727 годов занимают по количеству одно из первых мест. На сегодня их известно семнадцать (не считая медных квадратных “плат”):

1726 год

1. Полуполтина – рис. 1.
2. Серебряный двухрублевик – рис. 5.
3. Медный гривенник – рис. 8.
4. Копейка – рис. 9.

1727 год, монеты с вензелем Екатерины I

5. Двухкопеечник – рис. 22.
6. Копейка (1-й вариант) – рис. 23.
7. Копейка (2-й вариант) – рис. 36.
8. Медный грош – рис. 24.
9. Полушка – рис. 26.

1727 год, безымянные монеты

10. Трехкопеечник – рис. 14.
11. Серебряный грош (1-й вариант) – рис. 15.
12. Серебряный грош (2-й вариант) – рис. 16.
13. Медный грош – рис. 20.
14. Копейка – рис. 21.

1727 год, монеты с именем или вензелем Петра II

15. Рубль – рис. 17.
16. Полушка – рис. 30.

Недатированная монета с вензелем Петра II

17. Копейка – рис. 29.

Кроме того, изображения, имеющиеся в рисованных таблицах, датированных серединой XVIII века и хранящихся в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа, свидетельствуют о том, что существовало еще, как минимум, восемь не дошедших до нас пробных монет.

1727 год, монета с вензелем Екатерины I

1. Копейка – рис. 25.

1727 год, безымянная монета

2. Копейка – рис. 19.

1727 год, монеты с вензелем Петра II

3. Копейка (1-й вариант) – рис. 27.
4. Копейка (2-й вариант) – рис. 32.
5. Копейка (3-й вариант) – рис. 33.
6. Копейка (4-й вариант) – рис. 34.
7. Копейка (5-й вариант) – рис. 35.
8. Полушка – рис. 28.

В этих таблицах имеются также рисунки некоторых пробных монет, находящихся в настоящее время в собраниях Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея. Из них наибольший интерес представляет рисунок второго варианта копейки 1727 года с вензелем Екатерины I (рис. 31а), поскольку сама эта монета (рис. 31) дошла до нас в очень плохой сохранности.

Каковы же причины появления всех этих проб?

Из пробных монет 1726 года, точная дата рассмотрения которых в правительственных инстанциях может быть установлена по письменным источникам, наиболее ранней является серебряная полуполтина (рис. 1). Наличие этой пробной монеты, а также небольшого количества монет массовой чеканки (рис. 2) свидетельствует о существовании в 1726 году проекта возобновления выпуска монет 25-копеечного достоинства, чеканка которых была прекращена еще в 1713 году. Однако полуполтина 1726 года коренным образом отличается от полуполтинников Петра I, которые по внешнему оформлению, по монетной стопе и по пробе серебра полностью соответствовали рублю и полтине, то есть относились к серебряным монетам высшего разряда, получившим позднее название банковых.

Во-первых, полуполтина 1726 года по монетному типу аверса и реверса совершенно идентична гривне этого же года (рис. 4). Во-вторых, полуполтина 1726 года, так же как и гривна, чеканена по стопе 15 руб. 84 коп. из фунта легированного серебра, тогда как рубль и полтина чеканились в то время по стопе 14 руб. 40 коп. из фунта. Наконец, полуполтину и гривну первоначально предполагалось чеканить из сплава одного и того же состава. Так, в именном указе от 25 мая 1726 года² записано: “В Верховном Тайном Совете Генерал-Фельдмаршал Светлейший Князь Меншиков объявил о пробе полуполтинных монет свидетельств за руками пробовальных мастеров Шлаттера, Левкина, Рыбакова, и притом три полуполтинные монеты в трех бумагах с подписанием, а именно: первой пробы $\frac{1}{2}$, второй пробы $\frac{1}{3}$, третьей пробы $\frac{1}{4}$... Присутствующие Верховного Тайного Совета особы о том разсуждали и положили, чтобы по тем пробам делать новые монеты, следующие: из первой алтынники, из третьей рублевки и полтинники, из второй пробы полуполтинники и гривенники, при том же разсуждено, чтоб для лучшей впредь верности тем пробам быть в Верховном Тайном Совете, а другия таковыя ж отдать Генерал-Фельдмаршалу Светлейшему Князю, приложя печать Ея Императорскаго Величества на шнурах, пробив оныя монеты, а третьи такия ж отдать в кабинет”. Забегая вперед, отметим, что указом Верховного тайного совета от 15 июня 1726 года³ чеканка алтына была отменена, а гривну предписывалось чеканить из сплава в $\frac{1}{2}$ пробы.

Из всего этого следует отметить, что проект 1726 года предусматривал не только возобновление чеканки 25-копеечника, но и перевод его из банковых монет в монеты разменные.

Из какого же сплава отчеканены дошедшие до нас экземпляры полуполтины 1726 года? Как видим, перечисленные в указе от 25 мая 1726 года сплавы имеют совершенно необычное обозначение пробы: $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{4}$. Попытаемся выяснить, что скрывается за этими цифрами. Для этого воспользуемся “экстрактами” из документов Берг-коллегии, касающимися выделки серебряных денег в 1726–1727 годах⁴.

Согласно указу от 25 мая 1726 года Берг-коллегия, в ведении которой находились в это время вопросы монетного производства, не значалась в числе адресатов, которые должны были получить образцовые полуполтины. Однако во втором полугодии 1726 года комплект таких монет в Берг-коллегию, видимо, все же поступил, и она начинает выяснять, из какого же сплава отчеканены эти образцы, поскольку обозначения пробы, примененные в указе от 25 мая, ей, судя по всему, своими силами расшифровать не удалось. 26 октября 1726 года Берг-коллегия запрашивает по этому вопросу минцмейстеров Левкина, Шагина и Рыбакова, а 31 октября – обер-коменданта Санкт-Петербургской (Петропавловской. – В. У.) крепости Фаминцына, которому в это время был подчинен и монетный двор, располагавшийся тогда в Трубецком бастионе крепости. В ответ на запрос Берг-коллегии минцмейстеры донесли, что им о пробе сплава образцовых полуполтин ничего не известно, а Фаминцын 11 ноября доложил, что проба в $\frac{1}{2}$ соответствует $41\frac{1}{2}$ пробе в золотниковом выражении, проба в $\frac{1}{3}$ – $43\frac{2}{4}$ пробе и проба в $\frac{1}{4}$ – $57\frac{1}{2}$ пробе. Никаких других сообщений Берг-коллегия, видимо, не получила и в дальнейшем довольствовалась сведениями, поступившими от обер-коменданта Фаминцына.

Каково же было мнение по этому вопросу русских ученых-нумизматов? В Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича значения проб, сообщенные Фаминцыным, приведены в качестве фактического материала, хотя и несколько неточно (вместо $43\frac{2}{4}$ указана $43\frac{1}{2}$ проба, вместо $57\frac{1}{2}$ – $57\frac{1}{2}$ проба)⁵. В более поздней работе А. Ильина и И. Толстого “Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 год”⁶ приведены уже совершенно другие величины: авторы этой работы считали, что согласно указу от 25 мая 1726 года полуполтина и гривна должны были чеканиться из сплава 64-й пробы, что указом от 15 июня для гривны был определен сплав 48-й пробы, и только на 13 июля 1725 года они относят принятие решения об использовании для чеканки гривен сплава 42-й пробы (по справке Фаминцына – 41 $\frac{1}{2}$ пробы). Наконец, в работе И. Г. Спасского “Русская монетная система”⁷ указывается, что в течение трех месяцев 1726 года (с мая по июль) проба сплава для разменной се-

ребряной монеты изменялась сначала с 64-й на 48-ю, а затем с 48-й на 42-ю.

Есть все основания считать, что в своей трактовке указов от 25 мая и 15 июня 1726 года А.А. Ильин, И.И. Толстой и И.Г. Спасский безусловно правы. Простейшие расчеты показывают, что в этих указах речь идет именно о сплавах 64-й и 48-й проб, только проба выражена в них через содержание лигатуры в единице веса сплава. Действительно, сплав в $\frac{1}{2}$ пробы содержит $\frac{1}{2}$ часть меди и $\frac{1}{2}$ часть чистого серебра, т.е. имеет 48-ю пробу, а сплав в $\frac{1}{3}$ пробы – $\frac{1}{3}$ часть меди и $\frac{2}{3}$ части чистого серебра, т.е. имеет 64-ю пробу. Что же касается сплава в $\frac{1}{4}$ пробы, предназначавшегося для изготовления рублей и полтин, то его состав ($\frac{1}{4}$ часть меди и $\frac{3}{4}$ части чистого серебра, т.е. 72-я проба) очень близок к составу сплава 70-й пробы, действительно использовавшегося для чеканки в 1725–1727 годах монет этих номиналов и узаконенного указом от 8 февраля 1727 года⁸. Следовательно, три образцовые полуполтины 1726 года были отчеканены: одна – из сплава 72-й пробы, другая – из сплава 64-й пробы и третья – из сплава 48-й пробы, причем согласно указу от 15 июня 1726 года сплав 48-й пробы был определен для чеканки гривен.

Почему же обер-комендант Фаминцын доложил в Берг-коллегию заведомо неверные сведения о пробе сплава образцовых полуполтин? В “экстрактах” содержатся следующие документы, имеющие непосредственное отношение к этому вопросу. Прежде всего, доношение минцмейстера Левкина (Дитерика Лефкена. – В. У.) от 8 июля 1726 года и некоторые другие документы свидетельствуют о наличии, видимо, устного, не подтвержденного официальной бумагой, распоряжения А. Д. Меншикова о чеканке гривен из сплава не 48-й, а 42-й пробы “новой инвенции”. Что представляет собой такой сплав, становится ясным из справки, помещенной в “Горном журнале” за 1832 год⁹. “Новой же инвенцией назывались для того, что лигатура была составлена с арсеникум (с мышьяком. – В. У.), дабы посредством оной довести то низкопробное серебро до такого вида, каковы есть настоящие 70 пробы серебряные монеты”. Минцмейстер Левкин, которому был выдан подряд на чеканку гривен,

неоднократно доносил, что этот сплав не обеспечивает выдерживание заданного допуска по пробе, поскольку его состав получается неоднородным даже в отдельно взятом слитке. Более того, Левкин сообщил в Берг-коллегию, что серебряные слитки, полученные им от Фаминцына для изготовления гривен, при исследовании показали самые различные значения пробы: 37-ю, 27-ю, 24-ю, 20-ю и даже 18-ю, причем иногда из-за спешки определение пробы сплава перед чеканкой гривен вообще не производилось. Со своей стороны Фаминцын в докладе Берг-коллегии от 11 ноября 1726 года признает, что среди отчеканенных гривен действительно были обнаружены экземпляры с пониженной пробой сплава (до 38-й), но что произошло это исключительно по вине минцмейстера. Одновременно он сообщает, что согласно ведомости, составленной Левкиным и другими “пробовальными мастерами”, рублевтики и полуполтины, которых “наделано было довольно”, имели пробу сплава, превышающую значения, якобы определенные для этих монет указом от 25 мая и 15 июня 1726 года: первые – 62 (вместо $57\frac{2}{3}$), а вторые – $55\frac{1}{6}$ (вместо $43\frac{3}{4}$), и что впоследствии все эти монеты были переделаны в гривны 42-й пробы.

Из документов Берг-коллегии также явствует, что во втором полугодии 1726 года производились опыты по составлению для гривен сплава той же 42-й пробы, но с использованием лигатуры, разработанной комиссаром Московской монетной конторы Крекшиным и содержащей селитру, мышьяк и сулему, и что сплав такого состава не только оказался недопустимо хрупким, но и разлагался еще будучи в слитках.

Сопоставление всех этих сведений позволяет сделать следующие выводы:

1. Массовая чеканка разменной серебряной монеты производилась в 1726–1727 годах из сплавов пониженной пробы по сравнению со сплавами, утвержденными указами от 25 мая и 15 июня 1726 года: полуполтины чеканились из сплава примерно 55-й пробы, а гривны – из сплава 42-й пробы и ниже (вплоть до 18-й) с добавкой мышьяка.

2. Добавка в лигатуру мышьяка, видимо, не обеспечивала надежной маскировки незаконного снижения пробы сплава гривен, в связи с чем

был разработан новый состав лигатуры, оказавшийся, впрочем, совершенно непригодным.

3. Вероятность существования гривен из сплава 64-й пробы (согласно указу от 25 мая) и 48-й пробы (согласно указу от 15 июня) ничтожно мала ввиду незначительности промежутка времени между этими указами, а также между указом от 15 июня и распоряжением Меншикова о снижении пробы до 42-й, последовавшим не позднее 8 июля (а не 15 июля, как считали Ильин и Толстой).

4. Минцмейстеры Левкин и Рыбаков не могли не знать состава сплавов, из которых были отчеканены образцовые полуполтины, рассматривавшиеся Верховным тайным советом, поскольку в указе от 25 мая 1726 года прямо говорится, что именно они подписали свидетельство о пробе сплава этих монет. Однако сообщить эти сведения в Берг-коллегию они не могли, поскольку это было равносильно выступлению против всемогущего А. Д. Меншикова.

5. Обер-комендант Фаминцын, один из фаворитов Меншикова, пользуясь неосведомленностью Берг-коллегии и умолчанием минцмейстеров, в справке, представленной в Берг-коллегию, дал заведомо ложную расшифровку необычного обозначения проб сплава, примененного в указах от 25 мая и 15 июня 1726 года, и тем самым предотвратил разоблачение шедшей полным ходом по указанию Меншикова незаконной чеканки низкопробных гривен.

В настоящее время, кроме небольшого количества полуполтин 1726 года массовой чеканки (рис. 2), уцелевших от передела их в гривны, известны еще две монеты, находящиеся в собрании Государственного Эрмитажа: пробный экземпляр полуполтины (рис. 1) и образцовый экземпляр, пробитый, прошнурованный и опечатанный сургучной печатью (его изображение опубликовано в книге И. Г. Спасского “Русская монетная система”¹⁰). Остается выяснить, из какого сплава отчеканены эти два экземпляра.

Экземпляр полуполтины, определяемый нами как пробный (рис. 1), в Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича предпо-

жительно отнесен к новоделам, и в описании этой монеты содержится следующее замечание: “Несмотря на то, что рисунок орла и характер букв похожи на монеты того времени, я предполагаю, что эта монета отчеканена в позднейшее время, т. к. по внешнему своему виду она из высокопробного серебра, чего, судя по документальным данным, быть не должно”¹¹. И действительно, по цвету сплава, свидетельствующему о весьма высокой пробе, этот экземпляр полуполтины явно отличается как от полуполтин массовой чеканки, так и от образцового экземпляра, однако никаких других признаков, присущих новоделам, он не имеет. К тому же хорошо известно большое количество действительно новодельных полуполтин 1726 года (рис. 3), которые чеканились заново изготовленными штемпелями, довольно точно копирующими штемпели полуполтин массовой чеканки (рис. 2). Поэтому появление полуполтины, отличающейся от полуполтин массовой чеканки не только пробой сплава, но и несколько измененным рисунком гербового орла, может иметь лишь одно приемлемое объяснение: это единственный дошедший до нас пробный экземпляр из числа отчеканенных в сплаве 72-й пробы для представления на рассмотрение Верховного тайного совета. Поскольку же он не пробит, то это либо тот самый экземпляр, который согласно указу от 25 мая 1726 года поступил на хранение в Верховный тайный совет, либо подобных монет из сплава 72-й пробы было отчеканено более трех экземпляров.

Из того же сплава 72-й пробы должен быть отчеканен и образцовый экземпляр полуполтины, так как на этикетке, прикрепленной к прототипу через отверстие в этой монете шнуру, значится: “3 пробы $\frac{1}{4}$ ”. Однако, скорее всего, это не так.

Во-первых, по цвету сплава образцовый экземпляр очень близок к полуполтинам массовой чеканки, а эти последние, как уже говорилось, чеканились из сплава 55-й пробы. Во-вторых, образцовый и пробный экземпляры полуполтины отчеканены различными комплектами штемпелей, а изготовление для чеканки двух экземпляров одной и той же пробной монеты двух комплектов штемпелей, имеющих хорошо замет-

ные, но совершенно несущественные отличия (главным образом – в рисунке хвоста гербового орла), могло преследовать только одну цель: облегчить распознавание экземпляров, отчеканенных из сплавов различной пробы. Наконец, наиболее вероятно, что массовая чеканка полуполтин производилась такими же штемпелями, какими был отчеканен образец из сплава 64-й пробы, утвержденного для монет этого номинала указом от 25 мая; штемпели же всех известных нам полуполтин массового чекана полностью идентичны штемпелям образцовой монеты. Следовательно, имеется достаточно оснований считать, что пробитый и опечатанный образцовый экземпляр полуполтины отчеканен из сплава 64-й пробы, а запись на его этикетке является ошибочной. При этом необходимо отметить, что в процессе подготовки указа, подписанного 25 мая 1726 года, была допущена явная путаница в отношении номенклатуры сплавов, нашедшая отражение даже в официальных документах. Так, в протоколе Верховного тайного совета от 16 мая 1726 года ¹² зафиксированы рекомендации, утвержденные позднее указом от 25 мая. Однако в журнале Верховного тайного совета в записи от 18 мая ¹³ содержатся уже совершенно иные рекомендации: сплав в $\frac{1}{4}$ пробы определен для чеканки алтынников, сплав в $\frac{1}{2}$ пробы – для чеканки рублей и полтин, а сплав в $\frac{1}{2}$ пробы – для чеканки полуполтин и гривен. Наконец, запись в журнале Верховного тайного совета от 27 мая 1726 года ¹⁴ свидетельствует, что рекомендации, содержащиеся в записи от 18 мая, ошибочны, и подтверждает первоначальное решение. Вполне естественно предположить, что в таких условиях легко могла произойти ошибка и при этикетировании образцов.

Какие же цели преследовал проект 1726 года, планировавший возобновление чеканки 25-копеечников? Прежде всего, появление этого проекта было, видимо, обусловлено потребностью ликвидировать существовавший разрыв между полтинным и пятикопеечным номиналами, создававший определенные неудобства при расчетах (на решение этого вопроса было направлено и введение в обращение гривны). Но основная цель проекта 1726 года усматривается все же в переводе полуполтины из

разряда банковской в разряд разменной монеты. Выгода от такой операции достаточно очевидна: при массовой чеканке полуполтин из серебра пониженной пробы по монетной стопе, установленной для разменной монеты, достигалось ощутимое снижение расхода чистого серебра по сравнению с расходом его при чеканке полуполтин, приравненных к банковской монете. К тому же проба серебра, использовавшегося для чеканки полуполтин, была незаконно снижена с 64-й, утвержденной именным указом, до 55-й. В результате всех этих мероприятий экономия чистого серебра могла составить около 5,9 кг на каждую тысячу рублей в отчеканенных полуполтинных монетах, а при существовавшей тогда цене на чистое серебро (18 копеек за золотник) дополнительный доход казны составил бы в среднем 246 рублей с каждой тысячи рублей. Однако с началом массовой чеканки гривен из сплава 42-й пробы (и ниже) фактический расход чистого серебра на каждую тысячу рублей в гривенной монете оказался как минимум на 3,5 кг меньше по сравнению с расходом на такую же сумму в полуполтинной монете, что давало дополнительную прибыль в размере не менее 146 рублей с каждой тысячи рублей. Видимо, именно это обстоятельство и послужило причиной того, что проект возобновления чеканки полуполтины фактически так и не был реализован, а уже отчеканенные полуполтинные монеты были переплавлены и использованы при чеканке гривен.

Серебряный двухрублевик 1726 года (рис. 5) известен в настоящее время только в виде новодела, в связи с чем закономерно возникает вопрос: а действительно ли была пробная чеканка двухрублевиков? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся прежде всего к самой монете. Штемпели, которыми отчеканены новодельные двухрублевики 1726 года, не дают ни малейших оснований сомневаться в их подлинности. Более того, среди рублей массового выпуска 1726–1727 годов легко обнаруживаются экземпляры, штемпели реверса которых изготовлены, несомненно, тем же резчиком, который изготовил и штемпель реверса двухрублевика – на рис. 6 и 7 представлены оборотные стороны двух таких монет.

Существование подлинных экземпляров двухрублевика 1726 года подтверждается и документально. В журнале Верховного тайного совета имеется следующая запись от 15 июня 1726 года ¹⁵: “В Верховном Тайном Совете Рейхс-Маршал и Генерал-фельдмаршал, Светлейший князь (А. Д. Меншиков. – В. У.) объявил ведомость за руками денежных дворов пробовальных мастеров Левкина, Шлаттера, Рыбакова и Шагина о пробе двухрублевиков новой инвенции из нового серебра...” Таким образом, факт пробной чеканки в 1726 году серебряного двухрублевика не вызывает никаких сомнений, а упоминание в журнале о “новом серебре” и о “новой инвенции” раскрывает и цель разработки этой монеты: подлинные экземпляры двухрублевика были отчеканены из низкопробного серебра с “облагораживающей” добавкой в лигатуру мышьяка. К тому же сравнительно малый диаметр двухрублевика 1726 года позволяет предположить, что Верховный тайный совет рассматривал вопрос о возможности снижения не только пробы сплава, но и весовой нормы серебряных банковых монет. Действительно, диаметр двухрублевика, достаточно точно определяемый на новодельном экземпляре по диаметру штемпелей, был равен примерно 46 мм, а это явно недостаточно для двухрублевика в случае чеканки его по существовавшей в то время монетной стопе банковской монеты, поскольку в большинстве случаев рубли 1725–1726 годов имели диаметр около 43 мм. Такое несоответствие было очевидно и для разработчиков двухрублевика: чтобы он заметнее отличался от уже находившихся в обращении рублей, на его реверсе кроме обычного обозначения номинала было введено дублирующее обозначение в виде двух счетных палочек и литеры “Р” (то есть “два рубля”). К сожалению, из-за отсутствия подлинной монеты нет никакой возможности установить монетную стопу и состав сплава пробных экземпляров двухрублевика, рассматривавшихся Верховным тайным советом, поскольку в письменных источниках эти сведения не получили отражения.

В истории русской монетной чеканки пробный гривенник 1726 года (рис. 8) является первой медной монетой десятикопеечного номинала (если не считать медные квадратные гривны 1725–1726 годов, относя-

щиеся к совершенно особой серии монет). Десятикопеечный номинал у медной монеты – явление вообще довольно редкое, поскольку традиционно десятикопеечник чеканился в серебре. А появление медного гривенника в 1726 году было, видимо, опять связано с поисками путей увеличения доходов казны.

На базе серебряных монет такие поиски, как говорилось выше, особым успехом не увенчались: не состоялась массовая чеканка полуполтины, переведенной в разряд разменной монеты, не получило одобрения снижения пробы серебра (а возможно, и весовой нормы) банковых монет, продемонстрированное Верховному тайному совету на пробном серебряном двухрублевике, а чеканка серебряной гривны с незаконно сниженной пробой сплава никак не могла считаться надежным источником доходов казны в течение хоть сколько-нибудь продолжительного времени. Тогда, видимо, и возник новый проект, предусматривавший принятие более радикальных мер – полную замену серебряной монеты медной. А поскольку в 1726 году в массовой чеканке находилась серебряная разменная монета только одного номинала – гривна, то и ее медный заменитель появляется в виде пробной монеты того же номинала, отчеканенной по стопе в 40 рублей из пуда меди, то есть полностью согласованной по весовой норме с единственной чеканившейся тогда массовыми тиражами медной монетой – пятикопеечником образца 1723 года (рис. 18). Каких-либо письменных источников, содержащих сведения об этом проекте, пока обнаружить не удалось. Конечно, не исключено, что проект предусматривал замену медными гривенниками только части серебряных гривен, в связи с чем массовый выпуск последних подлежал бы не прекращению, а только ограничению. Однако в пользу предположения о полной замене свидетельствует то обстоятельство, что в случае принятия решения о выпуске медных гривенников вряд ли имело бы смысл затягивать авантюру с незаконной чеканкой низкопробных гривен: дополнительная прибыль казны от замены серебряных гривен медными гривенниками была бы значительно большей, чем от снижения пробы сплава гривен. Несмотря на весьма заманчивую перспективу, этот проект также не был реализован.

Пробная медная копейка 1726 года (рис. 9) по оформлению аверса, реверса и гурта, а также по своей массе полностью идентична копейке 1724 года (рис. 10). Как известно, копейки 1724 года появились в результате перчеканки копеек 1704–1718 годов. Согласно документальным данным, эта перчеканка была одной из мер борьбы с фальшивомонетчиками.

В связи с появлением к концу первой четверти XVIII века угрожающего количества фальшивой медной монеты правительством Петра I было принято решение все ранее выпущенные полушки и деньги переплавить и использовать при изготовлении пятаков образца 1723 года, а копейки перчеканить в монеты того же номинала, но штемпелями нового образца. В изданном по этому поводу сенатском указе от 31 января 1724 года¹⁶ предписано: "...а на тех дворах копейки перчеканивать в копейки ж новым образцом, на которых на одной стороне вместо герба, изображенного на пятикопеечниках, изобразить ездока с копьём, как на прежних копейках было, а на другой написать: копейка, а по краям тех копеек сделать гуртики против образцовой копейки глубже..." Интересно отметить, что штемпели копейки 1724 года полностью отвечают требованиям, предъявлявшимся к штемпелям пятака образца 1723 года согласно именному указу от 28 июня 1723 года¹⁷.

Поскольку при жизни Петра I перчеканка копеек 1704–1718 годов в копейки 1724 года была только начата, правительство Екатерины I сочло необходимым ее продолжить, что подтверждается следующей записью в протоколе Верховного тайного совета от 8 марта 1727 года (приложение II)¹⁸: "а нынешния медныя пятикопеечники и вновь перепечатанные копейки делаются чистою работою, и подделываться под них... вора́м не без трудности". И далее: "А сколько тех пятикопеечников вновь сделано и старых копеек перчеканено и на старья деньги променено будет, о том рапортовать по все месяцы в кабинет". Сам характер этой записи свидетельствует о том, что и после 1724 года перчеканка "старых" (1704–1718 годы) копеек шла полным ходом, но вот копеек 1726 года на сегодня известно всего несколько экземпляров, причем

отчеканены они с использованием нескольких различных комплектов штемпелей. Не вызывает сомнения, что при таком количестве штемпелей объем чеканки мог быть столь ограниченным только в том случае, если все штемпели, датированные 1726 годом, предназначались для продолжения перечеканки копеек 1704–1718 годов, но по каким-то причинам в массовом производстве использованы не были, а все копейки 1726 года представляют собой лишь пробные оттиски этих штемпелей. Следовательно, весь объем перечеканки копеек 1704–1718 годов был выполнен в 1724–1727 годах штемпелями, датированными только 1724 годом.

Почему все же было принято решение произвести перечеканку копеек 1704–1718 годов, сохраняя для них устаревшую 20-рублевую стопу? Ведь в том же 1724 году существовал проект перечеканки этих копеек в двухкопеечники, то есть в монеты узаконенной для того времени 40-рублевой стопы, – свидетельством тому является пробный медный грош 1724 года (рис. 11), на некоторых экземплярах которого отчетливо видны следы изготовления их перечеканкой петровских копеек.

Наиболее вероятно, что такое решение было обусловлено, прежде всего, неудачей, постигшей проекты 1718 и 1721 годов, предусматривавшие начало чеканки медных копеек 40-рублевой стопы (рис. 12, 13). Отсутствие массовой чеканки копеек нового образца привело к тому, что заменить старые копейки 20-рублевой стопы, ликвидация которых была уже предрешена, оказалось нечем, а правительство Петра I считало, видимо, недопустимым исключать из обращения медную монету такого основополагающего номинала, как копейка. Выход из создавшегося положения и обеспечила перечеканка старых копеек новыми штемпелями, но без изменения их номинала, хотя одновременное присутствие в обращении медных монет, имеющих различную весовую норму, создавало определенные трудности. Но как только в 1727 году появляются новые проектные разработки копеек 40-рублевой стопы (рис. 19, 21, 23, 25 и 31), одновременно появляются и пробные двухкопеечники (рис. 20, 22 и 24), штемпели которых обеспечивали перечеканку копеек 1704–1718 и 1724 годов с переводом их в 40-рублевую монетную стопу. Ни в 1727 году, ни

позднее перечеканка петровских копеек с удвоением их номинала так и не была осуществлена. Зато основная масса копеек 1704–1718 и 1724 годов была уничтожена в 1730–1733 годах перечеканкой их в денги (полукопеечники) Анны Иоанновны.

Так обстоит дело с пробными монетами 1726 года. Что же касается проб 1727 года, то подавляющее большинство их появилось в связи с необходимостью ликвидировать назревавший к этому времени разменный кризис, так как в течение предшествовавших четырех лет вся разменная монета, чеканившаяся массовыми тиражами, имела номиналы не ниже пяти копеек.

Пробные серебряные разменные монеты 1727 года известны в двух номиналах: 3 копейки (рис. 14) и грош, представленный в двух вариантах (рис. 15, 16). Трехкопеечник и первый вариант гроша (рис. 15) имеют оформление аверса и реверса, монетную стопу и пробу сплава, совпадающие с аналогичными характеристиками серебряной гривны массового выпуска 1726–1727 годов (рис. 4). Что же касается второго варианта гроша (рис. 16), то он отличается от перечисленных выше монет очень низкой пробой серебра (имеющего темный цвет с медным оттенком), значительно большей лигатурной массой и измененным оформлением реверса (иначе скомпонованы основное и дублирующее обозначение номинала и дата, а дублирование обозначения номинала произведено дважды – счетными точками и “палочками”). Лигатурная масса этой монеты равна 1,27 г, что соответствует монетной стопе в 6 руб. 45 коп. из фунта легированного серебра, тогда как гривна чеканилась в 1726–1727 годах по стопе в 15 руб. 84 коп. из фунта.

Причину появления двух вариантов серебряного гроша 1727 года можно назвать лишь предположительно. Видимо, все дело в малых размерах первого варианта гроша, что могло сделать неудобным его использование в обращении. Этот недостаток и был устранен путем увеличения содержания в сплаве лигатуры (меди) при сохранении содержания чистого серебра в количестве, соответствующем двухкопеечному достоинству монеты. Эти меры и привели к увеличению массы и габаритов

монеты, а также к снижению пробы ее сплава примерно до 18-й. А поскольку диаметр второго варианта гроша оказался при этом близким по величине к диаметру гривны (рис. 4), потребовалось обеспечить их заметное внешнее различие – этим и объясняются перечисленные выше особенности оформления реверса гроша.

Второй вариант серебряного гроша 1727 года был впервые опубликован лишь в 1978 году¹⁹, однако в Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича²⁰ помещена краткая справка, свидетельствующая о том, что экземпляр этой монеты, находящийся в собрании Государственного Исторического музея, не является единственным.

Все медные пробные монеты 1727 года преследовали, как и рассмотренные выше пробные разменные серебряные монеты, только одну цель – ликвидацию разменного кризиса путем включения в обращение монет номиналом не выше 5 копеек, отчеканенных по стопе в 40 рублей из пуда меди, а их многообразие объясняется либо поисками наилучшего внешнего оформления, либо принадлежностью их к двум различным царствованиям. Что же касается пробного серебряного рубля 1727 года с портретом Петра II на аверсе и с гербовым орлом на реверсе, известного пока в одном экземпляре (рис. 17), то он представляет собой отклоненный вариант внешнего оформления рублевиков нового образца: для массовой чеканки был утвержден вариант с монограммой Петра II на реверсе.

Среди перечисленных в начале очерка пробных монет, кроме полуполтины 1726 года (рис. 1), о которой уже говорилось, имеются еще три монеты 1727 года, подлинность которых до последнего времени оставалась под сомнением. Это безымянная копейка с московским гербом на аверсе и крестом на реверсе (рис. 21), которая считалась поддельной, и две монеты с латинскими вензелями Петра II – недатированная копейка (рис. 29) и полушка (рис. 30), причисляемые к новоделам. Однако имеются веские основания не соглашаться с отрицанием подлинности.

В 1897 году московский нумизмат-любитель П. В. Зубов в своей работе “Материалы по русской нумизматике”²¹ опубликовал медную ко-

пейку образца 1728–1729 годов, но датированную 1727 годом. Сам П. В. Зубов считал эту монету (которая находилась в то время в его коллекции, а позднее поступила в собрание Государственного Исторического музея) подлинной и относил ее к монетам царствования Петра II. Несмотря на эту публикацию, безымянная копейка 1727 года с крестом на реверсе (рис. 21) не была включена ни в Корпус русских монет великого князя Георгия Михайловича, ни в руководства для собирателей русских монет, составленные Х. Х. Гилем, А. А. Ильиным и И. И. Толстым. Причиной этого явилось прочно укоренившееся еще с первой половины XIX века мнение, что все известные экземпляры подобной копейки 1727 года являются подделками, изготовленными из копеек 1728–1729 годом путем изменения последней цифры даты. Например, в Корпусе русских монет²² имеется следующее примечание к описанию копейки 1728 года: “П. В. Зубов в своем труде «Материалы по русской нумизматике» (М., 1897) в таблице VI за № 88 издал подобные же копейки 1727 года, между тем как Рейхель в своем «Reichelsche Munzsammlung» (СПб., 1842) указывает под № 4635, что настоящих копеек 1727 года в действительности не существует и полагает, что на копейках 1727 года последняя цифра переделана из 8”. Постараемся разобраться, насколько справедливо это категорическое утверждение.

Оставляя пока в стороне вопрос о подлинности зубовской копейки, уточним, могла ли подобная копейка вообще появиться до 1728 года. Чтобы выяснить это обстоятельство, прежде всего рассмотрим внешнее оформление копеек массового выпуска 1728–1729 годов (рис. 36). Такое рассмотрение дает следующие результаты:

1. Оформление аверса этих копеек (московский герб, отделенный двойной чертой от надписи “МОСКВА”) полностью заимствовано у двух пробных монет 1727 года с вензелем Екатерины I на реверсе – у двухкопеечника (рис. 22) и у копейки (рис. 23).

2. Оформление реверса (крест из двойных линий и в нем пересекающиеся обозначения номинала и даты) заимствовано у пятикопеечника (рис. 18), массовый выпуск которого был начат еще в 1723 году.

3. Рисунок гуртового узора (цепочка из выпуклых колец с выпуклой точкой внутри каждого кольца – рис. 37) заимствован у двух пробных копеек 1727 года с вензелем Екатерины I на реверсе (рис. 23, 31).

Таким образом получается, что все элементы внешнего оформления копеек массового выпуска 1728–1729 годов являются полностью заимствованными у монет, отчеканенных не только ранее 1728 года, но и вообще до воцарения Петра II. Поэтому есть все основания ожидать нахождения среди этих более ранних монет и копейки, полностью идентичной копейкам 1728–1729 годов, но датированной 1727 годом.

Далее, сопоставляя между собой все медные монеты, отчеканенные в 1727 году (при допущении существования в подлиннике рассматриваемой нами копейки), можно выявить среди них такие, которые образуют отдельные группы, базирующиеся на полном единообразии оформления их аверса и реверса:

1-я группа: пятак безымянный с государственным гербом и крестом (рис. 18); копейка безымянная с государственным гербом и крестом (рис. 19);

2-я группа: грош безымянный с московским гербом и крестом (рис. 20); копейка безымянная с московским гербом и крестом (рис. 21);

3-я группа: двухкопеечник с вензелем Екатерины I и цифирным обозначением номинала (рис. 22); копейка с вензелем Екатерины I и цифирным обозначением номинала (рис. 23);

4-я группа: грош с вензелем Екатерины I под короной (рис. 24); копейка с вензелем Екатерины I под короной (рис. 25); полушка с вензелем Екатерины I под короной (рис. 26);

5-я группа: копейка с русским вензелем Петра III (рис. 27); полушка с русским вензеля Петра III (рис. 28);

6-я группа: недатированная копейка с латинским вензелем Петра III (рис. 29); полушка с латинским вензелем Петра II (рис. 30).

Полушки, входящие в три последние группы, по оформлению одной из сторон существенно отличаются от других монет, составляющих каждую из этих групп. Не исключено, что такое отличие было введено не

случайно: при разработке оформления этих полушек был, видимо, учтен опыт массовой чеканки полушек 1718–1722 годов, которые имели малый диаметр кружка и потому могли иметь лишь очень примитивное оформление, легко воспроизводимое фальшивомонетчиками; к тому же такие монеты были весьма неудобны в обращении. Для устранения этих недостатков полушка 1727 года чеканилась на большом тонком кружке, по размерам мало отличавшемся от кружка копеечных монет. Поэтому полушки должны были получить (и получили) хорошо заметные отличия от копеек во внешнем оформлении.

Что касается второго варианта копейки с вензелем Екатерины I (рис. 31, 31-а), то он является разновидностью основного варианта (рис. 23) и должен быть отнесен к 3-й группе; а четыре копеечные монеты с русским вензелем Петра II (рис. 32–35) представляют собой разновидности копейки, представленной на рис. 27, и, конечно же, относятся к 5-й группе.

Таким образом, распределение по группам охватывает все без исключения пробные медные монеты 1727 года, и это не может быть простой случайностью: проектирование этих монет велось, несомненно, с учетом составления из них серий, включающих по два-три номинала каждая. А раз это так, то существование интересующей нас безымянной копейки с крестом (рис. 21) предопределено наличием безымянного гроша с крестом (рис. 20), составляющего с ней единую серию. Кстати сказать, подлинность этого гроша никем и никогда не оспаривалась, а ведь парная ему копейка 1727 года полностью с ним однотипна.

И, наконец, есть основания полагать, что существовал, а может быть, и существует, еще один экземпляр безымянной копейки 1727 года с крестом, кроме находящегося в собрании Государственного Исторического музея. И вот почему. В доношении Монетной конторы от 29 февраля 1728 года²³ значится: “Его Императорского Величества указ из Верховного Тайного Совета данной сего февраля 8, а в манетной канторе получен 21 числа, по которому повелено медные копейки делать новым штемпелем, и при том указе обрасцовая копейка за шнуром и печатью в

манетную кантору получена, и против оной образцовой копейки такова ж копейка за шнуром и печатью манетной канторы прилагаетца при сем доношении”. Вместе с этим документом, хранящимся в Российском государственном архиве древних актов, в деле находится и сама образцовая копейка, датированная 1728 годом, – пробитая, прошнурованная и опечатанная. Зачем же потребовалось изготавливать вторую образцовую копейку, если уже имелся первоначальный образец, присланный с указом в Монетную кантору? Вполне очевидно, что этот первоначальный образец был именно той монетой, которая в числе других пробных копеек рассматривалась в Верховном тайном совете и получила одобрение, о чем свидетельствует запись от 31 января 1728 года в журнале Верховного тайного совета²⁴: “Потом впущен и советник Татищев; и объявляли медным копейкам новые штемпеля, из которых один апробован (утвержден. – В. У.): с крестом и российской надписью”. Поскольку все пробные монеты Петра III, известные как в подлинниках, так и в рисунках, датированы только 1727 годом, то и этот образец имел, несомненно, ту же дату и потому не подходил под описание, опубликованное позднее для всеобщего сведения в указе Монетной канторы от 10 апреля 1728 года о выпуске копеечной монеты нового образца²⁵. Именно для того, чтобы вещественный образец полностью соответствовал его описанию в указе, и была изготовлена вторая образцовая копейка, датированная уже 1728 годом и представленная Монетной канторой в Верховный тайный совет. На основании этого можно утверждать, что в делах Монетной канторы находился еще один экземпляр копейки с крестом, полученный из Верховного тайного совета и датированный 1727 годом.

Следовательно, есть основание считать существование подлинной безымянной копейки с крестом 1727 года вполне реальным, а это делает правомерной попытку доказать, что экземпляр такой монеты, находящийся в собрании Государственного Исторического музея, является подлинником.

Противники признания подлинности копейки, опубликованной П. В. Зубовым, правы в одном – все поддельные копейки 1727 года дей-

ствительно изготовлены из копеек 1728 или 1729 годов путем изменения последней цифры даты, а поэтому очевидны две возможности опознания таких подделок: обнаружение следов “доработки” даты и выявление среди копеек 1728 и 1729 годов экземпляра, отчеканенного с использованием тех же штемпелей, которыми была оттиснута исследуемая монета. Проведенное с целью обнаружения этих признаков обследование копейки 1727 года из собрания Государственного Исторического музея дало следующие результаты:

а) осмотр реверса при десятикратном увеличении не выявил ни малейших следов фальсификации даты, которые обычно бывают заметны на поддельных копейках 1727 года даже при осмотре их невооруженным глазом; более того, не вызывает сомнения тот факт, что обе семерки в дате выбиты на штемпеле реверса этой монеты одним и тем же цифирным пунсоном;

б) сличение аверса и реверса монеты из собрания Государственного Исторического музея с аверсом и реверсом большого количества копеек 1728 и 1729 годов из того же собрания, а также опубликованных в Корпусе русских монет и в ряде других каталогов, позволило заключить, что исследуемая монета отчеканена штемпелями, никогда не использовавшимися для чеканки копеек 1728 и 1729 годов.

Таким образом, копейка 1727 года с крестом, принадлежавшая П. В. Зубову, а теперь находящаяся в собрании Государственного Исторического музея, совершенно не имеет признаков, присущих соответствующим подделкам.

Попытаемся теперь уточнить время чеканки этой монеты: появилась ли она в царствование Екатерины I или уже при Петре II, как считал П.В. Зубов. Для этого выясним прежде всего, в какое время отчеканен безымянный грош 1727 года с крестом (рис. 20), с которым рассматриваемая копейка составляет единую группу. Ответ на этот вопрос можно получить, сопоставив аверс безымянного гроша с аверсом гроша с вензелем Екатерины I (рис. 24). Оказывается, изображение московского герба на обеих монетах совпадает до мельчайших подробностей. А это значит,

что штемпели аверса этих монет были переведены с одного и того же маточника с последующим нанесением на них литерными пунсонами надписей различного содержания, на один – “МОСКВА”, а на другой – “ГРОШЪ”. Но изготовление двух различных штемпелей с помощью одного и того же маточника свидетельствует о том, что оба пробных гроша 1727 года были отчеканены с использованием этих штемпелей по единому проекту и в царствование Екатерины I, поскольку на одной из монет имеется вензель этой императрицы. Следовательно, при Екатерине I была отчеканена и пробная копейка 1727 года с крестом (рис. 21). Однако ввиду того, что монета эта безымянная, один или несколько ее экземпляров могли быть отчеканены и при Петре II; в то же время вполне возможно, что 31 января 1728 года на заседании Верховного тайного совета был рассмотрен и утвержден для массового выпуска образец, отчеканенный еще при Екатерине I. Ясность в этот вопрос могла бы быть внесена после обнаружения монеты из архива Монетной канцелярии, но и то лишь в том случае, если она отчеканена другим комплектом штемпелей, нежели монета Государственного Исторического музея. Пока же совершенно невозможно установить, появился ли единственно известный нам экземпляр копейки 1727 года с крестом в царствование Екатерины I или же в царствование Петра II. Да это и не столь уж важно. Важно то, что данный экземпляр представляет собой не вульгарную подделку, а редчайший нумизматический памятник первой половины XVIII века.

Недатированная копейка с латинским вензелем Петра II (рис. 29) в Корпусе русских монет предположительно отнесена к новоделам со следующим примечанием: “Монета эта помещена между новоделами вследствие отсутствия на ней цифры года, хотя возможно, что она временная”²⁶. Отсутствие на монете даты нельзя признать достаточным основанием для причисления ее к новоделам. Дело в том, что недатированная копейка Петра II не имеет ни одного признака, присущего новодельным монетам, и в то же время ее изображение (рис. 38) помещено в упоминавшихся выше таблицах среди рисунков пробных монет 1727 года. Кроме того, она обладает одной особенностью, дополнительно свидетельствующей о

ее подлинности – такой особенностью является оформление ее гурта. Гурт этой монеты покрыт узором совершенно оригинального и довольно сложного рисунка (рис. 39), и нанесен этот узор на монету, безусловно, не кустарным способом. Все это позволяет утверждать, что недатированная копейка Петра II является подлинной.

Сейчас трудно указать истинную причину отсутствия на этой монете даты ее чеканки. Возможно, что дату предполагалось выбить цифирными пунсонами на штемпеле аверса (под обозначением номинала) после утверждения монеты в качестве образца для массовой чеканки. Временем же изготовления пробного образца следует считать конец 1727 года, когда были отчеканены все другие пробные копейки Петра II. Действительно, ввиду кратковременности царствования Петра II совершенно не реально предполагать, что в 1728-м или в 1729 году была предпринята вторичная попытка представить на утверждение вензельный вариант копейки, тогда как только что, в январе 1728 года, были забракованы пять других подобных вариантов, а утвержден был безымянный образец. Кроме того, недатированная копейка, как указывалось выше, составляет единую группу с полушкой, датированной 1727 годом (рис. 30), причем характер начертания латинских вензелей Петра II, помещенных на обеих монетах, явно говорит о том, что штемпели для них изготовлены одним и тем же резчиком.

Дошедшие до нас две разновидности полушек 1727 года оценены в Корпусе русских монет по-разному: если полушка с вензелем Екатерины I (рис. 26) безоговорочно признана подлинной, то полушка с латинским вензелем Петра II (рис. 30) предположительно отнесена к новоделам со следующим примечанием: “Хотя мы поместили эту полушку между новодельными монетами, однако весьма возможно, что она современная пробная монета, так как штемпели, по-видимому, того времени, и вес ее вполне соответствует $\frac{1}{4}$ части веса копеек Петра II”²⁷. Как видим, в примечании указаны достаточно веские признаки подлинности этой монеты. По фактуре поверхности, по характеру исполнения надписей и по общей компоновке эта полушка ничем не отличается от полушки с вензелем

Екатерины I и не имеет ни одного из признаков, свойственных новодельным монетам.

В заключение остается сказать несколько слов о действительно новодельных экземплярах пробных монет 1726–1727 годов. В начале очерка уже говорилось о новодельной полуполтине, неплохо копирующей подлинную монету 1726 года, и о новодельном серебряном двухрублевике 1726 года, отчеканенном подлинными штемпелями. Новодельный двухрублевик несомненно представляет научный интерес, поскольку подлинная монета до нас не дошла. Хорошо известны новоделы трех медных монет: гривенника 1726 года (рис. 40), копейки 1726 года (рис. 41) и вензельного гроша 1727 года (рис. 42), – весьма отдаленно напоминающие соответствующие подлинники. Наконец, существует несколько вариантов новоделов, долженствовавших изображать уникальный рубль 1727 года. Подобные изделия относятся к наиболее непривлекательной группе новоделов, для изготовления которых использовались штемпели двух совершенно различных ординарных подлинных монет. Аверс этих новодельных рублей чеканился штемпелями аверса рядовых рублей Петра II, а реверс – штемпелями реверса рядовых рублей 1727 года Екатерины I. Один из таких новоделов представлен на рис. 43.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Все же иногда бывали и исключения: например, в собрании Государственного Эрмитажа находится пробитый и прошнурованный экземпляр полуполтины 1726 года.

2. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ), № 4800.

3. ПСЗ, № 4909.

4. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1901. С. 1–12.

5. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины I. СПб., 1904. С. 1.

6. *Ильин А. А., Толстой И. И.* Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г. СПб., 1910. С. 4.

7. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Л., 1970. С. 172.
8. ПСЗ, № 5009.
9. Горный журнал. 1832. Ч. 3. С. 241–242.
10. *Спасский И. Г.* Указ. соч. С. 173.
11. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины I. С. 73.
12. Сборник Российского исторического общества. СПб., 1886. Т. 55. С. 292–293.
13. Там же. С. 296–297.
14. Там же. С. 311–313.
15. Там же. С. 365.
16. ПСЗ, № 4448.
17. ПСЗ, № 4258.
18. Сборник Российского исторического общества. СПб., 1888. Т. 63. С. 220–228.
19. *Дьячков А. Н., Уздеников В. В.* Монеты России и СССР. М., 1978. С. 231.
20. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины I. С. 1. Сн. 2.
21. *Зубов П. В.* Материалы по русской нумизматике. М., 1897.
22. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Петра II. СПб. 1904. С. 3. Сн. 1.
23. Российский государственный архив древних актов. Госархив, XVI разряд, д. 41.
24. Сборник Российского исторического общества. СПб., 1891. Т. 79, С. 58.
25. ПСЗ, № 5259.
26. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Петра II. С. 50.
27. Там же. С. 49.

1

2

3

4

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

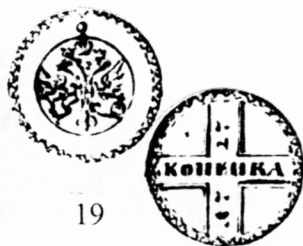

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

31-a

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

РАСШИФРОВКА ВЕНЗЕЛЯ НА ПРОБНОМ МЕДНОМ ГРИВЕННИКЕ 1726 ГОДА

Среди русских монет XVIII века хорошо известна пробная медная монета десятикопеечного достоинства, отчеканенная в 1726 году, то есть в царствование Екатерины I, когда вся власть в стране была фактически сосредоточена в руках А. Д. Меншикова. Появление этой монеты было, несомненно, связано с одним из многих проектов, разрабатывавшихся в то время и имевших целью, во-первых, пополнение казны за счет усиления эксплуатации монетной регалии, а во-вторых, экономию в монетном производстве дефицитного серебра. Наиболее вероятно, что интересующий нас проект, оставшийся нереализованным, предусматривал замену всей серебряной разменной монеты на медную.

Пробный медный гривенник 1726 года (рис. 1) весьма примечателен благодаря двум его особенностям: примерно с середины XIX века он имеет прочно закрепившееся среди коллекционеров-любителей название “меншиков гривенник”, а вензель Екатерины I, расположенный на его оборотной стороне, существенно отличается от всех вензелей, когда-либо помещавшихся на русских монетах.

Дополнительные названия присущи целому ряду русских монет, например: “фамильный” полуторарублевик 1835–1836 годов, “рейхелевские” рубль и полтина 1845 года, “коронационные” рубли 1883 и 1896 годов и тому подобное. При этом каждое такое название вполне объяснимо. Что же касается “меншикова гривенника”, то на первый взгляд это название мало чем обосновано. Действительно, “меншиковыми” вроде бы могли называться и все другие пробные монеты, появившиеся в годы правления А. Д. Меншикова. Более того, в специальном указе Анны Иоанновны¹ имя Меншикова прямо связано с низкопробными серебряными гривнами 1726 года, которые изымались из обращения наравне с фальшивыми монетами. И тем не менее только пробный медный гривенник 1726 года почему-то получил название “меншиков”, хотя это название не

фигурирует ни в одной серьезной работе по русской нумизматике, опубликованной в России до 1917 года.

Чем же необычен вензель, помещенный на оборотной стороне этого гривенника? Составлен он из литеры “Г” (“Императрица”) и литеры “Е” (“Екатерина”). Как и во многих других вензелях, обе литеры повторены как бы в зеркальном отражении – этим достигалась симметричность вензеля. В вензель также включен дополнительный элемент в виде греческой буквы “гамма”, не имеющий никакой видимой связи с литерами “Г” и “Е”. Именно этот дополнительный элемент и придает вензелю на гривеннике 1726 года совершенно особый характер. Дело в том, что на русских монетах XVIII – начала XX века встречаются 47 различных вензелей (в том числе три вензеля на фантастических новодельных монетах), и ни один из этих вензелей, кроме рассматриваемого нами, не содержит элемента, который не являлся бы составной частью литеры или цифры, входящей в вензель. Очевидно, что такая исключительность вензеля на гривеннике 1726 года не могла быть случайной, в связи с чем естественно напрашивается вывод: дополнительный элемент, включенный в этот вензель, должен нести какую-то смысловую нагрузку.

Чтобы разобраться в этом вопросе, напомним, что в некоторых вензелях применялось сочленение литер, когда часть одной литеры одновременно является принадлежностью другой. Примером может служить симметричный вензель Елизаветы I, помещавшийся на медных монетах массового выпуска 1757–1762 годов (рис. 2); в этом вензеле верхняя часть литеры “Е” (“Екатерина”) является в то же время частью латинской литеры “Р” (“Петровна”). Если предположить, что прием сочленения был использован и в вензеле на гривеннике 1726 года, то можно обнаружить, что нижняя часть двух симметричных литер “Г” и нижняя часть гамма-образного элемента образуют в сочленении литеру “М” довольно характерной конфигурации (рис. 3). Если же сравнить эту литеру в вензеле на монете с литерой “М” в вензеле, помещенном на решетках балюстрады дворца А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге (рис. 4), то окажется, что обе эти литеры практически одинаковы по начертанию.

Как же расшифровывается вензель на решетках меншиковского дворца? Будучи составлен из двух симметричных латинских литер “Р” и литер “А” и “М”, он может иметь несколько вариантов прочтения. Согласно одному из них, изложенному в книге Н. В. Калязиной², литеры “Р” и “А” следует расшифровать как “Меншиков”, а вторую литеру “Р” считать повторением первой для обеспечения симметричности вензеля. По второму варианту литера “Р” расшифровывается как “Петр” (имея в виду Петра I), литеры “А” и “М” – как “Александр Меншиков”, и вторая литера “Р” – как симметричное повторение первой. Можно, наконец, предположить и третий вариант, когда литера “Р” будет расшифровываться как “Петр” (имея в виду Петра II), литеры “М” и “А” – как “Мария Александровна” (имея в виду старшую дочь Меншикова, ставшую невестой Петра II), а вторая литера “Р” – по-прежнему как симметричное повторение первой. Так как первый и второй варианты расшифровки не имеют принципиальных различий, остается выяснить, какой вариант наиболее правомерен – два первых или третий.

Этот вопрос был бы легко решен в том случае, если бы удалось установить дату изготовления решеток. К сожалению, таких сведений на сегодня нет, хотя известно, что постройка дворца была в основном завершена в 1720 году. Поэтому воспользуемся следующими сведениями. 7 мая 1727 года было официально оглашено завещание Екатерины I, согласно которому сын казненного царевича Алексея становился наследником престола и должен был жениться на одной из дочерей А. Д. Меншикова. Известно также, что до оглашения этого документа, содержание которого было, несомненно, навязано Екатерине I Меншиковым³, последний не только не афишировал, но всячески скрывал свое намерение женить будущего императора на собственной дочери. Поэтому объединенный вензель жениха и невесты если и мог появиться на решетке дворца, то только после 7 мая, а к этому времени внук Петра Первого уже стал Петром Вторым, что не могло не получить соответствующего отражения в его вензеле. И действительно, все известные вензеля Петра II обязательно содержат цифру “II” – примером тому служат вензеля на

пробных монетах 1727 года (рис. 5–9)⁴. Вензель же, составленный из двух симметричных латинских литер “P” и не содержащий цифрового элемента, несомненно, должен принадлежать Петру I, что подтверждается наличием такого вензеля на ряде датированных предметов: например, на полушке 1721 года (рис. 10), на полковом армейском знамени 1712 года, хранящемся в Государственном Эрмитаже, и на других реликвиях петровского времени.

Если же литеры “P” в вензеле на решетке меншиковского дворца могут иметь отношение не только к Петру I, то литера “M” в этом вензеле и точно такая же литера в вензеле на гривеннике 1726 года должна расшифровываться как “Меншиков”.

В результате вырисовывается примерно такая картина. А. Д. Меншиков, ставший после смерти Петра I полновластным правителем государства и проявлявший в это время особую заботу о прославлении и увековечении своих заслуг и своего имени, решается в 1726 году на весьма рискованный шаг: нарушая все каноны, он предпринимает попытку поместить на общегосударственной монете объединенный вензель – свой и императрицы. Как мы видели, подобный опыт у “светлейшего” к этому времени уже был: в вензеле на решетках дворца его имя объединено на равных с именем Петра I. Но общегосударственная монета – это не решетка балюстрады в собственном дворце, вольности на которой могли в крайнем случае вызвать лишь неудовольствие царя. Ведь если бы обнаружилось истинное значение вензеля на гривеннике 1726 года, то быть бы Александру Даниловичу после опалы не в ссылке в Березове, а на плахе.

Именно поэтому присутствие литеры “M” в вензеле на монете было тщательно замаскировано, что позволяло в случае необходимости отклонить любые обвинения. И тем не менее, видимо, какой-то безвестный любитель русской нумизматики уже в XIX веке все же обнаружил литеру “M” в вензеле Екатерины I на медном гривеннике 1726 года, правильно истолковал ее значение и вполне обоснованно окрестил эту монету хотя

и неофициальным, но получившим широкую известность именем – “меншиков гривенник”.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный свод законов Российской империи, № 5726.
2. *Калязина Н. В.* Меншиковский дворец-музей. Л.: Аврора, 1982. С. 91–92.
3. *Павленко Н. И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С. 135.
4. На вензеле, изображенном на рис. 9, цифра “2”, обозначена славянской буквой “В” под титлом.

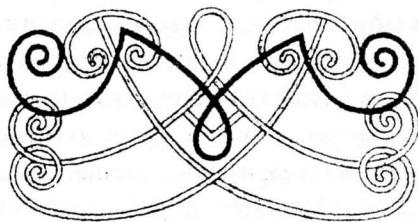
1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

МОНЕТНЫЕ ШТЕМПЕЛИ РАБОТЫ И. К. ГЕДЛИНГЕРА И ИХ КОПИИ РАБОТЫ Л. ДМИТРИЕВА

Серебряный рубль 1736 года с портретом императрицы Анны Иоанновны особого типа, отчеканенный штемпелями работы выдающегося шведского медальера Иоганна Карла Гедлингера, является довольно примечательной и редкой монетой, в связи с чем в различных нумизматических изданиях о ней сообщается немало разнообразных сведений. К сожалению, эти сведения часто бывают противоречивыми, а иногда и ошибочными.

Монетная иконография Анны Иоанновны весьма обширна, а художественный уровень портретов императрицы на монетах отличается большой неоднородностью. Тем не менее, прослеживаются три довольно четко зафиксированные группы портретных изображений.

Первая группа включает портреты на монетах, чеканившихся с 1730-го по 1737 год. Если не считать нескольких монет 1730 года, стоящих как бы особняком (рис. 1), то эта группа оказывается представленной монетами с бесчисленными вариациями портретов всего двух типов: первый преобладал в 1730–1734 годах, второй – в 1734–1737 годах. Авторство в формировании основных черт портрета первого типа (рис. 2), несомненно, принадлежит датскому граверу Антону Шульцу, находившемуся на русской службе почти 12 лет – с 1724-го по 1736 год. Родоначальником и исполнителем портрета второго типа, скорее всего, был “резного штемпельного дела мастер” Иван Васильев, знак которого – литера “В” на первой справа ленте наплечника – проставлен на двух штемпелях лицевой стороны рублевиков 1734 года (рис. 3). Оба типа портретов первой группы в их многочисленных вариантах отличаются весьма низким качеством художественного исполнения, причем в ряде случаев эти портреты не только не имеют сходства с оригиналом, но и граничат с карикатурой.

Вторая группа включает, в основном, портреты на монетах 1734 года и представлена работами четырех талантливых и самобытных граверов,

имена которых нам, к сожалению, пока не известны. Правда, М. М. Максимов в статье “Медальер Иван Васильев”¹ утверждает, что именно Васильев является автором всех портретов второй группы, но с таким мнением никак нельзя согласиться: слишком значительны и принципиальны стилистические отличия этих работ от работ Васильева. Работы одного из авторов портретов второй группы (рис. 4) отличаются бескомпромиссным реализмом, работы других несут на себе отпечаток определенной идеализации образа (рис. 5–7), но все они свидетельствуют о высоком профессионализме их авторов. Особенно наглядно это проявляется при сравнении портретов второй группы с портретами, созданными Шульцем и Васильевым.

Третью группу составляют портреты на монетах 1736–1740 годов работы медальера Иоганна Карла Гедлингера и “резного штемпельного дела подмастерья” (позднее – мастера) Лукьяна Дмитриева (рис. 8–13), а также портреты работы гравера Иоганна Лефкена (рис. 18). Портреты третьей группы – типичные парадные портреты с умеренной идеализацией образа, выполненные в лучших традициях западноевропейского медальерного искусства XVIII века. Монеты с такими портретами характерны и существенными изменениями в оформлении реверса: архаичное изображение гербового орла, помещавшееся на монетах с портретами двух первых групп (рис. 19), в 1736 году было заменено изображением с весьма реалистической трактовкой деталей (рис. 8–13), хотя с конца 1737 года изображение гербового орла опять становится достаточно условным (рис. 20).

Нет никакого сомнения в том, что основоположником третьего направления, основные черты которого сохранялись на русских портретных монетах до конца XVIII века, был медальер Иоганн Карл Гедлингер (1691–1771), уроженец Швейцарии, находившийся на русской службе в 1735–1737 годах. За столь непродолжительное пребывание в России Гедлингер “...делал на медали и монеты штемпеля и сверх того вырезал вновь Ея Императорскаго Величества большую печать”, за что получил жалованье в размере 4 тыс. рублей (доношение из Канцелярии Монетно-

го правления в Сенат от 26 мая 1737 года)². Здесь все ясно, а вот в отношении чеканки монет штемпелями, изготовленными Гедлингером, имеется ряд вопросов, которые до последнего времени не имели окончательного решения.

Ход чеканки монет и медалей гедлингеровскими штемпелями получил следующее отражение в правительственных документах. Согласно именному указу от 16 сентября 1736 года, Кабинетом³ 21 сентября было передано в Монетную канцелярию: серебро с рудника на острове Медвежьем в количестве 1 пуда 19 фунтов 10 золотников (24,2 кг); серебро из Сибирского приказа (с Нерчинских рудников) в количестве 2 пудов 35 фунтов 19 золотников (47,2 кг); золото из Сибирского приказа в количестве 7 фунтов 73 золотников (3,2 кг). Из этого “кабинетского” металла, приведя его в “надлежащую указанную пробу” (для червонцев это была 93-я проба золота, для рублевиков – 77-я проба серебра), Монетная канцелярия должна была изготовить “...из золота десять новых медалей, да пятьдесят червонных, из серебра с Медвежьего острова новых-же медалей пятьдесят, да рублевиков сто новыми (гедлингеровскими. – В. У.) штемпелями, и из Сибирскаго Приказа серебро все переделать в рублевую монету...” (указ из Кабинета в Монетную канцелярию от 21 сентября 1736 года)⁴.

7 ноября 1736 года императрице были преподнесены золотые и серебряные медали, оттиснутые штемпелями Гедлингера, а 15 января 1737 года Канцелярия Монетного правления представила в Кабинет 50 гедлингеровских червонцев и 100 гедлингеровских же рублевиков. По состоянию на 19 апреля 1737 года из оставшегося “кабинетского” серебра штемпелями Гедлингера было начеканено еще 2571 штука рублевиков (доношение из Канцелярии Монетного правления в Кабинет от 19 апреля 1737 года)⁵.

5 июня 1737 года Канцелярия Монетного правления дала указание отправить из Петербурга в Москву “покупное и подрядное” серебро для чеканки из него рублевиков “...штемпелем мастера Лукьяна Дмитриева, который резан со штемпеля медальера Гедлингера точно”. По состоянию

на 25 августа 1737 года таких монет было начеканено 257 тыс. штук (доношение из Канцелярии Монетного правления в Кабинет от 19 сентября 1737 года)⁶.

При рассмотрении приведенных выше сведений и при изучении самих монет сразу же возникает вопрос: а все ли рублевтики первой партии, изготовленные в количестве 2671 штук, датированы 1736 годом, и все ли они отчеканены штампами работы самого Гедлингера? Ведь чеканка этой партии была закончена лишь в апреле 1737 года, и есть ли гарантия, что какая-то часть рублевиков из “кабинетского” серебра не могла быть датирована 1737 годом? А Дмитриев скопировал гедлингеровские штампы на столь высоком профессиональном уровне, что его копии практически не имеют признаков, позволяющих надежно отличить их от подлинных штампов Гедлингера. Конечно, штампы аверса рублевиков 1737 года, которые считаются копиями (рис. 12, 13), имеют хорошо заметные отличия от считающихся подлинными штампов аверса рублевиков 1736 года (наиболее заметны различия в рисунке украшений на корсаже императрицы). Но ведь теми же самыми деталями различаются между собой и три известных штампа аверса рублевиков 1736 года (рис. 8, 9 и 11).

Точно так же обстоит дело и со штампами реверса. Например, положение конца скипетра относительно литеры “Л” (в слове “РУБЛЬ”) на рублевиках 1737 года (рис. 12 и 13) отличается от положения скипетра на рублях 1736 года, представленных на рис. 8, 10 и 11, но почти точно воспроизведено на рубле, изображенном на рис. 9. Таким образом, простое сопоставление рисунков штампов аверса и реверса не позволяет определить, какой из рублевиков 1736 года или 1737 года отчеканен подлинными штампами Гедлингера, а какой – штампами работы Дмитриева.

Именно это обстоятельство позволило М. М. Максимову в его работе “Очерк о серебре”⁷ утверждать, что часть рублевиков 1736 года была отчеканена штампами, изготовленными Дмитриевым еще до отъезда Гедлингера из России и самим Гедлингером одобренными (согласно до-

ношению Канцелярии Монетного правления в Сенат, Гедлингер покинул Россию не раньше 26 мая 1737 года)⁸. К таким монетам М. М. Максимов относит рублевик, изображенный на рис. 9, и по вполне понятной причине: реверс именно этой монеты имеет наибольшее сходство с реверсом большинства рублей 1737 года и по расположению скипетра, и по форме хвостового оперения гербового орла), а штемпели этих монет, по общему мнению, безусловно, изготовлены Дмитриевым (см. рис. 12).

Но и среди рублей 1737 года встречаются экземпляры (рис. 13), у которых хвостовое оперение орла имеет почти тот же рисунок, что и на большинстве рублей 1736 года. Кроме того, автору “Очерка о серебре”, видимо, не был известен рубль 1736 года из собрания Государственного Исторического музея (рис. 10), отчеканенный “сборным” комплектом штемпелей: штемпелем аверса рубля, представленного на рис. 9 (предположительно работы Дмитриева), и штемпелем реверса рубля, изображенного на рис. 8 (несомненно, работы Гедлингера). А наличие такой монеты свидетельствует о том, что автором сомнительного рубля (рис. 9) не мог быть Дмитриев, так как невозможно предположить, чтобы при чеканке “смешанного” рубля (рис. 10) Гедлингер мог допустить совмещение в одном комплекте своего штемпеля, изготовленного неизвестным русским копиистом. Тем более что ни штемпели Гедлингера, ни штемпели Дмитриева личным знаком их изготовителя не метились.

Таким образом, на сегодня известны четыре разновидности монет, отчеканенных тремя комплектами штемпелей, изготовленных И. К. Гедлингером: первым комплектом отчеканена монета, представленная на рис. 8; вторым – на рис. 9; третьим – на рис. 11; а на рис. 10 изображена монета, отчеканенная комплектом, составленным из штемпеля аверса из второго комплекта и штемпелем реверса из первого комплекта. Остается не совсем понятным, почему для чеканки всего 2671 рублевика потребовалось такое, сравнительно большое, количество штемпелей.

До последнего времени не был окончательно решен вопрос о точном месте чеканки гедлингеровских рублей, червонцев и медалей. В Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича, в предисловии к

тому, посвященному монетам Анны Иоанновны⁹, говорится: “В 1737 году возникает мысль о возобновлении этого двора (Петербургского, закрытого в 1728 году – В. У.), и вскоре здесь открывается передел монеты; уже в 1737 году на Петербургском монетном дворе отчеканен 2671 руб. из кабинетского серебра”. Однако эти сведения оказываются неверными, если учесть, что именным указом от 15 сентября 1737 года¹⁰ было предписано “...начать монетное дело производить...” на восстанавливаемом Петербургском монетном дворе лишь с 1 января 1738 года. Да и первая сплавка серебра для монетной чеканки, согласно доношению графа Головкина в Кабинет от 17 февраля 1738 года¹¹, была произведена на Петербургском дворе, располагавшемся в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, 24 января 1738 года, тогда как изготовление первой партии гедлингерских рублевиков из “кабинетского” серебра в количестве 2671 штуки было закончено, как уже говорилось, до 19 апреля 1737 года. Так где же были отчеканены рублевики из первой партии? Чтобы выяснить это, обратимся к другим документам того времени.

Доношение Канцелярии Монетного правления в Кабинет от 7 декабря 1736 года¹² содержит следующие сведения. Согласно именным указам от 17 января и 20 марта 1734 года, для размещения Канцелярии Монетного правления был куплен за 300 рублей двор с каменными и деревянными палатами, принадлежавший князю А. Н. Прозоровскому и находившийся в Петербурге на Московской стороне в приходе у церкви Воскресения Христова. “И по силе тех указов оный двор за показанную цену куплен и переустроен, и сделаны среди того двора каменные палаты, в которых лежит казна денежная, золото и серебро, плавильня покупному и подрядному золоту и серебру и пробовольня, а в купленных палатах поставлены прессы для печатания медалей, рублевых монет и червонных, и к тому делу всякие материалы и инструменты”. Таким образом, в бывших палатах князя Прозоровского было установлено именно то оборудование, которое требовалось для чеканки медалей и монет штемпелями Гедлингера. О том, что такая чеканка была действительно выполнена в Петербурге (а в то время кроме как в палатах князя Прозоровского чека-

нить монеты и медали в Петербурге было негде), свидетельствует доношение Канцелярии Монетного правления в Кабинет от 19 апреля 1737 года¹³, содержащее отчет о выполнении именного указа от 16 сентября 1736 года. Так, в доношении, в частности, отмечается, что затраты на изготовление серебряных медалей и рублевиков оказались более чем вдвое большими аналогичных затрат в Москве (то есть на Кадашевском монетном дворе) – 14 руб. 06 коп. на пуд серебра, переработанного в медали и монеты, при стоимости переработки пуда серебра в Москве всего 6 руб. 64 коп. Столь большой перерасход средств, видимо, явился следствием в первую очередь полукустарных условий производства, организованного в палатах князя Прозоровского.

И еще одно весьма важное обстоятельство. При комплектовании инструмента для создаваемого в Петербурге монетного двора московские монетчики постарались избавиться от вышедших из употребления гуртильных вереек, которые использовались для гурчения рублевиков в 1730–1733 годах. В результате все гедлингеровские рубли первой партии, чеканившиеся в 1736–1737 годах в палатах князя Прозоровского, вместо стандартного гуртового узора (рис. 14) имеют на гурте узор, к этому времени уже устаревший (рис. 15). Именно этот отличительный признак позволил окончательно прийти к двум выводам:

1. Среди рублевиков, чеканенных в Петербурге подлинными штемпелями И.К. Гедлингера, нет экземпляров, датированных 1737 годом.

2. Все рублевики гедлингеровского типа, датированные 1737 годом, чеканены в Москве штемпелями, изготовленными Л. Дмитриевым.

По особенности гуртового узора было также определено, что и третий комплект штемпелей, которым отчеканена монета, представленная на рис. 11, изготовлен самим Гедлингером.

Дошедшие до нас сведения о замечательном русском гравере Лукьяне Дмитриеве, не только безупречно копировавшем медальные и монетные штемпели знаменитого Гедлингера, но и создавшем на ряде своих штемпелей портреты императрицы с вполне самостоятельной трактовкой образа (см., например, рис. 16), весьма немногочисленны.

Не удалось даже установить даты его рождения и смерти. Из ведомости, представленной в феврале 1735 года из Монетной канцелярии в Сенат¹⁴, известно только, что с 1724 года он был определен в ученики к Антону Шульцу, а при проверке в мае 1733 года учеников Шульца было отмечено, что "...мастерство их, ...а паче ученика Лукьяна Дмитриева, по-видимому, хорошо и нарочито..."; 19 октября 1734 года ассессоры Левкин и Нартов объявляют: "...оной Шульц обучил тому своему искусству ученика Лукьяна Дмитриева..." Октябрь 1734 года, видимо, и следует считать временем окончания его ученичества. Согласно доношению главного директора Монетного правления графа М.Д. Головкина в Кабинет от 3 сентября 1737 года¹⁵, "резного штемпельного дела подмастерье Лука Дмитриев" жалованья получал 100 рублей в год, тогда как "резного штемпельного дела мастер Иван Васильев" – только 70 рублей. 5 августа 1737 года М. Д. Головкин, учитывая особые успехи Дмитриева в резьбе медальных и монетных штемпелей, ходатайствует перед Кабинетом о выдаче Лукьяну Дмитриеву "...от Ея Императорского Величества Всемилостивейшего награждения"¹⁶. Примерно с середины 1737 года Дмитриев именуется в документах мастером. К сожалению, нет никаких сведений, которые позволили бы выяснить, ездил ли Дмитриев в 1737 году к Гедлингеру в Петербург или же копировал гедлингеровские штемпели по присланному в Москву образцовому комплекту.

Что же могло послужить причиной прекращения чеканки монет штемпелями работы Гедлингера и переноса чеканки в Москву с использованием штемпелей работы Дмитриева? В Корпусе русских монет, в упомянутом выше предисловии говорится: "Так как штемпель Гедлингера испортился, то московским резчиком Лукьяном Дмитриевым был вырезан в 1737 году новый штемпель по Гедлингеровскому образцу"¹⁷. Вполне вероятно, что к концу чеканки рублевиков из "кабинетского" серебра гедлингеровские штемпели были значительно изношены и требовали замены. Но ведь Гедлингер вполне мог и сам изготовить новые комплекты штемпелей, необходимые для продолжения чеканки рублевиков из "покупного и подрядного" серебра, и отказались от его услуг, не-

сомненно, только потому, что слишком дорого обходились они русскому правительству: ведь за два месяца работы Гедлингер получил 4 тысячи рублей, тогда как Дмитриев, резавший штемпели, ничуть не уступавшие по качеству гедлингеровским, получал всего-навсего 100 рублей в год. Формальной же причиной прекращения чеканки рублевиков штемпелями работы Гедлингера могла быть именно та, на которую в свое время указывал М. М. Максимов¹⁸ – полное израсходование “кабинетского” серебра.

За время чеканки рублевиков гедлингеровского образца в Москве, то есть в течение примерно двух месяцев, Дмитриев изготовил, по ориентировочным подсчетам, не менее восьми комплектов копий со штемпелей Гедлингера. Однако 18 августа 1737 года в Москву был направлен указ о прекращении чеканки рублевиков этими штемпелями. Дело в том, что Контора Монетного правления вдруг обнаружила на их аверсе написание титула императрицы в сокращенном виде – “Б.М. АННА ИМПЕРАТРИЦА I САМОДЕРЖ. ВСЕРОСС.”. Усмотрев в этом явное нарушение придворного этикета (хотя сокращение “самодерж.” использовалось еще на рублях и полтинах 1734 года – см. рис. 5–7), Контора обязала Кадашевский монетный двор чеканить рублевики только с полным титулом (доношение из Конторы Монетного правления в Кабинет от 15 сентября 1737 года)¹⁹. В соответствии с этим распоряжением Дмитриев вырезал новые штемпеля аверса не только для рублевиков, но и для полтин, по-прежнему с портретом императрицы типа Гедлингера, но уже с полным титулом в круговой надписи (рис. 16, 17). Также был существенно изменен рисунок гербового орла на реверсе (рис. 20). Интересно отметить, что круговая надпись на аверсе рублевиков гедлингеровского образца, несмотря на сокращения, оставалась вполне грамотной, тогда как надпись без сокращений, помещавшаяся на подавляющем большинстве монет Анны Иоанновны, всегда писалась с ошибками в последнем слове – “ВСЕРОСИСКАЯ”.

Рубли и полтины нового образца чеканились в Москве с 1737-го по 1747 год, а в 1739 году к ним присоединился полуполтинник также с портретом императрицы типа Гедлингера (рис. 21). Тем временем в Петербурге, после возобновления работы штатного монетного двора в Петропавловской крепости, с 1738 года была начата чеканка рублей и полтин с портретом Анны Иоанновны работы И. Лефкена (рис. 18).

В известных нам письменных источниках нет сведений об изготовлении Лукьяном Дмитриевым штемпелей червонцев, и все же штемпели аверса червонцев 1738 и 1739 годов (рис. 22), судя по характерным особенностям помещенного на них портрета императрицы типа Гедлингера, никто, кроме Дмитриева, вырезать не мог, тем более что эти червонцы чеканились либо в Москве, либо на Петербургском монетном дворе, но штемпелями, доставленными из Москвы²⁰.

А вот вопрос о чеканке в 1736 году золотых червонцев остается еще нерешенным. Согласно именному указу от 16 сентября 1736 года, Монетная канцелярия должна была изготовить из “кабинетского” золота пятьдесят червонцев. В своей работе “Очерк о золоте”²¹ М. М. Максимов утверждает, что это задание было выполнено только в 1738 году, однако в доношении из Канцелярии Монетного правления в Кабинет от 19 апреля 1737 года²² однозначно указывается, что 15 января 1737 года в Кабинет было представлено 50 гедлингеровских червонцев. Утверждение М. М. Максимова, конечно же, основывается на том, что до настоящего времени не обнаружено ни одного червонца, датированного 1736 годом. Но это могло произойти по той причине, что, поступив в ведение Кабинета, гедлингеровские червонцы до 1741 года, видимо, не расходовались, а в этом году они были все до одного переплавлены и использованы для изготовления червонцев Елизаветы Петровны.

Еще одна монета, изготовление штемпелей которой приписывается Иоганну Карлу Гедлингеру, – это медный портретный пятикопеечник 1740 года (рис. 23). В Корпусе русских монет его описание сопровождается таким примечанием: “Судя по резьбе, оба штемпеля этой монеты собственноручной резьбы знаменитого медальера Гедлингера в Стокголь-

ме»²³. Нет ничего удивительного в том, что штемпели пятикопеечника 1740 года были изготовлены Гедлингером спустя три года после его отъезда из России. Будучи в Швеции, он продолжал выполнять заказы русского правительства. Например, им были изготовлены штемпели медали с портретом императрицы Елизаветы Петровны, заказ на которые он мог получить не ранее 1741 года.

В заключение остается упомянуть о четырех новодельных монетах, одна из которых соответствует монете, отчеканенной штемпелями Гедлингера, – рубль 1736 года (рис. 24); а три – монетам, отчеканенным штемпелями Дмитриева, – полтина и полуполтинник 1739 года (рис. 25, 26) и червонец 1738 года (рис. 27). Кроме того, портрет Анны Иоанновны типа Гедлингера воспроизведен (скорее всего, самим Дмитриевым) на штемпеле аверса еще одной новодельной монеты – серебряного гривенника 1739 года, отчеканенного в меди (рис. 28)²⁴.

Изготовители штемпелей остальных новоделов, как обычно, неизвестны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Максимов М. М.* Медальер Иван Васильев // Советский коллекционер. 1975. № 13. С. 145–149.
2. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1901. С. 76.
3. Кабинет в 1731–1740 годах – верховный государственный орган в составе трех кабинет-министров, официальный совет при императрице.
4. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1901. С. 138.
5. Там же. С. 148.
6. Там же. С. 156.
7. *Максимов М. М.* Очерк о серебре. М., 1981. С. 158–161.
8. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1901. С. 76.
9. Там же. С. V.

10. Полный свод законов Российской империи, № 7357.
11. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1901. С. 178.
12. Там же. С. 140.
13. Там же. С. 148.
14. Там же. С. 93–95.
15. Там же. С. 137–138.
16. Там же. С. 153.
17. Там же. С. 111.
18. *Максимов М. М.* Очерк о серебре. 1981. С. 154.
19. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1901. С. 156–157.
20. *Спасский И. Г.* Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX в. Л., 1949. С. 20–22.
21. *Максимов М. М.* Очерк о золоте. М., 1988. С. 69.
22. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1901. С. 148.
23. Там же. С. 244.
24. См. очерк “Пять медных новоделов пробных серебряных монет 1739–1740 годов”.

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

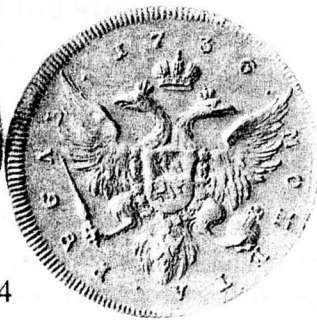
21

22

23

24

25

26

27

28

МОНЕТЫ ИМПЕРАТОРА ИВАНА АНТОНОВИЧА

Согласно воле императрицы Анны Иоанновны, не имевшей детей, после ее смерти, последовавшей 17 октября 1740 года, российский престол перешел к сыну принцессы мекленбургской Анны Леопольдовны и принца княжества Брауншвейг-Бевеэрн Антона Ульриха: Анна Леопольдовна была внучкой царя Ивана Алексеевича, старшего брата Петра I, и, таким образом, приходилась племянницей усопшей императрице. Новому императору Иоанну III (больше известному под именем Ивана Антоновича) ¹ только что исполнилось два месяца, а потому по завещанию Анны Иоанновны регентом при малолетнем императоре стал ее фаворит герцог курляндский Э.-И. Бирон. Однако уже на 23-й день своего регентства он был арестован фельдмаршалом Э. Минихом и сослан со всем своим семейством в город Пелым, а правительницей была провозглашена Анна Леопольдовна, несмотря на недовольство некоторых высших сановников, в том числе и ее мужа Антона Ульриха.

Младенческий возраст императора не только стал причиной ожесточенной борьбы за регентство, но и создал неожиданные трудности в монетном производстве. Дело в том, что еще со времен Петра I на лицевой стороне российских монет старших достоинств помещался портрет правящего государя, а потому с началом каждого нового царствования происходила смена портрета на монетах. Но о каком портрете могла идти речь, когда требовалось воссоздать в малой пластике достоверный образ двухмесячного младенца? Задача эта оказалась настолько сложной, что пришлось прибегнуть к ряду компромиссных решений.

В течение двух первых месяцев правления сначала Бирона, а затем Анны Леопольдовны монетные дворы вообще никаких указаний не получали, хотя обычно сразу же после восшествия на престол нового императора разрабатывались проектные рисунки монет нового образца, а на одном из монетных дворов по этим рисункам изготавливались пробные монеты, поступающие затем на высочайшее утверждение. Поэтому Мос-

ковская монетная канцелярия дважды докладывала главному директору Монетного правления обер-гофмейстеру Х. В. Миниху (30 октября и 1 декабря 1740 года)² о том, что она все еще не имеет указаний о виде новых монет. Только 15 декабря 1740 года канцелярией Монетного правления был издан указ³, согласно которому впредь, до специального решения, монеты следует чеканить старыми штемпелями, то есть с портретом покойной императрицы и датой “1740” (рис. 1)⁴. Таким образом, хотя и против правил, но текущий выпуск монет был временно обеспечен, и Монетное правление могла продолжить и без того затянувшийся поиск приемлемого оформления монет нового образца. Сколько всего существовало проектов такого оформления, неизвестно. До нас дошло два, из которых один был отклонен, а другой получил воплощения в монет массовой чеканки.

Отклоненный проект, представленный несколькими, чрезвычайно редкими, экземплярами пробного серебряного рубля 1740 года (рис. 2), предусматривал выпуск монет вообще без портрета императора: на одной стороне монеты вместо портрета предлагалось поместить императорский вензель⁵, а на другой – гербового орла того же рисунка, какой был на монетах Анны Иоанновны последних лет чеканки. Этот проект был забракован согласно определению канцелярии Монетного правления от 2 января 1741 года⁶. Для массового выпуска Петербургским монетным двором образцы рублевых монет с портретом и гербовым орлом измененного рисунка (рис. 3). Фактически было утверждено гипотетическое изображение императора в возрасте 7–8 лет, что существенно облегчало работу граверов, вырезавших все изображения на монетных штемпелях вручную. Тем не менее, граверы московского Красного монетного двора никак не могли освоить воспроизведения на штемпелях этого не совсем обычного портрета, хотя штемпели с портретом Анны Иоанновны, изготовленные на этом дворе, отличались достаточно высоким художественным уровнем. Документы свидетельствуют, что связанные с этим неприятности продолжались на московском Красном дворе почти до самого окончания чеканки монет Ивана Антоновича.

Так, 18 марта 1741 года⁸ обер-гофмейстер Х. В. Миних обязал московский Красный монетный двор исправить портрет императора на штемпеле рублевой монеты, поскольку оказалось, что “лицо старо”. Согласно записи в журнале Канцелярии Монетного правления от 27 июня 1741 года⁹, на Красный двор был направлен резчик Петербургского монетного двора Федор Нагибин, поскольку московские штемпели имели ряд недостатков “как в персоне Его Императорского Величества, так и в прочем”. Наконец, в том же журнале запись от 6 октября 1741 года¹⁰ свидетельствует о том, что ввиду неудовлетворительного исполнения портрета императора на гривенниках московского производства Петербургскому двору было поручено изготовить и передать Красному двору портретные штемпели для чеканки этих монет.

На всех дошедших до нас монетах, от самых неудачных московских и до самых высококачественных петербургских, император предстает перед нами в образе отрока, задрапированного в римскую тогу, со знаками высшей власти (лавровым венком на голове и орденом Святого апостола Андрея Первозванного), с печальным выражением одутловатого лица и с отрешенным, устремленным в пространство взглядом. Словно художник – автор проектного рисунка рублевой монеты – предугадал страшную участь, уготованную венценосному младенцу.

Как известно, Иван Антонович пробыл императором неполных 14 месяцев: 25 ноября 1741 года в результате дворцового переворота императрицей была провозглашена дочь Петра I Елизавета. Все семейство свергнутого императора было выслано из Петербурга под строгий надзор сначала в Ригу, затем в крепость Динамюнде, потом в город Раненбург и окончательно, в 1745 – в Холмогоры. В 1746 году в Холмогорах умирает Анна Леопольдовна.

“Принц Иоанн” (так теперь именовался бывший император) в 1756 году был оторван от семьи и переведен в Шлиссельбургскую крепость, в которой пробыл в одиночном заключении восемь лет, а в 1764 году был убит при попытке его освобождения: тюремщики выполнили данную им на этот случай инструкцию.

Какие же монеты выпускались в обращение в царствование Ивана Антоновича? Это были серебряные рубли (рис. 3), полтины (рис. 4) и гривенники (рис. 5), а также медные полукопейки – денги (рис. 6) и четвертькопеечники – полушки (рис. 7); золотые монеты в этот период времени не чеканились. Серебряные рубли и полтины по весу и содержанию в них чистого серебра, а также по принципу внешнего оформления (то есть не считая смены портрета и рисунка гербового орла) не отличались от соответствующих монет предыдущего царствования. А вот у гривенников было не только снижено содержание чистого серебра согласно указу регентши от 10 июня 1741 года ¹¹, но и существенно изменено внешнее оформление: в отличие от гривенников всех предшествующих царств, на этих монетах с 1741 года впервые стали помещать портрет императора. Что же касается медных монет, то они оставались безмянными и потому были точно такими же, как и при Анне Иоанновне.

Кроме этих монет массового выпуска, известны пять монет Ивана Антоновича, представляющих собой исключительную редкость. Об одной из них уже говорилось – это пробный рубль 1740 года (рис. 2). Еще две серебряные монеты – полуполтинник (рис. 8) и гривенник (рис. 9) – являются образцами, оттиснутыми Петербургским монетным двором, где предполагалось начать массовую чеканку этих монет; по некоторым причинам организовать такую чеканку в столице не удалось. Наконец, две медные монеты – пятикопеечник с двумя клеймами (рис. 10) и портретный двухкопеечник 1740 года (рис. 11) – представляют собой образцы, изготовленные для демонстрации одного из проектов, предлагавших различные способы изъятия из обращения легковесных пятаков 1723–1730 годов; согласно этому проекту, пятаки, прошедшие проверку на подлинность, должны были надчеканиваться двумя клеймами (с вензелем императора и двуглавым орлом), а затем перечеканиваться в двухкопеечники. Такой проект был составлен еще при Анне Иоанновне, и потому двухкопеечник, представленный на рис. 11, был отчеканен с использованием штемпеля лицевой стороны серебряной полтины Ивана

Антоновича (рис. 4) и штемпеля оборотной стороны медного двухкопечника Анны Иоанновны (рис. 12), изготовленного в 1740 году по указанному выше проекту.

Крайне редко встречаются и две серебряные монеты Ивана Антоновича, имеющие вместо гурта со стандартным оформлением (с надписью “С.ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА”) гурт присущий монетам Анны Иоанновны: рубль с узорным гуртом (рис. 13) и полтина с сетчатым гуртом (рис. 14). Появились такие монеты в результате использования для чеканки монет Ивана Антоновича небольшого запаса монетных кружков, загурченных еще при Анне Иоанновне ¹².

Взойдя на престол, Елизавета Петровна не только сразу же изолировала своего возможного соперника, но и приняла все меры для того, чтобы связанные с ним документы были засекречены ¹³, а вещи ликвидированы. Среди этих мер одной из первых было уничтожение монет с именем и изображением Ивана Антоновича. Именной указ от 31 декабря 1741 года ¹⁴ обязал всех поданных сдавать государству имеющиеся у них монеты с портретом “принца Иоанна”; до 1 января 1743 года эти монеты подлежали обмену на новые серебряные и медные деньги из расчета копейка за копейку, а после указанного срока их должны были выкупать по 92,5 копейки за рубль. Сенатский указ от 14 декабря 1742 года ¹⁵ содержал напоминание о приближении срока, когда будет завершен равноценный обмен, а сенатским указом от 27 февраля 1743 года ¹⁶ цена на монеты Ивана Антоновича была снижена до 91,5 копейки за рубль. Наконец, сенатский указ от 17 декабря 1744 года ¹⁷ установил окончательный срок выкупа опальных монет— 17 июня 1745 года; по истечении этого срока предписывалось монеты отбирать “безденежно”, а с их владельцами поступать как с преступниками, “без всякого милосердия” ¹⁸.

Выкупленные и конфискованные у населения рубли и полтины Ивана Антоновича перерабатывались в рубли и полтины Елизаветы Петровны (рис. 15, 16) путем перечеканки: при изготовлении монет нового образца монеты “принца Иоанна” просто использовались в качестве заготовок. Такой способ переработки оказался возможным вследствие того, что се-

ребряные монеты Елизаветы Петровны двух старших номиналов по весу и содержанию в них драгоценного металла не претерпели никаких изменений по сравнению с аналогичными монетами Ивана Антоновича.

Применение перечековки не только снизило материальные затраты, потребовавшиеся для уничтожения “кромольных” монет, но и существенно ускорило выпуск в обращение монет с портретом и именем новой императрицы. Однако перечековка приводила к ухудшению внешнего вида монет: они оказывались “раздавленными” повторным воздействием штемпелей и на них зачастую оставались следы от исходной монеты; поэтому на многих рублях и полтинах Елизаветы Петровны, изготовленных перечековкой, наряду с ее титулом и именем можно иногда прочесть: “ЮАННЪ III Б.М.ИМП...”. Что же касается гривенников Ивана Антоновича, чеканившихся на московском Красном монетном дворе, то вследствие малой толщины их кружка для перечековки они не годились, а потому поступали на переплавку.

Несмотря на достаточно строгие меры, принятые правительством Елизаветы Петровны для изъятия и уничтожения монет с изображением и именем Ивана Антоновича, эти монеты, тем не менее, можно встретить в настоящее время не только в любом музейном собрании, но и в подавляющем большинстве частных коллекций. В этой связи интересны итоги операции по их изъятию у населения, доложенные Монетной канцелярией в Сенат 4 декабря 1751 года¹⁹: в обращение было выпущено монет с изображением “принца Иоанна” на общую сумму 693 181 руб.²⁰; с начала обмена и по 17 июня 1745 года у населения было выкуплено монет на сумму 665 158 руб. 50 коп.; с 17 июня 1745 года и по 4 декабря 1751 года у населения было изъято “безденежно” монет на сумму 4231 руб. 40 коп.; следовательно, на руках у населения в это время оставалось опальных монет на общую сумму 23 791 руб. 10 коп.

Вот такие, утаенные от конфискации, часто с огромным риском, монеты и дошли до нас в качестве свидетелей одной из трагических страниц отечественной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В современной историографии Иван Антонович считается Иваном VI, поскольку отсчет русских правителей с именем “Иван” ведется от московского князя Ивана Калиты. На монетах же Иван Антонович значится как “Иоанн III” – в этом случае отсчет производился от первого русского царя Ивана Грозного.

2. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Иоанна III. СПб., 1901. С. 1, док. № 1; С. 3, док. № 4.

3. Там же. С. 4, док. № 6.

4. Всего после смерти Анны Иоанновны с ее портретом было начеканено монет на сумму около 467 тыс. руб.

5. Вензель, изображенный на пробном рубле (рис. 2), составлен из двух литер “Г”, одна из которых начертана как бы в зеркальном отражении, и цифры “3”. Вензель может быть расшифрован двояко: либо как “ИОАНН ТРЕТИЙ” (в этом случае вторая литера Г включена в вензель только для придания ему некоторой симметрии), либо как “ИМПЕРАТОР (ИОАНН ТРЕТИЙ)”.

6. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. С. 6, док. № 9.

7. Там же. С. 8, док. № 14.

8. Там же. С. 14, док. № 27.

9. Там же. С. 23, док. № 49.

10. Там же. С. 35, док. № 59.

11. Там же. С. 21, док. № 44.

12. Кстати сказать, и пробный вензельный рубль 1740 года встречается и с гуртовой надписью, и с узорным гуртом.

13. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. С. 1, вступление.

14. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ), № 8494.

15. ПСЗ, № 8690.

16. ПСЗ, № 8712.

17. ПСЗ, № 9093.

18. Напомним, что при вступлении на престол Елизавета Петровна дала обещание отменить смертную казнь и обещание это сдержала, так что лишение жизни преступникам не грозило, но пытки отменены не были.

19. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Елизаветы I. СПб., 1896. Т. 1. С. 118, док. № 154.

20. К моменту вступления на престол Елизаветы Петровны монеты с изображением Ивана Антоновича на общую сумму около 418 тыс. руб. находились в казне, откуда они сразу же поступили на переработку.

1

2

3

11

12

13

14

15

16

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ЗОЛОТОМ РУБЛЕ 1762 ГОДА

Рубль 1762 года с портретом императрицы Екатерины II (рис. 1), отчеканенный в золоте комплектом штемпелей серебряного рубля, впервые был описан С. И. де Шодуаром в его каталоге 1836 года¹. Шодуар считал, что эта монета аналогична золотым “крестильным монетам” Петра I (рис. 2), которыми царь будто бы одаривал своих крестников, хотя в действительности это были не монеты, а золотые воинские награды.

В каталоге Ф. Ф. Шуберта 1857 года² описание золотого рубля сопровождается следующими сведениями: “Эти монеты, исключительно редкие, распределялись среди гвардейских офицеров в память о вступлении на престол (Екатерины II. – В. У.) и сопровождались маленькими билетами, из которых несколько я видел. Следует отметить, что этот рубль не фигурирует среди серебряных рублей; это заставляет предположить, что штемпели для этой монеты были спешно изготовлены, а потом уничтожены”³.

Эти сведения из каталога Шуберта были полностью воспроизведены (на французском языке) в Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича, но с примечанием: “Несмотря на все старания, нам не удалось найти никаких документальных сведений по этому вопросу”.

Приведенная выше версия Шуберта была принята без каких-либо комментариев в ряде вышедших позднее каталогов: Г. М. Северина⁴, В.В. Узденикова⁵ и некоторых других. Во всех без исключения каталогах, в том числе и в каталоге А. А. Ильина и И. И. Толстого⁶, золотой рубль 1762 года считается подлинным, а его гуртовое оформление везде показано только одного вида – с наклоном шнуровидной насечки слева вверх направо, то есть стандартное оформление гурта подавляющего большинства банковых монет Екатерины II.

Наиболее полно золотой рубль 1762 года рассмотрен (в качестве подлинника и с принятием основных положений версии Шуберта) в монографии Р. Зандера “Серебряные рубли и ефимки Романовской России”⁷.

В этой работе Зандер обращает внимание на существование трех серебряных новодельных рублей, датированных 1762 годом и имеющих непосредственное отношение к золотому рублю:

- отчеканенного с использованием штемпеля реверса золотого рубля и с портретом Петра III на аверсе (рис. 3);

- отчеканенного с использованием штемпеля аверса золотого рубля (рис. 4);

- отчеканенного полным комплектом штемпелей золотого рубля.

В отношении новодела, изображенного на рис. 4, Зандер отмечает, что штемпель его реверса помечен знаком Алексея Шнезе (“АШ”), который был назначен на должность минцмейстера серебряного передела Петербургского монетного двора лишь в 1766 году, а потому указанный новодел не мог быть отчеканен раньше этого года. Зандер совершенно справедливо указывает на ошибочность предположения Шуберта, будто бы штемпели золотого рубля после изготовления требуемого количества этих монет были сразу же уничтожены. Наконец, Зандер считает, что созданием такой необычной монеты, как золотой рубль 1762 года, Екатерина II, немка по рождению, продемонстрировала свое уважение к уникальной русской традиции – использованию российскими правителями золотых монет в качестве почетных наград.

Видимо, учитывая такую необычную роль золотого рубля 1762 года, Зандер не возражает против предположения Шуберта о том, что изготовленные в спешном порядке совершенно особые штемпели предназначались исключительно для чеканки этой “наградной” монеты. И такое предположение, действительно, представляется вполне вероятным, поскольку не известно ни одного подлинного серебряного рубля, отчеканенного с использованием этих штемпелей.

Чем же штемпели золотого рубля 1762 года отличаются от штемпелей всех серийных рублей Екатерины II как 1762-го так и последующих годов?

Р. Зандер указывает на следующие отличия штемпеля аверса этой монеты от серийных штемпелей: знак гравера Тимофея Иванова (“ТИ”) раз-

мещен между точками (рис. 10), которые на серийных штемпелях 1762 года отсутствуют, но имеются на большинстве штемпелей последующих годов⁸; интервалы между словами круговой надписи и ее пунктуация отличаются от таковых на серийных штемпелях; расстояние от обозначения Петербургского монетного двора (“СПБ”) до обреза одежды на портрете (рис. 10) больше, чем на серийных штемпелях; по сравнению с серийными штемпелями моделировка и рельеф портрета императрицы несколько (“едва уловимо”) изящнее.

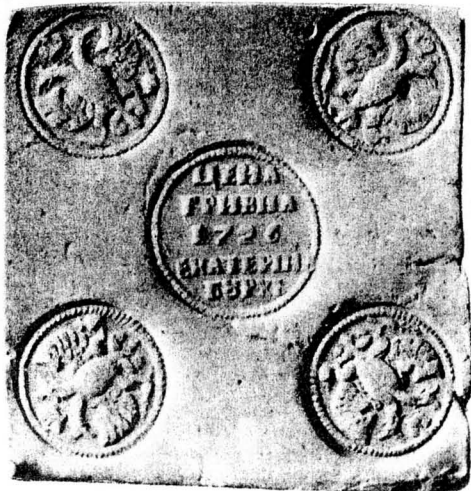
Добавим к этому, что отличие портрета на золотом рубле от портретов на всех серебряных рублях 1762–1765 годов наиболее просто определяется по форме оконечности верхней ленты банта в волосах императрицы (рис. 11). Наконец, штемпель аверса золотого рубля имеет еще одну отличительную особенность: в круговой надписи слева от римской цифры “II” просматривается след от неудачно начатой (слишком близко к слову “ЕКАТЕРИНА”) гравировки левой мачты этой цифры (рис. 12).

В отношении штемпеля реверса золотого рубля Зандер обращает внимание на его отличие от серийных штемпелей в компоновке и пунктуации круговой надписи, а также в том, что знак минцмейстера Якова Иванова написан на нем через “И” восьмиричное (“ЯИ”). На этом последнем обстоятельстве следует остановиться несколько подробнее. Дело в том, что на всех подлинных серебряных монетах 1752–1766 годов, помеченных знаком Якова Иванова, этот знак написан через “I” десятиричное (“ЯI”)⁹; кроме того, до 1772 года только через “I” десятиричное писались на монетах знаки других минцмейстеров с фамилией “Иванов” или именем “Иван” (“IM” – Иван Марков, “EI” – Егор Иванов), знак гравера Тимофея Иванова (“TI”), а также имя малолетнего императора Ивана Антоновича (“IOANN III”). Да и позднее, до 1796 года, гравер Т. Иванов чаще всего использовал знак “TI”, через “I” десятиричное писались знаки минцмейстеров Ивана Сабельникова (“IS”) в 1795–1796 годах и Александра Иванова (“AI”) в 1801 году. Следовательно, на Петербургском монетном дворе до XIX века существовала достаточно устойчивая традиция использования “I” десятиричного в написании имени “Иван” и фамилии “Иванов”.

Р. Зандер пишет также, что ни один из более поздних штемпелей реверса петербургских рублей не соответствует в полной мере штемпелю реверса золотого рубля 1762 года. К сожалению, он не раскрыл причину такого несоответствия. А причина состоит в том, что на рассматриваемом нами штемпеле изображен гербовый орел рисунка Ж.-А. Дасье. Как известно, выдающийся швейцарский медальер Жак-Антуан Дасье, приглашенный на русскую службу, изготовил в 1757 году инструмент для чеканки золотых десятирублевиков и серебряных рублей. Портрет на аверсе этих монет императрице Елизавете Петровне не понравился, в связи с чем после 1757 года такой портрет на российских монетах больше не появлялся. А вот предложенный Дасье рисунок гербового орла был, видимо, признан весьма удачным. Поэтому рабочие маточники, переведенные с формы, вырезанной самим Дасье или бывшим при нем резчиком Андреасом Кавеларом, имели широкое применение: с их помощью изготавливались штемпели-гербовники для массовой чеканки рублей с портретом Елизаветы Петровны работы Дасье (рис. 5), Бенджамена Скотта (рис. 6) и Тимофея Иванова (рис. 7), а также штемпели аверса медных пятикопеечников (рис. 8) и даже штемпель реверса пробного рубля 1758 года с портретом императрицы работы Самойлы Юдина (рис. 9). Однако, начиная с 1761 года, штемпели с орлом Дасье по каким-то причинам для массовой чеканки серебряных монет больше никогда не использовались: на смену им пришли штемпели с орлом, довольно точно скопированным с орла Дасье и отличавшимся от оригинала лишь незначительными деталями. Этими новыми штемпелями чеканились серебряные рубли Елизаветы Петровны 1761 года, Петра III 1762 года, Екатерины II 1762–1776 годов, и вдруг на золотом рубле 1762 года опять появился орел первоначального рисунка Дасье. Наиболее просто эти два рисунка (первоначальный и копия) распознаются по изображению большой короны над орлом: если на короне орла Дасье (рис. 13) помещены три самоцветных камня (на околыше) и очень крупные трилистники, то на копии (рис. 14) корона украшена пятью камнями и сравнительно небольшими трилистниками.

1

2

3

4

5

использовать в работе даже устаревшие штемпели, изменяя на них последнюю цифру даты; а в данном случае вдруг, по какой-то совершенно непонятной причине, производство утратило комплект штемпелей, в составе которого находился дорогостоящий портретный штампель в отличном состоянии, сохранившийся на монетном дворе, как минимум, до 1766 года.

Или взять такой факт, как изготовление штампеля реверса с помощью давно устаревшего маточника, а также загурчивание золотых кружков-заготовок с использованием вереек неизвестного происхождения. Что мешало вполне естественному использованию для этих целей уже имевшихся на Петербургском монетном дворе гербового маточника и гуртильных вереек стандартного образца, которые применялись в 1762 году при изготовлении серебряных рублей Петра III? Не могла же мудрейшая из императриц заниматься в столь ответственное для нее время выискиванием и устранением мелочных деталей оформления, которые могли перейти с монет отставленного от власти супруга на “наградную” монету, тем более что все эти детали позднее присутствовали в полном составе на всех ее рублях массового выпуска 1762–1776 годов.

Во всем этом явно просматривается несомненное противоречие здравому смыслу.

Но это противоречие отпадает по всем пунктам, если только предположить, что все экземпляры золотого рубля были изготовлены значительно позднее 1762 года. Рассмотрим с точки зрения такого предположения наметившиеся несоответствия и непонятные обстоятельства.

Начнем с гуртового оформления золотых рублей. Характер гуртильных вереек, использовавшихся при изготовлении этих монет, свидетельствует о том, что их изготовителям подошли бы любые из имевшихся на монетном дворе вереек с косой насечкой (стандартного образца), и если такие верейки использованы не были, значит, их к моменту изготовления золотых рублей на Петербургском дворе уже не существовало, вследствие чего и пришлось изготавливать требуемые верейки заново. Так как последними рублевиками массового выпуска со шнуровидным гуртом

были рубли Павла I 1797 года, значит, золотые рубли, датированные 1762 годом, были в действительности отчеканены после 1797 года, когда все верейки с косой насечкой были уже уничтожены¹⁰. А использование при изготовлении интересующих нас монет, как минимум, двух видов нестандартных вереек может свидетельствовать о том, что группы монет, различающиеся направлением наклона гуртовой насечки, чеканились одновременно и через значительный промежуток времени.

Другим подтверждением разновременности чеканки различных экземпляров золотого рубля 1762 года может служить существенная разница в их лигатурной массе. Так, среди экземпляров из собрания Государственного Эрмитажа имеются два с массой в 32,61 г и 34,22 г. Не может быть сомнений в том, что разница в массе, достигающая 1,61 г и совершенно недопустимая для однотипных золотых монет, могла появиться вследствие использования либо различных по диаметру пунсонов для вырубki монетных кружков-заготовок, либо различных по толщине полос, из которых эти кружки были вырублены; в обоих случаях между чеканкой двух таких несопадающих по массе экземпляров должно было пройти достаточно большое время.

Использование совершенно особых вереек (рис. 19) для гурчения новодельного рубля, помеченного знаком минцмейстера Алексея Шнезе (рис. 4), также может свидетельствовать о том, что изготовление этого новодела должно быть отнесено ко времени, ограниченному не 1766-м, а 1797 годом; это опять-таки означает, что штемпель аверса, которым были отчеканены и данный новодел, и золотой рубль 1762 года, существовал на монетном дворе в начале XIX века. Однако не следует исключать возможности и того, что гурчение новодельного рубля, представленного на рис. 4, могло быть выполнено кустарным способом после получения его заказчиком.

Штемпель аверса золотого рубля был изготовлен, скорее всего, в то время, когда доброкачественных портретных маточников и штемпелей образца 1762–1765 годов на Петербургском монетном дворе уже не осталось. Поэтому портрет императрицы пришлось вырезать заново (ви-

димо, непосредственно на штемпеле, поскольку штемпель с характерным признаком, показанным на рис. 12, — единственно известный), и этот портрет получился несколько отличным от ранее существовавших, как и компоновка круговой надписи.

Примерно так же можно объяснить и тот факт, что при изготовлении штемпеля реверса золотого рубля был использован гербовый маточник Дасье: просто-напросто для этого был взят наименее изношенный маточник подходящего образца из числа имевшихся на монетном дворе. При изготовлении штемпеля с использованием этого маточника непроизвольно образовалась не встречавшаяся ранее компоновка круговой надписи, а написание знака минцмейстера Якова Иванова через “И” восьмиричное было в начале XIX века уже более привычным.

И последнее. Гидростатическим взвешиванием, выполненным в отделе нумизматики Исторического музея, было определено, что экземпляр золотого рубля 1762 года, принадлежащий Историческому музею, изготовлен из металла, плотность которого составляет $19,06 \text{ г/см}^3$, что соответствует $94\frac{1}{2}$ пробе золота¹¹.

Монетное золото примерно той же пробы (94-й) в царствование Екатерины II использовалось, но лишь эпизодически: из него чеканились червонцы 1763, 1766 и 1796 годов, а с 1768 года — поддельные нидерландские дукаты. Однако объем этих выпусков по сравнению с общим объемом золотой чеканки 1762–1796 годов был ничтожно мал, а основная масса золотых монет (десяти- и пятирублевики) изготавливалась в это время из золота 88-й пробы. Зато в период с 1798-го по 1805 год в российском монетном производстве использовалось золото исключительно $94\frac{2}{3}$ пробы. Поскольку чеканка при Екатерине II червонцев, а тем более, поддельных дукатов была вызвана, главным образом, ориентацией на внешний рынок, нет никаких оснований предполагать, что золотой рубль столь специфического (“наградного”) предназначения мог быть отчеканен из высокопробного золота: скорее всего, для его изготовления использовали бы золото основной, 88-й пробы. Поэтому тот факт, что он все же оказался отчеканенным из золота $94\frac{1}{2}$ пробы, дополнительно сви-

детельствует в пользу версии о его изготовлении не ранее 1798 года. Вероятных причин его чеканки могло быть несколько.

Прежде всего, золотой рубль мог быть отчеканен в качестве памятной монеты. Так как в царствование Павла I (1796–1801 годы) для появления такой монеты не было ни малейшего шанса, то наиболее вероятным поводом для ее выпуска могло послужить, например, 40-летие со дня воцарения Екатерины II, приходившееся на 1802 год.

По другой, значительно менее привлекательной версии, все экземпляры золотого рубля 1762 года могут быть весьма редко встречающимися новоделами, “сочиненными” и изготовленными на Петербургском монетном дворе в начале XIX века. Кстати сказать, новодел, представленный на рис. 3, по сведениям Р. Зандера, не менее редок, чем золотой рубль, а серебряный новодел, отчеканенный полным комплектом штемпелей золотого рубля, вообще известен на сегодня в одном единственном экземпляре.

Наконец, вполне возможно, что среди известных экземпляров золотого рубля имеются как подлинники, так и новоделы.

А теперь несколько слов об утверждении Ф. Ф. Шуберта, будто бы он видел сертификаты (“маленькие билеты”), выдававшиеся вместе с золотыми рублями участникам дворцового переворота 1762 года. Как уже говорилось, в Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича хотя и в весьма деликатной форме, но достаточно ясно высказано сомнение в достоверности этого свидетельства. И это понятно – ведь до настоящего времени не только не обнаружено никаких официальных документов, подтверждающих существование в 1762 году такой награды, но о ней нет ни малейшего упоминания в многочисленных опубликованных мемуарах, письмах и дневниках того времени. Даже в таких подробнейших описаниях событий 1762 года, какие содержатся в “Записках” самой императрицы Екатерины II ¹², “Записках” княгини Е. Р. Дашковой ¹³, в “Мемуарах” польского короля Станислава-Августа Понятовского ¹⁴, в “Истории и анекдотах” секретаря французского посольства в России К. Рюльера ¹⁵, наконец, в официальных сообщениях о награждении участников перево-

рота ¹⁶, о золотом рубле нет ни слова. Нет золотого рубля 1762 года и среди многочисленных наград, которые были выданы по случаю коронации Екатерины II, состоявшейся 22 сентября 1762 года ¹⁷. А согласно свидетельству известного специалиста по наградной системе и наградам Российской империи В. А. Дурова, официальной награды в виде золотого рубля в царствование Екатерины II вообще не существовало.

К сожалению приходится признать, что об этой непонятной монете пока не найдено сведений и в письменных источниках начала XIX века. Итак, ни одно из высказанных выше предположений о действительном происхождении золотого рубля 1762 года еще не может считаться более или менее предпочтительным. К тому же не исключено появление и других версий. Поэтому дальнейшее изучение этой монеты представляется весьма перспективным. Необходимо точно определить значения пробы золота всех известных ее экземпляров, предпринять целенаправленный поиск документов или свидетельств современников, а также обратить особое внимание на факт существования двух групп монет с различным оформлением гурта.

Эта монета вполне достойна самого пристального к ней внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Шодуар С. И., де.* Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. Ч. 1–3. СПб., 1836–1841, № 1405-а.
2. *Schubert T. F.* Monnaies Russes des Derniers Trois Siecles. Karlsruhe, 1857, № 2659.
3. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины II. Т. 2. СПб., 1894. С. 3, № 1.
4. *Severin H. M.* Gold and Platinum Coinage of Imperial Russia from 1701 to 1911. N. Y., 1958. P. 21, № 255.
5. *Уздеников В. В.* Монеты России. М., 1992. С. 401, № 4203.
6. *Ильин А. А., Толстой И. И.* Русские монеты, чеканившиеся с 1725 по 1801 г. Практическое руководство для собирателей. СПб., 1910. С. 25.

7. Zander R. The Silver Rubles & Yefimoks of Romanov Russia 1654–1915. Bellingham, 1996. P. 73–74.

8. Этот признак не может быть принят во внимание, поскольку обнаружена разновидность серийного рубля 1762 года со знаком “ГТ”, помещенным между точками.

9. На золотых и медных монетах этого периода знаки минцмейстеров не проставлялись.

10. И. Г. Спасский в статье “Новоделы” (Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Сборник статей. Л., 1977. С. 106) указывал, что “Монетный двор мог позволить себе оставить для удовлетворения заказов (на изготовление новоделов. – В. У.) ограниченное количество образцов устаревших штемпелей, но хранить весь гуртильный инструмент не было никакой возможности”:

11. Один из эрмитажных экземпляров золотого рубля 1762 года, согласно данным Пробирной палаты, имеет 900-ю пробу золота (то есть $86\frac{2}{5}$ в золотниковом исчислении). Наиболее вероятно, что это ошибка или неточность, обусловленная использованием примитивной методики определения пробы – с использованием пробирного камня или химических реактивов.

12. Записки императрицы Екатерины Второй. Перевод с подлинника, изданного Императорской академией наук, издание А. С. Суворина, 1907.

13. Записки княгини Е. Р. Дашковой. Перевод с французского по изданию, сделанному по подлинной рукописи. СПб., 1907.

14. *Станислав Понятовский*. Мемуары. Перевод с французского. М., 1995.

15. *Рюльер К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Переворот 1762 г. Сочинения и переписка участников и современников. М., 1908.

16. Первые пособия Екатерины II. Выписка из “Санктпетербургских Ведомостей” № 64 от 9 августа 1762 г. // Путь к трону. История дворцового переворота 28 июня 1762 г. М., 1997.

17. Материалы по коронационным награждениям находятся в фондах Российского государственного Исторического архива (фонд 1101, опись 1, дело 48) и Российского государственного Военно-исторического архива (фонд 13, опись 107, дело 104 и 120).

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

МЕДНАЯ КОПЕЙКА 1789 ГОДА МОСКОВСКОГО КРАСНОГО МОНЕТНОГО ДВОРА

Перечеканка медных монет Петра III (32-рублевой монетной стопы) в монеты Екатерины II (16-рублевой стопы) была в основном завершена к 1768 году. Однако и после этого в казну продолжали поступать легковесные монеты, подлежавшие перечеканке, но своевременно ее не прошедшие. К 1787 году этих монет накопилось такое количество, что было признано целесообразным вновь наладить их переработку.

31 декабря 1787 года вышел именной указ¹, согласно которому организация этой работы была поручена ведомству генерал-прокурора Сена-та князя А. А. Вяземского. Во исполнение этого указа Вяземский 19 января 1788 года направил Санкт-Петербургскому Монетному департаменту предложение провести перечеканку легковесных монет в сумме около 1 млн. 342 тыс. рублей на Петербургском и московском Красном монетных дворах².

6 марта 1788 года Московский Монетный департамент выдал минцмейстеру Красного монетного двора С. Белкину инструкцию³, в которой было определено, что перечеканке подлежат легковесные гривенники (в пятикопеечники), четырехкопеечники (в двухкопеечники) и двухкопеечники (в копейки). Срок окончания перечеканки был назначен на лето 1788 года.

24 апреля 1788 года в журнале Московского Монетного департамента было зафиксировано поступление на московский Красный монетный двор штемпелей, изготовленных на Петербургском дворе для проведения перечеканки легковесных монет в 5-копеечники, двухкопеечники и копейки 16-рублевой монетной стопы⁴.

Наконец, 17 июля 1788 года Московский Монетный департамент представил генерал-прокурору рапорт об окончании перечеканки всех легковесных медных монет, поступивших на московский Красный монетный двор⁵. Свидетельства этой перечеканки хорошо известны: это достаточно часто встречающиеся пятаки, двухкопеечники и копейки,

датированные 1788 годом, помеченные знаком Красного монетного двора “ММ” и несущие на себе остаточные следы перечеканенных монет Петра III.

Но оказалось, что перечеканка легковесных монет в установленный срок (лето 1788 года) не была закончена, несмотря на представление Московским Монетным департаментом итогового рапорта. Вероятнее всего, на Красный двор откуда-то поступила дополнительная партия монет Петра III, которая и была перечеканена позднее. Никаких документов по этому вопросу пока не обнаружено, однако уже давно были известны довольно редкие пятаки и двухкопеечники “ММ” с датой “1789”, изготовленные перечеканкой (рис. 1, 2). А вот копейки 1789 года, перечеканенные на Красном монетном дворе из легковесных двухкопеечников, до последнего времени вроде бы нигде не обнаруживались, и лишь совсем недавно выяснилось, что такая копейка (рис. 3) хранилась в дублетном фонде отдела нумизматики Государственного Исторического музея. Причиной того, что столь редкая монета, не описанная ни в одном каталоге, долгое время не была обнаружена и оценена по достоинству, безусловно, являлась ее весьма низкая сохранность, свидетельствующая о длительном нахождении монеты в обращении.

Таким образом, становится очевидным, что в 1789 году на Красном монетном дворе перечеканку проходили легковесные монеты Петра III в том же наборе номиналов, что и в 1788 году, только в значительно меньших объемах. Особенно это относится к легковесным двухкопеечникам, которые перечеканивались в копейки.

Вновь обнаруженная копейка “ММ” 1789 года имеет фактическую массу 9,34 г и следы гуртовой насечки; след от перечеканенного двухкопеечника 1762 года в виде фрагмента одной из двух счетных звездочек расположен в правой нижней части ее аверса.

Через некоторое время после обнаружения копейки “ММ” 1789 года в собрании Исторического музея, еще один экземпляр этой монеты (рис. 4) появился в частной коллекции. Этот экземпляр, находящийся в значительно лучшей сохранности, чем музейный, имеет отчетливую сетчатую

гуртовую насечку, следы перечеканки на реверсе и массу 12,30 г. Характерные особенности, присущие обеим монетам (совпадающие следы от точечной коррозии штемпеля аверса и следы от трещин штемпеля реверса), свидетельствуют о том, что и та, и другая монеты отчеканены одним и тем же комплектом штемпелей.

Довольно большое отклонение фактического значения массы обеих монет от нормативного значения (10,24 г) для медных монет XVIII века было вполне обычным и являлось, в основном, следствием существовавшей методики проверки их на соответствие весовому ремедиуму, когда взвешивались не отдельно взятые монеты, а целая партия монет, в составе которой могли находиться экземпляры со значительными отступлениями от нормы как в сторону ее превышения, так и в сторону недостатка; к тому же малое значение массы музейного экземпляра копейки в какой-то мере объясняется ее большой изношенностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный свод законов Российской империи, № 16600.
2. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1894. Т. 1. С. 252, док. № 344.
3. Там же. С. 256, док. № 350.
4. Там же. С. 260, док. № 356.
5. Там же. С. 264–265, док. № 367.

1

2

3

4

МИНЦМЕЙСТЕР ОСИП МЕЙДЖЕР

Как известно, на многих российских монетах помещены (одновременно или раздельно) личные знаки сотрудников монетного двора двух категорий: это были граверы – авторы портретов, гербов и иных монетных изображений, и минцмейстеры, отвечавшие за качество изготовления монет. Если каждый гравер приносил в портретное или какое-либо другое изображение, а также в общую композицию оформления монеты только ему присущие стилистические особенности и с течением времени, в процессе массовой чеканки монет, мог несколько видоизменять отдельные элементы оформления, то минцмейстеры обычно были лишены права влиять на оформление монет массового выпуска, а могли лишь способствовать улучшению качества воспроизведения этого оформления. Исключением из этого общего правила оказался минцмейстер Осип Мейджер, чей знак “ОМ” встречается на золотых и серебряных монетах Павла I 1798, 1800 и 1801 годов чеканки.

При рассмотрении монет, датированных 1798 годом и помеченных знаком “ОМ”, обнаруживается, что в их внешнем оформлении существует ряд особенностей, несомненно, связанных с деятельностью минцмейстера Осипа Мейджера, поскольку на других монетах того же 1798 года, но помеченных знаками минцмейстеров Михаила Бобровщикова (“МБ”) и Федора Цетреуса (“ФЦ”), эти особенности отсутствуют.

Прежде всего, на монетах 1798 года со знаком “ОМ” (кроме монет рублевого достоинства) Петербургский монетный двор обозначен литерами “СП” (“Санкт-Петербург”), тогда как на всех других золотых и серебряных монетах Павла I (кроме червонцев и рублевиков 1796 года) он обозначен литерами “СМ”, которые обычно расшифровываются как “санкт-петербургская монета”¹.

Далее, на монетах 1798 года “ОМ” достоинством в 5 рублей, полтину и полуполтинник обозначение монетного двора и знак минцмейстера расположены на краю поля реверса под нижними волютами (рис. 1). Такое расположение указанных аббревиатур противоречило решению, при-

нятому по этому вопросу самим императором. Действительно, в письме генерал-прокурора князя Куракина президенту Берг-коллегии А. Нартову от 26 декабря 1796 года сообщалось, что “Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил, на делаемых монетах начальныя буквы имени монетного двора, где оныя деланы были, и минцмейстера означать под надписью слов...”². Именно так и расположены эти буквы на других монетах Павла I старших номиналов (рис. 2).

Наконец, на монетах 1798 года “ОМ” (массового выпуска) наблюдается еще одна особенность: если всем другим монетам Павла I свойственно довольно точное выдерживание соотношения осей аверса и реверса, то на интересующих нас монетах эти оси соотносятся чаще всего самым причудливым образом, вплоть до расхождения на 130–140°. Исключением являются только пятикопеечники, у которых нарушение соотношения осей наблюдается лишь изредка и на незначительную величину.

По всем другим параметрам (лигатурной массе, габаритным размерам и пробе драгоценного металла) монеты со знаком “ОМ” не отличаются от монет “МБ” и “ФЦ”.

Чем же руководствовался О. Мейджер, изменяя обозначение Петербургского монетного двора, нарушая повеление императора при размещении на монетах аббревиатур “СП” и “ОМ” и игнорируя постоянно наблюдавшиеся грубые ошибки в установке штемпелей при чеканке? Точно выяснить причину таких его действий сейчас затруднительно, хотя некоторые предположения на этот счет имеются. Несомненно только, что столь явные нарушения не остались незамеченными, и О. Мейджер был, видимо, отстранен от должности минцмейстера: во всяком случае, в 1799 году монеты со знаком “ОМ” уже не чеканились.

Этот знак вновь появляется на золотых и серебряных монетах в 1800 году, когда Петербургский монетный двор в Петропавловской крепости был уже закрыт на реконструкцию и начал работать временный Банковский двор (в здании Ассигнационного банка); серебряные рубли и полтины со знаком “ОМ” чеканились и в 1801 году. Однако на подавляю-

щем большинстве монет “ОМ” 1800–1801 годов монетный двор был уже обозначен литерами “СМ”³ (а не “СП”) и обе аббревиатуры были размещены на официально отведенном для них месте (рис. 3). Только на части пятирублевиков и на очень небольшом количестве полуполтинников 1800 года реверс был еще оформлен по образцу 1798 года (рис. 1), но здесь, видимо, просто были использованы (в целях экономии) хорошо сохранившиеся штемпели реверса, оставшиеся от 1798 года⁴. В то же время на всех монетах “ОМ” 1800 и 1801 годов нет и в помине беспорядочного соотношения осей аверса и реверса, а наблюдаются, как и на других монетах Павла I, лишь довольно редкие случаи небольшой неточности в установке штемпелей.

Таким образом, инициативы О. Мейджера в массовом монетном производстве были довольно быстро пресечены, причем так быстро, что рублевые монеты “ОМ” 1798 года, чеканка которых была, видимо, отнесена на последние месяцы, уже получили стандартное оформление реверса (рис. 3), хотя грубые ошибки в установке штемпелей при чеканке этих рублей еще не были устранены.

Знаком минцмейстера Мейджера “ОМ” были помечены не только серийные, но и три пробные серебряные монеты 1798 года – ефимки (полторарублевики), на которых и Петербургский монетный двор был обозначен литерами “СП”, и обе аббревиатуры были размещены с нарушением императорского повеления (рис. 4–6). Эти не принятые к массовому выпуску монеты несли на себе ряд технических новшеств, которые были внедрены в российское монетное производство лишь много лет спустя⁵.

К этим новшествам прежде всего относится чеканка монет в неразъемном гладком печатном кольце. Использование печатного кольца этого вида обеспечивалось на ефимках специальным оформлением их гурта: в одном случае это была гуртовая надпись, выполненная вдавленным шрифтом (ефимки 1798 года были первыми российскими монетами с такой гуртовой надписью); в другом случае на гурт был нанесен заглубленный растительный узор, обрамленный по краям гладкими выпуклыми

ободками (рис. 8). Применение печатных неразъемных колец при массовой монетной чеканке стало возможным в России только с 1807 года, когда на реконструированном Петербургском монетном дворе были пущены в работу монетные прессы конструкции Болтона-Дро.

Еще одним новшеством было применение широких выпуклых ободков для защиты от повреждения надписей и изображений, расположенных в центральной части аверса и реверса монеты, а также два способа защиты надписей, расположенных на этих ободках: использование для части надписей вдавленного шрифта и размещение надписей, выполненных выпуклым шрифтом, на заглубленных участках поверхности ободков (рис. 5 и 6). Нечто подобное было применено позднее на старших номиналах медных российских монет, чеканившихся с 1867-го по 1917 год (рис. 10).

Следует отметить, что ефимки 1798 года были изготовлены на очень высоком техническом уровне при точном соблюдении соотношения осей аверса и реверса.

Каких-либо биографических сведений об Осипе Мейджере, к сожалению, обнаружить не удалось. Можно только предположить, что он, судя по его фамилии (Major), да и по его имени, несомненно, переделанному на русский манер из английского “Джозеф” (Joseph)⁶, был англичанином, а его прибытие в Санкт-Петербург было связано с начавшимися в 1797 году переговорами с английским предпринимателем М. Болтоном о поставке в Россию нового оборудования для оснащения реконструируемого Петербургского монетного двора⁷. Такое предположение выглядит достаточно обоснованным еще и потому, что пробные ефимки, помеченные знаком Мейджера “ОМ”, могли быть отчеканены в 1798 году с использованием печатного кольца только в Англии на прессе конструкции Болтона-Дро, причем такие монеты могли попутно выполнять роль образцов продукции, производимой на этих прессах, поскольку именно об их закупке как раз и велись переговоры с М. Болтоном.

Штемпели ефимков были, скорее всего, изготовлены вместе с гуртильными верейками также в Англии, и вот почему. Если комплект

штемпелей одной из этих монет (рис. 4) почти в точности воспроизводил оформление российских монет массового выпуска (старших номиналов), то комплекты штемпелей двух других монет (рис. 5 и 6) имели оформление, весьма необычное для монет России того времени, но фактически повторяющее оформление медных двухпенсовиков, выпущенных в Англии в 1797 году (рис. 7): и те, и другие монеты имеют широкие защитные ободки на аверсе и реверсе с надписями, выполненными заглубленным шрифтом⁸. При этом следует особо отметить совпадение времени изготовления двухпенсовиков (1797 год) и ефимков (1798 год). К тому же в английском монетном производстве в 1790-х годах уже применялись заглубленные надписи на гурте монет (на рис. 9 представлен участок гурта английского токена 1794 года), тогда как до появления пробных ефимков 1798 года и в течение семи лет после их появления ни одна подлинная российская монета не имела такой гуртовой надписи.

При изготовлении штемпелей ефимков английские монетчики, видимо, не сочли для себя обязательным точное выполнение всех существовавших в России указаний по оформлению монет текущего выпуска (а возможно, и не знали об этих указаниях); поэтому для обозначения Петербургского монетного двора они использовали аббревиатуру “СП” (которая, кстати сказать, расшифровывается проще и понятнее, нежели “СМ”), а также разместили эту аббревиатуру и знак минцмейстера “ОМ” по своему усмотрению: в одном случае – на нижнем краю поля реверса (рис. 4), а в другом – сверху и снизу центральной надписи на реверсе (рис. 5 и 6).

Штемпели ефимков, представленных на рис. 5 и 6, были, по видимому, позднее переданы на Петербургский монетный двор, где они очень ограниченно использовались для чеканки новоделов с гладким гуртом, а также служили образцом при изготовлении гербового штемпеля для двух вариантов пробного рубля 1806-го или 1807 года (один из этих рублей представлен на рис. 11).

Приступив к работе на Петербургском монетном дворе в должности минцмейстера, Мейджер, несомненно, руководил изготовлением штем-

пелей для золотых и серебряных монет массового выпуска. При этом он просто повторил некоторые “вольности” из числа допущенных в Англии на штемпелях пробных ефимков, то есть заменил “СМ” на “СП” и разместил “СП” и “ОМ” на нижнем краю поля реверса монет старших номиналов. А вот полное отсутствие контроля с его стороны за правильностью установки штемпелей при массовой чеканке российских монет в 1798 году пока остается загадкой. Может быть, такой контроль не входил в круг обязанностей минцмейстеров на английских монетных дворах?

Но дело не только в этом: ведь монетчики Петербургского монетного двора, конечно же, сами прекрасно знали, как должны быть установлены штемпели в прессе. Следовательно, они, пользуясь бесконтрольностью, могли специально закреплять один из штемпелей в произвольном положении, чтобы тем самым подпортить репутацию почему-то не полюбившегося им англичанина. Как мы уже видели, в 1798 году они в этом вполне преуспели. В таком своеобразном “заговоре” не участвовал лишь мастер, ведавший прессом, на котором чеканились серебряные пятикопеечники.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В этом случае было бы логичнее использовать аббревиатуру “СПМ”, как это делалось на медных монетах Екатерины II и Николая I.

2. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Павла I. СПб., 1891. С. 6, док. № 10.

3. Временный банковский монетный двор использовал обозначения Петербургского монетного двора.

4. Такое использование в 1800 году штемпелей реверса 1798 года было возможно потому, что дата на пятирублевиках, рублях, полтинах и полуполтинниках 1797–1801 годов была размещена на их аверсе.

5. Подробнее о ефимках 1798 года см. в очерке “Что такое ефимок 1798 года?”.

6. *Schlickeysen F. W. A.* Erklärungen der Abkürzungen auf Münzen des neueren Zeit. Dritte auflage. Berlin und Stuttgart, 1891.

7. *Смирнов М. И.* Со знаком “СПБ”... Тольятти, 1994. С. 27.

8. По сравнению с двухпенсовиками оформление ефимков было несколько усложнено: как уже говорилось, надписи на защитных ободках ефимков были выполнены не только вдавленным, но и выпуклым шрифтом.

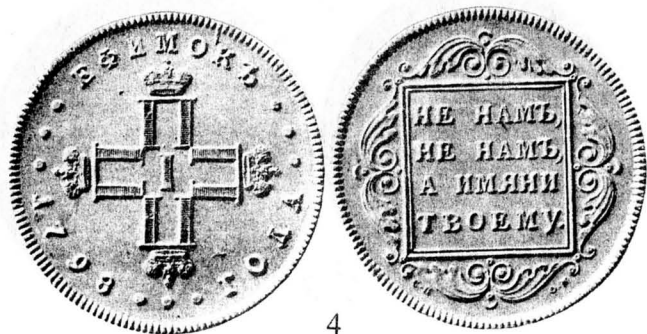
1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

ЧТО ТАКОЕ ЕФИМОК 1798 ГОДА?

Из русских общегосударственных монет XVIII–XIX веков четыре пробные монеты имеют необычные для русской монетной системы обозначения номинала: это золотые монеты 1895 года достоинством в 15, 10 и 5 русов и серебряный ефимок 1798 года. Если полная тождественность руса с рублем не вызывает никакого сомнения, то вопрос о соотношении с рублем ефимка 1798 года достаточного освещения в литературе по русской нумизматике не получил.

Как известно, “ефимками” на Руси называли западноевропейские талеры, имевшие хождение во многих регионах страны вплоть до XVIII века одновременно с отечественными монетами, а также широко использовавшиеся в качестве сырья для чеканки русской монеты. В 1654–1655 годах была предпринята попытка перечеканки талеров в русские “рублевые ефимки”, а также надчеканки их специальными клеймами (“ефимки с признаком”). При проведении Петром I денежной реформы западноевропейский талер послужил образцом (в отношении монетной стопы и пробы сплава) для серебряного русского рубля, причем встречаются рубли 1704–1705 годов, носящие следы прямой перечеканки их из талеров. Все это дает основание предположить, что и ефимок 1798 года также тождественен рублю. Именно к такому выводу приходит Ф. Ф. Гейтц в своей работе “Ефимки”¹, посвященной роли талера в русском денежном обращении, прямо называя эту монету “ефимком-рублем” и утверждая, что “попытка Павла I с ефимком была, в сущности, повторением петровского рубля, тоже равного талеру”.

В настоящее время еще не найдены документы, позволяющие однозначно установить причины и цели разработки в 1798 году проекта выпуска ефимок, однако анализ монетной чеканки последних лет XVIII века позволяет сделать на этот счет некоторые предположения и выводы.

Пробный ефимок 1798 года был отчеканен в трех вариантах, различающихся между собой оформлением как лицевой, так и оборотной сто-

роны (рис. 1–3), и с тремя видами гуртового оформления. На сегодня известны:

монеты первого (рис. 1) и второго (рис. 2) видов с гуртовой надписью;

монеты второго (рис. 2) и третьего (рис. 3) видов с узорным гуртом (рис. 4);

новодельные монеты первого (рис. 1) и второго (рис. 2) вида с гладким гуртом.

Все три варианта ефимка в главных чертах сохраняют монетный тип лицевой и оборотной сторон рублей, полтин и полуполтинников массового выпуска 1797–1801 годов (рис. 6). Чем же было вызвано введение на этой монете такого необычного обозначения номинала, как “ефимок”, если, согласно утверждению Гейтца, она имела по-прежнему рублевое достоинство? Видимо, с ефимками 1798 года дело обстояло не так просто, как это представлено в работе Гейтца.

Став императором в 1796 году, Павел I начал свою деятельность с отмены ряда мероприятий, проводившихся правительством Екатерины II, в том числе и в монетном деле. Одним из решений нового правительства была прекращена чеканка рубля с лигатурной массой в 24 г из серебра 72-й пробы (18 г чистого серебра) и вместо него начата чеканка рубля с лигатурной массой в 29,25 г из серебра 83½ пробы (28,39 г чистого серебра). На лицевой стороне нового рубля, датированного 1796 годом, но выпущенного в обращение в 1797 году, помещался гербовый орел (рис. 5), который в дальнейшем был заменен монограммой Павла I (рис. 6). Выпуск такого рубля был узаконен правительственным манифестом от 20 января 1797 года².

Монетная стопа и проба сплава рубля нового образца были выбраны не случайно: они полностью соответствовали стопе и пробе так называемого “альбертова” талера, наиболее полноценного из всех западноевропейских талеров, только что принятого за образец для монетной системы Пруссии. Причин такого заимствования могла быть две: либо Павел I просто задался целью, как считал И. Г. Спасский, “...переделать русские

монеты на немецкий лад ³, либо русское правительство намеревалось этой мерой ввести русские монеты в разряд монет, обращавшихся в Западной Европе, с целью упрощения внешнеторговых операций, таможенных расчетов и так далее. Однако попытка перевода русского серебряного рубля на монетную стопу и пробу “альбертова” талера потерпела полный провал, и в 1797 году чеканка рублей нового образца была прекращена. Причиной этого послужили следующие обстоятельства.

Ввиду острого недостатка отечественного серебра русская казна была вынуждена скупать в значительных количествах западноевропейские талеры с целью использования их в качестве сырья для чеканки русской монеты. Если проследить часто колебавшуюся цену талеров, покупавшихся русской казной, а также расценку талеров при взимании пошлины с иностранцев, то окажется, что к концу 1797 года “альбертов” талер оценивался в среднем по 1 руб. 40 коп. серебром за штуку. Основываясь на действительном соотношении количества чистого серебра в рубле образца 1762–1796 годов (рис. 8) и в “альбертовом” талере, такая расценка обеспечивала закупку талеров без какого-либо ущерба для русской казны. С появлением же рублей образца 1797 года это положение резко нарушилось.

Действительно, для выпуска рублей нового образца в количествах, обеспечивающих доминирующее положение этих монет в денежном обращении страны, требовалось значительное время, в течение которого основной монетой продолжал оставаться рубль образца 1762–1796 годов, а это, в свою очередь, не позволяло правительству сразу же привести расценку талера в соответствие с действительным достоинством нового рубля (чего в итоге так и не было сделано). В результате сложилась обстановка, когда при сохранении прежней расценки “альбертова” талера в обращении появилась монета рублевого номинала, отличавшаяся от талера только внешним оформлением. Следовательно, имелась возможность приобрести рубли нового образца по их нарицательной цене, перечековать их в талеры и продать русской казне по 1 руб. 40 коп. за штуку, а при таких условиях вполне естественно было ожидать массового выво-

за за границу и перечеканки рублей образца 1797 года, поскольку такая, по существу, несложная операция обещала почти сорокапроцентную прибыль. Правда, рубль с орлом (рис. 5), выпущенный в сравнительно небольших количествах, не имел обозначения номинала, чем обеспечивалась возможность временно, до изъятия из обращения основной массы рублей образца 1762–1796 годов, законодательным порядком установить для него нарицательную цену в 1 руб. 40 коп. Однако этого сделано не было, а на рубле 1797 года с монограммой (рис. 6) нарицательная цена была уже обозначена.

Учитывая реальную угрозу нанесения казне значительных убытков, правительство Павла I было вынуждено отменить чеканку рублей образца 1797 года и ввести новую монетную стопу для серебряной монеты: согласно правительственному манифесту от 3 октября 1797 года⁴, вновь вводимый рубль должен был иметь лигатурную массу в 20,73 г при пробе сплава 83½, что соответствует содержанию в монете 18 г чистого серебра. Таким образом, рубль образца 1798 года, сохранив оформление аверса и реверса рубля 1797 года (рис. 6), по содержанию чистого серебра стал равным рублю образца 1762–1796 годов (рис. 7), чем подтверждалась существовавшая покупная цена на “альбертов” талер и аннулировалась возможность аферы с русскими серебряными рублями.

С проведением этого важного мероприятия как раз и совпадает разработка проекта выпуска новой крупной серебряной монеты с обозначением номинала “ефимок”.

Как следует из надписи на оборотной стороне двух вариантов ефимка 1798 года (рис. 1, 2), сплав, из которого они были отчеканены, имеет 83½ пробу. Какова же лигатурная масса ефимка 1798 года? Взвешивание известных автору экземпляров этой монеты дает следующие результаты:

экземпляры Государственного Эрмитажа: инв. № 11119 (см. рис. 1) – 30,59 г; инв. № 11121 (см. рис. 2) – 33,62 г; инв. № 11122 (см. рис. 2) – 30,90 г; инв. № 11120 (см. рис. 3) – 31,54 г;

экземпляры Государственного Исторического музея: КП № 1605607 (рис. 1) – 31,32 г; КП № 1602785 (рис. 3) – 31,30 г;

экземпляр, находящийся в частной коллекции (рис. 2), – 30,48 г;

экземпляр, опубликованный в Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича ⁵ за № 28 (рис. 2), – 29,86 г (опубликованные в Корпусе еще два экземпляра ефимка (№№ 26 и 27) находятся в собрании Государственного Эрмитажа).

Вычисленная по этим данным средняя лигатурная масса ефимка получается равной 31,20 г, а масса чистого серебра – 27,08 г. Но аналогичные сведения можно получить также и в результате расшифровки гуртовой надписи, которая помещена на некоторых экземплярах этой монеты и имеет следующее содержание: “V · ДОСТОИНСТВО · 54 · И · 3 ЧЕТ-ВЕРТИ · ШТИВЕРА”.

В правительственном манифесте от 3 октября 1797 года, кроме пробы сплава и монетной стопы рубля образца 1798 года, указано его “внутреннее достоинство” – 36½ штивера. Гуртовая надпись на ефимке тоже содержит сведения о “достоинстве” этой монеты – 54¾ штивера, однако в отличие от манифеста здесь нет слова “внутреннее”, а вместо него в начале надписи стоит литера “V”.

Что же представляет собой “внутреннее” достоинство монеты и почему оно выражалось в штиверах? Скорее всего, появление этого понятия в манифесте было связано с решительным намерением правительства Павла I вывести русский серебряный рубль на западноевропейский рынок. Дело в том, что определение достоинства монет по их нарицательной цене приемлемо только для денежного обращения внутри страны. Неприемлемость расчетов по нарицательной цене монет при международных платежах была обусловлена не столько несовместимостью русской монетной системы с системами стран Западной Европы, сколько тем, что проводившиеся в России на протяжении XVIII века неоднократные изменения монетной стопы и пробы серебряных монет привели к сосуществованию в обращении монет с различным содержанием серебра в пределах одного номинала. Поэтому требовался эквивалент для пересчета русского рубля в валюту любой западноевропейской страны. Таким эквивалентом и было “внутреннее” достоинство монеты, являвшееся не

чем иным, как ценой заключенного в ней чистого серебра, а для выражения этой цены была выбрана одна из западноевропейских денежных единиц – штивер, составляющий $\frac{1}{20}$ часть гульдена.

Остается установить идентичность записи в манифесте от 3 октября 1797 года и гуртовой надписи на ефимке. Качественное их различие состоит в замене слова “внутреннее” литерой “V”. Нам представляется, что эта литера обозначает английское слово “veritable” – “истинный”⁶, причем формула “истинное достоинство монеты” не только полностью соответствует понятию “внутреннее достоинство”, но и более точно выражает существо вопроса. А если это так, то цена чистого серебра, содержащегося в ефимке, ровно в полтора раза превышает цену чистого серебра, заключенного в рубле образца 1798 года. Следовательно, количество чистого серебра в ефимке составляет 27 г, а лигатурная масса этой монеты при $83\frac{1}{2}$ пробе равна 31,10 г, что практически полностью совпадает с результатами взвешивания.

Теперь со всей очевидностью обнаруживается несостоятельность предположения Гейтца о том, что ефимок 1798 года является рублем, отчеканенным по весовой норме талера. Таким рублем, как уже говорилось, является рубль образца 1797 года с лигатурной массой в 29,25 г. Если же считать, что ефимок также имеет рублевое достоинство, то его монетная стопа окажется равной 13 руб. 15 коп. из фунта легированного серебра вместо 14-рублевой стопы “альбертова” талера. Трудно предположить, что правительство Павла I по какой-то причине решило в 1798 году возобновить столь неудачную попытку 1797 года с переводом рубля на талерную стопу, да еще с увеличением лигатурной массы новой монеты против массы “альбертова” талера в совершенно непонятной пропорции.

Если же сопоставить весовые характеристики ефимка 1798 года с соответствующими характеристиками рубля образца 1798 года, то становится совершенно очевидным, что ефимок имеет полуторарублевое достоинство. Кстати, об этом упоминает, хоть и вскользь, в одной из своих работ П. Винклер⁷.

Какую же цель преследовало правительство Павла I при разработке проекта выпуска ефимков? По-видимому, ту же, что и при выпуске рублей образца 1797 года – включение в денежное обращение России монеты, которая могла бы иметь выход на западноевропейский рынок. Об этой направленности проекта свидетельствуют и специфическое обозначение номинала монеты, произошедшее в свое время от первоначального названия талера “иоахимс-талер”, и близкое к “альбертову” талеру значение лигатурной массы ефимка, и наличие в гуртовой надписи сведений о его внешнеторговом эквиваленте, и, наконец, использование пробы сплава “альбертова” талера. В то же время проект был избавлен от тех просчетов, которые были допущены при выпуске рублей образца 1797 года: имея полуторарублевое достоинство, не нарушавшее к тому же десятичный принцип русской монетной системы, ефимок не давал никакой выгоды от перечековки его в талер, а некоторое превышение над “альбертовым” талером по количеству чистого серебра обеспечивало ему необходимое доверие на внешнем рынке.

Как известно, проект выпуска ефимков не был реализован. Этому помешало, видимо, последовавшее вскоре значительное снижение покупной цены на западноевропейский талер. Однако опыт разработки серебряной монеты полуторарублевого достоинства, предпринятый в 1798 году, не пропал даром и был использован в дальнейшем при организации массового выпуска монет с двойным (русским и польским) обозначением номинала. В числе монет этой серии имеется серебряная монета достоинством в 1½ рубля – 10 злотых, чеканившаяся с 1833-го по 1841 год (рис. 8) и в точности соответствовавшая ефимку 1798 года по лигатурной массе и пробе сплава. Массу и пробу ефимка имеют еще два полуторарублевика: донативный “семейный” 1835–1836 годов (рис. 9) и мемориальный 1839 года с Бородинским памятником-часовней (рис. 10).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Гейтц Ф. Ф.* Ефимки. М., 1913. С. 41.

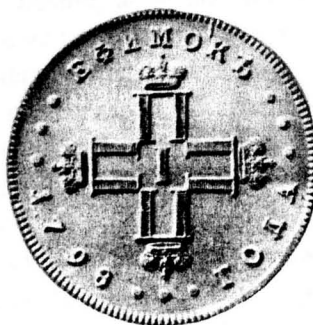
2. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ), № 17748.
3. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Л., 1962. С. 206.
4. ПСЗ, № 18178.
5. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Павла I. СПб., 1890. С. 32.
6. Первоначально предполагалось, что литера “V” обозначает латинское слово “verus” – “истинный”. Однако было выяснено, что наиболее вероятным местом и чеканки ефимков, и изготовления их штемпелей является Англия (см. очерк “Минцмейстер Осип Мейджер”), а потому литеру “V”, скорее всего, следует считать начальной буквой английского слова “истинный” – “veritable”.
7. *Винклер П.* Монетное дело при Павле I. СПб., 1897. С. 36.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

ПРОБНЫЕ МЕДНЫЕ МОНЕТЫ 1810 ГОДА

В конце первого десятилетия XIX века в России назрела настоятельная необходимость уменьшения весовой нормы общегосударственных медных монет, чеканившихся по стопе 16 рублей из пуда меди и служивших разменным средством при ассигнациях, курс которых неуклонно снижался. Первые свидетельства поисков новой, экономически обоснованной, монетной стопы относятся к 1809 году (пятаки 16-рублевой стопы, надчеканенные клеймами десятикопеечника), в 1810 году эти поиски были продолжены (двухкопеечник 16-рублевой стопы, надчеканенный клеймами трехкопеечника), и в том же году, согласно Манифесту от 29 августа 1810 года ¹, была начата массовая чеканка общегосударственных медных монет по вновь утвержденной, 24-рублевой монетной стопе.

Тем не менее, в 1810 году появляются пробные медные монеты, отчеканенные по старой, 16-рублевой, стопе, но имевшие совершенно новое и значительно улучшенное внешнее оформление. Можно предположить, что эти монеты были отчеканены на Петербургском монетном дворе по указанию какого-то весьма влиятельного противника введения новой весовой нормы для медных монет, однако мотивировка такого демарша остается пока неизвестной, поскольку никаких документов, могущих внести ясность в этот вопрос, до настоящего времени не обнаружено.

Появление пробных медных монет 1810 года вызывает недоумение по целому ряду причин. Прежде всего, это явное пренебрежение несомненной экономической целесообразностью перевода в 1810 году общегосударственных медных монет на пониженную весовую норму (повышенную монетную стопу). Другим совершенно непонятным обстоятельством является значительное усложнение их внешнего оформления.

Набор пробных медных монет 1810 года состоит из двухкопеечника (рис. 1), основного варианта копейки (рис. 2) и ее дополнительного варианта (рис. 3); имеется также третий вариант копеечной монеты (рис. 4), но о нем будет сказано несколько позднее.

При рассмотрении внешнего оформления этих монет сразу же обращает на себя внимание тот факт, что аверс двухкопеечника 1810 года оттиснут портретным штемпелем – этот штампель с портретом императора Александра I работы гравера К. Леберехта использовался в 1806–1807 годах при изготовлении нескольких пробных образцов серебряного рубля (один из них представлен на рис. 7) и целого ряда новодельных рублей. А штампель реверса двухкопеечника был изготовлен с помощью рабочего маточника (с изображением гербового орла), с которого переводились штампели аверса серийных рублей 1807–1810 годов (рис. 8); да и вся композиция реверса двухкопеечника почти полностью скопирована с композиции аверса серийных рублевиков.

Основной вариант копейки 1810 года (рис. 2) имеет на аверсе вместо портрета императора его вензель, а реверс этой монеты является уменьшенной копией реверса двухкопеечника; изображение гербового орла переведено на штампель реверса этой копейки с рабочего маточника, использовавшегося для изготовления штампелей аверса серийных серебряных полтин 1809–1810 годов (рис. 9). Что же касается дополнительно варианта копейки (рис. 3), то при сохранении на его аверсе вензеля императора его реверс был практически полностью скопирован с реверса серийной медной копейки Екатеринбургского монетного двора 1804–1805 годов чеканки (рис. 10).

Таким образом, на первых порах, при наличии готовых портретных и гербовых рабочих маточников, массовая чеканка медных монет по образцам 1810 года вроде бы не составляла большой сложности. Однако после того как потребовалось бы вырезать новые формы с портретом императора взамен изношенных², себестоимость массовой чеканки портретных двухкопеечников (в условиях отсутствия серийной чеканки портретных рублей) должна была резко возрасти, а это привело бы к существенному сокращению доходов государства от эксплуатации монетной регалии. И тут возникает вполне естественный вопрос: а с какой целью надо было усложнять внешнее оформление монет, чеканка которых должна была производиться по стопе в 16 руб. из пуда меди?

Как известно, в XVIII веке неоднократно предпринимались попытки усложнить внешнее оформление медных монет, вплоть до применения портретных штемпелей. Единственной целью этих мер было стремление защитить медные монеты от подделки, затруднив работу фальшивомонетчиков. Но пробные портретные медные монеты (двухкопеечники Анны Иоанновны и Ивана Антоновича, копейки Елизаветы Петровны) так и не были утверждены для массовой чеканки, а любые другие усложнения оформления, которые вводились в серийном производстве медных монет, никогда не предотвращали подделок, если высокая монетная стопа этих монет (например, 40 руб. из пуда меди) обеспечивала фальшивомонетчикам достаточно большую прибыль. Что же касается медных монет, чеканившихся в XVIII и XIX веках по стопе в 16 руб. из пуда, то их подделка фактически не наблюдалась, во всяком случае, никогда не приобретала угрожающих размеров. Поэтому усложнение внешнего оформления на пробных медных монетах 1810 года представляется не только экономически невыгодным, но и совершенно бесцельным, а простое украшательство монет за счет снижения государственных доходов ни при каких обстоятельствах не могло получить одобрения со стороны правительства.

Следует также отметить, что пробные монеты 1810 года имеют не только существенно измененный внешний вид лицевой и оборотной сторон по сравнению с ранее выпускавшимися медными монетами: их гурт также имеет совершенно необычное оформление, не встречающееся ни на одной российской монете. Как видно на рис. 5, центральную часть гурта этих монет занимает овальная канавка, имеющая косую насечку, схожую с винтовой нарезкой, а по бокам канавки расположены гладкие кольцевые участки, обеспечивающие чеканку монеты в гладком неразъемном печатном кольце. Гуртильную верейку, с помощью которой наносилась на гурт подобная «винтовая» канавка, можно было, видимо, изготовить, только переведя ее со специальной формы, а эта последняя могла быть получена в результате оттиска на незакаленной заготовке винтообразного стержня; нечего и говорить, что все эти операции еще больше

увеличивали стоимость серийного производства медных монет предлагавшегося образца.

Из одиннадцати пробных монет 1810 года, имеющих в фондах Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея, только три двухкопеечника имеют полноценное гуртовое оформление, а на гурте еще одного двухкопеечника и копейки дополнительного варианта (рис. 3) “винтовая” канавка оттиснута лишь фрагментарно.

Совершенно особый след (рис. 6) имеется на гурте трех экземпляров копейки основного варианта (рис. 2). Что представляет собой такой след, определить достаточно трудно. Дело в том, что при чеканке этих трех монет имел место перекосящий штемпелей (была нарушена параллельность рабочих поверхностей штемпеля аверса и штемпеля реверса), а рассматриваемый след всегда расположен в зоне наибольшего сжатия монетного кружка. Поэтому весьма вероятно, что здесь имело место своего рода “сморщивание” поверхности гурта, а перекосящий штемпелей свидетельствует о том, что эти монеты были отчеканены без использования печатного кольца.

Остальные три монеты 1810 года из указанных музейных собраний (двухкопеечник, копейка основного варианта и копейка, представленная на рис. 4) имеют гладкий гурт; согласно имеющимся сведениям³, гладкий гурт встречается и на копейках дополнительного варианта.

Отсутствие сколь-нибудь обоснованной причины появления необычных медных монет 1810 года, а также использование готового портретного штемпеля при чеканке двухкопеечников и готовых рабочих маточников для изготовления гербовых штемпелей двухкопеечника и копейки вызывает вполне законный вопрос: а не являются ли все эти монеты всего-навсего фантастическими новоделами? Ведь очень похожих новоделов, имитирующих пробные серебряные рубли Александра I, известно великое множество. Однако такое предположение опровергается наличием новоделов, имитирующих сами монеты 1810 года: ведь обширная практика фабрикации в России новоделных монет не знает ни одного случая, чтобы на каком-либо государственном монетном дворе (а только

там чеканились действительно новодельные монеты) был изготовлен новодел, копирующий, хотя бы отдаленно, не подлинную монету, а ранее изготовленный новодел. В нашем же случае портретный двухкопеечник 1810 года послужил образцом для двух вариантов совершенно фантастического новодельного портретного двухкопеечника, датированного 1802 годом (рис. 11, 12), а дополнительный вариант копейки 1810 года (рис. 3) – образцом для не менее фантастического новодельного вензельного двухкопеечника 1802 года (рис. 13); у основного же варианта копейки (рис. 2) появилась довольно точная новодельная копия (рис. 14). При этом аверс первого двухкопеечного новодела (рис. 11) был отчеканен штемпелем аверса пробного рубля 1801 года, использовавшимся также для чеканки новодельных рублей, аверс второго двухкопеечного новодела (рис. 12) – штемпелем, использовавшимся при чеканке только новодельных рублей, а аверс третьего новодельного двухкопеечника (рис. 13) – штемпелем аверса наградной медали 1804 года “За труды и храбрость при взятии Ганджи”. Реверс же всех трех этих новоделов был оттиснут одним и тем же штемпелем, специально изготовленным для чеканки новодельных двухкопеечников обычного образца; оттиск этого штемпеля на реверсе третьего новодела поместился не полностью из-за малого размера кружка, ограниченного размером медального штемпеля.

Но документы, приведенные в статье В. В. Бартошевича ⁴, свидетельствуют о том, что Петербургский монетный двор чеканил новоделы еще одного вида – с использованием подлинных штемпелей пробных монет 1810 года. К таким новоделам, скорее всего, относятся экземпляры двухкопеечника и копеек 1810 года с гладким гуртом, причем несомненным новоделом, видимо, следует считать третий вариант копейки (рис. 4), для чеканки которого использовался комплект, искусственно составленный из штемпелей реверса основного и дополнительных вариантов копейки. Именно поэтому и обозначение номинала, и дата оказались продублированными на обеих сторонах этого варианта, что совершенно не свойственно оформлению российских монет начала XIX века. К тому же, согласно имеющимся сведениям, не известно ни одного экземпляра такой

копейки, имеющего на гурте какие-либо следы, свидетельствующие хотя бы о попытке его гурчения. Наконец, если двухкопеечник, а также основной и дополнительный варианты копейки 1810 года стали известны нумизматам с 1836 года (были опубликованы в каталоге Шодуара⁵), то третий вариант копейки был опубликован Шубертом⁶ только двадцать с лишним лет спустя, в 1857 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный свод законов Российской империи, № 24334.
2. В 1810 году на серийных рублях и полтинах был изменен рисунок гербового орла, однако нет сомнения в том, что автор проекта медных монет 1810 года внес бы соответствующие коррективы в оформление гербовых сторон этих проб, чтобы обеспечить использование для изготовления их штемпелей рабочих маточников серийных рублей и полтин нового образца.
3. *Гиль Х. Х., Ильин А. А.* Русские монеты, чеканенные с 1801 по 1904 г. СПб., 1904. С. 85.
4. *Бартошевич В. В.* К вопросу о судьбе монетных штемпелей С. Петербургского монетного двора и истории изготовления ими новоделов // Новейшие исследования в области нумизматики. – Нумизматический сборник. Ч. XIII. Труды ГИМ. М., 1998. Вып. 98. С. 308.
5. *Шодуар С. И., де.* Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. Ч. 2. СПб., 1836. С. 47, монеты № 2 и 3; С. 49, монета № 5.
6. *Schubert T. F.* Monnaies Russes des Derniers Trois Siecles. Leipzig, 1857, монета № 926.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

ДВЕ ЗАГАДОЧНЫЕ РОССИЙСКИЕ МОНЕТЫ

Пробные серебряные рубль и полтина с портретом императора Николая I, датированные 1845 годом и известные среди нумизматов как “рейхелевские” (рис. 1, 2), стоят в ряду наиболее редких монет России. В Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича¹ описание пробного рубля 1845 года содержит следующую краткую справку: “...Рейхель его проектировал и, кажется, даже сам резал” (то есть резал штемпели для его чеканки. – В. У.). Там же приведена запись из каталога Я. Рейхеля (на немецком языке), относящаяся к этой монете: “Рубль, отчеканенный в качестве пробы на станке, изобретенном Дро², в разъемном кольце³, с выпуклым гуртом (то есть с выпуклой гуртовой надписью. – В. У.), не получивший, однако, одобрения”. Никаких других сведений о “рейхелевских” рубле и полтине пока не обнаружено, а между тем остаются невыясненными как причина их появления, так и некоторые особенности их внешнего оформления.

Действительно, почему эти монеты не имеют обозначения номинала, хотя по пробе серебра, лигатурной массе и габаритным размерам они точно соответствуют рублю и полтине массового выпуска 1845 года? Почему гуртовая надпись на них выполнена выпуклым шрифтом, от которого полностью отказались еще в 1807 году? Как случилось, что в гуртовой надписи на полтине указан вес рубля, вдвое превышающий ее фактический вес? Почему эти серебряные монеты, отчеканенные в 1845 году, несут на себе разновидность государственного герба, помещавшуюся только на медных монетах 1849–1858 годов? На все эти и некоторые другие вопросы в лучшем случае пока можно ответить лишь предположительно, что мы и попытаемся сделать.

Начнем с того, что обозначенная на “рейхелевских” рубле и полтине дата соответствует двадцатой годовщине царствования императора Николая I. Как известно, к десятилетию его царствования был, несомненно, приурочен выпуск портретного “семейного” полуторарублевика 1835 года (рис. 3), так что Я. Рейхель вполне мог воспользоваться 20-летним

юбилеем в качестве предлога для последней попытки осуществить свою давнишнюю мечту – добиться возобновления чеканки портретных монет, прервавшейся еще при императоре Павле I. Первая попытка, предпринятая Рейхелем в этом направлении, – “константиновский” рубль 1825 года (рис. 4) – не была реализована вследствие отречения великого князя Константина Павловича от престола, а вторая – пробный рубль 1827 года (рис. 5) – была по какой-то причине решительно пресечена императором Николаем I⁴.

Итак, по времени чеканки “рейхелевские” монеты 1845 года вполне могли быть памятными. В пользу такого предположения свидетельствуют еще два обстоятельства. Во-первых, эти монеты, как уже говорилось, не имеют обозначения номинала. Столь необычное для XIX века оформление имеет еще только одна монета этого времени – памятный рубль 1841 года (рис. 6-а), выпущенный по случаю бракосочетания наследника престола – будущего императора Александра II. Правда, такая особенность рубля 1841 года была вынужденной, поскольку на этой “медальной монете” была сохранена композиция аналогичной памятной медали (рис. 6-б), и там просто негде было разместить слово “РУБЛЬ”. Но ведь Рейхель проектировал монеты 1845 года заново и, следовательно, имел полную возможность разместить обозначение номинала на их реверсе. Поэтому можно предположить, что он не сделал этого преднамеренно, подражая оформлению предшествующей памятной монеты.

Во-вторых, и об этом тоже говорилось, обе “рейхелевские” монеты снабжены выпуклой гуртовой надписью. Такое оформление гурта для монет, которые должны были длительное время находиться в обращении, уже давно было признано нежелательным (ввиду быстрого стирания и частого повреждения ничем не защищенных букв и цифр), а потому в 1807 году выпуклая гуртовая надпись на российских серебряных монетах⁵ была заменена вдавленной. Возврат в 1845 году к использованию в гуртовой надписи выпуклого шрифта может быть объяснен лишь тем, что монеты с таким оформлением гурта изначально предназначались для того, чтобы

их хранили как реликвии, а не использовали в качестве обычного платежного средства. К тому же необходимо отметить, что гуртовые надписи на “рейхелевских” рубле и полтине выполнены с большим изяществом, и это резко отличает их от гуртовых надписей на монетах массового выпуска, чеканившихся до 1805 года. Эти необычные надписи образованы очень четкими, небольшого размера, выпуклыми буквами и цифрами, просторно расположенными на идеально ровной цилиндрической поверхности гурта, окантованы по краям гурта точечными ободками и несомненно являются очень заметным и впечатляющим элементом художественного оформления монеты. Во всяком случае, с такими надписями не выдерживают никакого сравнения вдавленные гуртовые надписи, которые в процессе обращения монет обычно заполняются грязью.

В свете всего сказанного совершенно неразрешимой представляется загадка гуртовой надписи на “рейхелевских” полтинах. Если содержание надписи на гурте “рейхелевских” рублей полностью соответствует стандартному для рублевиков 1810–1885 годов тексту, то на “рейхелевских” полтинах вместо нормативного веса полтинной монеты (2 золотника $41\frac{7}{25}$ доли) указан нормативный вес рублевой монеты (4 золотника $82\frac{14}{25}$ доли). Как могла появиться и остаться незамеченной такая грубая ошибка на монете, которой, по всем признакам, отводилась весьма престижная роль? Конечно, можно не сомневаться, что в случае, если бы “рейхелевские” монеты были приняты к массовому выпуску, эта ошибка была бы немедленно устранена.

Оценивая художественные достоинства “рейхелевских” монет 1845 года, нельзя также не обратить внимания на исполнение Я. Рейхелем портрета (особенно на рублевой монете): это один из лучших портретов Николая I в пластике малых форм, и он, несомненно, превосходит другие портреты этого императора, помещавшиеся на монетах – работы П. Уткина (рис. 3), работы А. Лялина (рис. 7), а также выполненный самим Рейхелем портрет на пробном рубле 1827 года (рис. 5).

Таким образом, очень многое свидетельствует о том, что Я. Рейхель, в то время ведущий медальер Петербургского монетного двора, действи-

тельно мог спроектировать портретные рубль и полтину 1845 года как памятные монеты, приуроченные к 20-й годовщине царствования императора Николая I. Что же касается создания двух памятных монет различного номинала, посвященных одному и тому же событию, то такой опыт в России уже был: достаточно вспомнить “бородинские” рубль и полторапятирублевик 1839 года (рис. 8, 9).

Еще одной загадкой “рейхелевских” монет 1845 года является помещенный на их реверсе государственный герб Российской империи. Дело в том, что герб на этих монетах существенно отличается от герба, официально учрежденного в 1832 году ⁶ и до 1858 года помещавшегося на всех монетах массового выпуска из золота, платины и серебра. Отличие это заключается в составе комплекта из шести территориальных гербов, размещенных на крыльях гербового орла: у серийных монет этот комплект состоит из гербов Царства Казанского (рис. 10), Царства Астраханского (рис. 11), Царства Сибирского (рис. 12), Царства Польского (рис. 13), Царства Херсонеса Таврического (рис. 14) и Великого княжества Финляндского (рис. 15), а на “рейхелевских” монетах гербы трех территорий, сравнительно недавно присоединенных к России (Польша, Крыма и Финляндии – рис. 13, 14, 15), заменены гербами исконно русских земель – Великих княжеств Новгородского (рис. 16), Киевского (рис. 17) и Владимирского (рис. 18). Фактически Рейхель воспроизвел на пробных монетах 1845 года герб, который был изображен еще на государственной печати царя Петра Алексеевича (рис. 19). А спустя четыре года после появления “рейхелевских” монет, в 1849 году, был начат массовый выпуск медных российских монет нового образца (рис. 20), снабженных государственным гербом той же разновидности, хотя и с иным рисунком гербового орла.

Аналогичный случай имел место и семнадцатью годами раньше. Герб образца 1832 года (с гербами Казани, Астрахани, Сибири, Польши, Крыма и Финляндии) впервые появился на трехрублевых платиновых монетах еще в 1828 году (рис. 21), то есть за четыре года до официального учреждения этого герба. Автор проектного рисунка трехрублевой моне-

ты в дошедших до нас документах не упоминается, но ее гербовая сторона до мельчайших деталей идентична гербовой стороне платинового шестирублевика (рис. 22), автор проектного рисунка которого хорошо известен: согласно донесению вардейна Петербургского монетного двора от 7 октября 1829 года⁷, им был Якоб Рейхель.

Эти два случая не оставляют сомнения в том, что Рейхель принимал непосредственное и активное участие в разработке предложений по модернизации государственного герба Российской империи, а пробные монеты 1845 года, кроме всего прочего, наглядно демонстрировали одно из таких предложений.

Как свидетельствуют документы⁸, в 1848 году Рейхель был приглашен в качестве консультанта на обсуждение оформления медных российских монет нового образца (рис. 20), однако предложенная им в 1845 году новая разновидность государственного герба не была механически перенесена на эти монеты: как уже говорилось, был существенно изменен рисунок гербового орла, а щитки с территориальными гербами (на груди и на крыльях орла), имевшие у “рейхелевских” монет форму французского геральдического щита, получили форму германского щита.

В настоящее время в отделе нумизматики Государственного Исторического музея хранятся следующие предметы, имеющие отношение к “рейхелевским” монетам 1845 года:

- экземпляр “рейхелевской” полтины;
- новодельный экземпляр “рейхелевской” полтины (рис. 23)⁹;
- комплект штемпелей “рейхелевской” полтины (рис. 24-а, 24-б).

А отдел нумизматики Государственного Эрмитажа располагает несколько иным комплектом аналогичных предметов:

- экземпляр “рейхелевского” рубля;
- экземпляр “рейхелевской” полтины (рис. 25);
- двумя одинаковыми двусторонними оловянными оттисками штемпелей “рейхелевской” полтины (один из них представлен на рис. 26).

Обследование обоих экземпляров полтины, ее серебряного новодела, оловянных оттисков и комплекта ее штемпелей, а также фотоизображе-

ния полтины, имеющегося в Корпусе русских монет¹⁰, позволило выявить одно довольно интересное обстоятельство. Оказалось, что лицевые стороны всех обследованных полтин, новодела, оловянных оттисков и фотоизображения в Корпусе не имеют никаких видимых различий и ничем не отличаются по рисунку от штемпеля аверса из комплекта, принадлежащего Историческому музею (рис. 24-а). А вот по оборотной стороне полтинные монеты и оттиски отчетливо подразделяются на две группы.

Экземпляр полтины и оловянные оттиски из собрания Эрмитажа (рис. 25, 26), несомненно, изготовлены с использованием штемпеля реверса из комплекта Исторического музея (рис. 24-б); тот же штемпель был использован и при изготовлении кустарного новодела, хранящегося в Историческом музее (рис. 23). Что же касается полтины Исторического музея и экземпляра, изображенного в Корпусе и принадлежавшего самому великому князю Георгию Михайловичу (рис. 2), то они были отчеканены с использованием другого штемпеля реверса, о чем свидетельствует целый ряд признаков, например:

- оперение крыльев гербового орла у этих двух групп монет и оттисков имеет несколько различающийся рисунок;
- крест державы расположен у них относительно нижней кромки левого крыла несколько по-иному;
- по-разному расположен конец скипетра относительно литеры “О” в слове “ЧИСТАГО” и так далее.

Поскольку два штемпеля реверса, использовавшиеся при изготовлении монет и оттисков, никаких принципиальных различий не имеют, можно уверенно считать, что второй штемпель, сохранившийся до настоящего времени (рис. 24-б), не являлся пробным, а представлял собой почти точную копию первого. Поэтому наиболее вероятно, что первоначально изготовленный, действительно пробный штемпель реверса пришел в негодность в результате чеканки подлинным комплектом штемпелей новодельных экземпляров “рейхелевской” полтины; для того, чтобы обеспечить продолжение такой чеканки, и была изготовлена копия

штемпеля реверса. Полученный в результате этого “смешанный” – наполовину подлинный, а наполовину новоделный – комплект штемпелей не только каким-то образом уцелел от уничтожения в 1847 году, когда на Петербургском монетном дворе по указанию Николая I производилась ликвидация пробных и новодельных штемпелей¹¹, но и оказался за пределами монетного двора. Возможность же спасения штемпелей от уничтожения в 1847 году подтверждается судьбой штемпелей пробного рубля 1827 года (рис. 5), использование которых для чеканки новоделов продолжалось даже в 1880-х годах¹².

Таким образом, получается, что экземпляр “рейхелевской” полтины, принадлежащий Эрмитажу (рис. 25), видимо, является новоделом, отчеканенным “смешанным” комплектом штемпелей с использованием еще сохранившегося подлинного печатного кольца. В то же время нет никакой гарантии того, что не является новоделом и экземпляр Исторического музея (рис. 2), отчеканенный подлинным комплектом штемпелей: такие новоделы, изготовленные до разрушения пробного штемпеля реверса, наверняка существуют, но отличить их от подлинных пробных монет, видимо, нет никакой возможности.

В настоящее время никаких сведений о путях поступления штемпелей “рейхелевской” полтины в Государственный Исторический музей обнаружить не удалось. Единственным возможным следом является тот факт, что в Главной инвентарной книге музея эти штемпели значатся под тем же номером, что и штемпели пробной полтины 1699 года, причем и те, и другие происходят из безномерного фонда, существовавшего в музее до 1956 года. В отношении же штемпелей 1699 года достоверно известно, что они поступили в Исторический музей из Оружейной палаты Московского Кремля.

Согласно документам, опубликованным В. В. Бартошевичем¹³, в январе 1847 года был зафиксирован факт изготовления новодельного экземпляра “рейхелевского” рубля. Маловероятно, чтобы этот факт был единичным и чтобы одновременно не изготавливались новодельные полтины. При этом чеканка рубля была выполнена, конечно же, подлинны-

ми штемпелями, а гурчение произведено с использованием подлинного печатного кольца, так что отличить от подлинных новодельные “рейхелевские” рубли, как и новодельные полтины, чеканенные подлинными штемпелями, совершенно невозможно.

Последней загадкой “рейхелевских” монет остаются причины, по которым они не были приняты к массовой чеканке и существуют лишь в виде редчайших пробных образцов или новодельных экземпляров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Николая I. СПб., 1890. С. 238, монета № 484.

2. Швейцарец Пьер Дро усовершенствовал монетный станок в 1786 году.

3. На поле гурта всех “рейхелевских” монет отчетливо видны три выпуклые вертикальные полоски, образовавшиеся в местах стыковки трех составных частей разъемного печатного кольца.

4. Штемпели портретного рубля 1827 года были забракованы Николаем I сразу же после того, как он ознакомился со снятыми с этих штемпелей свинцовыми оттисками. Поэтому ни одного подлинного пробного рубля 1827 года не существует, а все известные его экземпляры являются новоделами (см.: *Бартошевич В. В.* Об одном спорном вопросе в истории константиновского рубля // Нумизматический сборник. Ч. VII. Труды ГИМ. М., 1980. Вып. 53. С. 90–92).

5. На русских золотых монетах выпуклые гуртовые надписи никогда не использовались, а на медных они помещались лишь в XVIII веке.

6. *Лебедев В. А.* Державный орел России. М., 1995. С. 43.

7. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. С. 33, док. № 53.

8. Там же. С. 122–123, док. № 258.

9. Этот новодел “рейхелевской” полтины оттиснут на серебряном кружке штемпелями, хранящимися в Историческом музее, кустарным способом (скорее всего до 1917 года и непосредственно в самом музее), вследствие чего оттиск штемпелей получился неполным; гурт монеты

гладкий. Подобный новодел известен в единственном экземпляре.

10. *Георгий Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Табл. XXX, монета № 6.*

11. *Бартошевич В. В. О судьбе монетных штемпелей С.-Петербургского монетного двора и истории изготовления ими новоделов // Нумизматический сборник. Ч. XIII. Труды ГИМ. М., 1998. Вып. 98. С. 315.*

12. *Георгий Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 186, монета № 22.*

13. *Бартошевич В. В. Указ. соч. С. 308.*

1

2

3

4

5

6-a

6-б

7

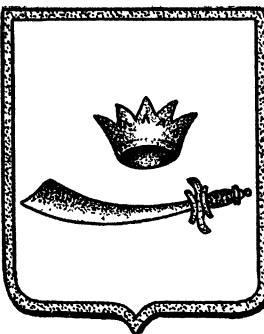
8

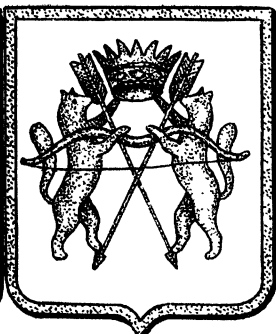
9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24-a

24-б

25

26

ЗОЛОТЫЕ РУСЫ. “ФРАНЦУЗСКИЙ СЛЕД” В РОССИЙСКОМ МОНЕТНОМ ДЕЛЕ

После воцарения императора Николая II в 1895–1897 годах в обращение стали поступать золотые монеты нового образца. По сравнению с монетами предшествующего царствования (рис. 1, 2) новые сохранили такой же набор номиналов (10 и 5 рублей), ту же монетную стопу (317 руб. 35⁶⁵/₁₂₁ коп. из 1 фунта золота) и ту же пробу сплава золота с медью (900-ю), однако их внешнее оформление претерпело существенные изменения. Во-первых, на их аверсе, конечно же, вместо портрета и имени Александра III появились портрет и имя нового императора, а во-вторых, на их реверсе была размещена замкнутая надпись вокруг гербового орла, содержащая дату чеканки монеты и обозначение номинала не только в рублях “золотом”, но и в империялах (рис. 3, 4).

Хорошо известно, что еще с 1755 года империялом в обиходе называли десятирублевую золотую монету, поскольку на впервые появившихся тогда крупных золотых монетах (в 10 и 5 рублей) существовала надпись (в несколько сокращенном виде): “ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЙСКАЯ МОНЕТА”. Но в 1895 году такое обозначение номинала впервые появилось непосредственно на самих монетах: на десятирублевике – “ИМПЕРИАЛ” и на пятирублевике – “ПОЛУИМПЕРИАЛ”.

Вместе с этими монетами массового выпуска в 1895 году появилась совершенно особая пробная серия золотых монет, имевших прямое отношение к готовившейся денежной реформе, получившей название “реформа Витте” – по имени министра финансов графа С. Ю. Витте.

Особенность этих пробных монет (рис. 5–7) заключается, прежде всего, в том, что их номинал исчислен не в исконно русских денежных единицах – рублях, а в русах. Эта новая денежная единица – русский рус – по названию была подобна французскому франку, а использование ее вместо рубля могло послужить своего рода маскировкой предусмотренного реформой Витте снижения в полтора раза веса золотых монет. И действительно, монета достоинством в 15 русов имела ту же лигатур-

ную массу (12,90 г), что и 10-рублевая монета массового выпуска 1895–1897 годов.

Пробная серия 1895 года состояла из трех номиналов – 15, 10 и 5 русов. Монеты этой серии имели 900-ю пробу золота и практически то же оформление, что и монеты 1895–1897 годов (только из круговой надписи на реверсе было исключено слово “золотом”). В частности, на русах было сохранено обозначение номинала в империалах: 15 русов имеют надпись “ИМПЕРИАЛ”, 10 русов – надпись “2/3 ИМПЕРИАЛА” и 5 русов – “1/3 ИМПЕРИАЛА”. Таким образом, появлением русов (и подобных им послереформенных золотых монет) империал из аналога 10-рублевой золотой монеты превращался в показатель весовой нормы монет, независимо от их рублевого номинала: 1 империал содержит 12,90 г золота 900-й пробы.

Еще одной особенностью русов был гладкий гурт – без каких-либо надписей или узоров.

Однако исчисление номинала российских монет в русах так и не было одобрено: серия золотых монет, чеканившихся в 1897 году (то есть в год введения в действие денежной реформы Витте), имела исчисление по-прежнему в рублях. Эта серия, состоявшая из четырех номиналов – 15 рублей, 10 рублей, 7 рублей 50 копеек и 5 рублей (рис. 8–11), – по весовым характеристикам входящих в нее монет полностью соответствовала русам и фактически являлась переходной от монет 1895–1897 годов к новым послереформенным монетам. Действительно, вес пятнадцати-, десяти- и пятирублевиков 1897 года равнялся соответственно весу монет в 15, 10 и 5 русов, и в то же время вес монет 1897 года достоинством в 15 рублей и 7 рублей 50 копеек был равен соответственно весу дореформенных десяти- и пятирублевиков.

Проба золота монет 1897 года осталась 900-й, а вот внешнее оформление их реверса полностью повторило оформление золотых монет царствования Александра III.

После 1897 года монеты достоинством 15 рублей и 7 рублей 50 копеек больше не чеканились, а десяти- и пятирублевники образца 1897 года просуществовали в неизменном виде до конца царской золотой чеканки.

Итак, редчайшие пробные монеты 1895 года достоинством в 15, 10 и 5 русов позволили оценить приемлемость веса и габаритов новых золотых монет, предусмотренных денежной реформой Витте, хотя оформление и новое название номинала этих монет проверки не выдержали.

В коллекции Государственного Исторического музея хранится полный комплект этих очень редких пробных золотых монет – русов.

Как свидетельствуют факты, к середине XIX века между Россией и Францией начинают налаживаться деловые контакты в области монетного производства. Так, в 1845 году на Парижском монетном дворе были изготовлены и переданы России в качестве образцов продукции, отечественной на монетном прессе конструкции Тоннелье, габаритно-весовые модули двух российских монет – полуимпериала (пятирублевика) и серебряного рубля (рис. 12 и 13); к сожалению, результаты последовавших за этим событий на сегодня неизвестны.

В 1861 году во Франции (на Парижском и Страсбургском монетных дворах) был выполнен заказ России на чеканку разменных серебряных монет (рис. 14–16) на общую сумму 7 млн. 725 тыс. рублей.

В 1883 году в России рассматривался очередной проект введения в обращение никелевой монеты. На этот раз проект был разработан французским акционерным обществом “Никель”; к проекту был приложен пробный никелевый трехкопеечник (рис. 17). Как и многие другие, этот проект реализован не был.

В 1896–1899 годах Францией был выполнен еще более крупный российский заказ на чеканку монет – на общую сумму 47 млн. 500 тыс. рублей. На этот раз Парижский монетный двор чеканил серебряные банковые монеты (рис. 18–20); на гурте рублей и пятидесятикопеечников из этой партии был проставлен условный знак Парижского монетного двора – пятиконечная звездочка.

А в 1902 году было отчеканено небольшое количество золотых донативных монет весьма примечательного достоинства: 37 рублей 50 копеек – 100 франков (рис. 21); по лигатурной массе, пробе золота и внешнему оформлению эти монеты были полностью идентичны еще двум донативным монетам – двадцатипятирублевикам 1896 и 1908 годов (рис. 22 и 23). Согласно сведениям, опубликованным М. И. Смирновым¹, документально подтверждается факт чеканки этих трех монет на Петербургском монетном дворе, однако в их оформлении присутствует довольно загадочная деталь: в том месте на гурте, где у золотых монет, отчеканенных Петербургским двором после 1885 года, проставляли начальные буквы имени и фамилии минцмейстера этого двора, у трех донативных монет почему-то проставлен условный знак Парижского двора – пятиконечная звездочка. До настоящего времени объяснение этого непонятного обстоятельства еще не найдено.

В подтверждение своих деловых связей Парижский и Петербургский монетные дворы в 1895 и 1896 годах даже обменялись оригинальными памятными медалями (рис. 24 и 25).

Наконец, остается напомнить, что именно во Франции был изготовлен знаменитый поддельный “константиновский” рубль, известный как “рубль Трубецкого” (рис. 26).

Как следует из всего сказанного выше, имелось достаточно оснований для того, чтобы именно по образцу французского франка было в 1895 году сочинено новое название основной русской монетной единицы – рус. Кстати сказать, еще в 1755 году была отчеканена пробная 10-рублевая монета (рис. 27), в названии номинала которой значилось: “ЕЛИЗАВЕТИН ЗОЛОТОЙ”, и образцом здесь опять послужила французская монета – луидор, то есть “золотой Луи” (на рис. 28 представлен двойной луидор).

Итак, наряду с некоторыми другими государствами Западной Европы, Франция также оставила в монетном деле России заметный след, начавшийся от резчика монетных штемпелей французского гравера Соломона Гуэна, который находился на русской службе при царе Петре; одна

из монет, отчеканенных штемпелями работы С. Гуэна, представлена на рис. 29.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. *Смирнов М. И.* К вопросу о чеканке золотых “донативов” 25-рублевого достоинства // Коллекционер. Вып. 38. М., 1997. С. 251–262.

1

2

3

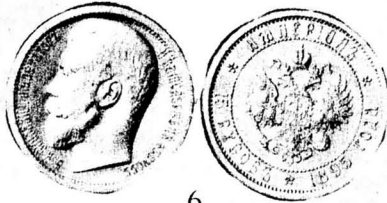

4

5

6

7

8

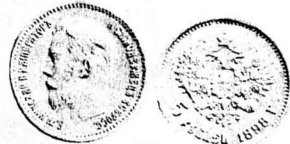
9

10

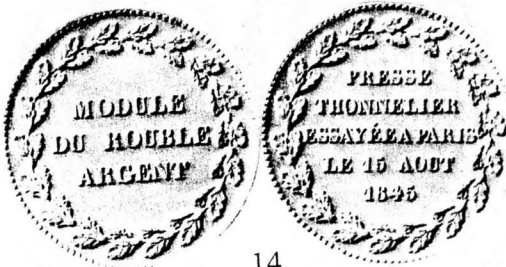
11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

О СПОСОБАХ ЧЕКАНКИ МЕДНЫХ КВАДРАТНЫХ “ПЛАТ” 1725–1727 ГОДОВ

Рассмотрение некоторых особенностей дошедших до нас односторонних медных квадратных “плат”, изготовленных в 1725–1727 годах на Екатеринбургских горных заводах, позволяет сделать определенные выводы о способах чеканки этих необычных монет. Несмотря на полное отсутствие каких-либо письменных свидетельств, становится очевидным, что в ходе производства “плат” различных номиналов в разное время использовались различные технические средства и приемы.

Из монет 1725 года в настоящее время известны рубль, полуполтина и гривна. Все эти чрезвычайно редкие монеты имеют следующие характерные признаки:

- полную идентичность рисунка гербового орла на всех четырех угловых штемпельных оттисках;
- асимметричное расположение штемпельных оттисков на поле монеты;
- следы глубокого внедрения штемпелей в тело монетной пластины;
- грубую деформацию монетной пластины у полуполтины и гривны (сильный изгиб всей пластины с выпучиванием металла под штемпельными оттисками и вокруг угловых оттисков по краям пластины).

Такие особенности, наиболее ярко выраженные на полуполтине и гривне (рис. 1), позволяют заключить, что при чеканке этих монет для нанесения четырех угловых оттисков использовался только один штемпель-гербовник (для монет каждого номинала свой), а все пять оттисков наносились на монетную пластину последовательно и без использования шаблона (кондуктора).

Что касается “плат” 1726 и 1727 годов, то они подразделяются на две группы: рубль, полтина, полуполтина и гривна имеют, как и монеты 1725 года, по пять штемпельных оттисков, тогда как пятикопеечник и копейка (рис. 2) отчеканены с использованием только одного штемпеля, перебивавшего все поле пластины.

Рубль, полтина и полуполтина 1726 года, как и монеты 1725 года, имеют полностью идентичные угловые оттиски и асимметричное расположение всех оттисков – значит, при чеканке и этих монет в 1726 году использовался только один штемпель-гербовник, а все пять оттисков наносились на пластину последовательно (и также без использования шаблона). Чеканка пятикопеечников и копеек 1726 года практически не отличалась от обычной монетной чеканки (разве что вместо второго штемпеля под монетной пластиной помещалась массивная стальная болванка), а вот особенности чеканки гривен 1726–1727 годов заслуживают особого рассмотрения.

Прежде всего, при сопоставлении между собой четырех угловых оттисков на таких гривнах обнаруживается, что гербовые орлы этих оттисков имеют хотя и малозаметные, но несомненные различия в рисунке, а это значит, что интересующие нас оттиски наносились на монетную пластину четырьмя различными штемпелями, которые вырезались вручную, а не переводились с единого маточника¹. Далее, замеры показывают, что все штемпельные оттиски на гривнах 1726–1727 годов расположены относительно друг друга строго симметрично. Наконец, еще одно обстоятельство выявляется при рассмотрении встречающихся на некоторых экземплярах этих гривен сдвоенных штемпельных оттисков. Например, в ходе чеканки монеты, представленной на рис. 3, после первого, основного, нажатия штемпелей произошло еще два легких соударения штемпелей с пластиной, причем каждому соударению предшествовал небольшой разворот пластины; и вот расположение следов от этих соударений² однозначно свидетельствует о том, что такие следы могли быть оставлены только одновременно всеми пятью штемпелями, жестко закрепленными в едином блоке.

Однако изготовить такой блок из пяти отдельных штемпелей технически достаточно сложно, а потому вместо этого, скорее всего, был изготовлен совершенно особый, комбинированный (и, видимо, сборный) штемпель с пятью раздельно выступающими и симметрично расположенными рабочими частями и одним массивным штырем, закрепляв-

шимся в подвижной части монетного пресса. Предположительный вид такого штампея представлен на рис. 4.

Если оттиски штампей действительно наносились на “платы” с использованием монетных прессов (что наиболее вероятно), то при чеканке “лат” 1725 года, а также рубля, полтины и полуполтины 1726 года должны были одновременно работать, как минимум, два пресса: в одном был закреплен штампель-гербовник, которым последовательно наносились на пластину четыре угловых оттиска, а в другом – штампель-словесник, наносивший один оттиск на центр каждой пластины. Не исключено, что штампелями-гербовниками оснащались сразу несколько прессов – с целью ликвидации простоев в работе пресса со штампелем-словесником, поскольку этот пресс должен был производить всего одно нажатие за время, требующееся для выполнения прессом со штампелем-гербовником четырех нажатий. Перед каждым рабочим ходом пресса со штампелем-гербовником монетную пластину надо было установить в новой, строго определенной позиции; поскольку эта операция выполнялась, конечно же, вручную, неизбежно возникали неточности установки, что и служило причиной асимметрии в расположении штампельных оттисков. И еще одно: пластину, после нанесения на нее либо центрального, либо угловых оттисков, приходилось транспортировать с одного пресса на другой³.

Столь сложный процесс изготовления “лат” был, несомненно, целиком заимствован (вместе с самой идеей выпуска медных квадратных монет) у шведских монет-пластин, чеканившихся на протяжении XVII–XVIII веков. Об этом свидетельствуют присущие этим пластинам уже упоминавшиеся особенности: асимметричное расположение всех пяти штампельных оттисков при полной идентичности четырех угловых, глубокое внедрение штампей в тело пластины и грубая деформация всей пластины. Как видно на фотоизображении шведской пластины 1758 года достоинством в ½ далера (рис. 6), такая технология чеканки применялась шведами на всем протяжении выпуска этих монет.

Теперь нетрудно представить, насколько возросла производительность и сократились производственные затраты (а значит – увеличились доходы государства от эксплуатации монетной регалии) после того, как для чеканки гривен был изготовлен единый комбинированный штемпель, являвшийся полностью русским изобретением. Действительно, при использовании такого штемпеля полное оформление монетной пластины достигалось за один рабочий ход пресса, а все задействованные в работе прессы, каждый из которых раньше выполнял лишь одну или несколько промежуточных операций, теперь могли сразу производить готовую продукцию, причем симметричное расположение штемпельных оттисков существенно улучшало внешний вид этой продукции. Для ускорения изготовления и для обеспечения полной идентичности угловых штампов комбинированного штемпеля екатеринбургским монетчикам оставалось только освоить опыт Кадашевского монетного двора, на котором еще в 1704–1718 годах изображение “ездеца” переводилось на штемпели медных копеек с маточника; но, видимо, на это просто не хватило времени.

Большая площадь, одновременно перекрывавшаяся пятью рабочими штампами комбинированного штемпеля, требовала большого усилия на прессе, и это обусловило сравнительно небольшое заглубление штемпельных оттисков в тело пластины (нередко на гривнах 1726 года наблюдается даже непрочеканка), а одновременное нажатие на пять участков пластины предотвращало ее сильную деформацию.

Применение комбинированного штемпеля для чеканки квадратных гривен, несомненно, явилось причиной того, что “платы” только этого номинала выпускались сравнительно большим тиражом и поступали в широкое обращение – об этом свидетельствует значительное количество дошедших до нас экземпляров гривен 1726 года⁴. Что же касается “лат” старших номиналов (рубля, полтины и полуполтины), то для их чеканки комбинированный штемпель, видимо, оказался непригодным, поскольку для одновременного нанесения на пластину пяти крупноразмерных оттисков (составлявших оформление этих монет и превосходивших гривенные оттиски по диаметру, как минимум, в полтора раза – рис. 5) про-

сто не хватало усилия, развиваемого существовавшими тогда монетными прессами (или “молотовыми снарядами”).

В процессе чеканки “плат” 1725–1727 годов всех номиналов оборотная сторона монетных пластин всегда лежала на гладкой стальной болванке. Поэтому находящаяся в собрании Государственного Эрмитажа квадратная гривна 1726 года с оттисками комбинированного штемпеля на обеих сторонах пластины могла появиться лишь в результате ошибочного попадания под штемпель оборотной стороны уже изготовленной монеты. Об этом свидетельствует тот факт, что выпуклые детали штемпельных оттисков и выпуклые участки поля на одной из сторон монеты оказались примятыми вследствие их контакта с гладкой поверхностью болванки при нажатии комбинированного штемпеля на другую сторону монеты.

Известно несколько попыток нанесения на оборотную сторону “плат” служебных клейм. Для этого на одной болванке, которая использовалась в 1726 году при чеканке некоторых гривен и копеек, было вырезано вглубь клеймо приемщика Екатеринбургских заводов Гаврилы Албычева; в процессе чеканки указанных монет это клеймо оказывалось оттиснутым на их оборотной стороне в виде четырех выпуклых литер (“ПР-ГА”). Клейма других приемщиков – Архипа Бородулина (“ПР-АБ”) и Ивана Поднебесникова (“ПР-ИП”) – выбивались на оборотной стороне гривен 1727 года специальными штампами до или после нанесения на пластину штемпельных оттисков⁵.

Остается упомянуть о мемориальной надписи, помещенной на лицевой стороне квадратного рубля 1725 года из собрания Государственного Эрмитажа: “ПЕРВАЯ ПЛАТА ИЗЪ МЕДИ ВЕРХОТУРСКИХЪ ЛЯЛИНСКИХЪ ЗАВОДОВЪ, КОТОРЫЕ СТРОЕНЫ ПРИ ВОЕВОДЕ ГОСПОДИНЕ БЕКЛЕМИШЕВЕ”. Эта надпись была вырезана на готовой монете вручную.

И последнее – о новодельных квадратных гривнах, изготовленных во второй половине XIX века и датированных 1726 годом (рис. 7). При чеканке этих монет все пять штемпельных оттисков наносились на монет-

ную пластину поочередно и асимметрично, с использованием лишь одного штемпеля-гербовника – то есть именно так, как подлинные гривны изготавливались не в 1726-м, а в 1725 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

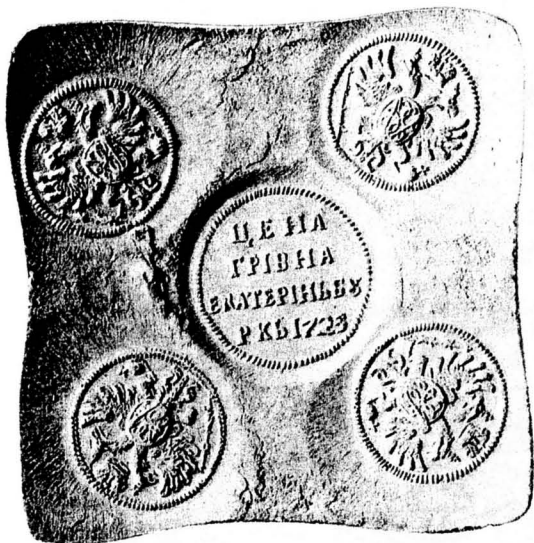
1. Этот факт в свое время был отмечен сразу несколькими коллекционерами-нумизматами.

2. Следы соударений, естественно, появились только на выпуклых участках поля монеты, образовавшихся в результате небольшого выпучивания металла вокруг основных оттисков штампов.

3. Не исключено, что для чеканки “плат” вместо монетных прессов использовались “молотовые снаряды”, и если штемпель не закреплялся в подвижной части “снаряда”, а удар наносился по штемпелю, установленному на монетной пластине, то транспортировка пластины с одного “снаряда” на другой не требовалась: вместо этого просто производилась смена штемпеля (гербовника на словесник или наоборот); очевидно, что в этом случае весь цикл чеканки “платы” мог выполняться на одном “снаряде”.

4. Гривны 1727 года были, по всей видимости, отчеканены в небольшом количестве вследствие того, что где-то в начале этого года производство “плат” было вообще прекращено; возможно, что по этой же причине не успели наладить массовое изготовление квадратных пятикопеечников и копеек.

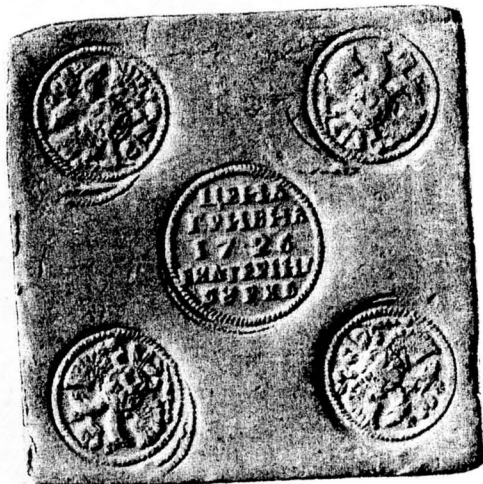
5. Подробнее о клеймах приемщиков Екатеринбургских горных заводов см.: *Уздеников В. В. Монеты России. М., 1985/86 и М., 1992.*

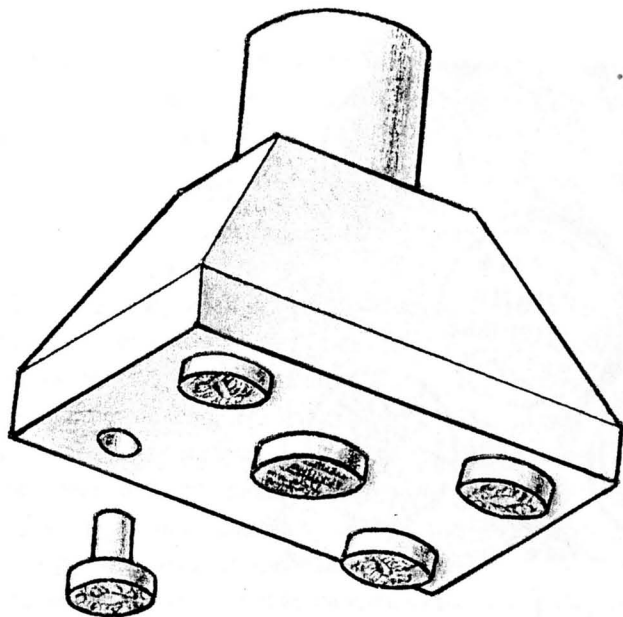
1

2

3

4

5

6

7

ВЕСОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕДНЫХ КВАДРАТНЫХ ГРИВЕН 1726–1727 ГОДОВ

4 февраля 1726 года вышел сенатский указ¹, обязавший Екатеринбургские казенные горные заводы приступить к изготовлению медных квадратных монет (“плат”) четырех номиналов: рубля, полтины, полуполтины и гривны. Монетная стопа для “плат” была установлена в 10 рублей из пуда меди². В соответствии со стопой, нормативный вес гривны был определен в 38 золотников $\frac{2}{5}$ доли (163,8 г), причем никаких сведений о величине весового допуска (ремедиума), официально установленного для “плат”, обнаружить не удалось.

Видимо, Екатеринбургские заводы приступили к массовой чеканке “плат” сразу же после получения сенатского указа от 4 февраля, поскольку первые опыты по изготовлению таких монет были проведены еще в 1725 году: известны пробные экземпляры рубля, полтины и гривны, датированные этим годом.

В настоящей статье речь пойдет о гривнах, поскольку из всех квадратных монет только они попали в обращение и потому представлены в музейных и частных собраниях в количествах, позволяющих сделать хотя бы некоторые статистические обобщения.

Как известно, в 1726 году квадратные гривны серийно чеканились в трех разновидностях: с вензелем Екатерины I на груди гербовых орлов (рис. 1), без изображений на груди гербовых орлов (рис. 2) и с московским гербом на груди гербовых орлов (рис. 3).

Сигнал о неблагополучии с весом этих монет поступил по прошествии не менее восьми месяцев после начала их чеканки. Согласно указу из Сибирского Обер-Бергамта “к платным делам” от 13 октября 1726 года³, 12 октября были обнаружены гривны “с недовесом”, достигавшим 10 золотников, то есть с весом до 28 золотников $\frac{2}{5}$ доли (121,2 г). В указе было высказано предположение, что эти монеты, побы-

вав в обращении, могли быть обрезаны по краям. Однако, как следует из приведенной ниже таблицы, и среди совершенно неповрежденных гривен встречаются экземпляры с еще большим “недовесом” – с фактической массой менее 116 г.

В указе от 13 октября предписывалось точно выдерживать “уставной” (нормативный) вес гривен, а к виновным в нарушении этого требования применять самые строгие меры наказания, вплоть до смертной казни. Этот пункт указа свидетельствует: руководству Сибирского Обер-Бергамта в лице генерал-майора артиллерии В. И. Геннинга до октября 1726 года вообще не было известно, что массовое производство монет невозможно без назначения весового допуска (ремедиума); кроме того, становится очевидным, что для квадратных медных монет такой допуск установлен не был.

Несмотря на обилие угроз в адрес мастеров, которые не будут обеспечивать точное соответствие фактического веса гривен нормативному весу, указ от 13 октября все же обязывал “платных дел мастера” Платона Матвеева доложить, можно ли обеспечить точное соблюдение нормативного веса гривен без “замедления” их изготовления. Наконец, указ требовал, чтобы при сдаче гривен в казенную контору всегда присутствовал контролер (“фискал”), который должен был следить за соблюдением весовых характеристик этих монет, а в случае, если не будут отбракованы гривны с несоответствующим весом, подвергать “фискала” строгому наказанию наравне с монетными мастерами.

Уже на следующий день, 14 октября 1726 года, “платных дел мастер” Матвеев доложил в Сибирский Обер-Бергамт⁴, что изготавливать платы точно в “уставной” вес невозможно и что отклонение в весе гривен от нормы должно допускаться в пределах ± 2 золотника. Таким образом, по мнению монетчиков, фактическая масса квадратных гривен должна быть не ниже 155,3 г и не выше 172,3 г. Поскольку отрицательной реакции руководства Сибирского Обер-Бергамта на это представление вроде бы не последовало, предложенный монетчиками весовой допуск ± 2 золотника, видимо, следует считать одобренным.

Сравним этот допуск с весовым ремедиумом, законодательно установленным для монет 1730–1754 годов (рис. 4 и 5), которые также чеканились по стопе 10 рублей из пуда меди. Оказывается, для монет этого периода максимально допустимое отклонение веса от нормы составляло 1,0%, тогда как для квадратных гривен, согласно предложению монетчиков, оно равнялось 5,2%. Не являлся ли такой весовой допуск для рассматриваемых нами монет излишне большим, и не старались ли “платных дел мастера” обеспечить себе слишком спокойную жизнь? Постараемся ответить на этот вопрос, и прежде всего выяснить, чем же объясняется очень большой разброс значений массы квадратных гривен 1726 года.

У обычных, круглых монет (при их хорошей сохранности) всякое заметное отступление от установленного для них нормативного значения массы объясняется только отступлением от расчетного значения толщины полосы, из которой вырубались монетные кружки – заготовки, то есть нарушениями технологии проката полос. Действительно, круглые пунсоны, которыми вырубались кружки из полосы, изготавливались на токарном станке с достаточно высокой точностью и обеспечивали соблюдение расчетного диаметра монетного кружка.

В случае же с квадратными гривнами, пластины для которых вырезались из полосы в четыре приема, есть все основания предполагать, что именно эта операция не обеспечивала точность соблюдения расчетных размеров пластины, что и являлось основной причиной несоответствия фактической массы монеты нормативному значению. Однако оказалось, что это далеко не так.

Замеры имевшихся в нашем распоряжении квадратных гривен 1726 года показали, что длина и ширина всех монет по средней линии (вне зоны деформации пластины оттисками угловых штампов) со значительной точностью (за очень редким исключением) составляет около 62,5 мм, то есть $1\frac{2}{3}$ вершка⁵. При этом ни на одной монете не было обнаружено следов разметки полосы под ее разделку на монетные пластины, а следы, оставшиеся на гурте большинства монет, свидетельствуют о

том, что полосы не разрезались ножницами, а разрубались неким подобием гильотины, но не со скошенным, а с прямым ножом.

Совокупность всех этих фактов позволяет заключить, что разделка полос меди на пластины для квадратных гривен производилась с использованием специального приспособления, примерное устройство которого показано на рис. 6. Полученная прокатом полоса А вставлялась в рабочую полость и продвигалась до упора Б, отрегулированного на размер отделяемой части полосы в $62,5 \text{ мм}^6$, после чего приводился в действие нож гильотины В. Вначале исходная полоса разделялась на малые поперечные полосы, которые затем разрубались на монетные пластины⁷. Легко заметить, что здесь был использован тот же прием, как и при разделке серебряной проволоки для ручной чеканки дореформенных копеек.

Таким образом, практически исключается влияние недостаточно точной разделки полос на превышение весового допуска у квадратных гривен, а потому основным источником такого превышения, как и у круглых монет, остаются недостатки в технологии прокатки полос. И действительно, при расчетной толщине пластины $4,8 \text{ мм}^8$ фактическая толщина у отдельных гривен колеблется от $3,4 \text{ мм}$ до $5,0 \text{ мм}^9$. Кстати сказать, в указе от 13 октября 1726 года предписывалось сделать плащильни, обеспечивающие нужную толщину полос, из которых нарежутся монетные пластины, а в доношении мастера Матвеева от 14 октября 1726 года невозможность обеспечения должного веса гривен обоснована так: "...за тягостью плащильни".

При упоминании о "плащильне" возникает вопрос о способе изготовления полос требуемой толщины: применялась ли при этом расковка или прокатка? Ответ на этот вопрос дает величина весового допуска, предложенного "платного дела мастерами" (± 2 золотника). Расчеты показывают, что при таком весовом допуске толщина монетной пластины не должна отличаться от расчетной ($4,8 \text{ мм}$) больше, чем на $\pm 0,25 \text{ мм}$. Вполне очевидно, что такая точность может быть обеспечена только при прокатке полос. К тому же ни на одном из известных нам экземпляров подлинных гривен не обнаруживаются характерные следы, неизбежно

образующиеся на поверхности пластины при расковке полосы. Наиболее же вероятным следует считать, что вначале производилась расковка полученных после плавки медных брусков, а на завершающей “калибровочной” операции применялась прокатка.

Какие же факторы определяли не только несовпадение фактической массы изготовленных гривен с их нормативной массой, но и преимущественную направленность этого несовпадения в сторону “недовеса”?

Прежде всего, вследствие большой площади пластины этих монет (более 39 см²) каждое изменение толщины пластины всего на 0,1 мм приводило к изменению массы монеты на 3,44 г.

Далее, расчетная толщина пластины, равная 4,8 мм, соответствовала 0,107 вершка. Вполне очевидно, что в начале XVIII века на Екатеринбургских горных заводах, никогда ранее не занимавшихся таким тонким делом, как монетное производство, не могли, да, видимо, и не посчитали нужным сразу изготовить с такой точностью щуп, при помощи которого устанавливался зазор между валками прокатного стана. Поэтому, скорее всего, щуп имел удобную для замера толщину в $\frac{1}{10}$ вершка, а погрешность в 0,007 вершка вызывала “недовес” каждой пластины почти в 10,9 г. Следовательно, только за счет такой неточности исходная масса монет должна была уменьшиться с 163,8 г до 153,0 г. Именно от базовой величины зазора между валками в $\frac{1}{10}$ вершка (4,45 мм), видимо, и следует отсчитывать те сравнительно небольшие (до $\pm 0,45$ мм) изменения зазора, возникавшие в ходе проката полос вследствие несовершенства или изношенности прокатного стана. Таким образом, “естественным” можно считать изменение массы гривен от 137 г (зазор около 4,0 мм) до 168 г (зазор около 4,9 мм). Что же касается монет со значительно меньшей массой (от 130 г и ниже), то здесь можно уже предположить определенный умысел – стремление монетчиков “сэкономить” монетную медь; при этом необходимо отметить, что случаи такой “экономии” имели место только у гривен без изображений на груди орлов. Снижение исходного значения массы с 163,8 г до 153,0 г привело к тому, что гривны всех разновидностей в подавляющем большинстве случаев изготавливались с “недовесом” по отношению к нормативному весу.

В свете изложенного становится понятным, какую сложную задачу взялись решить “платных дел мастера”, обязавшись изготавливать квадратные гривны в пределах весового допуска ± 2 золотника ($\pm 5,2\%$), то есть с массой в пределах от 155,3 г до 172,3 г; в основном это относится к соблюдению минимального значения в 155,3 г. При этом следует также учитывать, что монеты 1730–1754 годов чеканки проверялись на соответствие весовому ремедиуму путем взвешивания целой партии монет на общую сумму в 100 рублей, в то время как квадратные гривны проходили весовой контроль индивидуально, что, несомненно, ставило более жесткие требования к точности изготовления каждой отдельной монеты. Впрочем, предложение “платных дел мастера” Матвеева, видимо, основывалось на том опыте, который был уже приобретен монетчиками в процессе массовой чеканки квадратных гривен на протяжении прошедших восьми месяцев.

Как же осуществлялся контроль над весовыми характеристиками этих монет? Вот теперь пришло время назвать трех служащих при “платных делах”, имена и фамилии которых упоминаются в выписках из приходной книги “екатеринбургских платных дел”¹⁰: это Гаврила Албычев, Архип Бородулин и Иван Поднебесников. Должности трех этих лиц обозначены в указанных выше документах по-разному. Прежде всего, каждый из них имел должность приемщика, то есть возглавлял “прием” – подразделение, осуществлявшее приемку готовой продукции; при этом все они были “целовальниками” – принявшими присягу с целованием креста на верное служение интересам государевой казны. Кроме того, они названы “счетчиками”, что вполне соответствовало обязанностям приемщика отчеканенных монет, а также и “браковщиками”. Вот эта должность – “браковщик” позволяет предположить, что именно эти три “целовальника” и стали теми “фискалами”, которые, согласно указу Сибирского Обер-Бергамта от 13 октября 1726 года, обязаны были следить за весовыми характеристиками гривен.

Наличие трех “приемов” и трех разновидностей квадратных гривен 1726 года дает основание считать, что каждый “прием” имел дело только

с одной разновидностью, то есть каждый “прием” работал с одной определенной артелью монетчиков, имевшей в своем распоряжении штемпели только одной разновидности (в 1726–1727 годах квадратные гривны чеканились за один рабочий ход монетного пресса с использованием единого комбинированного штемпеля¹¹. Таким образом, по рисунку гербовых орлов можно было установить, какой именно “прием” выпустил в обращение данную монету. Во всяком случае, связь “приема” Гаврилы Албычева и гривен 1726 года с московским гербом на груди гербовых орлов несомненна: только на таких гривнах встречается клеймо “ПР-ГА”, то есть “ПРИЕМ ГАВРИЛЫ АЛБЫЧЕВА” (рис. 7). К какому из остальных двух “приемов” относятся другие разновидности гривен 1726 года, установить пока не удается.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди гривен без изображений на груди орлов встречается гораздо больше экземпляров с “недовесом” (66,7% вместо 26,3% и 52,8% у других разновидностей), чем среди гривен других разновидностей; при этом и величина этих отступлений от нормы у таких экземпляров бывает существенно большей. Все это свидетельствует о том, что до выхода указа от 13 октября 1726 года на “приеме” гривен без изображений на груди орлов весовой контроль вообще отсутствовал. Но и на двух других “приемах” если такой контроль и проводился, то только с учетом допусков, назначенных самими приемщиками; причем величины допусков, действовавших на этих двух “приемах”, явно были различными.

Судя по внешнему виду клейма “ПР-ГА”, оно было вырезано на стальной болванке, которую подкладывали под монетную пластину, и выдавливалась на оборотной стороне гривны в процессе ее чеканки. В этом случае монетная пластина должна была поступать на чеканку только после проверки приемщиком на соответствие весовому допуску, что и гарантировалось клеймом Албычева. Однако при таком способе клеймения не исключалась возможность того, что вместе с проверенными, но не имеющими специальной маркировки пластинами на чеканку поступят и некондиционные пластины. Чтобы этого не произошло, необ-

ходимо было дополнительно следить за передвижением пластины от весового контроля до чеканки; и не исключено, что из-за отсутствия наблюдения за этим перемещением в числе клейменных гривен оказался экземпляр хотя и с небольшим (3,4 г), но все же “недовесом” (см. таблицу).

Гривны 1726 года с клеймом “ПР-ГА” встречаются крайне редко, и это позволяет считать, что клеймение монет на “приеме” Гаврилы Албычева было начато только после выхода указа от 13 октября 1726 года, то есть одновременно с введением более упорядоченного весового контроля. Однако из приведенных в таблице данных следует, что в пределах допуска ± 2 золотника находятся веса очень многих монет всех трех разновидностей, а это значит, что большая часть таких монет была изготовлена еще до 13 октября, и это вполне реально. Действительно, диапазон изменения фактического веса квадратных гривен изначально был настолько широк, что охватывал, в числе других, и те значения веса, которые случайно оказывались в границах интересующего нас допуска.

В 1727 году в процесс изготовления квадратных гривен намечалось внести ряд изменений, о чем свидетельствуют две исключительно редкие гривны 1727 года из собрания Государственного Эрмитажа и Смитсоновского института (США). Эти монеты однотипны: на груди гербовых орлов у них помещен московский герб. Однако одна из них (рис. 8) имеет клеймо “ПР-АБ” – “ПРИЕМ АРХИПА БОРОДУЛИНА”, а другая (рис. 9) – клеймо “ПР-ИП” – “ПРИЕМ ИВАНА ПОДНЕБЕСНИКОВА”. Из этого следует, что в 1727 году должны были чеканиться гривны только одной разновидности (с московским гербом на груди орлов), и этим исключалась возможность установить причастность того или иного “приема” к выпуску в обращение какой-либо гривны, ориентируясь только на тип ее гербовых орлов; следовательно, теперь каждая монета должна была иметь клеймо проверившего ее вес приемщика. Но в 1727 году, как видно на рис. 8 и 9, клеймение уже не было связано с процессом чеканки: клейма наносились на монетную пластину специальными штампиками сразу после проверки ее на соответствие весовому

допуску. При таком способе клеймения полностью предотвращалась возможность попадания на чеканку некондиционных (в весовом отношении) пластин, хотя не исключено, что весовой контроль с последующим клеймением в 1727 году должны были проходить уже готовые монеты. Кстати сказать, остается невыясненной дальнейшая судьба “приема” Гаврилы Албычева: либо до нас не дошла монета с новым видом клейма этого приемщика, либо его “прием” к 1727 году был вообще ликвидирован.

Перечисленные выше новшества внедрить в массовое производство квадратных гривен так и не удалось: именным указом от 30 декабря 1726 года ¹² выпуск “плат” был прекращен, а гривны 1727 года так и остались редчайшими опытными образцами. Именно потому, что эти образцы не предназначались для выпуска в обращение, у гривен с клеймом “ПР-АБ” мог быть допущен существенный “недовес” (видимо, для ее изготовления была использована ранее отбракованная монетная пластина).

Все изложенное в настоящей статье – лишь небольшой эпизод из истории становления весовой культуры монетного производства на Екатеринбургском монетном дворе. Потом будут и поставки в 1727 году из Екатеринбурга на московские монетные дворы некондиционных по весу медных кружков-заготовок (для чеканки пятаков образца 1723 года) ¹³, и обнаружение в партии медных монет, поступивших в 1760 году с Екатеринбургского двора, двухкопеечников уменьшенного веса ¹⁴, и более чем вековая практика полуполигального изготовления монетчиками отдельных монет текущего выпуска со специально завышенным или заниженным весом – для “корректировки” суммарного веса партии монет, подготовленной к прохождению весового контроля ¹⁵.

Но постепенно методики весового контроля совершенствовались, ужесточался весовой редеиум для медных монет, на монетный двор поступало все более совершенное оборудование, а монетчики осваивали новые технологии монетного производства. И в результате Екатеринбургский двор из полукустарной мастерской “платного дела” при Екатеринбургских горных заводах превратился в ведущий “медный” монетный двор Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный свод законов Российской империи, № 4829.
2. 1 пуд соответствует 16,380 кг; 1 золотник соответствует 4,27 г.
3. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины I. СПб., 1904. С. 8, док. № 19.
4. Там же. С. 8, док. № 20.
5. 1 вершок равен 4,45 см.
6. По сведениям ряда авторов, фактические размеры пластины квадратных гривен отличаются от стандартных (62,5 X 62,5 мм). Происходить это может по трем причинам: либо замеры были произведены не по средним линиям пластины, а в зоне, деформированной оттисками угловых штампов; либо в зоне замера оказались закраины – следы некачественного отделения пластины от полосы; либо разделка полосы на пластины производилась при нарушении регулировки приспособления, представленного на рис. 6. Наконец, нельзя исключать возможность того, что небольшая перерегулировка этого приспособления производилась преднамеренно, с целью корректировки веса пластин, имевших явно нестандартную толщину.
7. Перед разделкой на монетные пластины у полосы необходимо было обрезать неровные края, оставшиеся после прокатки.
8. При определении расчетной толщины пластины по формуле
$$b = \frac{M_{\text{норм}}}{\rho a^2}$$
 плотность меди ρ принята равной $8,80 \text{ г/см}^3$, размер стороны пластины $a = 6,25$ см, нормальная масса монеты $M_{\text{норм}} = 163,8$ г.
9. Экземпляры с фактической массой выше 175 г могли появиться только в результате нарушения регулировки или неисправности прокатного стана.
10. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины I. СПб., 1904. С. 14; Монеты царствования императора Петра II. СПб., 1904. С. 7.
11. См. очерк “О способах чеканки медных квадратных “плат” 1725–

1727 годов”.

12. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины I. СПб., 1904. С. 14.

13. Там же. С. 22–23.

14. *Он же.* Монеты царствования императрицы Елизаветы I. СПб., 1896. Т. 1. С. 223.

15. См. очерк “Медные монеты XVIII–XIX веков с нестандартной массой”.

ТАБЛИЦА

значений фактической массы (в граммах)
медных квадратных гривен 1725–1727 годов чеканки

Характер изображений на груди гербовых орлов		
Вензель Екатерины I	Без изображений	Московский герб
1	2	3
<u>1725 год</u>	<u>1726 год</u>	<u>1726 год</u>
161,3 (ГЭ)	115,8 (ГИМ)	135,4 (ч. к.)
163,6 (СИ)	120,4 (ГИМ)	136,2 (ч. к.)
	124,0 (ГЭ)	138,7 (ГЭ)
<u>1726 год</u>	129,2 (ГИМ)	139,8 (СИ)
146,9 (ГИМ)	137,1 (ч. к.)	145,3 (СИ)
148,7 (ГИМ)	137,2 (ГИМ)	149,7 (ч. к.)
152,1 (СИ)	141,3 (ч. к.)	151,5 (ГИМ)
154,5 (ГИМ)	141,6 (ч. к.)	151,9 (ГЭ)
154,9 (ГЭ)	141,8 (ч. к.)	ПР-ГА 152,1 (ГЭ)
155,6 (ГЭ)	142,4 (СИ)	154,4 (ч. к.)
156,4 (ч.к.)	142,6 (ГЭ)	154,6 (ч. к.)
156,6 (ГЭ)	143,3 (ч. к.)	155,0 (ГИМ)
158,3 (ГЭ)	146,5 (ГЭ)	155,2 (ГИМ)
160,5 (ГИМ)	146,5 (ГИМ)	156,1 (ГЭ)
161,3 (ч. к.)	146,8 (ГЭ)	ПР-ГА 156,3 (ч. к.)
161,9 (ГИМ)	149,2 (ГИМ)	ПР-ГА 157,3 (СИ)
162,1 (ГИМ)	149,7 (СИ)	157,3 (ч. к.)
163,2 (СИ)	150,4 (ГЭ)	157,8 (ГИМ)
166,5 (МК)	150,5 (ГЭ)	159,0 (ч. к.)
167,2 (ч. к.)	152,7 (ч. к.)	159,2 (ГИМ)
168,1 (ГЭ)	153,5 (СИ)	163,2 (ГЭ)
171,1 (ГЭ)	153,7 (ГЭ)	ПР-ГА 166,2* (ч. к.)
174,5 (СИ)	154,1 (ГЭ)	ПР-ГА 169,4 (ГЭ)

1	2	3
	155,8 (ч. к.)	177,5 (ГЭ)
	158,5 (ч. к.)	186,0 (ГЭ)
	158,9 (ч. к.)	1727 год
	159,8 (ГИМ)	ПР-АБ 150,8 (ГЭ)
	160,2 (ГИМ)	ПР-ИП 160,5 (СИ)
	162,5 (ч. к.)	
	163,3 (ч. к.)	
	166,8 (ГЭ)	
	168,1 (ГИМ)	
	170,3 (СИ)	
	178,4 (ГЭ)	
	185,4 (ГИМ)	

* У этой монеты повреждена пластина: отсутствует участок площадью около 22,5 мм²; поэтому масса неповрежденной монеты равнялась примерно 167,5 г.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ – собрание Государственного Исторического музея;

ГЭ – собрание Государственного Эрмитажа;

МК – собрание музея-заповедника “Московский Кремль”;

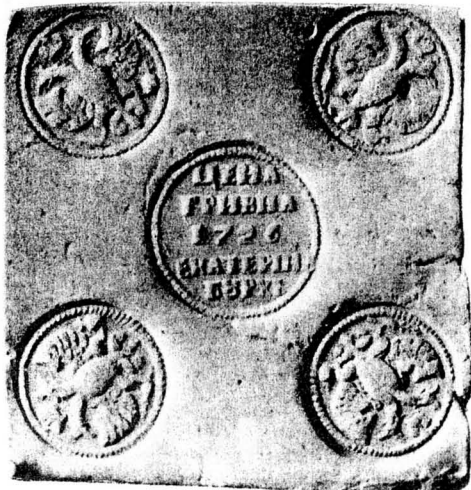
СИ – собрание Смитсоновского института (США);

ч. к. – частная коллекция.

Полужирным шрифтом выделены значения массы, укладываемые в допуск ± 2 золотника при нормативной массе 163,8 г.

1

2

3

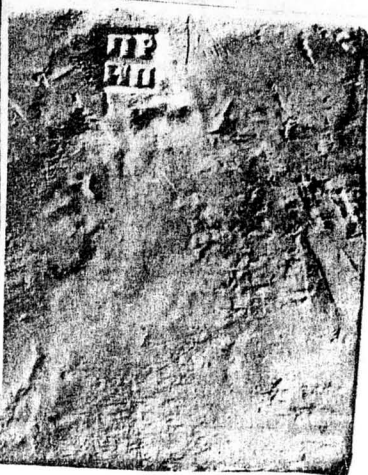
4

5

8

9

НЕОБЫЧНЫЙ ПРОБНЫЙ ЛИВО-ЭСТОНСКИЙ 24-КОПЕЕЧНИК 1756 ГОДА

В середине 1750-х годов, в преддверии войны с Пруссией, русские войска были сосредоточены на территории прибалтийских провинций России – Лифляндии и Эстляндии. Поскольку население этих провинций пользовалось, в основном, иностранной монетой, было решено денежные средства, требовавшиеся на содержание расквартированных там войск, изготовить по образцу западноевропейских монет.

Сенатским указом от 25 октября 1756 года¹ была утверждена чеканка специальной серии серебряных монет (получивших название “ливонезы”), сформированной в пяти достоинствах по талерному исчислению: 96, 48, 24, 4 и 2 копейки. В этом же указе было определено оформление этих монет, в том числе – содержание помещавшихся на них надписей.

Выпуск “ливонезов” был первым опытом создания в Российской империи территориальных монетных серий. Видимо, именно поэтому в их оформлении вначале была допущена существенная ошибка: помещавшаяся на пробных экземплярах монет первых четырех номиналов круговая надпись гласила: “Монета Ливонии и Эстляндии” (“MONETA LIVONIKA ET ESTLANDIA”). Вполне очевидно, что такая формула возводила прибалтийские провинции России в ранг суверенных эмитентов, тогда как в действительности “ливонезы” выпускались российским правительством. Тем не менее, на московском Красном монетном дворе пробные экземпляры “ливонезов” были отчеканены именно с такой надписью.

15 ноября 1756 года Сенат своим определением² обязал Академию наук изготовить клише с изображением “ливонезов”: такие клише должны были использоваться при печатании для всеобщего сведения правительственного указа о выпуске этих монет в обращение. Видимо, в ходе изготовления клише Академия наук и усмотрела неприемлемость первоначального текста надписи на “ливонезах”³ и предложила новую ее ре-

дакцию: “Ливозстонская монета” (“MONETA LIVOESTHONIKA”). Во всяком случае, уже 28 ноября 1756 года Монетная канцелярия своим указом ⁴ обязала Московскую монетную контору внести необходимые изменения в оформление находившихся на московском Красном монетном дворе штемпелей “ливонез” четырех старших номиналов, что и было сделано. В результате этого все “ливонезы” массового выпуска уже имели скорректированную круговую надпись.

Аналогичное написание принадлежности монеты (в форме прилагательного) стало применяться и на других монетах территориальных серий: например, “Сибирская монета”, “Грузинское серебро”, “10 злотых польских” и так далее. Только на золотых русско-финских монетах в качестве эмитента было указано Великое княжество Финляндское (на шведском и финском языках: “FINLAND-SUOMI”), видимо, по той причине, что только эта российская территория имела собственную монетную систему.

Одной из характерных особенностей “ливонез” трех старших номиналов является оригинальный, нигде больше не встречающийся узор на их гурте, причем на монетах достоинством в 96 и 48 копеек этот узор имеет наиболее сложный рисунок (рис. 1), а на 24-копеечнике – несколько упрощенный (рис. 2). Именно так оформлен гурт на всех “ливонезах” массового выпуска 1756–1757 годов и на большинстве пробных экземпляров 1756 года.

Однако в собрании отдела нумизматики Государственного Исторического музея имеется пробный 24-копеечник 1756 года (рис. 3), на котором рисунок гуртового узора полностью повторяет рисунок, являющийся принадлежностью 96- и 48-копеечных монет (рис. 1), но уменьшенный до ширины гурта 24-копеечника. Как минимум, еще один такой же 24-копеечник находится в частной коллекции.

Если все пробные “ливонезы” 1756 года со стандартным оформлением гурта исчисляются единицами, то пробный 24-копеечник с неутвержденным рисунком гуртового узора должен быть отнесен к монетам исключительной редкости. Кстати сказать, ни в одном из существующих

каталогов российских монет, а также и в специальной работе П. фон Винклера по ливо-эстонским монетам он не описан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный свод законов Российской империи, № 10638.
2. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Елизаветы I. СПб., 1896. Т. 1. С. 190, док. № 257.
3. *Винклер П., фон.* Из истории монетного дела в России. Ливо-эстонская монета (1756–1757). СПб., 1899. С. 5.
4. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. С. 192, док. № 260.

1

2

3

СИБИРСКАЯ МОНЕТА

Основываясь на архивных материалах, обнаруженных М. Г. Деммени и опубликованных в Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича, можно считать, что история чеканки сибирских монет началась с запроса, направленного Кабинетом ее Императорского Величества в канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства 18 февраля 1763 года¹. Кабинет интересовался, нельзя ли из меди, получаемой на Колывано-Воскресенских заводах при выплавке серебра, организовать чеканку монет.

В ряде работ по нумизматике² ошибочно указано, будто бы сырьем для сибирских монет служила добываемая на Алтае медная руда, содержащая примесь серебра и золота. В действительности же, как следует из запроса Кабинета, медь, использовавшаяся для чеканки этих монет, являлась побочным продуктом, получавшимся при переработке алтайских серебряных руд, а потому в этой меди не могло не быть некоторого остаточного количества серебра.

В ответ на запрос Кабинета канцелярия 18 июня 1763 года донесла³, что на Колывано-Воскресенских заводах не только имеется значительный запас меди, уже полученной при выплавке серебра, но что и в дальнейшем такая медь будет поступать в количествах, вполне достаточных для организации постоянно действующего монетного производства. В то же время канцелярия доложила, что поскольку в этой меди содержится "...не малое число серебра и знатная частица золота", чеканить из нее монеты по стопе, принятой для монет общегосударственных (16 руб. из пуда меди), "...не токмо убыточно, но и сожалетельно". Поэтому в Кабинет был представлен расчет монетной стопы, рекомендуемой для новых монет (он был выполнен состоявшим при Колывано-Воскресенских заводах советником И. С. Христиани).

В расчет принималась серебристо-золотистая медь с содержанием в ней 0,79% серебра, 0,03% золота и 99,18% чистой меди, а величина монетной стопы вычислялась по цене металла. При существовавших тогда

ценах ($20\frac{4}{7}$ коп. за золотник чистого серебра, 2 руб. $80\frac{65}{149}$ коп. за золотник чистого золота и 6 руб. за пуд меди) получалось, что пуд серебристо-золотистой меди указанного выше состава стоил 15 руб. 33 коп. Поскольку же из пуда обычной меди (ценой 6 руб. за пуд) выходило монет на 16 руб., то из пуда серебристо-золотистой меди (ценой 15 руб. 33 коп. за пуд) следовало, согласно расчетам Христиани, чеканить “по пропорции” монет примерно на 40 руб.

Но расчеты Христиани не были признаны достаточно обоснованными: по распоряжению императрицы аналогичные расчеты были также выполнены президентом Монетного департамента действительным статским советником И. Шлаттером – их результаты он изложил в докладе от 27 августа 1763 года ⁴. Шлаттер произвел расчеты для серебристо-золотистой меди примерно того же состава, который фигурировал в расчетах Христиани: 0,81% серебра, 0,01% золота и 99,18% чистой меди. Однако Шлаттер исчислял монетную стопу для новых монет, исходя не из цены металла, а из существовавших в то время нормативов на монетную стопу общегосударственных серебряных, золотых и медных монет. Схема расчетов была такова:

1. – стопа серебряных монет составляет 17 руб. $6\frac{2}{3}$ коп. из фунта (409,512 г) серебра 72-й пробы;
 - серебряные монеты на сумму 17 руб. $6\frac{2}{3}$ коп. содержат 307,134 г чистого серебра;
 - содержащиеся в 1 пуде серебристо-золотистой меди 132,378 г чистого серебра соответствуют 7 руб. 35,59 коп.
2. – стопа золотых монет составляет 10 руб. из 3 золотников 85 долей (16,538 г) золота 88-й пробы;
 - золотой десятирублевик содержит 15,160 г чистого золота;
 - содержащиеся в пуде серебристо-золотистой меди 1,54 г чистого золота соответствуют 1 руб. 1,02 коп.
3. – стопа медных монет составляет 16 руб. из пуда (16380 г) чистой меди;
 - содержащиеся в 1 пуде серебристо-золотистой меди 16247 г чистой меди соответствуют 15 руб. 87 коп.

4. – монетная стопа новых монет должна составлять в сумме (7 руб. 35,59 коп. + 1 руб. 1,02 коп. + 15 руб. 87 коп.) 24 руб. 24 коп. из пуда серебристо-золотистой меди. Поскольку содержание драгоценных металлов в этой меди может превышать указанные выше значения, Шлаттер счел целесообразным стопу новых монет окончательно определить в 25 руб. из пуда.

Сравнение двух изложенных здесь методик расчета показывает, что монетная стопа, вычисленная Христиани, вроде бы является более обоснованной: действительно, если стопа Христиани, как и 16-рублевая стопа общегосударственных медных монет, обеспечивала превышение рыночной цены металла примерно в 2,6 раза, то стопа Шлаттера – всего в 1,6 раза, а это влекло за собой существенное снижение доходов государства от эксплуатации монетной регалии.

Но алтайская серебристо-золотистая медь внешне была совершенно неотличима от обычной меди, и потому фальшивомонетчики могли с полным успехом использовать последнюю для фабрикации поддельных сибирских монет. В этом случае стопа Христиани давала 7-кратное превышение номинальной цены фальшивых монет над рыночной ценой металла, тогда как стопа Шлаттера обеспечивала лишь 4-кратное превышение.

Интересно отметить, что даже при 25-рублевой стопе Шлаттера сибирские монеты все же оказались в поле деятельности фальшивомонетчиков: например, в 1780 году Сенат рассматривал дело о найденных на Нижнетагильских заводах штемпелях фальшивой копеечной сибирской монеты и нескольких монетах, отчеканенных этими штемпелями⁵.

Вполне очевидно, что узаконение для сибирских монет стопы, вычисленной Христиани, сулило фальшивомонетчикам огромную прибыль и опять привело бы к неудержимому разгулу фальшивой монеты, уже пережитому Россией в 1718–1754 годах. Шлаттер, сам принимавший участие в разработке мер по изъятию из обращения одиозных медных пятаков 40-рублевой стопы, не мог этого не понимать. Теми же соображениями, несомненно, руководствовалась и императрица, под-

писавшая 7 ноября 1763 года именной указ о сибирских монетах ⁶. Согласно этому указу, для сибирских монет утверждались: 25-рублевая монетная стопа; содержание в меди драгоценных металлов, принятое в расчетах Шлаттера; особый рисунок штемпелей с использованием фрагментов герба Царства Сибирского ⁷; шесть номиналов монет – 10, 5, 2, 1 копейка, денга и полушка. хождение сибирских монет ограничивалось пределами Сибирской губернии – от города Тары (на реке Иртыш) и до Камчатки.

Следует сказать о том, что повышение монетной стопы до 25 рублей из пуда (сверх определенной расчетом в 24 руб. 24 коп.) в указе объясняется не возможным увеличением содержания в меди драгоценных металлов (как у Шлаттера), а необходимостью учета задельных денег, выплачиваемых монетчикам. Такое стремление обязательно обосновать законность устанавливаемой, необычной для медных монет, стопы свидетельствует о том, что правительство придавало этому вопросу весьма важное значение. Той же цели служила и гуртовая надпись на монетах старших номиналов – “КОЛЫВАНСКАЯ МЕДЬ”, замененная позднее аббревиатурой “КМ” на аверсе монет всех номиналов: и надпись, и аббревиатура свидетельствовали об особом качестве меди, использованной для изготовления этих монет.

То, что аббревиатура “КМ” на сибирских монетах равнозначна по содержанию гуртовой надписи, автор предположил еще в 1992 году ⁸, и это подтвердилось следующим фрагментом из “Определения” Монетного департамента от 21 сентября 1765 года ⁹: “Напечатана де гривенная монета, на которой изображено литерами под вензелем К. М., кои значат вместо словесного гуртика, то есть Колыванская медь”. Кстати сказать, это был первый случай появления на российских монетах указания (хотя и косвенного) на особенности состава их металла; позднее, начиная с 1798 года, сначала на крупных серебряных, а затем на золотых и платиновых монетах было введено обозначение либо пробы сплава, либо величины фракции чистого драгоценного металла.

Текст именного указа по сибирским монетам, предназначенного для “всенародного известия”, был подписан императрицей 5 декабря 1763 года ¹⁰. Указ предусматривал организацию монетного производства непосредственно на Колывано-Воскресенских заводах, однако консилиум, созданный канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства, привел достаточно веские доводы в пользу создания специализированного монетного двора (протокол от 30 января 1764 года ¹¹). И в рапорте от 16 ноября 1764 года ¹² канцелярия уже докладывает в Кабинет о начавшемся с половины мая 1764 года строительстве нового завода (монетного двора) на реке Нижний Сузун. Однако 14 июня 1765 года возведенные строения и службы этого завода почти полностью сгорели. Таким образом, Сузунский монетный двор строился не как придаток к медеплавильному заводу, а как вполне самостоятельное узкоспециализированное предприятие.

Лишь 2 сентября 1766 года канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства доложила в Кабинет, что в конце сентября Сузунский монетный двор (рис. 1) будет полностью восстановлен и пущен в работу ¹³. Действительно, согласно имеющимся сведениям ¹⁴, в 1766 году Сузунский двор изготовил сибирской монеты на сумму 23 227 руб. 52½ коп. Начиная с этого года и до конца выпуска в 1781 году, сибирская монета чеканилась на Сузунском монетном дворе без каких-либо перерывов в полном составе определенных указом шести номиналов – рис. 2–7 (кроме сокращенных выпусков 1780 и 1781 годов). Даже небывалое наводнение 1776 года, разрушившее многие производственные помещения монетного двора, не отразилось на регулярности чеканки сибирских монет. Всего сибирской монеты было начеканено на общую сумму около 3 млн. 656 тыс. 310 руб.

Итак, именованным указом от 5 декабря 1763 года ¹⁵ был однозначно определен состав металла, из которого следовало чеканить сибирские монеты: 99,18% меди, 0,81% чистого серебра и 0,01% чистого золота. Как же обстояло дело на Колывано-Воскресенских заводах с запасом серебристо-золотистой меди?

Первые сведения, представленные канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства в Кабинет 18 июня 1763 года ¹⁶, свидетельствуют, что по состоянию на 1 июня 1763 года в наличии имелось 502 тонны 768,5 кг меди, содержавшей 0,79% серебра и 0,01% золота. А в “Протоколе” консилиума, созванного канцелярией (от 30 января 1764 года ¹⁷) уже говорится о наличии 525 тонн 214,5 кг серебристо-золотистой меди; в “Протоколе” также указывалось, что этого количества меди хватит для чеканки монет в течение четырех лет, причем за эти годы при выплавке серебра будет получено еще около 173 тонн 245 кг меди, так что чеканка сибирских монет может продолжаться более пяти лет “без прибавления к тому нарочно добываемых медных руд”.

Если в документе от 18 июня 1763 года, как и в указанном выше “Протоколе”, речь идет о серебристо-золотистой меди с суммарным содержанием обоих драгоценных металлов около 0,8%, то есть с составом, близким к утвержденному именным указом, то в рапорте от 16 ноября 1764 года ¹⁸ канцелярия уже доносит в Кабинет, что “...ныне при перечистке меди” драгоценных металлов оказалось в ней значительно больше того количества, которое фигурировало вначале, вследствие чего для приведения этой меди в “указную пробу” потребуется немалое количество чистой (или с малым содержанием серебра) меди.

Ознакомившись с этим рапортом, президент Монетного департамента И. Шлаттер вынес на решение Кабинета предложение ¹⁹ закупить у заводчика М. Походяшина медь, содержащую около 0,19% серебра и пригодную для добавки в алтайскую медь с излишним содержанием драгоценных металлов. Было ли принято это предложение, из имеющихся документов не видно.

В 1765 году И. Шлаттер разрабатывает “Наставление” титулярному советнику И. Маркову, назначенному минц-вардейном (начальником) Сузунского монетного двора ²⁰. “Наставление” содержало подробную инструкцию, охватывающую все стороны деятельности минц-вардейна, причем одно из основных мест занимало описание технологии получения серебристо-золотистой меди того состава, который был определен имен-

ным указом от 7 ноября 1763 года. К “Наставлению” была приложена ведомость, свидетельствующая, что к началу 1765 года на Колывано-Воскресенских заводах имелось около 10 тонн 408 кг очищенной серебристо-золотистой меди 44-х сортов (с различным содержанием драгоценных металлов), причем 20 сортов имели суммарное содержание серебра и золота от 1,34% до 1,89% (при норме 0,82%). Поскольку меди с низким содержанием серебра в то время на Колывано-Воскресенских заводах не было, Маркову предписывалось переработать 16 сортов меди с высоким содержанием драгоценных металлов (всего около 3 тонн 311 кг) путем дополнительного извлечения из нее серебра, и полученную в результате этого низкопробную медь смешать с остальными 28-ю сортами, что должно было обеспечить приведение всей наличной меди в “указную пробу”. Подобную операцию предписывалось проводить и в дальнейшем, вплоть до поступления на монетный двор низкопробной “походяшинской” меди.

Однако 12 декабря 1768 года от канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в Кабинет поступает доклад совершенно иного содержания²¹: оказывается, к этому времени в поступившей на Сузунский монетный двор меди содержится всего 0,59% драгоценных металлов, в связи с чем на каждую тонну такой меди было необходимо добавлять около 2,3 кг серебра. Согласно докладу, добавка эта осуществлялась путем сплавки некоторой части меди с небогатыми серебряными рудами Змеиногорского рудника, а также с шлихами, шламами и автерами (являвшимися, видимо, отходами серебряного производства). Обогащенная таким способом медь смешивалась с остальной медью, в результате чего и получалось требуемое суммарное содержание в ней серебра и золота – около 0,82%. Ввиду сложности такого процесса канцелярия просила разрешить продолжить чеканку сибирских монет по 25-рублевой стопе, но при любом составе меди, поступающей на Сузунский монетный двор.

В ответ Кабинет 12 декабря 1770 года сообщил канцелярии²², что на эту просьбу императрица “...согласиться не соизволила”. При этом было

указано, что шлихов, автеров, шламов и “убогих серебряных подрутков” Змеиногорского рудника, непригодных для рентабельного извлечения из них серебра, имеется на Колывано-Воскресенских заводах “великое множество”, ввиду чего они могут быть с успехом использованы для поддержания требуемого состава меди, предназначенной для чеканки сибирских монет.

Чем же объяснялось снижение содержания драгоценных металлов в меди, поступавшей для монетного производства? Как следует из доклада начальника (“главного командира”) Колывано-Воскресенских заводов генерал-поручика Ирмана ²³, это снижение явилось следствием усовершенствования технологии выплавки серебра, позволявшей теперь извлекать из руды существенно больший его процент. Что же касается запасов меди с достаточно высоким содержанием серебра и золота, то они к 1778 году были полностью использованы в процессе изготовления сибирских монет.

Учитывая эти обстоятельства, Ирман предложил новый расчет монетной стопы сибирской монеты. Если в расчетах Шлаттера серебро и золото, содержащиеся в 1 пуде серебристо-золотистой меди, суммарно оценивались в 8 руб. 37 коп., а медь – в 15 руб. 87 коп., то в расчетах Ирмана оценка меди оставалась той же, а серебро и золото, ввиду снижения их процентного содержания, были суммарно оценены в 3 руб. 65 коп. В результате, с прибавлением потерь от “угара” меди, задельных денег и других расходов (всего в количестве 48 коп.), новая стопа сибирской монеты должна была составлять 20 руб. из пуда меди. Таким образом, по данным Ирмана получалось, что содержание драгоценных металлов в меди к 1778 году уменьшилось примерно в 2,3 раза. В то же время из присылаемых в Кабинет годовых ведомостей Колывано-Воскресенских заводов следовало, что ввиду недостатка хороших серебросодержащих руд в последние годы для выплавки серебра (по новой технологии) вместе с рудами использовались “убогие подрутки”, шлихи, шламы и автеры, хотя раньше это считалось нерентабельным, почему перечисленные компоненты и рекомендовались для обогащения меди, из которой чека-

нились сибирские монеты. Каких-либо сведений об обогащении меди путем использования этих компонентов в последнем докладе Ирмана не содержалось.

На основании материалов, представленных Ирманом, Кабинет поручил новому начальнику Колывано-Воскресенских заводов генерал-майору Меллеру собрать совет заводских горных офицеров для выработки предложений по дальнейшему производству сибирской монеты.

Согласно рапорту, представленному Меллером в Кабинет²⁴, совет горных офицеров рекомендовал извлекать из меди драгоценные металлы “сколько возможность позволит”, прекратить выполнение крайне обременительных операций по обогащению меди драгоценными металлами, а сибирскую монету чеканить по 25- или 20-рублевой стопе из той меди, какая получится после ее очистки.

В конце концов, 7 июня 1781 года был подписан именной указ²⁵, согласно которому чеканка сибирских монет вообще прекращалась, а Сузунский монетный двор переводился на производство общегосударственной медной монеты по 16-рублевой стопе “...без всякого зачета малых частиц золота и серебра”, содержащихся в алтайской меди.

Таким образом, по имеющимся документам прослеживается примерно такая динамика изменения состава серебристо-золотистой меди, использовавшейся для чеканки сибирских монет:

1. На Сузунский монетный двор поступала медь, остававшаяся на Колывано-Воскресенских заводах после выплавки из руды золотистого серебра, а потому эта медь не могла не содержать некоторого остаточного количества серебра и золота.

2. Первоначально, в 1763 году, это количество оценивалось (суммарно) в 0,82%, что и было зафиксировано в именном указе от 5 декабря 1763 года.

3. В ноябре 1764 года руководство Колывано-Воскресенских заводов доложило в Кабинет, что после очистки меди, предназначенной для чеканки сибирских монет, в ней оказалось значительно больше драгоценных металлов, нежели было утверждено именованием указом: из заводской

ведомости следовало, что больше трети наличной меди имеет суммарное содержание серебра и золота от 1,34% до 1,89%. В “указную пробу” приведение меди, видимо, осуществлялось дополнительным извлечением из нее излишков драгоценных металлов.

4. В декабре 1768 года руководство Колывано-Воскресенских заводов доложило, что вследствие усовершенствования технологии выплавки серебра суммарное содержание в меди драгоценных металлов снизилось в среднем до 0,59%. Приведение меди в “указную пробу” теперь осуществлялось добавкой в нее серебрясодержащих компонентов. Имевшееся в докладе заводского руководства предложение о чеканке сибирской монеты без корректировки состава поступавшей на монетный двор меди, императрица отклонила.

5. Согласно расчетам, представленным руководством Колывано-Воскресенских заводов, суммарное содержание драгоценных металлов в меди, поставляемой на Сузунский монетный двор, к 1778 году снизилось примерно до 0,36%, в связи с чем заводское руководство предложило чеканить сибирскую монету не по 25-рублевой, а по 20-рублевой монетной стопе. Никаких сведений о приведении меди в “указную пробу” путем добавки в нее серебра на этот раз от руководства заводов не поступило.

6. На основании вторичного предложения руководства Колывано-Воскресенских заводов о чеканке сибирской монеты без какой бы то ни было корректировки состава меди был издан именной указ от 7 июня 1781 года о прекращении чеканки сибирских монет и начале чеканки на Сузунском монетном дворе общегосударственной медной монеты по 16-рублевой стопе без учета наличия в меди примеси серебра и золота.

Из какого же металла в действительности чеканились сибирские монеты? Ведь И. Г. Спасский в своей книге “Русская монетная система” писал, что “...по большей части серебро в монете отсутствует”²⁶. Но если ориентироваться на приведенные выше документальные сведения, то заметное снижение содержания драгоценных металлов в сибирских мо-

нетях должно наблюдаться только после 1778 года. Чтобы окончательно внести ясность в этот спорный вопрос, в Центральной заводской лаборатории Московского монетного двора по просьбе отдела нумизматики Государственного Исторического музея был исследован (с применением неразрушающего рентгено-флюоресцентного метода) состав металла 13 подлинных сибирских монет из фондов музея. Результаты этого исследования представлены в таблице.

	Содержание серебра, %	Содержание золота, %	Суммарное содержание драгметаллов, %	Отклонение от нормы, %	
Нормативные значения	0,810	0,010	0,820		
Фактические значения	1766 г.	0,720	0,023	0,743	- 0,077
	1769 г.	0,980	0,012	0,992	+ 0,172
	1771 г.	0,710	0,020	0,730	- 0,090
	1772 г.	0,811	0,019	0,830	+ 0,010
	1773 г.	0,610	0,014	0,624	- 0,196
	1774 г.	0,900	0,030	0,930	+ 0,110
	1775 г.	0,900	0,021	0,921	+ 0,101
	1776 г.	0,800	0,010	0,810	- 0,010
	1777 г.	0,790	0,010	0,800	- 0,020
	1778 г.	0,930	0,031	0,961	+ 0,141
	1779 г.	0,475	0,013	0,488	- 0,332
	1780 г.	0,390	0,009	0,399	- 0,421
1781 г.	0,350	0,009	0,359	- 0,461	

Таким образом, результаты лабораторных исследований полностью подтверждают данные, содержащиеся в приведенных выше документах: при некотором колебании количества драгоценных металлов в меди, использовавшейся для чеканки сибирских монет до 1779 года, суммарное их содержание за 1766–1778 годы даже несколько превышало нормативное значение, и лишь с 1779 года наблюдается резкое снижение содержания в меди серебра. Не вызывает сомнения, что это явилось следстви-

ем, с одной стороны, усовершенствования технологии извлечения серебра из руды, а с другой – невозможности дальнейшего рентабельного использования содержащих серебро добавок для приведения меди в “указную пробу”²⁷.

По просьбе отдела нумизматики ГИМ, лаборатория Московского монетного двора исследовала также состав металла общегосударственного пятикопеечника (рис. 8), отчеканенного на Сузунском монетном дворе в 1781 году, то есть сразу после прекращения чеканки сибирских монет. Результат исследования показал, что в этом году общегосударственные монеты чеканились из меди с низким содержанием в ней серебра (0,420%)²⁸, характерным для серебристо-золотистой меди, использовавшейся при изготовлении сибирских монет в 1779–1781 годах, а это значит, что в указанные три года серебросодержащие добавки в медь для сибирских монет не вносились.

Итак, основная цель, которая преследовалась при организации выпуска сибирских монет, состояла в использовании на месте меди, остававшейся на Кольвано-Воскресенских заводах после извлечения из руды основного продукта – серебра. Поэтому в принципе не мог существовать проект (даже неутвержденный), предусматривавший чеканку серебряных сибирских монет. Что же касается так почитаемых коллекционерами серебряных новодельных “сибирских” двадцати-, пятнадцати- и десятикопеечников (рис. 9–14), то они представляют собой лишь плод фантазии человека, либо незнакомого с действительной историей сибирской монеты, либо спекулировавшего на коллекционерском интересе к всевозможным нумизматическим “раритетам”.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины II. СПб, 1894. Т. 1.
2. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. 3-е изд. Л., 1962. С. 178. *Максимов М.М.* Очерк о серебре. М., 1974. С. 142.
3. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. С. 25–28, док. № 41.

4. Там же. С. 33–35, док. № 51.

5. Там же. С. 210, док. № 264.

6. Там же. С. 49, док. № 65.

7. Хотя в именном указе от 7 ноября 1763 года значится, что на сибирских монетах должен быть изображен герб Царства Сибирского, в действительности на этих монетах из герба воспроизведены только фигуры двух соболей и опущено изображение лука с двумя стрелами; кроме того, вместо 12-лучевой короны, присутствующей на гербе, на монетах изображена 8-лучевая корона. Точное изображение герба Царства Сибирского помещено на фантастических серебряных новодельных монетах (рис. 9–14).

8. *Уздеников В. В.* Монеты России 1700–1917. М., 1992. С. 616.

9. *Георгий Михайлович*, вел. кн. Указ. соч. С. 113–119, док. № 121.

10. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ), № 11983. В тексте этого именного указа была допущена ошибка, касающаяся содержания в алтайской меди чистого золота; ошибка была исправлена в “Наставлении” вновь назначенному на Сузунский монетный двор минцвардейну И. Маркову (см.: *Георгий Михайлович*, вел. кн. Указ. соч. С. 121, док. № 124).

11. *Георгий Михайлович*, вел. кн. Указ. соч. С. 71–73, док. № 85.

12. Там же. С. 99–104, док. № 110.

13. Там же. С. 130, док. № 129.

14. Там же. С. 341.

15. ПСЗ, № 11983.

16. *Георгий Михайлович*, вел. кн. Указ. соч. С. 25–28, док. № 41.

17. Там же. С. 71–73, док. № 85.

18. Там же. С. 99–104, док. № 110.

19. Там же. С. 105–106, док. № 113.

20. Там же. С. 120–128, док. № 124.

21. Там же. С. 214, док. № 274.

22. Там же.

23. Там же. С. 215.

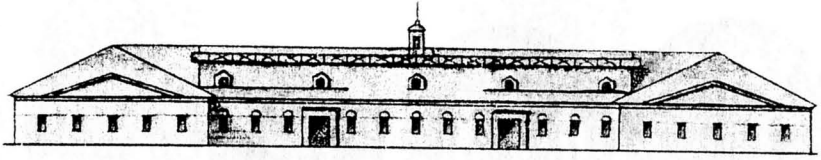
24. Там же. С. 216.

25. ПСЗ, № 15168.

26. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. 4-е изд. Л., 1970. С. 205.

27. При исследовании металла большого количества монет, несомненно, имело бы место некоторое варьирование содержания серебра и золота. Однако результаты исследования даже минимального количества произвольно выбранных экземпляров, видимо, все же достаточно точно отражают действительный состав серебристо-золотистой меди, использовавшейся в разные годы для чеканки сибирских монет.

28. Содержание золота в этой монете составляет 0,010%.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

ТАВРИЧЕСКИЕ МОНЕТЫ

До настоящего времени остаются невыясненными обстоятельства и место чеканки хорошо известной серии из четырех серебряных монет 1787 года, получивших название таврических (рис. 1–4) Об их происхождении существует лишь несколько версий, противоречащих одна другой, но единодушно отмечающих полное отсутствие каких-либо документальных сведений по этому вопросу. Приведем краткое изложение трех таких версий.

В Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича ¹ изложено следующее предположение профессора В. Д. Смирнова:

Таврические монеты должны были служить ценным сувениром посещения императрицей Екатериной II Крыма; чеканились эти монеты в Москве или Петербурге, поскольку скудные механические средства Таврического (Феодосийского) монетного двора не обеспечивали такой чистоты работы, какой отличаются таврические серебряные монеты; их редкость указывает на чеканку лишь ограниченного количества этих монет.

А вот что писал по этому поводу известный российский нумизмат И. Г. Спасский ²:

Таврические монеты являются монетовидными жетонами; предположение о чеканке их в Петербурге или в Москве принять нельзя, поскольку в Петербурге их штемпелей никогда не было, а в Москве монетный двор в 1787 году вообще не работал. Внешние признаки этих жетонов, технический уровень изготовления их штемпелей и даже качество серебра говорят о довольно захудалом монетном дворе. Хотя Таврический монетный двор был учрежден для изготовления только медных монет, при его ликвидации там оказался небольшой запас серебра. Скорее всего, это была затея князя Г. А. Потемкина, не одобренная Екатериной II.

Наконец, в нашем распоряжении имеется рукописная справка, составленная в конце 2000 года одним из сотрудников Краснодарского историко-археологического музея-заповедника, примерно следующего содержания:

Выпуск таврических монет, по существу, был пробным, поскольку Феодосийский монетный двор запасами серебра не обладал; кроме того, было признано нецелесообразным вводить для монет из серебра особый рисунок. Точных сведений о количестве отчеканенных таврических монет не имеется: дело в том, что в последующие десятилетия подлинными штемпелями, привезенными на хранение в Петербургский монетный двор, время от времени чеканились новодельные экземпляры в том же металле и той же пробы, практически неотличимые от подлинников.

За неимением других возможностей попытаемся оценить достоверность этих версий на основе анализа самих таврических монет.

Прежде всего следует признать, что имеющаяся на этих монетах легенда “Царица Херсониса Таврического”, а также датировка не оставляют сомнения в том, что чеканка таврических монет могла быть связана лишь с состоявшейся в 1787 году поездкой императрицы Екатерины II в Крым, недавно присоединенный к Российской империи. Следовательно, это были монеты не пробного, а разового выпуска, приуроченные к определенному событию и не предназначавшиеся для многолетней чеканки. Действительно, если замена титула императрицы и самодержицы всероссийской на титул крымской царицы и могла быть хоть как-то оправдана в 1787 году спецификой момента – символическим вступлением во владение вновь приобретенным царством, то для монет длительного выпуска замена была совершенно недопустима.

Что же касается места чеканки таврических монет, то И. Г. Спасский был, безусловно, прав, говоря о каком-то захудалом монетном дворе. Присутствие именно такого двора прослеживается на этих монетах по многим признакам.

Во-первых, оформление таврических монет максимально упрощено: на них отсутствуют не только портрет императрицы, обязательный для всех серебряных монет Екатерины II, не только сложные геральдические изображения, но даже простейшие декоративные детали; из всех существовавших вензелей Екатерины II выбран самый простой, а корона над вензелем изображена настолько упрощенно, что лишь отдаленно напоминает императорскую (особенно на монетах младших номиналов).

Во-вторых, круговая надпись на штемпелях аверса всех монет вырезана недостаточно профессионально: литеры зачастую “скачут” по высоте и расположены на разных расстояниях друг от друга, а повторяющиеся литеры, как правило, существенно различаются по начертанию.

В-третьих, сокращения в титуле императрицы на монетах 10-, 5- и 2-копеечного номинала выполнены крайне неудачно: “ЦАРИ.” (“ЦАРИЦА”), “ХЕРСО.” И “ХЕР.” (“ХЕРСОНИСА”), “ТАВРИЧЕСКА.” и “ТАВРИЧЕ.” (“ТАВРИЧЕСКАГО”), что свидетельствует о низкой грамотности персонала монетного двора (подобных неуклюжих сокращений нет ни на одной другой монете Екатерины II).

Далее, лигатурная масса таврических монет одного и того же номинал изменяется в совершенно недопустимых пределах: например, у двадцатикопеечников при среднем значении их лигатурной массы около 8 г разница в массе достигает 3 г, то есть 37,5%. Причиной этого могла быть только устаревшая конструкция и сильная изношенность прокатных станков, не обеспечивавших при прокате требуемой толщины полос, из которых вырубались монетные кружки-заготовки.

Наконец, резко колеблется проба серебра, использованного для чеканки таврических монет; эти колебания достигают $\pm 13\%$ от среднего значения пробы (порядка 38-й), что свидетельствует об отсутствии у персонала монетного двора достаточного опыта в составлении монетных сплавов.

Где же в России можно было в 1787 году найти такой, действительно захудалый монетный двор? В эти годы ни один российский монетный двор из числа действующих, кроме Петербургского, не имел серебряного передела, а на Петербургском дворе все перечисленные выше “огрехи” просто не могли иметь места. Даже если предположить, что изготовление таврических монет было поручено одному из “медных” дворов – Московскому, Екатеринбургскому и Сузунскому, то ни один из них не допустил бы больших расхождений в величине лигатурной массы монет. Кроме того, Московский и Сузунский дворы имели богатый опыт в составлении монетных сплавов: первый более полувека чеканил высокока-

чественные золотые и серебряные монеты, а второму приходилось строго выдерживать заданный состав золотисто-серебристой меди для чеканки сибирских монет.

Ну а создавать заново целое монетное производство для одноразового выпуска небольшой партии монет было просто абсурдно.

Ввиду всего сказанного остается предположить, что по личному указанию Г. А. Потемкина изготовлением таврических монет был вынужден заниматься только что организованный в Феодосии Таврический монетный двор. А поскольку эта работа явно противоречила задаче, поставленной перед этим двором именным указом императрицы – чеканка общегосударственных медных монет³, – никаких следов от изготовления серебряных таврических монет в виде отчетной документации или переписки по организационным или производственным вопросам постарались не оставлять. Вполне очевидно, что всеильному Потемкину не составило большого труда раздобыть сравнительно небольшое количество серебра, необходимого для выпуска таврической серии.

Что же представлял собой в 1787 году Таврический монетный двор? Основан он был на базе существовавшего в Ташлыке (пригороде Феодосии) еще до присоединения Крыма к России ханского монетного двор и вообще-то располагал необходимым для выпуска монет оборудованием, однако это оборудование было устаревшим и сильно изношенным, о чем управляющий двором И. Затлер неоднократно докладывал своему начальству⁴. Для приведения двора в работоспособное состояние был осуществлен ремонт имевшегося на нем оборудования, а с Московского и Петербургского дворов Таврическому двору был поставлен инструмент (видимо, маточники или формы для изготовления маточников, а также наборы литерных и цифирных пунсонов), два печатных стана (для чеканки монет) и один переводной стан (для изготовления штемпелей)⁵.

Наличие в Феодосии переводного стана, а также характер изображений и надписей на медных монетах, чеканившихся на Таврическом дворе, дают полное основание утверждать, что штемпели для чеканки медных пятаков и двухкопеечников изготавливались на этом дворе с помо-

щью маточников, а также литерных цифирных пунсонов. Однако все это оборудование нельзя было использовать для изготовления штемпелей серебряных монет таврической серии, оформление которых не имело ничего общего с оформлением медных государственных монет. Поэтому все штемпели таврических монет вырезались полностью вручную – за очень малым исключением. Оказывается, на штемпелях реверса присутствуют две литеры, выбитые пунсонами, – это литеры обозначения Таврического монетного двора “ТМ”. И еще оказывается, что, независимо от номинала таврических монет, обозначение “ТМ” выбивалось одними и теми же литерными пунсонами, которые изначально предназначались для нанесения обозначения Таврического двора на штемпель аверса медного двухкопеечника (рис. 5)⁶. И вот этот, сам по себе довольно незначительный факт служит достаточно весомым доказательством причастности Таврического монетного двора к изготовлению серебряных монет таврической серии. Подтверждение этому мы находим и в ряде других обстоятельств, сопровождавших чеканку этих монет.

Например, упрощенное оформление их аверса и реверса, неграмотные сокращения в титулатуре и недостаточный профессионализм, проявленный при вырезании на штемпелях надписей, являлись следствием того, что с Московского монетного двора в Феодосию были направлены лишь подмастерье “резного дела” и ученик⁷. И хотя позднее Г. А. Потемкин просил генерал-прокурора Вяземского направить на Таврический монетный двор резчика штемпелей с Петербургского монетного двора⁸, просьба эта, видимо, не была удовлетворена.

Вполне объяснима и нестабильность лигатурной массы у монет одного номинала: новых прокатных станков в Феодосию не присылали⁹. А нестабильность пробы серебра явилась следствием того, что в штате Таврического двора числился лишь пробирный ученик¹⁰.

Таким образом, можно достаточно уверенно считать, что таврические серебряные монеты чеканились на Таврическом монетном дворе.

А чем же все-таки являлись таврические монеты – действительно монетами или всего лишь монетовидными жетонами? Чтобы ответить на

этот вопрос, прежде всего обратим внимание на то, что решительно отличает их от любых жетонов XVIII века – это подразделение их на четыре номинала и наличие у них единой монетной стопы (порядка 10 руб. 24 коп. из фунта серебра 38-й пробы), хотя эта стопа и выдерживалась с большими отступлениями.

Далее, оформление аверса и реверса таврических монет, хотя и сильно упрощенное, тем не менее, является вполне монетным. Более того, ряд элементов этого оформления напрямую заимствован у разменных общегосударственных серебряных монет Екатерины II – двадцати- и пятнадцатикопеечника массового выпуска (рис. 6 и 7): это и конфигурация цифр в обозначении номинала ¹¹, и отсутствие словесной составляющей обозначения номинала счетными точками (для неграмотных); наконец, таврические монеты, подобно абсолютному большинству серебряных монет Екатерины II, имеют шнуroidный гурт с наклоном насечки слева вверх направо.

Но таврические монеты имеют и более глубокую связь с разменными серебряными монетами Екатерины II, чеканившимися по стопе 17 руб. 15⁴⁰/₉₆ коп. 17 руб. 25⁴⁰/₉₆ коп. из фунта серебра 72-й пробы, что соответствует нормативной лигатурной массе двадцатикопеечника 4,77 г. Дело в том, что повышенная весовая норма (средняя лигатурная масса таврического двадцатикопеечника равна примерно 8 г) была, видимо выбрана для таврических монет с целью обеспечить удобные в обращении размеры самой мелкой монеты – двухкопеечника, а пониженная проба серебра должна была обеспечить (при повышенной лигатурной массе) содержание в таврических монетах чистого серебра примерно такое же, как в общегосударственных разменных монетах: у двадцатикопеечников, например, около 3,5 г ¹². Следовательно, таврические монеты, в принципе, могли находиться в обращении на вполне законном основании – наподобие памятных монет.

Не этим ли объясняется тот, пока непонятный факт, что многие таврические двадцати- и десятикопеечники бывают довольно сильно потерты, как если бы они, действительно, длительное время были в обращении?

И, наконец, о чеканке новодельных экземпляров таврических монет подлинными штемпелями на Петербургском монетном дворе (см. справку сотрудника Краснодарского музея), Прежде всего, напомним категорическое утверждение И. Г. Спасского о том, что штемпелей таврических монет в Петербурге никогда не было. И, действительно, среди опубликованных за последние годы довольно многочисленных заказов, поступавших в свое время на Петербургский двор от частных лиц на изготовление новоделов, ни разу не фигурируют монеты таврической серии. Нет их и в составе комплекта новодельных монет, приготовленного Петербургским двором для Международной Парижской выставки. Но если бы даже новодельные таврические монеты все же были бы изготовлены, они непременно отличались бы от подлинных монет гуртовым оформлением: они имели бы либо гладкий гурт, либо гуртовую насечку, нанесенную кустарным способом. Кроме того, Петербургский двор всегда использовал для изготовления новоделов то серебро или золото, которое имелось у него в наличии, причем серебра 38-й пробы в Петербурге вообще быть не могло. И пока среди монет таврической серии не обнаружено хотя бы одного экземпляра с нестандартным гуртовым оформлением или отчеканенного из высокопробного серебра (порядка 83½ пробы), говорить о чеканке новодельных экземпляров этих монет не приходится.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования императрицы Екатерины II.* СПб., 1894. Т. 1. С. VIII.
2. *Спасский И. Г. Русская монетная система.* 4-е изд. Л., 1970. С. 188–189.
3. *Георгий Михайлович, вел. кн. Указ. соч.* С. 220, док. № 286.
4. Там же. С. 223–223, док. № 295; С. 224, док. № 296.
5. Там же. С. 241, док. № 315.
6. Незначительная разница в размерах литер “ТМ” объясняется, видимо, тем, что в работе одновременно находились несколько комплектов

с этими литерами.

7. *Георгий Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 221–222, док. № 291.*

8. Там же. С. 234–235, док. № 313.

9. У медных пяти- и двухкопеечников с нестабильностью массы дело обстояло благополучнее вследствие существенно большей толщины их кружка, благодаря чему относительная величина ошибок, возникавших при прокате, была меньше, и они вызывали меньшее отклонение фактической массы монеты от нормы.

10. *Георгий Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 250–251, док. № 340.*

11. Цифра “2” на некоторых двадцати- и двухкопеечных таврических монетах (рис. 4) несколько отличается по рисунку от такой же цифры на общегосударственных двадцатикопеечниках.

12. Подобный прием с увеличением лигатурной массы монеты и снижением пробы серебра использовался в российском монетном деле неоднократно, причем не только в XVIII, но и в XIX веке.

1

2

3

4

5

6

7

ПРОБНЫЕ МОНЕТЫ XIX ВЕКА: ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ С ДВОЙНЫМ (РУССКИМ И ПОЛЬСКИМ) ОБОЗНАЧЕНИЕМ НОМИНАЛА И РУССКО-ПОЛЬСКИЕ

Среди монет, чеканившихся в XIX веке в России и предназначавшихся для обращения на территории Царства Польского, имеется сравнительно небольшое количество пробных монет, находящихся в настоящее время в различных государственных и частных собраниях. Все эти пробные монеты датированы либо 1818 годом, либо 1840 и 1841 годами.

Пробные русско-польские монеты 1818 года из драгоценных металлов достоинством в 25, 5, 2 и 1 злотый (рис. 1–4) отличаются от аналогичных монет массового выпуска, чеканившихся в 1816–1817 годах (одна из них показана на рис. 5), улучшенным внешним оформлением. Они имеют правильную цилиндрическую форму, что свидетельствует о чеканке их в кольце, рубчатый гурт на 25- и 1-золотовике и гуртовую надпись на 5- и 2-золотовике вместо применявшегося ранее шнуровидного гурта, а обе стороны их снабжены выпуклым ободком, защищающим надписи и изображения от повреждений и преждевременной потертости. Эти улучшения в 1819–1821 годах были внедрены в массовую чеканку монет достоинством в 50 и 2 злотых, а с 1822 года они появляются и на монетах достоинством в 25 и 1 злотый. Однако новые монеты массового выпуска (одна из них показана на рис. 6) имеют, по сравнению с пробными монетами, иной рисунок портрета Александра I, а гуртовая надпись на 5- и 2-золотовике была заменена рубчатым гуртом, стандартным для всех остальных монет из золота и высокопробного серебра.

Что касается монет из биллона (10 и 5 грошей) и медных монет (3 и 1 грош), то, согласно сведениям, содержащимся в польском каталоге Ч. Каминского и Э. Копицкого¹, в 1818 году были отчеканены (видимо, в кольце) пробные монеты: 3-грошевик с рубчатым и гладким гуртом и с защитным ободком, а также 5-грошевик с рубчатым гуртом. В 1819–1820

годах чеканка в кольце была внедрена в массовое производство всех биллонных и медных русско-польских монет, однако защитный ободок и рубчатый гурт нашли применение только на 3-грошевиках, тогда как 10-, 5- и 1-грошевики по-прежнему чеканились с гладким гуртом и без защитного ободка.

Судя по некоторым документам и дошедшим до нас пробным монетам, вопрос о необходимости улучшения оформления русско-польских монет из биллона поднимался и позднее. Так, в 1838 году было отклонено предложение Варшавского монетного двора от 3 марта этого года² о чеканке 10-грошевиков с рубчатым гуртом, а в 1840 году появляются два пробных 10-грошевика с различными видами защитного ободка (рис. 7, 8). Эти пробные монеты также не были утверждены.

Появление нескольких пробных 1-грошевиков, датированных 1840 и 1841 годами, было связано с необходимостью пресечения деятельности фальшивомонетчиков, поскольку к 1840 году приобрели массовый характер случаи фабрикации фальшивых 10-грошевиков из 1-грошевиков образца 1835 года. Так, в предписании, направленном 1 сентября 1840 года из Комиссии финансов Царства Польского в адрес Варшавского монетного двора³, указывалось, что "...вид грошей дал повод злоумышленникам к подделке грошевой монеты в 10-грошевую посредством полуды и выставления возле цифры 1 нуля". В другом документе, относящемся к этому же вопросу (представление Комиссии финансов Царства Польского от 28 января 1846 года)⁴, отмечалось, что "...такие грошевики (фальшивые. – В. У.) попадают с некоторого времени довольно часто".

Как следует из первого документа, для изготовления фальшивых 10-грошевиков медные 1-грошевики покрывались тонким слоем олова, на их реверс, справа от цифры "1", наплавлялся более толстый слой олова, и из этой наплавки вырезалась цифра "0". Такая фальсификация оказывалась возможной потому, что 10-грошевики и 1-грошевики образца 1835 года имели совершенно одинаковое оформление аверса, весьма схожее оформление реверса и практически одинаковый размер и вес (рис. 9, 10); кроме того, низкопробное серебро (18½ пробы), из которого

чеканились 10-грошевики, по цвету мало отличалось от использовавшегося фальшивомонетчиками оловянного покрытия. В то же время, не было отмечено ни одного случая изготовления фальшивых 10-грошевиков из 1-грошевиков образца 1816 года, поскольку до 1835 года внешнее оформление этих двух монет заметно различалось (рис. 11, 12).

Вполне очевидно, что перед Варшавским монетным двором неизбежно должна была возникнуть необходимость разработки нового оформления либо 10-грошевика, либо 1-грошевика, которое исключило бы возможность фальсификации. Пробные монеты, представленные на рис. 13–19, как раз и свидетельствуют о поисках нового оформления 1-грошевика.

В 1840 году Варшавский монетный двор опробовал два изменения стандартного оформления 1-грошевика: удаления венка с его реверса (рис. 13, 14), а также уменьшение изображения гербового орла на его аверсе (рис. 14). Оценив эти нововведения, Варшавский монетный двор остановился на варианте 1-грошевика с уменьшенным изображением гербового орла на аверсе и без венка на реверсе (рис. 14). Рисунок этой монеты и был представлен дирекцией монетного двора в качестве рекомендуемого образца в Комиссию финансов Царства Польского 27 июля 1840 года⁵. В представлении монетного двора рекомендовалось не только начать чеканку 1-грошевиков с измененным оформлением, но также изъять из обращения все 1-грошевики образца 1835 года и перечеканить их предлагаемыми новыми штампами. Отрабатывая новый образец монеты, Варшавский монетный двор отчеканил некоторое количество пробных 1-грошевиков, представленных на рис. 13 и 14, в серебре. Это было сделано, несомненно, для того, чтобы проверить, обеспечивает ли измененное оформление достаточное различие между новым 1-грошевиком и 10-грошевиком при одинаковом цвете этих монет, то есть в случае, если новый 1-грошевик будет покрыт оловом.

Комиссия финансов Царства Польского, рассмотрев представленный Варшавским монетным двором образец, признала изменения, внесенные во внешнее оформление 1-грошевика, недостаточными и предписанием от 1 сентября 1840 года⁶ обязала монетный двор разработать новый об-

разец, на котором цифра “1” в обозначении номинала была бы заменена словом “ОДИН”. Во исполнение этого предписания Варшавский монетный двор изготовил новый штемпель реверса со словесным обозначением номинала, а рисунок 1-грошевика, отчеканенного с использованием этого штампея и датированного 1841 годом (рис. 15), представил в Комиссию финансов Царства Польского с препроводительным письмом от 5 января 1841 года⁷. В этом письме, объясняя причину четырехмесячной задержки с изготовлением нового штампея, дирекция монетного двора ссылается на какие-то трудности, будто бы возникшие при размещении на штампе слесового обозначения номинала. В действительности же основной причиной задержки послужило, скорее всего, то обстоятельство, что вначале этот штемпель был изготовлен с ошибкой в написании слова “ОДИН”, и его пришлось изготавливать заново, причем ошибка была обнаружена, по-видимому, слишком поздно, поскольку дефектным штампеем были уже начеканены пробные 1-грошевики с различными вариантами аверса (рис. 16–17). Интересно также отметить, что на этот раз Варшавский монетный двор не стал изготавливать серебряные экземпляры 1-грошевика (с целью проверки эффективности нового изменения его оформления) то ли потому, что не хватило на это времени, то ли потому, что новое изменение вносилось уже не по инициативе самого монетного двора, а по указанию свыше, а возможно, и потому, что теперь оформление реверса было изменено настолько радикально, что явно исключало возможность фальсификации.

Несмотря на точное выполнение Варшавским двором указаний Комиссии финансов, массовая чеканка 1-грошевиков нового образца не была начата в 1841 году по той причине, что в это время правительством Николая I уже было принято решение о введении на территории Царства Польского общегосударственной монетной системы (именной указ от 21 января 1841 года)⁸, и чеканка русско-польских монет официально была прекращена. Однако ввиду острой потребности в местной разменной монете Варшавскому монетному двору было негласно разрешено продолжать чеканку монет образца 1835 года, но штампеями, да-

тированными только 1840 годом (отношение к наместнику Царства Польского от 2 июля 1841 года)⁹, что позволяло в какой-то мере скрыть факт такой чеканки, противоречивший официальному решению правительства. В результате чеканка медных русско-польских монет, датированных 1840 годом, продолжалась до сентября 1849 года (предписание главного директора Комиссии финансов от 30 августа 1849 года)¹⁰, 1-грошевики образца 1835 года по-прежнему находились в обращении, а потому не прекращалось и изготовление фальшивых 10-грошевиков.

Учитывая все это, Варшавский монетный двор 20 января 1845 года вновь обратился в Комиссию финансов Царства Польского¹¹ с предложением об изменении внешнего оформления 1-грошевика и приложил в качестве образца рисунок монеты со словесным обозначением номинала, уменьшенным изображением гербового орла и датой “1840”, то есть с той датой, под которой с 1842 года чеканились все русско-польские монеты; одновременно были отчеканены пробные монеты с двумя вариантами изображения гербового орла – обычным (рис. 18) и окончательно выбранным уменьшенным (рис. 19).

Теперь становится понятным, почему пробные 1-грошевики, датированные 1840 годом (рис. 18, 19), имеют правильное написание слова “ОДИН” в обозначении номинала (“JEDEN”), а в следующем, 1841 году вдруг появляются аналогичные монеты (рис. 16, 17) с ошибочной надписью (“IEDEN”): просто штемпель реверса, датированный 1840 годом, в действительности был изготовлен в начале 1846 года, тогда как дефектный штемпель 1841 года был первым из штемпелей со словесным обозначением номинала.

На основании предложения Варшавского монетного двора Комиссия финансов представила 9 февраля 1846 года соответствующий проект правительственного решения в Совет управления Царства Польского¹² и получила отказ, на этот раз окончательный. Причина отказа достаточно понятна: появление в обращении 1-грошевика нового образца спустя пять лет после принятия официального решения о прекращении чеканки

русско-польских монет со всей очевидностью обнаружило бы, что такая чеканка продолжается, а датировка нового 1-грошевика 1840 годом выглядела бы просто нелепой. Таким образом, проект изменения внешнего оформления 1-грошевой русско-польской монеты так и остался нереализованным.

В некоторых нумизматических изданиях, в том числе в Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича¹³, 10-грошевик 1840 года с точечным защитным ободком (рис. 8) и 1-грошевик 1840 года с обычным изображением гербового орла на аверсе, без венка и с цифровым обозначением номинала на реверсе (рис. 13) считаются новодельными. Причиной такого вывода является, видимо, то обстоятельство, что эти две пробные монеты, в отличие от аналогичных монет массового выпуска, чеканены без кольца, о чем свидетельствуют следы смещения их штемпелей относительно монетного кружка. Однако без кольца чеканены и некоторые другие пробные монеты 1840–1841 годов, например 1-грошевики, представленные на рис. 17 и 19, а потому несомненно правильной представляется позиция авторов польского каталога Ч. Каминского и Э. Копицкого¹⁴, которые считают эти монеты подлинными. Кстати сказать, до выхода каталога Ч. Каминского и Э. Копицкого русским нумизматам было вообще неизвестно о существовании 1-грошевика со словесным обозначением номинала, обычным изображением гербового орла и датой “1840” (рис. 18).

В связи с предстоявшим (во исполнение именного указа от 21 января 1841 года) введением на территории Царства Польского общегосударственной денежной системы в 1841 году была официально прекращена чеканка:

- русско-польских биллонных и медных монет достоинством в 10, 5, 3 и 1 грош, чеканившихся на Варшавском монетном дворе;
- общегосударственных золотых и серебряных монет с двойным (русским и польским) обозначением номинала достоинством в 3 рубля – 20 злотых, 1½ рубля – 10 злотых, ¾ рубля – 5 злотых, 30 копеек – 2 злотых и 15 копеек – 1 злотый, чеканка которых

производилась на Петербургском и Варшавском монетных дворах с 1832 года.

В то же время Варшавскому монетному двору, как уже говорилось, было разрешено временно чеканить биллонные и медные русско-польские монеты в 10, 5, 3 и 1 грош с использованием штемпелей, датированных только 1840 годом. А с 1842 года, на основании утвержденного доклада министра финансов от 21 марта 1841 года ¹⁵, на этом же дворе была продолжена чеканка общегосударственных серебряных монет с двойным (русским и польским) обозначением номинала, но других достоинств: 25 копеек – 50 грошей, 20 копеек – 40 грошей, 10 копеек – 20 грошей и 5 копеек – 10 грошей, причем монеты двух последних номиналов (рис. 20, 21) были отчеканены весьма ограниченным тиражом и только в 1842 году, а потому фактически представляют собой пробную серию.

Но, кроме этих двух мероприятий, направленных на обеспечение населения Царства Польского национальной разменной монетой, существовал также проект 1841 года, называвшийся “О биллоне Царства Польского” ¹⁶. Этот проект предусматривал выпуск с 1842 года новой серии разменных монет, отличавшихся от русско-польских монет образца 1835 года только внешним оформлением. На аверсе всех монет новой серии предполагалось поместить портрет Александра I, круговую надпись на польском языке “Александр I император всероссийский, король польский” и знак Варшавского монетного двора “MW”, а на реверсе – круговую надпись на польском языке “Николай I император всероссийский, король польский правящий”, дату чеканки и двойное обозначение номинала: на биллонных монетах – “5 копеек – 10 грошей” и “2½ копейки – 5 грошей”, на медных монетах – “1½ копейки – 3 гроша” и “½ копейки – 1 грош”.

Не вызывает сомнения, что монеты, представленные на рис. 22 и 23, имеют непосредственное отношение к проекту “О биллоне Царства Польского”. Остается только установить действительный характер этих монет, поскольку единой точки зрения по данному вопросу на сегодня

нет. В Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича ¹⁷ двусторонняя монета (рис. 23) предположительно отнесена к новоделам, а в польском каталоге Ч. Каминского и Э. Копицкого ¹⁸ она считается подлинной. В качестве подлинника была впервые опубликована в 1986 году в книге “Монеты России” ¹⁹ и уникальная односторонняя монета (рис. 22), находящаяся в собрании Государственного Исторического музея. Попытаемся выяснить все те факторы, на основании которых может быть либо подтверждена, либо оспорена подлинность этих монет.

Штемпель, которым оттиснут аверс обеих монет, полностью соответствует описанию, приведенному в проекте “О биллоне Царства Польского”, и тем не менее одна особенность этого штемпеля вызывает сомнения. Дело в том, что портрет Александра I переведен на этот штемпель с маточника, который использовался при изготовлении штемпелей аверса золотых 25-злотовых русско-польских монет, чеканившихся в 1822–1825 годах (рис. 24), тогда как для монет, выпускавшихся после смерти Александра I, обязательным является другой его портрет – в лавровом венке (рис. 25). Отсутствие указаний на этот счет в словесном описании монет нового образца, а также отсутствие их проектных рисунков не позволяет определить, было ли такое отступление от установленного порядка специально предусмотрено проектом, или же оно появилось по какой-то другой причине. А такой причиной могло быть изготовление этого штемпеля специально для чеканки новоделных монет, которые, как известно, могли иметь весьма существенные отличия от утвержденных образцов. И все же рассматриваемый нами штемпель, скорее всего, является подлинным. Изготовлен он был, несомненно, на Варшавском монетном дворе: ведь для его изготовления был использован, как уже говорилось, маточник 25-злотолика, а эта монета чеканилась только в Варшаве, и потому инструмент для изготовления ее штемпелей вряд ли мог находиться на каком-либо другом монетном дворе. В то же время сведения, содержащиеся в каталоге Ч. Каминского и Э. Копицкого, свидетельствуют о том, что новоделы, являющиеся продукцией Варшавского монетного двора, оттиснуты только теми штемпелями, которые были в свое вре-

мя изготовлены для чеканки подлинных монет (хотя и не всегда для этого использовались), а все новоделы, не имеющие прототипов среди подлинных русско-польских монет, отчеканены на Петербургском монетном дворе, как, например, 3-грошевик 1815 года с рубчатым ободком (рис. 27). Следовательно, в отличие от Петербургского и Екатеринбургского монетных дворов, Варшавский монетный двор не изготавливал штемпелей, специально предназначенных для чеканки новоделов, а потому не должен быть таковым и штемпель аверса монет, изображенных на рис. 22, 23.

Реверс двусторонней монеты (рис. 23) оттиснут штемпелем реверса стандартного 5-грошевика образца 1835 года (рис. 26). Насколько правомерным было использование такого штемпеля для чеканки этой монеты? Его датировка (1841 г.) вполне соответствует времени, когда могла быть отчеканена пробная монета нового образца, так как именно 1841 годом датируется проект “О биллоне Царства Польского”. Номинал хотя и обозначен на этом штемпеле только в польских грошах, но по существу он полностью соответствует номиналу монеты нового образца достоинством в 2½ копейки – 5 грошей. Таким образом, судя по этим двум характеристикам, штемпель реверса стандартного 5-грошевика мог быть использован для временной замены штемпеля реверса нового образца. Однако в действительности это далеко не так. Дело в том, что на аверсе монет новой серии помещены имя, титул и портрет давно умершего Александра I, и, чтобы эти монеты не могли быть причислены к монетам, выпускавшимся в царствование Александра I, на их реверсе обязательно должны быть указаны имя и титул правящего императора. Так сделано на русско-польских портретных монетах массового выпуска 1826–1834 годов, так предусмотрено и проектом “О биллоне Царства Польского”. Поскольку штемпель реверса стандартного 5-грошевика этому требованию не отвечал, он не мог быть использован для чеканки даже пробной монеты. Если же монета, изображенная на рис. 23, пробной не является, а представляет собой технологический оттиск штемпеля аверса с использованием случайно выбранного штемпеля реверса, то та-

кой оттиск не должен был оказаться за пределами Варшавского монетного двора, да еще будучи размноженным в значительном количестве экзemplяров. Таким образом, имеется полное основание считать, что на рис. 23 представлена новодельная монета, изготовленная на Варшавском монетном дворе с использованием двух подлинных штемпелей: штемпеля аверса монеты достоинством в $2\frac{1}{2}$ копейки – 5 грошей, изготовленного по проекту “О биллоне Царства Польского”, и штемпеля реверса стандартного 5-грошевика 1841 года (за неимением подлинного штемпеля реверса нового образца). Такое искусственное сочетание штемпелей двух различных монет в одной паре практиковалось при изготовлении новоделов достаточно часто, невзирая на абсурдность получавшихся при этом композиций.

Что же касается уникальной односторонней монеты (рис. 22), то она не должна быть новодельной уже потому, что односторонний кружок подобного вида ни в коем случае не мог удовлетворить запросы собирателей новодельных монет, так как он не только дает представления о номинале монеты и времени ее чеканки, но без сопоставления его с письменным источникам вообще не позволяет однозначно утверждать, что он оттиснут монетным штемпелем и не является, к примеру, жетоном. А проект “О биллоне Царства Польского” был опубликован в доступном для коллекционеров издании только в 1893 году²⁰, то есть спустя три года после запрещения изготовления в России новоделов и по прошествии 29 лет с момента прекращения функционирования Варшавского монетного двора. Поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что именно эта односторонняя монета и является единственно известной подлинной пробной монетой, отчеканенной в 1841 году на Варшавском монетном дворе в соответствии с проектом “О биллоне Царства Польского”. Номинал ее в $2\frac{1}{2}$ копейки – 5 грошей подтверждается ее лигатурной массой, равной 1,38 г (нормативная лигатурная масса 5-грошевика, согласно монетной стопе, утвержденной для биллонных русско-польских монет, равна 1,45 г). Эту монету, конечно же, не предполагалось использовать в качестве образца для массовой чеканки. Скорее всего, она по-

могла в решении каких-то технических вопросов на начальной стадии рассмотрения проекта, а изготовленный для нее штампель с портретом Александра I был, видимо, экспериментальным, поэтому не имело значения, какой портрет будет помещен на таком штампеле – устаревший или соответствующий времени выпуска новых монет.

Проект “О биллоне Царства Польского” не был реализован. Причины этого прослеживаются достаточно отчетливо. Во-первых, монеты, выпуск которых предусматривается проектом, по существу должны быть отнесены к общегосударственным монетам с двойным (русским и польским) обозначением номинала. Но если монеты этой серии, выпускавшиеся с 1832-го по 1841 год (с исчислением номинала в рублях – копейках и польских злотых), а затем с 1841-го по 1850 год (с исчислением номинала в копейках и польских грошах), были оформлены как русскоязычные монеты, и только номинал в злотых или грошах был обозначен на них по-польски, то согласно проекту “О биллоне Царства Польского” новые монеты предполагалось оформить как польскоязычные с написанием по-русски только их номинала в копейках. Поскольку же монеты с двойным (русским и польским) обозначением номинала были призваны служить проводниками общегосударственной денежной системы, вводимой на территории Царства Польского взамен национальной с 1841 года, польскоязычное оформление таких монет фактически противоречило их предназначению. Во-вторых, предусмотренное проектом использование для чеканки монет достоинством от 5 до ½ копейки портретных штампелей (видимо, с целью затруднить их подделку) делало такие монеты убыточными для казны ввиду высокой, несоразмерной с нарицательной ценой монет, стоимости инструмента, необходимого при изготовлении этих штампелей. Наконец, разрешение Варшавскому монетному двору продолжить чеканку биллонных и медных русско-польских монет штампелями, датированными 1840 годом ²¹, вообще снимало всякую необходимость в реализации проекта “О биллоне Царства Польского”.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Kaminski Cz., Kopicki E. Katalog monet polskich, 1764–1864. Warszawa, 1977.*
2. *Георгий Михайлович, вел. кн. Русские монеты, чеканные для Польши. СПб., 1893. С. 21.*
3. Там же. С. 22.
4. Там же. С. 27–28.
5. Там же. С. 21–22.
6. Там же. С. 22.
7. Там же. С. 22.
8. *Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования императора Николая I. СПб., 1890. С. 82.*
9. *Георгий Михайлович, вел. кн. Русские монеты, чеканные для Польши. СПб., 1893. С. 25.*
10. Там же. С. 28.
11. Там же. С. 27.
12. Там же. С. 27.
13. Там же. С. 82.
14. *Kaminski Cz., Kopicki E. Katalog monet polskich, 1764–1864. Warszawa, 1977. С. 235–239.*
15. *Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования императора Николая I. СПб., 1890. С. 83.*
16. *Георгий Михайлович, вел. кн. Русские монеты, чеканные для Польши. СПб., 1893. С. 23–24.*
17. Там же. С. 82.
18. *Kaminski Cz., Kopicki E.. Katalog monet polskich, 1764–1864. Warszawa, 1977. С. 238.*
19. *Уздеников В. В. Монеты России. М., 1986. С. 352.*
20. *Георгий Михайлович, вел. кн. Русские монеты, чеканные для Польши. СПб., 1893. С. 23–24.*
21. Там же. С. 25.

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

ЖЕЛЕЗНЫЕ ПАРАЛЛЕЛЕПИДЕДЫ С НАДПИСЬЮ “КОПЕЙКА” И “ДЕНЬГА”

Железным параллелепипедам, имеющим на боковых гранях надпись “КО-ПЕ-И-К-А” или “ДЕ-НЬ-Г-А”, а на торцах – клеймо либо с московским гербом и датой “1776” (рис. 1 и 2), либо с двуглавым гербовым орлом (рис. 3), посвящено немало публикаций. Впервые их описание появилось в статье Б. В. Кене (1857 г.)¹, затем о них писали А. П. Ключков (1864 г.)², П. фон Винклер (1893 г.)³, Н. П. Лихачев (1897 г.)⁴, наконец, их описание было включено в Корпус русских монет великого князя Георгия Михайловича⁵.

Сейчас, видимо, уже никто не сомневается в том, что эти “кубики” являются гириями, однако до настоящего времени все еще не сделан окончательный вывод относительно причин, обусловивших их необычную размерность (1 фунт 13 золотников 65 долей у большего кубика и 54 золотника 78 долей у меньшего), а также обозначение их монетными номиналами. Столь длительная задержка с решением довольно простого вопроса была вызвана следующими обстоятельствами.

Уже в 1893 году Пауль фон Винклер совершенно точно определил назначение железных “кубиков”. В своей статье “Железные монеты”⁶ он писал: “В заключение укажем, что в 1776 г. у нас, вероятно, в Белозерске и по мысли графа Якова Ефимовича Сиверса были выкованы железные кубики с надписью «копейка» и «деньга», предназначавшиеся для взвешивания продаваемой казною соли. Хотя кубики эти и принимались некоторыми исследователями за монету, но на самом деле это были лишь гири...”

К сожалению, фон Винклер не подкрепил свое сообщение соответствующими документальными данными, а это позволило авторам Корпуса русских монет сопроводить описание железных параллелепипедов, помещенное в этом капитальном труде, следующим критическим замечанием (несомненно, в адрес фон Винклера): “Нам кажется сомнительным, чтобы в прошлом столетии (т. е. в XVIII веке, – В. У.) можно было купить на копейку 1 фунт 13 золотников соли”⁷.

Столь категорическое высказывание в самом авторитетном нумизматическом издании, конечно же, способствовало тому, что некоторые исследователи продолжили поиск решения уже решенного вопроса, тем более что вес параллелепипедов удивительным образом позволял делать самые различные предположения. Так, например, Н. П. Лихачев установил, что слиток серебра 84-й пробы, равный по весу большему параллелепипеду, содержит ровно фунт (409,5 г) чистого серебра. На основании этого Лихачев пишет: “Что если в Москве существовала в 1776 г. (и позднее) какая-либо пошлина по копейке с фунта чистого серебра?”⁸. Предположение интересное, однако Лихачев не уточнил, как с помощью гирь всего двух размерностей можно было на практике осуществлять взвешивание серебряных слитков, а тем более изделий из серебра при определении величины обложения их пошлиной.

Далее, автор настоящего очерка обнаружил, что вес большего параллелепипеда практически точно соответствует кельнскому фунту (467,71 г), а вес меньшего – кельнской марке (233,85 г), что давало основание видеть в этих “кубиках” внешнеторговые весовые эталоны. Неясно было только, куда отнести их названия – “копейка” и “деньга”.

Чтобы положить конец подобным предположениям, постараемся восполнить упущение фон Винклера и привести объективные доказательства справедливости его утверждения.

Прежде всего отметим, что авторы Корпуса русских монет, высказав сомнение относительно соли, в то же время писали: “Эти кубики должны быть сочтены за гири для взвешивания какого-то вещества, которое при одинаковом весе с гирей оценивалось ценой, обозначенной на кубике”⁹. При всей справедливости этого утверждения необходимо иметь в виду, что изготовление таких гирь могло быть оправдано лишь в том случае, когда взвешиваемое вещество имело строго фиксированную цену, и цена эта оставалась неизменной на протяжении достаточно длительного времени. Именно таким веществом в XVIII веке в России и была соль, на продажу которой существовала государственная монополия.

Именным указом Екатерины II от 21 апреля 1775 года¹⁰, то есть примерно за год до изготовления интересующих нас гирь (часть которых, как уже говорилось, датирована 1776 годом), государственная цена на соль была установлена в размере 35 коп. за пуд. Если разделить пуд (16,38 кг) на 35, то получится, что за 1 коп. казна продавала, согласно вышеназванному указу, 468 г соли, а это и есть вес большего параллелепипеда с надписью “копейка”. Если же покупателю столько соли сразу не требовалось, то имелась другая гиря, с помощью которой на деньгу (½ коп.) отвешивали половинную порцию. Просто и очень удобно. Вполне очевидно, что только по случайному совпадению вес большего “кубика” оказался равным и кельнскому фунту, и весу слитка серебра 84-й пробы, содержащего 1 фунт (409,5 г) чистого серебра.

В употреблении “гири-кубики” находились довольно долго – около 15 лет, поскольку лишь именным указом от 29 января 1791 года¹¹ цена на соль была повышена с 35 до 40 копеек за пуд.

Таким образом, сообщение П. фон Винклера, несправедливо поставленное под сомнение, в действительности полностью закрывало вопрос о железных параллелепипедах с надписью “копейка” и “деньга”. Только фон Винклер, видимо, напрасно ограничил место их использования районом города Белозерска: по некоторым сведениям, эти гири находили также и в Казани, и в Новгороде, и в Сызрани.

ПРИМЕЧАНИЯ

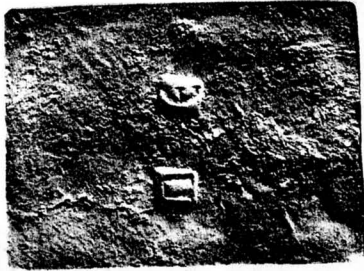
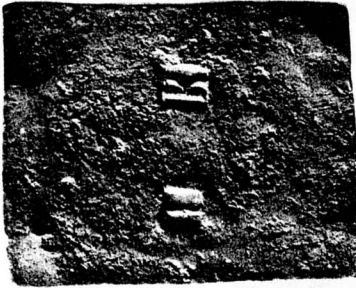
1. Статья Б. В. Кене была помещена в “Revue de la numismatique Belge” за 1857 год.

2. *Клачков А. П.* Железные кубики с надписью копейка и деньга // “Древности” Московского Археологического общества. Т. I. М., 1864.

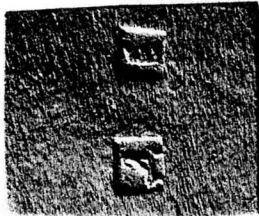
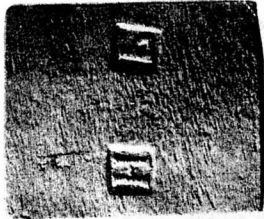
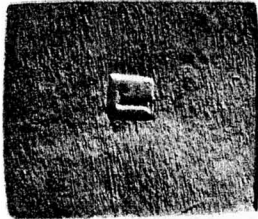
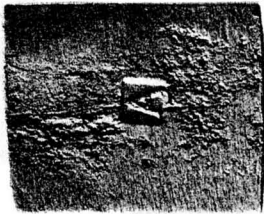
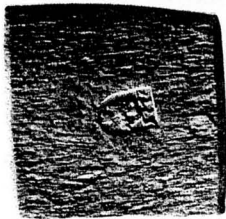
3. *Винклер П., фон.* Железные деньги // Всемирная иллюстрация. 1893, № 1259. С. 197.

4. *Лихачев Н. П.* Русские монеты 1741–1796 гг. (критические заметки). СПб., 1897.

5. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1894. Т. II. С. 48–49, № 354 и 355.
6. *Винклер П., фон.* Указ. соч.
7. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Указ. соч.
8. *Лихачев Н. П.* Указ. соч.
9. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Указ. соч.
10. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ), № 14303.
11. ПСЗ, № 16938.

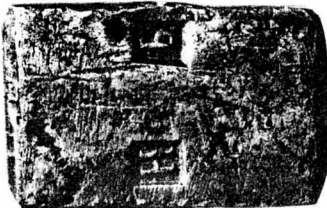
1

2

3-a

3

БРОНЗОВЫЕ МОНЕТЫ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Среди медных монет, датированных годами царствования Петра I, нередко можно встретить копейки и иногда денги (полукопейки и даже полушки), изготовленные из бронзы. Каковы же причины, вызвавшие появление таких монет?

Использование бронзы в русском монетном производстве XVIII века – явление достаточно известное. Оно имело два основных технологических направления: либо непосредственное применение бронзы для монетной чеканки, либо использование ее в качестве сырья для получения монетной меди.

На частном Садогурском монетном дворе в 1771–1774 годах производилась массовая чеканка бронзовой молдово-валашской монеты (рис. 1, 2) из стволов трофейных турецких и вышедших из строя русских пушек. Эта специфическая монета была внедрена в денежное обращение княжеств Молдовы и Валахии, на территории которых во время русско-турецкой войны базировалась русская Дунайская армия. В 1795 году некоторое количество бронзовых молдово-валашских монет, оказавшихся в России после присоединения Молдовы и Валахии к Турции, было перечеканено в общегосударственные двухкопеечники и копейки на московском Красном монетном дворе.

В 1757–1762 годах на Сестрорецком монетном дворе чеканились медные общегосударственные монеты (рис. 3 и 4). Металл для этой чеканки получался из бронзовых стволов русских и трофейных прусских пушек, дальнейшее использование или хранение которых было признано нецелесообразным. Бронза перерабатывалась в Сестрорецке в монетную медь путем снижения процентного содержания в ней олова за счет добавки в расплавленный металл определенного количества технической меди.

Необходимость переработки бронзы в монетную медь обуславливалась недостаточной пластичностью бронзы, вследствие чего при чеканке монет из бронзы разрушение штемпелей наступало раньше, чем при чеканке аналогичных медных монет.

Поступление бронзы на монетный двор было документально зафиксировано и в начале XVIII века, когда правительство Петра I проводило конфискацию церковных колоколов, бóльшая часть которых была использована для изготовления оружейных стволов, а часть была передана Кадашевскому (Военно-морскому) монетному двору, о чем свидетельствует ряд документов из архива Морского министерства за 1706–1711 годы ¹.

Как же использовалась колокольная бронза на Кадашевском монетном дворе, и был ли этот двор единственным потребителем колокольной бронзы? В архивных документах Морского министерства отмечено несколько случаев изготовления из колокольной бронзы деталей станочного оборудования и приспособлений для монетной чеканки, но совершенно отсутствует какое-либо упоминание об использовании бронзы в качестве монетного металла ². По другому монетному двору, чеканившему медную монету, – Набережному никаких документов аналогичного содержания на сегодня не обнаружено. Нет сведений о чеканке монет из колокольной бронзы и в известной книге Н. Оловянишникова “История колоколов” ³, в которой приведены многочисленные свидетельства очевидцев и документы, касающиеся конфискации церковных колоколов при Петре I, а также подробные сведения о пушках, отлитых из колокольной бронзы.

Однако бронзовые монеты Петра I все же существуют, а это вроде бы свидетельствует об использовании в начале XVIII века бронзы для непосредственной монетной чеканки, причем не только на Кадашевском дворе: бронзовые копейки встречаются как со знаком этого двора – “МД” (“монетный двор”), так и со знаками, которыми метил свою продукцию Набережный медный двор – “НД” (“Набережный двор”) и “БК” (“Большая казна”) (рис. 5–7). И тем не менее, имеются основания утверждать, что при Петре I колокольная бронза непосредственно для изготовления монет не использовалась: экспертное обследование показало, что все без исключения бронзовые монеты Петра I являются фальшивками, изготовленными способом литья, причем в качестве моделей для литейных форм

использовались произвольно взятые подлинные монеты, в большинстве своем датированные не позднее 1713 года.

Когда же были отлиты фальшивые бронзовые монеты Петра I? Ведь если они предназначались для выпуска в обращение, то они должны были появиться в одно время с аналогичными подлинными монетами, то есть в начале XVIII века, а если они были изготовлены для обмана коллекционеров, то наиболее вероятное время их появления – XIX век.

Имеются два основных признака, отличающих бронзовые монеты Петра I от литых подделок, сфабрикованных с целью обмана коллекционеров. Во-первых, на коллекционных подделках XIX века следы литья сравнительно мало заметны, тогда как на бронзовых монетах Петра I обычно имеются многочисленные поверхностные раковины, свидетельствующие о крайне примитивной технике литья. Во-вторых, практически все бронзовые монеты Петра I имеют следы преднамеренной и весьма сильной потертости: таким варварским способом фальшивомонетчики старались уничтожить хотя бы на выпуклых деталях рельефа признаки литья – раковины. Ничего подобного у литых подделок, изготовленных для коллекционеров в XIX веке, не наблюдается. Но есть и прямое свидетельство того, что петровские бронзовые монеты были изготовлены в начале XVIII века, а значит, предназначались для выпуска в обращение.

Как известно, денги (полукопейки) Анны Иоанновны, чеканившиеся по весовой норме в 10 рублей из пуда меди, вначале (1730–1733 гг.) изготавливались главным образом перечеканкой копеек Петра I, весовая норма которых составляла 20 рублей из пуда меди. И вот среди полукопеечников Анны Иоанновны изредка обнаруживаются экземпляры, по недосмотру перечеканенные из фальшивых бронзовых копеек. Безусловно подлинная бронзовая денга 1731 года имеется и в собрании Государственного Исторического музея (рис. 8): на ней отчетливо видны как следы изображений и надписей, присущих петровской копейке, так и дефекты литья – обширные поверхностные раковины.

Остается найти объяснение такому не совсем обычному явлению, когда фальшивые бронзовые монеты, легко отличимые от подлинных мед-

ных, все же имели, по всей видимости, достаточно широкое хождение в народе – об этом свидетельствует довольно большое число таких подделок, сохранившихся до настоящего времени и нередко встречающихся как в государственных собраниях, так и в частных коллекциях (например, в фондах отдела нумизматики Государственного Исторического музея находится более сорока фальшивых бронзовых монет Петра I).

Использование бронзы для изготовления литых фальшивок вполне объяснимо: практически не отличаясь от меди по рыночной цене, она имела, по сравнению с медью, в первую очередь хорошую текучесть в расплаве, а также меньшую на 180° температуру плавления, что в значительной мере упрощало процесс литья. И тем не менее, массовый приток в денежное обращение начала XVIII века литых бронзовых фальшивок, копировавших медные монеты Петра 1704–1713 годов, – явление уникальное. Даже среди многочисленных подделок, копирующих медные пятаки 1723–1730 годов, которые являлись исключительно выгодными объектами фальсификации, экземпляры, отлитые из бронзы, встречаются крайне редко. Причина здесь заключается, видимо, в том, что довольно широко распространенные литые бронзовые подделки, копировавшие российские серебряные монеты массового выпуска, всегда имели маскировочное покрытие “под серебро”, тогда как бронзовые копии медных монет покрытия “под медь” обычно не имели.

Следовательно, в начале XVIII века существовали какие-то обстоятельства, обеспечивавшие “незамаскированным” бронзовым фальшивкам их успешное участие в денежном обращении. Такими обстоятельствами, скорее всего, и были условия, в которых проводилась конфискация правительством Петра I церковных колоколов и их дальнейшее использование. Действительно, передача части конфискованных колоколов на монетный двор не была, видимо, ни для кого большой тайной, а вот как именно использовалась колокольная бронза на монетном дворе, могли знать лишь немногие. Именно поэтому подделки из бронзы вполне могли в то время не только сойти за подлинные монеты, но и служить для многих объектами особого почитания в качестве останков поруганной святыни.

Совсем иначе обстояло дело с медными пятаками 1723–1730 годов (рис. 9). Ко времени нахождения этих монет в обращении страсти, порожденные конфискацией церковных колоколов, давно утихли, ни о каком использовании колокольной бронзы не могло быть и речи, а потому каждому было ясно, что бронзовый пятак мог быть только фальшивкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Копии документов из архива Морского министерства хранятся в фондах отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.

2. В 3-м издании книги И. Г. Спасского “Русская монетная система” (Л., 1962. С. 151) содержатся такие сведения, относящиеся к началу деятельности Кадашевского монетного двора: “...а в последующие годы в числе разных видов припасенной для производства монет меди упоминаются десятки колоколов”. Но в 4-м издании книги (Л., 1970. С. 168) эта форма изложена уже по-иному: “...а в последующие годы в числе различных видов меди, припасенной для производства, упоминаются десятки колоколов” (курсив мой. – В. У.).

3. Оловянишников Н. История колоколов и колокололитейное искусство. М., 1912.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

НОВОДЕЛЬНЫЕ МОНЕТЫ. ОСОБАЯ ГРУППА НОВОДЕЛОВ

Новодельные монеты (или новоделы)³ согласно этому их названию являются монетами заново сделанными, то есть отчеканенными в значительно более позднее время по сравнению с обозначенной на них датой. Существует несколько мнений насчет того, какие именно монеты следует называть новодельными.

Например, широко распространено мнение, что новодельными можно считать все неподлинные монеты, изготовленные чеканкой; именно по такому принципу был составлен А. А. Ильиным рукописный каталог “новоделов” коллекции Эрмитажа. Вполне очевидно, что такой огульный подход к определению новоделов совершенно неприемлем, поскольку уравнивает новоделы с огромной массой фальшивок, которые в последние годы изготавливаются главным образом чеканкой.

Не менее распространено утверждение, высказанное впервые А. К. Марковым¹, согласно которому новодельными должны считаться только монеты, отчеканенные в более позднее время, но подлинными штампами. Такая точка зрения, основанная на стремлении придать новоделам некое научное значение, не учитывает того, что и подлинными штампами можно начеканить совершенно абсурдные “монеты”. Например, хорошо известны новоделы, отчеканенные комплектами из подлинных штампов двух совершенно различных монет, или новоделы, отчеканенные комплектами из подлинного монетного и подлинного медального штампов. Ясно, что о каком-то научном значении таких фантастических изделий не может быть и речи. А куда отнести монеты, для чеканки которых был использован один штамп подлинный, а другой – специально изготовленный для новоделов? Или монеты, отчеканенные штампами, при изготовлении которых были использованы подлинные маточники? Наконец, какую научную ценность могут иметь такие новоделы, когда существуют подлинные монеты, отчеканенные теми же штампами-

ми, а новоделы чаще всего не соответствуют подлинникам по весу, пробе сплава и гуртовому оформлению?

Значительно более точную формулировку для новоделов дал И. Г. Спаский, писавший в 1977 году, что "...общим и непременным признаком для всех новоделов остается изготовление их на монетных дворах"². Но и такое определение нельзя признать исчерпывающим, поскольку оно не учитывает еще одно обстоятельство. Дело в том, что к несомненным новоделам должны быть отнесены монеты, которые в конце XIX или в начале XX века были отчеканены вне монетных дворов подлинными штемпелями, хранящимися в музейных собраниях.

В результате наиболее правильным и полным следует, видимо, считать следующее определение: новодельными монетами называются специфические неподлинные монеты, отчеканенные в монетных металлах (золоте, серебре, меди) на государственных монетных дворах подлинными или специально изготовленными для этого штемпелями, а также отчеканенные вне монетных дворов с использованием подлинных комплектов штемпелей.

Массовое изготовление новоделов монет императорского периода производилось на Петербургском, Екатеринбургском, Сузунском и Варшавском монетных дворах и прекращалось дважды: вначале – в 1847 году по решению императора Николая I, а затем и в 1890 году по решению императора Александра III. Однако примерно в 1927 году на Ленинградском монетном дворе вновь было отчеканено некоторое количество новодельных "гангутских" рублей 1914 года, рублей 1915 года и пробных медных монет 1916 года³.

Хотя многие новоделы могут быть выявлены лишь с большим трудом, а некоторые вообще не поддаются определению, все же большая их часть имеет признаки, позволяющие отличить их от подлинных монет, например:

- масса новодельной монеты часто отличается от нормативной, установленной для соответствующих подлинных монет: обычно заготовки для новоделов вырубались из имевшихся на монетном

дворе полос, приготовленных для монет текущего выпуска, а не из полос, специально прокатанных до нужной для новодела толщины;

- проба золота или серебра, использованного для изготовления новодела, часто не соответствует пробе, установленной для аналогичных подлинных монет: обычно для новоделов не изготовлялся сплав нужного состава, а использовался сплав, приготовленный для монет текущего выпуска; некоторые новоделы вообще чеканились из несоответствующего металла (например, медные новоделы золотых монет или золотые новоделы серебряных монет);
- гуртовое оформление новоделов часто отличается от стандартного, установленного для подлинных монет аналогичного образца, либо бывает выполнено кустарным способом;
- многие новоделы отчеканены дефектными подлинными штемпелями и имеют следы начальной стадии разрушения штемпеля, следы от коррозии, а также от доработки штемпеля;
- в ряде случаев новоделы отличаются от соответствующих подлинных монет рисунком изображений, содержанием или расположением надписей, необычным сочетанием даты и знака минцмейстера, а иногда вообще представляют собой совершенно фантастические монеты.

Опознавать новоделы и отделять их, как и фальшивки, от подлинных монет совершенно необходимо. Хотя многие коллекционеры собирают новодельные монеты наравне с подлинными и высоко их ценят, ученые-нумизматы всегда относились и относятся к новоделам крайне отрицательно. А первым выступил против новоделов в 1846 году бывший тогда начальником Петербургского монетного двора А. Р. Армстронг.

В донесении от 31 декабря 1846 года на имя Департамента горных и соляных дел Армстронг писал: “Приготовлять подобные монеты (новоделы. – В. У.) для посторонних мест и особенно для частных лиц, которые могут выдавать их и пускать в продажу под названием оригинальных древних монет, я считаю вредным для науки... Наполнение сих собраний

(нумизматических. – В. У.) монетами древнего штемпеля, но приготовленными ныне, из металлов, не соответствующих им пробою... может в последствии времени привести нумизматиков в большое затруднение относительно пробы и веса древних монет и даже поселить в них ложные понятия об этом предмете. Таким образом, вместо той пользы, какую, по-видимому, можно бы ожидать от увеличения в нумизматических собраниях древних монет, нынешняя фабрикация их послужит прямо к вреду науки”⁴.

Именно это дополнение Армстронга послужило основанием для запрещения в 1847 году изготовления новоделов. Однако в последующие сорок лет чеканка их каким-то образом все же продолжалась, в связи с чем в 1890 году великий князь Георгий Михайлович, давший свое имя знаменитому Корпусу русских монет, вновь ходатайствует о прекращении выпуска Петербургским монетным двором такой продукции.

В письме от 18 января 1890 года на имя министра финансов Георгий Михайлович сообщил, что император Александр III согласился с его доводами в отношении вреда, причинявшегося новоделами отечественной нумизматике, и заметил: “Чеканка новодельных монет на будущее время должна быть безусловно запрещена”. Доводы Георгия Михайловича, изложенные в том же письме: “...при обилии новодельных монет гораздо труднее напасть на след, где скрываются подлинные, – самим нумизматам, особенно начинающим, легко можно впасть в ошибку, приняв новодел за подлинник, так как для подобного распознавания нужен долголетний опыт и известный навык”⁵.

Мнение императора было немедленно трансформировано в официальное указание Петербургскому монетному двору.

Наконец, известный российский ученый-нумизмат И. Г. Спасский дал новоделам следующую характеристику: “Среди всех «ненстоящих» монет, с которыми может иметь дело нумизматика, самые ненастоящие – антикварные подделки и новоделы: они не «бывшие деньги», а лишь призрачное подобие их, порожденное собирательной страстью, и могут представлять интерес лишь для истории собирательства”⁶.

И все же, несмотря на совершенно справедливое резко отрицательное отношение к новоделам вообще, ввиду несомненного вреда, который наносило российской нумизматике массовое их изготовление, среди новодельных монет имеется небольшая группа, представляющая несомненный научный интерес; первыми на эту особую группу обратили внимание Х. Х. Гиль и А. А. Ильин⁷.

К этой группе относятся новодельные монеты, отчеканенные с использованием одного или пары подлинных штемпелей пробных монет, причем подлинные монеты, отчеканенные этими штемпелями, на сегодня не известны по двум возможным причинам: либо такие монеты просто не сохранились, либо они вообще не были отчеканены, поскольку оказались забракованными на стадии изготовления штемпелей.

Если для чеканки рассматриваемых новоделов использовался только один подлинный штемпель, то иногда в качестве парного брали какой-либо подлинный или новодельный штемпель, примерно подходящий к основному по размерам и тематике, а иногда эти новоделы так и изготавливались односторонними.

На сегодняшний день к особой группе можно с достаточной степенью достоверности отнести следующие новодельные монеты.

Полтина 1699 года (серебро, рис. 1)

Небольшое количество этих новоделов было отчеканено, скорее всего, в конце XIX или начале XX века подлинными штемпелями (рис. 16), хранившимися вначале в Оружейной палате Московского Кремля, а затем поступившими в Государственный Исторический музей. Состояние штемпеля аверса с архаичным портретом царя Петра Алексеевича свидетельствует о том, что хотя бы один раз в 1699 году была предпринята попытка отчеканить подлинный экземпляр такой монеты. Действительно, в результате неправильной постановки этого штемпеля при чеканке его стержень, представляющий собой массивную стальную болванку, ударом “молотового снаряда” был погнут, а часть рабочей поверхности штемпеля откололась (след этого скола хорошо виден на рис. 1).

Два рубля 1722 года (серебро, рис. 2)

История изготовления этих новоделов подробно описана Е. В. Лепехиной в статье “Двухрублевик Петра Первого 1722 года из собрания Кунсткамеры”⁸. Вкратце эта история сводится к следующему.

Проект выпуска серебряных двухрублевиков в 1722 году, несомненно, существовал – именно под этот проект и было начато изготовление соответствующих штемпелей. Однако по каким-то причинам штемпели не были закончены (например, на штемпеле аверса, на портрете царя резчик не успел изобразить усы), а потому ни одна подлинная монета не могла быть изготовлена.

Первый экземпляр новодельного двухрублевика 1722 года был, видимо, оттиснут незаконченными штемпелями в их первоизданном виде еще при жизни Петра I по заказу его сподвижника Я. В. Брюса, у которого имелась довольно значительная коллекция монет и медалей. Вместе с этой коллекцией новодельный двухрублевик поступил вначале в минцкабинет Кунсткамеры, оттуда – в Академию наук и в конце концов – в Государственный Эрмитаж (именно этот, первоначальный, новодел и представлен на рис. 2).

Что же касается штемпелей этой монеты, то они примерно в конце XVIII века поступили из Москвы на Петербургский монетный двор, где их “подновили” и закалили, после чего в начале XIX века использовали для дальнейшей чеканки новоделов. Таким образом, все известные коллекционерам экземпляры новодельного двухрублевика 1722 года оттиснуты только “подновленными” штемпелями и потому в деталях довольно заметно отличаются от экземпляра из коллекции Брюса.

Два рубля 1726 года (серебро, рис. 3)

Существование подлинных экземпляров пробного серебряного двухрублевика 1726 года подтверждается соответствующей записью в Журнале Верховного тайного советника от 15 июня 1726 года: именно тогда члены совета рассматривали вопрос об этих монетах “новой инвенции из нового серебра”. Результаты рассмотрения в журнале не отражены, од-

нако совершенно очевидно, что для массовой чеканки такая монета не была рекомендована. К настоящему времени ни одного подлинного пробного двухрублевика 1726 года не сохранилось, да и новодельных экземпляров известно только два, один из которых находится в собрании Государственного Эрмитажа⁹.

Гривенники 1739 и 1740 годов, пятикопеечники 1740 года (медь, рис. 4–7)

Разработки новых серебряных разменных монет велись, начиная с 1735 года, на основании ряда правительственных указов в связи с прекращением в 1735 году массовой чеканки серебряных гривенников, имевших неприемлемое внешнее оформление, а также в связи с нарастанием в стране разменного кризиса. Именно в результате этих разработок были изготовлены штемпели гривенника 1739 года, а также гривенника и двух разновидностей пятикопеечника 1740 года. Чеканились ли этими штемпелями подлинные пробные монеты, на сегодня неизвестно, во всяком случае, ни одной такой монеты не сохранилось. Однако до нас дошли очень редко встречающиеся их новодельные экземпляры, изготовленные из меди.

Наиболее вероятно, что эти новоделы были отчеканены подлинными штемпелями на Петербургском дворе по заказу барона Х. В. Миниха, назначенного в 1740 году главным директором Монетного правления и имевшего собственную нумизматическую коллекцию. Выбор для изготовления всех четырех новоделов несоответствующего для них металла (меди вместо серебра), видимо, объясняется тем обстоятельством, что во времена Миниха тиражирование забракованных пробных монет в соответствующем металле могло считаться противозаконным.

Известен еще один новодельный гривенник 1739 года, изготовленный также в меди (рис. 8). Реверс этой монеты отчеканен тем же подлинным штемпелем, что и реверс гривенника, представленного на рис. 4, а вот портретный штемпель аверса был, несомненно, вырезан специально для чеканки новодела известным русским гравером Лукьяном Дмитриевым¹⁰.

5 рублей 1755 года (золото, рис. 9, 10)

В 1755 году впервые в денежное обращение Российской империи были включены золотые монеты крупных номиналов – десятирублевики и пятирублевики. При разработке внешнего оформления этих новых монет рассматривались, в числе других, и варианты их реверса с изображением на груди гербового орла небесного покровителя России святого апостола Андрея Первозванного. Свидетельством таких разработок являются уникальный подлинный пробный десятирублевик, находящийся в собрании Государственного Эрмитажа, и очень редко встречающиеся новоделные пятирублевики, гербовая сторона которых оттиснута двумя различными подлинными штемпелями. Оттиск лицевой стороны этих новоделов выполнен с использованием подлинных штемпелей двух монет массового выпуска: пятирублевика образца 1755 года (рис. 9) и двойного “андреевского” червонца 1749 или 1751 года (рис. 10). Оба серийных портретных штемпеля (и пятирублевика, и двойного червонца) при чеканке новоделов использовались дважды – в сочетании с каждым из двух пробных штемпелей, так что существуют четыре разновидности этих новоделов. Однако в настоящем очерке на иллюстрациях представлены только две из них, поскольку содержание лицевых сторон всех рассматриваемых новоделов никакого интереса не представляет. Существовали ли подлинные пятирублевики 1755 года, отчеканенные с использованием пробных гербовых штемпелей, в настоящее время неизвестно¹¹.

Копейка 1775 года без обозначения номинала (медь, рис. 11)

В 1775 году на Петербургском монетном дворе было изготовлено не менее десятка различных штемпелей аверса и реверса для чеканки медных монет копеечного номинала. Несколькими комплектами, составленными из этих штемпелей, были отчеканены пробные медные копейки 1775 года с различным внешним оформлением.

К числу указанных выше пробных штемпелей, безусловно, относится и штемпель, которым оттиснута гербовая сторона новоделной монеты, представленной на рис. 13. Однако ни одной подлинной пробной моне-

ты, изготовленной с использованием этого штемпеля, на сегодня не обнаружено.

Поскольку интересующий нас штемпель не несет на себе обозначения номинала, наиболее вероятно, что при чеканке пробной монеты он должен был исполнять роль штемпеля аверса, а номинал предполагалось, видимо, поместить на парном с ним штемпеле реверса¹².

10 копеек, 4 копейки и денга 1760 года односторонние (медь, рис. 12–14)

В декабре 1760 года П. И. Шувалов представил в Сенат предложение о перечеканке 16-рублевой медной монеты в 32-рублевую. Полный комплект новых монет должен был состоять из пяти номиналов: 10, 4, 2, 1 копейка и денга. Однако из числа сопровождавших предложение Шувалова пробных монет на сегодня известны в подлинниках только две: двухкопеечник и копейка 1760 года. Монеты остальных номиналов представлены только весьма редкими односторонними новоделами, отчеканенными подлинными штемпелями реверса десятикопеечника, четырехкопеечника и денги. Использовались ли эти штемпели для чеканки подлинных пробных монет и существовали ли соответствующие штемпели аверса, на сегодня неизвестно¹³.

Рубль 1827 года (серебро, рис. 15)

Обстоятельства, сопутствовавшие появлению такого новодела, были изложены В. В. Бартошевичем в статье, посвященной истории “константиновского” рубля¹⁴.

Штемпели этой монеты, изготовленные главным медальером Петербургского монетного двора Я. Я. Рейхелем, не получили одобрения: Николай I рассмотрел и забраковал снятые с них свинцовые оттиски, после чего штемпели были сданы в архив монетного двора. Таким образом, ни одного подлинного портретного рубля 1827 года в серебре отчеканено не было.

Штемпели этой монеты были извлечены из архива и использованы для чеканки новоделов только в царствование Александра II. Вначале

сравнительно небольшое количество экземпляров было оттиснуто еще не закаленными штемпелями – такие новоделы легко опознаются по рубчатой насечке на гурте. Позднее, в 1880-х годах, штемпели были закалены и стали использоваться для чеканки новоделов на кружках с гладким гуртом или с гуртовой надписью; в последнем случае использовались кружки, подготовленные для чеканки рублей массового выпуска (до 1886 года).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Спасский И. Г.* Новоделы // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 107.
2. Там же. С. 123.
3. Там же. С. 123–124.
4. *Бартошевич В. В.* К вопросу о судьбе монетного двора и истории изготовления ими новоделов // Нумизматический сборник, Ч. XIII. Труды ГИМ, Вып. 98. М., 1998. С. 310.
5. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Русские монеты 1881–1890 гг. СПб., 1891. С. 82.
6. *Спасский И. Г.* Указ. соч. С. 106.
7. *Гиль Х. Х., Ильин А. А.* Русские монеты, чеканенные с 1801 по 1904 г.: Практическое руководство для собирателей. СПб., 1904. С. IV.
8. *Лепехина Е. В.* Двухрублевик Петра Первого 1722 г. из собрания Кунсткамеры // Международный нумизматический альманах, Вып. 1. Вологда, 1995. С. 39–49.
9. См. очерк “Пробные монеты 1726–1727 годов”.
10. См. очерк “Пять медных новоделов пробных серебряных монет”.
11. См. очерк “1755 год”.
12. См. там же.
13. См. очерк “Новоделы трех пробных монет 1760 года”.
14. *Бартошевич В. В.* Об одном спорном вопросе в истории константиновского рубля // Нумизматический сборник. Ч. VII. Труды ГИМ, Вып. 53. М., 1980. С. 90–92.

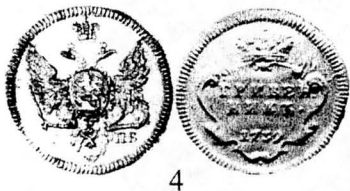
1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

ПЯТЬ МЕДНЫХ НОВОДЕЛОВ ПРОБНЫХ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ 1739–1740 ГОДОВ

Время от времени приходится возвращаться к рассмотрению обстоятельств такого неблагоприятного явления в российской нумизматике, как изготовление новодельных монет, поскольку среди огромного числа этих подделок, отчеканенных на монетных дворах, продолжают обнаруживаться экземпляры, имеющие несомненную научную ценность: это новоделы, оттиснутые подлинными штемпелями пробных монет, которые в подлинниках к настоящему времени не сохранились. Именно о таких новоделах и пойдет речь в настоящем очерке.

23 марта 1731 года вышел именной указ Анны Иоанновны¹ об изъятии из обращения ходившей ранее разменной серебряной монеты, а также о выпуске новых серебряных монет из серебра 77-й пробы. Указом предусматривалось, что “...знаки на оных (то есть вновь выпущенных. – В. У.) рублевиках, полтинниках, гривенниках таковы ж, каковы были на прежних”.

Однако вскоре выяснилось, что выбранное для новых гривенников оформление (рис. 1) существенно затрудняет их нормальное обращение. Так, в сенатском указе от 5 июня 1735 года² отмечалось, что “новосделанные гривенники... имеют со старыми некоторых прежних лет гривенниками ж, которые по силе указов подлежат к вымену, а особливо 1718 года, чекан почти одинаковый, только одно различие года внизу цифирными словами, а вверх такие ж 10 точек для знания безграмотным и цифири незнающим людям; и для того такие люди нынешние новые гривенники со старыми, которые с 10 точками, различить не умеют, и тех новых гривенников, почитая за старые, в народе слышно не принимают...” (гривенник 1718 года представлен на рис. 2).

В связи с этим 13 октября 1735 года вышел еще один именной указ³: “Того ради указали Мы те новые гривенники делать с одной стороны с двоеглавым орлом без точек, а с другой стороны прописывать словами: гривенник и год”. Результат от этого указа получился довольно неужи-

данный: массовая чеканка гривенников с 10 точками, продолжавшаяся пять лет, в 1735 году была полностью прекращена, а гривенники нового образца (без точек) до конца царствования Анны Иоанновны в обращение так и не поступили.

Тем не менее, поиски приемлемого внешнего оформления серебряных гривенников, несомненно, проводились. Например, в рапорте, направленном в Сенат 28 марта 1735 года⁴, канцелярия Монетного правления просила одобрить новое оформление реверса гривенников, при котором 10 точек будут размещены "...посреди монеты, ценою вверх и знаком года вниз". Далее, представляя в Сенат образцы гривенников с новым оформлением трех видов, главный директор Монетного правления граф М. Головкин 4 августа 1735 года писал⁵: "...а по мнению Канцелярии Монетного Правления, для лучшей красоты монеты надлежит делать против образцовых гривенников, которые с Августейшею Ея Императорского Величества персоною сделать корону, которой в Монетной Канцелярии не натиснено, чаятельно, за теснотою места, однако по препорции персоны, хотя уступя слов, корону печатать надобно".

Такие поиски продолжались целых четыре года: единственно известный подлинный пробный гривенник (рис. 3) датирован 1739 годом.

А между тем в стране уже назревал разменный кризис, о чем свидетельствует указ из канцелярии Монетного правления в Московскую монетную канцелярию, подписанный 25 августа 1740 года новым главным директором Монетного правления бароном Х. В. Минихом⁶: "...как при подушном и прочих казенных сборах, так и в народе в размене крупной рублевой монеты, за неимением мелких денег, будет не малый недостаток и помешательство, и для того надлежит делать серебряные гривенники и пятикопеечники". В связи с этим Московской монетной конторе было предписано "...сделав разных образцов тем гривенникам и пятикопеечникам абдрукы (оттиски. — В. У.), для апробации прислать в Канцелярию Монетного правления". Но и этот указ при Анне Иоанновне реализован не был: гривенники нового образца появились уже в царствование Ивана Антоновича, а серебряные пятикопеечники и вовсе при Елизавете Петровне, в 1755 году.

Со всеми описанными выше событиями и документами весьма точно соотносятся очень редкие серебряные по существу, но отчеканенные в меди монеты: два образца гривенника, датированные 1739 годом (рис. 4–5), а также гривенник и два образца пятикопеечника, датированные 1740 годом (рис. 6–8). Гривенники 1739 года, несомненно, связаны с поисками нового внешнего оформления монет этого номинала, а монеты 1740 года явно имеют непосредственное отношение к указу Х. В. Миниха от 25 августа 1740 года.

Что же в действительности представляют собой эти пять монет? В Корпусе великого князя Георгия Михайловича ⁷, как и в каталоге А. Ильина и И. Толстого ⁸, они отнесены к новодельным монетам, однако в Корпусе описание каждой из них сопровождается следующим примечанием: “Весьма вероятно, что это современный (то есть соответствующий его датировке. – В. У.) пробный оттиск из меди, отчеканенный по проекту Миниха”. Такое предположение все же представляется весьма спорным, и вот почему.

Во-первых, Х. В. Миних не мог иметь отношения к разработке нового оформления гривенников в 1735–1739 годах, поскольку этим занимался М. Головкин, бывший в то время главным директором Монетного правления. А во-вторых, вообще нет достаточных оснований причислять эти монеты к пробным оттилкам.

Хорошо известно, что российские монеты, изготовленные из несоответствующего металла, в подавляющем большинстве случаев либо выполняли вполне определенные функции ⁹, либо (что бывало гораздо чаще) являлись новодельными. Поскольку никакой видимой причины для изготовления подлинных медных экземпляров пробных серебряных монет 1739–1740 годов не обнаруживается, все рассматриваемые нами оттиски следует однозначно отнести к новоделам. Действительно, чем еще можно объяснить тот факт, что серебряные монеты, относящиеся к двум различным проектам, изготовленные в разное время на различных монетных дворах (портретный гривенник 1739 года и монеты 1740 года – на московском Красном, а гривенник 1739 года “СПБ” – на Петербург-

ском), да еще и при различных директорах Монетного правления, вдруг оказались все, как одна, отчеканены в меди по какой-то совершенно неизвестной причине, образуя единую компактную группу.

Поскольку аналогичные подлинные монеты, отчеканенные в серебре, на сегодня неизвестны¹⁰, возникает вопрос: а не являются ли эти медные новodelы фантастическими, “сочиненными” для коллекционеров, любителей необычных “раритетов”? Но такое сомнение вряд ли можно признать обоснованным. Дело в том, что наиболее вероятным заказчиком этих монет нужно, видимо считать все того же Х. В. Миниха, который не просто интересовался нумизматикой и имел личную коллекцию монет (о чем упоминает И. Г. Спасский¹¹), но и располагал полной возможностью осуществить такой заказ: возглавляя с 1740 года Монетное правление, он имел в своем распоряжении не только всю документацию, касающуюся разработки в 1735–1740 годах новых образцов разменных серебряных монет, но и какую-то часть подлинных штемпелей пробных гривенников и пятикопеечников. В этих условиях не было никакой необходимости “сочинять” и изготавливать штемпели для чеканки фантастических новodelов. И все же одна из интересующих нас монет – портретный гривенник 1739 года (рис. 4) – была отчеканена совершенно особым комплектом штемпелей.

При внимательном рассмотрении аверса этой монеты выясняется, что на голове портрета Анны Иоанновны отсутствует корона: вместо нее изображено довольно похожее на корону украшение из жемчуга; таким образом, описание этого гривенника в Корпусе великого князя Георгия Михайловича¹² содержит явную ошибку, отмечая наличие на голове императрицы императорской короны. Но ведь пробный гривенник с портретом без короны был представлен в Сенат графом Головкиным 4 августа 1735 года¹³, причем сам Головкин указывал тогда же на необходимость изобразить на этой монете императрицу с короной на голове. Как же получилось, что гривенник с таким существенным недостатком оказался датированным не 1735-м, а 1739 годом? Может быть, его реверс с датой “1739” оттиснут “чужим” штемпелем, что нередко бывало на новodelах?

И действительно, легко обнаружить, что при чеканке обоих медных гривенников (рис. 4 и 5) был использован один и тот же штампель реверса, хотя эти две монеты должны были чеканиться на разных монетных дворах: одна, со знаком “СПБ”, – на Петербургском, а вторая, с портретом работы Л. Дмитриева, – на московском Красном. Чтобы убедиться в авторстве работавшего в Москве известного гравера Лукьяна Дмитриева, достаточно сравнить портрет на медном гривеннике 1739 года (рис. 9) с портретом на золотом червонце 1738 года (рис. 10). Но оба портрета относятся к так называемому “типу Гедлингера”, а такие портреты Л. Дмитриев стал вырезать на монетных штампах лишь с 1737 года, так что подобное изображение Анны Иоанновны вообще не могло присутствовать на монете, описанной в документе 1735 года. Следовательно, дата “1739” вполне может соответствовать действительному времени изготовления интересующего нас портретного штампа. Однако оказывается, что и это не так, о чем свидетельствует порядок написания на этом штампе имени и титула императрицы.

Как известно, литеры “Б. М.” (то есть “БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ”) были впервые включены в титулатуру российских правителей, помещаемую на монетах, в 1730 году, в начале царствования Анны Иоанновны¹⁴. Но в отличие от западноевропейских монет, литеры этой формулы стали проставлять на российских монетах не после, а перед именем правителя. Х. В. Миних, заняв в 1740 году должность главного директора Монетного правления, сразу внес в этот российский обычай свои коррективы: на первых же пробных портретных двухкопеечниках 1740 года, отчеканенных по его проекту (один из них представлен на рис. 11)¹⁵, вместо обычного “Б. М. АННА ИМПЕРАТРИЦА...” было написано: “АННА Б. М. ИМПЕРАТ...”. Нечего и говорить, что такая “европеизация” российских монет была безоговорочно принята “брауншвейгской фамилией”, и все серебряные монеты Ивана Антоновича имели надпись: “ИОАННЪ III Б. М. ИМП...”. Зато Елизавета Петровна после прихода к власти в 1741 году немедленно вернула российскую традицию – ее общегосударственные монеты снабжены надписью: “Б. М. ЕЛИСАВЕТЪ I ИМП...”¹⁶. Так

как на аверсе медного портретного гривенника, датированного 1739 годом, написано: “АННА Б. М. ИМПЕРАТ...”, можно уверенно считать, что к его оформлению Х. В. Миних имел самое непосредственное отношение, а потому эта монета могла быть отчеканена не ранее 1740 года.

Сопоставляя все изложенные выше обстоятельства, можно хотя бы предположительно обозначить ход событий, приведших к появлению пяти медных новоделов, датированных 1739–1740 годами.

Итак, в 1739 году поиски нового оформления серебряных гривенников были по каким-то причинам прекращены как на Красном, так и на Петербургском дворе, который мог подключиться к этой работе не ранее 1738 года¹⁷; при этом все пробные монеты и их штемпели должны были уничтожаться.

Вступив в 1740 году в должность главного директора Монетного правления (которое находилось в Санкт-Петербурге), Х. В. Миних, видимо, сумел сохранить (хотя бы на время) штемпели петербургского гривенника (рис. 5), тогда как предотвратить уничтожение штемпелей пробных гривенников на московском Красном дворе он не успел. Поэтому он и мог поручить Красному двору восстановить штемпель аверса самого интересного московского гривенника 1735 года – портретного; при этом он не преминул указать тот порядок, в каком, по его мнению, должны были располагаться на этом штемпеле имя и титул императрицы.

Это поручение и выполнил Лукьян Дмитриев, причем в своей обычной манере, взяв за образец портрет работы Гедлингера и не очень заботясь о точности воспроизведения портрета 1735 года, лишь бы на голове императрицы не было короны. Затем этот штемпель, а позднее и подлинный штемпели пробных монет 1740 года (рис. 6–8), были затребованы из Москвы на Петербургский монетный двор, где и была отчеканена вся группа медных новоделов, причем реверс московского портретного гривенника оттиснут подлинным штемпелем реверса петербургского гривенника 1739 года.

Но тут возникает вопрос: почему, при столь обширных служебных возможностях Х. В. Миниха, эти новоделы были отчеканены только в меди? Ведь наверняка было бы интереснее иметь в коллекции такие монеты в их естественном виде. Скорее всего, это объясняется тем, что полная вседозволенность в деле фабрикации новоделов наступила позднее, а во времена Миниха еще наивно считали, что тиражирование забракованных пробных монет в целях коллекционирования является противозаконным, а монеты, отчеканенные в соответствующем металле новорезанными штемпелями, являются фальшивками. Поэтому единственным выходом для Христиана Вильгельма Миниха, как коллекционера, оставалось использование несоответствующего металла – меди.

Таким образом, скромный перечень новодельных монет, представляющих несомненный научный интерес, должен быть пополнен еще четырьмя образцами, отчеканенными в меди подлинными штемпелями не дошедших до нас пробных серебряных монет (рис. 5–8). Значительный интерес представляет и пятый новодел из этой группы (рис. 4), аверс которого оттиснут портретным штемпелем, вырезанным в начале 1740-х годов известным гравером Лукьяном Дмитриевым взамен утраченного подлинного штемпеля 1735 года.

Опыт, накопленный в 1735–1739 годах в ходе разработки нового оформления серебряных гривенников, в дальнейшем был успешно использован. Так, на московском гривеннике 1740 года (рис. 6) было практически полностью воспроизведено оформление петербургского гривенника 1739 года (рис. 5) – орел с московским гербом и орденом Андрея Первозванного на аверсе и надпись в картуше под короной на реверсе. А в мае 1741 года, согласно доношению Миниха в Кабинет¹⁸, была начата массовая чеканка серебряных гривенников нового образца: с портретом правителя на аверсе (как это было предложено Красным монетным двором еще в 1735 году) и с оформлением реверса, разработанным Петербургским двором в 1739 году¹⁹. В таком виде гривенники чеканились в течение более полувека: при Иване Антоновиче (рис. 12), при Елизавете Петровне (рис. 13) и при Екатерине II (рис. 14), вплоть до 1796 года.

Только при Павле I портрет правителя исчез как с гривенника (рис. 15), так и с монет других номиналов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ), № 5726.
2. ПСЗ, № 6742.
3. ПСЗ, № 6821.
4. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1901. С. 99, док. № 142.
5. Там же. С. 121, док. № 163.
6. Там же. С. 207, док. № 287.
7. Там же. С. 247–248, Монеты № 250, 252–254. Гривенник 1739 г., представленный на рис. 5, авторам Корпуса известен не был.
8. *Ильин А. А., Толстой И. И.* Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г. СПб., 1910.
9. О причинах чеканки некоторых российских монет в несоответствующем металле см.: *Уздеников В. В.* Монеты России 1700–1917. М., 1992. С. 636. *Он же.* Монеты России XVIII – начала XX в. Очерки по нумизматике. М., 1994. С. 151, 162–163.
10. В каталоге А. Ильина и И. Толстого в описании новодельного гривенника 1740 года на стр. 48 имеется явная ошибка: опущено примечание, сопровождающее описание других новodelов этой группы: “оттиск из меди” (или “чеканен из меди”). К сожалению, эта ошибка перешла в некоторые более поздние каталоги.
11. *Спасский И. Г.* Новodelы // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 122.
12. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. С. 247, монета № 250.
13. Там же. С. 121, док. № 163.
14. Если не считать латинской легенды с литерами “D.G” (“DEI GRATIA”) на аверсе червонца 1716 года.
15. Согласно неутвержденному проекту Х. В. Миниха, штемпели од-

ного из этих двухкопеечников предполагалось использовать для перечеканки всех находившихся в обращении легковесных пятаков образца 1723 года.

16. Из других общегосударственных российских монет массового выпуска “европейское” написание титулатуры еще имели только портретные монеты Петра III, вообще относившегося ко всему русскому весьма неуважительно. А среди монет специальных выпусков “европейской” титулатурой были снабжены монеты с латинскими легендами – червонец 1716 года, “ливонезы” и монеты для Пруссии, а также три памятные монеты, автором штемпелей которых был немецкий медальер Генрих Губе (рубль 1834 года с Александровской колонной, рубль и полуторарублевик 1839 года с Бородинским памятником).

17. Петербургский монетный двор был закрыт с 1728-го по 1738 год.

18. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Иоанна III. СПб., 1901. С. 18–19, док. № 39.

19. Оформление реверса претерпело при этом лишь незначительное изменение: пальмовые ветви, выступавшие из-за верхней части картуша, были заменены ветвями лавра, обрамляющими картуш.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

НОВОДЕЛЫ ТРЕХ ПРОБНЫХ МОНЕТ 1760 ГОДА

Три медные монеты, датированные 1760 годом (рис. 3–5), несомненно, имеют прямое отношение к известному проекту графа П. И. Шувалова по реформированию российской монетной системы. Эти монеты, будучи новодельными, тем не менее, представляют вполне определенный научный интерес.

31 октября 1760 года П. И. Шувалов представил в Сенат предложение «О перечеканке 16-рублевой медной монеты в 32-рублевую»¹. Предложение предусматривало изъятие из обращения медных монет, чеканившихся в 1757–1760 годах, по монетной стопе в 16 рублей из пуда меди, и перечеканку их с удвоением нарицательной цены штемпелями оригинального рисунка.

Как это и было принято в подобных случаях, кроме письменного изложения сущности предложения, были отчеканены и продемонстрированы пробные экземпляры монет нового образца. Из числа этих монет на сегодня известны две: двухкопеечник (рис. 1) и копейка (рис. 2), причем уникальный двухкопеечник, хранящийся в собрании Государственного Эрмитажа, был опубликован еще в 1896 году в Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича², а факт существования такой же уникальной копейки в коллекции Смитсоновского института (США) стал известен российским нумизматам лишь в 1977 году, после выхода из печати Каталога русских медных монет Б. Ф. Брекке³.

Важно отметить, что обе эти несомненно подлинные монеты имеют серьезные производственные дефекты: у двухкопеечника в процессе чеканки произошло смещение монетного кружка относительно штемпелей, а кружок копеечной монеты при чеканке лопнул. Тот факт, что до нас дошли только эти дефектные монеты, позволяет предположить, что все кондиционные пробные монеты 1760 года после выхода именного указа от 17 января 1762 года⁴ (о массовой чеканке монет 32-рублевой стопы) были уничтожены за ненадобностью, а монеты, представленные на рис. 1 и 2, сохранились случайно: будучи дефектными, они были отбракованы,

а позже могли быть подобраны и сохранены каким-нибудь собирателем редкостей.

Что же касается монет, представленных на рис. 3–5, то они, полностью соответствуя (по оформлению реверса) рассмотренным выше подлинным монетам 1760 года, тем не менее, являются новодельными, хотя для их чеканки и были использованы подлинные штемпели. Об этом свидетельствуют следующие особенности этих монет:

1. Все три монеты несут на себе следы дефектов штемпелей: на четырехкопеечнике и денге – это следы коррозии рабочей поверхности штемпеля, а десятикопеечник вообще оттиснут лопнувшим штемпелем, причем на сегодня не обнаружено ни одной из этих монет, которая была бы отчеканена доброкачественным штемпелем, хотя изготовлено их было не менее восьми комплектов. Как известно, коррозия может появиться на штемпелях только в случае достаточно длительного их хранения в неблагоприятных условиях, а значит, четырехкопеечник и денга (рис. 4 и 5), во-первых, были оттиснуты значительно позднее 1760 года⁵ и потому не являются подлинными, а, во-вторых, штемпели, использованные для их чеканки, подлинные, а не изготовленные специально для фабрикации новоделов, поскольку такие “новорезанные” штемпели сразу же пускались в работу, а не ржавели без дела на складе монетного двора. Подлинным штемпелем отчеканен и десятикопеечник (рис. 3), поскольку для чеканки новоделов никогда не использовались специально изготовленные для этого штемпели, имевшие какие-либо дефекты, тем более лопнувшие.

2. Все три монеты имеют гладкий, грубо опиленный вручную гурт, тогда как на подлинных монетах 1760 года гурт имеет сетчатую насечку. Кроме того, фактическая масса этих монет имеет очень большой разброс значений в пределах одного номинала и чаще всего сильно отличается от нормативного значения массы монет 32-рублевой монетной стопы.

Остается отметить еще одну особенность новоделов, представленных на рис. 3–5: все они односторонние, то есть другая их сторона, соответствующая аверсу, имеет гладкую, почти отшлифованную поверхность.

Обычно бывает так, что большинство коллекционеров-любителей приобретает новоделы с целью подменить ими недостающие в их коллекции подлинные монеты, а потому односторонние новоделы для них не особенно желательны. Надо думать, что именно по этой причине и был “сочинен” двусторонний новодел денги 1760 года (рис. 6), относящийся к наиболее неприглядной категории новоделов, для чеканки которых в одном комплекте сочетались штемпели двух совершенно различных монет; в данном случае в качестве штемпеля лицевой стороны денги 1760 года был использован штемпель аверса новодельного серебряного алтынника 1718 года (рис. 7).

По какой же причине новоделы 1760 года (рис. 3–5) были изготовлены односторонними? Скорее всего, они были отчеканены уже после выхода именного указа от 17 января 1762 года, и поэтому использовать штемпели аверса пробных монет 1760 года для чеканки новоделов было нежелательно, поскольку в процессе такой чеканки могло ухудшиться их качество, а они могли использоваться (и, конечно же, использовались) без всякой доработки в ходе массовой чеканки монет 1762 года.

Но вот одно обстоятельство остается пока совершенно необъяснимым: почему не были отчеканены новоделы 1760 года двухкопеечного и копеечного номинала, то есть новодельные экземпляры именно тех монет, которые существуют в подлинниках? Невероятно предположение того, что изготовителям новоделов было известно о “спасении” двух уникальных подлинных монет. Однако никакого другого объяснения такому удивительному совпадению найти пока не удастся.

Учитывая большую редкость новоделов 1760 года, Петербургский монетный двор вполне мог изготовить “новорезанные” штемпели и начеканить любое количество аналогичных новоделов, причем двухсторонних и с полным набором номиналов. Однако этого не случилось: в середине царствования Екатерины II появилось большое количество новоделов, довольно похожих на монеты 1760 года, но датированных 1761 годом (рис. 8–11). Нечего и говорить, что такой отказ администрации монетного двора от “доукомплектования” редчайших новоделов 1760

года, оттиснутых подлинными штемпелями, заслуживает самой высокой оценки. Кстати сказать, среди новоделов 1761 года отсутствует монета копеечного номинала. Неужели и здесь знали о существовании подлинной копейки 1760 года?

Итак, согласно именному указу от 17 января 1762 года, предложение П. И. Шувалова от 31 октября 1760 года стало претворяться в жизнь. При этом весьма вероятно, что задержка с реализацией этого предложения больше чем на год объясняется не тем, что первоначально это предложение было отклонено: скорее всего, предложенное Шуваловым реформирование российской монетной системы требовало подробного его рассмотрения и всесторонней оценки, причем этот процесс дополнительно тормозился сначала болезнью и кончиной Елизаветы Петровны, а затем церемонией вступления на престол нового императора – Петра III. Тот факт, что именной указ от 17 января 1762 года о начале массовой перечеканки медных монет был подписан императором спустя всего 22 дня после его коронации, свидетельствует о том, что для реализации предложения Шувалова все было уже готово, в том числе – были оснащены всем необходимым для перечеканки четыре штатных монетных двора (Красный, Петербургский, Сестрорецкий и Екатеринбургский) и три временных двора (в Нижнем Новгороде, в Ярославле и в селе Поречье).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императрицы Елизаветы I. СПб., 1896. Т. I. С. 232–245.
2. Там же. Т. II. Табл. XVIII, монета № 19.
3. *Brekke B. F.* The copper coinage of Imperial Russia. 1700–1917. Malmö. P. 93. № 137.
4. Полный свод законов Российской империи, № 11407.
5. Скорее всего, все новоделы 1760 года были отчеканены с использованием подлинных штемпелей перед тем, как эти штемпели были уничтожены (или передатированы).

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

НОВОДЕЛЬНЫЙ ИМПЕРИАЛ 1805 ГОДА

Не так давно Государственным Историческим музеем была приобретена не совсем обычная монета: это новодельный золотой империял (десятирублевик) Александра I, отчеканенный подлинными штемпелями империяла 1805 года (рис. 1). Поскольку до настоящего времени отсутствовали какие-либо сведения о существовании такой новодельной монеты (она не зафиксирована ни в одном из известных нумизматических каталогов), а никаких признаков фальсификации на приобретенной Историческим музеем монете не обнаруживается, неизбежно встает вопрос: не является ли эта монета подлинной?

Новодельный характер рассматриваемого империяла 1805 года подтверждается прежде всего особенностями нанесенной на его гурт шнуровидной насечки, которая отличается от насечки, присущей всем империялам и полуимпериялам 1802–1805 годов: она имеет меньший наклон и больший шаг. Однако основным отличием этой монеты от подлинных империялов Александра I является значение ее лигатурной массы и пробы золота, из которого она изготовлена.

Лигатурная масса рассматриваемой монеты равна 13,09 г, что на 0,92 г больше нормативного значения и десятикратно превышает весовой ремедиум; вполне очевидно, что подлинная золотая монета не могла иметь такого большого отклонения от весовой нормы. Наконец, золото, использованное при чеканке этой монеты, вместо $94\frac{2}{3}$ пробы, установленной для золотых монет 1797–1805 годов согласно Манифесту от 3 октября 1797 года ¹, имеет примерно 88-ю пробу, то есть ту пробу, которая согласно именному указу от 14 февраля 1817 года ² была установлена для золотых монет массового выпуска 1817–1885 годов. А на этот период как раз и приходится наиболее вероятное время изготовления новоделов, подобных нашему. Что же касается использования для чеканки этого новодела штемпелей подлинного империяла 1805 года, то следует отметить, что и все остальные новоделы золотых монет этого времени (импе-

риалы 1802 и 1809 годов и полуимпериал 1803 года) также отчеканены соответствующими подлинными штемпелями.

В подавляющем большинстве случаев подлинные империалы 1802–1805 годов имеют очень плохую сохранность. Видимо, именно по этой причине до настоящего времени не была обнаружена одна особенность в оформлении этих монет, которая оказалась хорошо заметной на приобретенном Историческим музеем новоделе, находящемся в отличной сохранности. Особенность эта заключается в том, что на правой (дубовой) ветви венка, окружающего надпись на реверсе монеты, на втором от банта левом (верхнем) листке помещена выпуклая литера “Л” (рис. 2). При внимательном рассмотрении, эта литера обнаруживается в указанном месте на всех других подлинных и новодельных империалах, помеченных знаком минцмейстера Христофора Лео (“ХЛ”).

Поскольку ничего подобного на монетах со знаком минцмейстера Александра Иванова (“АИ”) не наблюдается, а знак гравера на монетах данного образца совершенно неуместен, остается предположить, что литера “Л” представляет собой как бы дублирующий знак минцмейстера и является начальной буквой фамилии “Лео”. В то же время, на полуимпериалах со знаком “ХЛ” “дублирующий” знак не встречается.

Что же могло послужить причиной появления такого необычного для XIX века дублирования? Наиболее вероятной представляется следующая версия.

Как известно, первоначально империалы и полуимпериалы 1802 года – первого года чеканки монет этого образца – вообще не были помечены знаком минцмейстера (рис. 3), однако в том же году на империалах появляется знак Александра Иванова, расположенный весьма неудачно: под бантом венка, на самом краю поля реверса (рис. 4). Такое расположение знака минцмейстера больше не появится ни на одной подлинной российской монете, отчеканенной после 1805 года, хотя многие из них будут иметь на реверсе венки.

В 1803 году на должность минцмейстера золотого передела временного Банковского монетного двора вместо Александра Иванова был на-

значен Христофор Лео. По имеющимся сведениям, в этом году было отчеканено всего по одному экземпляру империала и полуимпериала. Вполне возможно, что Лео забраковал выбранное Ивановым явно неудачное размещение знака минцмейстера и распорядился при изготовлении новых штемпелей реверса выбить начальную букву своей фамилии поверх одного из дубовых листьев венка. Однако такое новшество, видимо, не было одобрено руководством монетного двора – об этом свидетельствует тот факт, что знак нового минцмейстера все же был выставлен на старом месте, под бантом венка. Причина этого достаточно ясна. Прежде всего, литера “Л” на дубовом листке обнаруживается лишь при внимательном рассмотрении и лишь в том случае, если известно, где эту литеру следует искать, тогда как знак минцмейстера, являясь фактически клеймом, гарантирующим высокое качество изготовления монеты, конечно же, должен быть отчетливо виден. К тому же венок из дубовой и лавровой ветвей, помещавшийся на многих общегосударственных российских монетах, являлся эмблемой мощи и славы Российской империи, и накладывать на эту эмблему такой чисто служебный элемент, как знак минцмейстера, было, конечно же, недопустимо.

Что же касается “испорченного” штемпеля реверса империала, на котором в 1803 году уже успели выбить новый знак Христофора Лео, то его не уничтожили и пустили в работу, учитывая именно тот факт, что литера “Л” на дубовом листке практически не просматривается. А штемпель реверса полуимпериала скорее всего изготавливался в 1803 году несколько позднее империального штемпеля, и литеру “Л” выбить на нем просто не успели.

Поскольку империалов со знаком “ХЛ” в 1803–1805 годах было отчеканено менее 127,5 тыс. штук, тиражировать не несущий на себе даты штемпель реверса, видимо, не потребовалось. В результате все империалы, чеканившиеся при Христофоре Лео, оказались помеченными не только основным знаком “ХЛ”, но и “дублирующей” литерой “Л”.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ), № 18178.
2. ПСЗ, № 26675.

НОВОДЕЛЬНЫЕ “ГАНГУТСКИЕ” РУБЛИ

Памятный рубль 1914 года, посвященный 200-летию победы российского флота в морском сражении у мыса Гангут (рис. 1), был первоначально отчеканен в количестве 30 300 экземпляров. Из этого количества, по мнению И. Г. Спасского, сохранилось не более 150 экземпляров, “...разошедшихся по рукам в год чеканки”¹, а остальные были использованы в начале 20-х годов в качестве сырья при чеканке серебряных монет РСФСР и СССР. Следовательно, все остальные экземпляры этой монеты, встречающейся довольно часто, представляют собой новоделы, изготовленные около 1927 года для продажи через Советскую филателистическую ассоциацию (СФА)².

Поскольку эти новоделы чеканились на подлинных кружках-заготовках с использованием подлинных штампов и подлинного гуртильного инструмента, считалось, что отличить их от подлинников невозможно³.

Обследование “гангутских” рублей из основного и дублетного фондов отдела нумизматики Государственного Исторического музея позволило выявить экземпляры, являющиеся, видимо, явными новоделами.

Как следует из статьи И. Г. Спасского, чеканка новодельных “гангутских” рублей в 1927 году производилась как обычными, так и полированными штампами⁴. Нет оснований предполагать, что для чеканки подлинных экземпляров этой монеты использовались комплекты штампов лишь одного какого-либо вида, поскольку штампами с различной фактурой рабочей поверхности чеканились и другие памятные монеты (например, “коронационные” рубли 1883 и 1896 годов, рубль на открытие памятника Александру II и другие).

Среди “гангутских” рублей, хранящихся в фондах отдела нумизматики ГИМ, имеются монеты, отчеканенные как комплектом обычных, так и комплектом полированных штампов. Но еще имеются, если можно так сказать, и “гибридные” монеты, для чеканки которых были использованы либо полированный штамп аверса и обычный штамп реверса, либо наоборот – обычный штамп аверса и полированный штамп реверса. Ничего подобного на других российских памятных (да и не только памятных) монетах никогда не наблюдается. Наиболее вероятно, что такое неряшливое смешение штампов могло быть допущено на Ленин-

градском монетном дворе только при чеканке новоделов и только после 1917 года, когда “гангутский” рубль вместе со всеми другими монетами императорской России безвозвратно утратил свою былую престижность.

Таким образом, “гангутские” рубли, отчеканенные “смешанными” комплектами штемпелей, можно достаточно уверенно считать новоделными, тогда как среди экземпляров, не обладающих такой особенностью, отличить новоделы от подлинников действительно невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Спасский И. Г.* Новоделы // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 124.
2. Там же. С. 123.
3. Там же. С. 124.
4. Там же. С. 123.

К ВОПРОСУ О СТАНДАРТНЫХ РАЗМЕРАХ РОССИЙСКИХ МОНЕТ 1700–1917 ГОДОВ

Иногда к составителям каталогов российских монет 1700–1917 годов предъявляются претензии в связи с тем, что в этих каталогах обычно не указываются размеры описываемых монет, главным образом – их диаметр. Рассмотрим, насколько эти претензии обоснованны.

Основной характеристикой любой российской монеты указанного периода (кроме пробных никелевых монет 1911 года) является ее вес (масса), законодательно установленный через значение монетной стопы. В серийном производстве нужный вес монеты обеспечивался при соблюдении двух взаимосвязанных величин, определявшихся расчетом, – толщины металлической полосы, из которой вырубались монетные кружки, и диаметра пунсона, с помощью которого производилась вырубка.

Поскольку пунсоны изготавливались на токарном станке, отклонения их диаметра от расчетной величины были весьма незначительными. А вот погрешности в толщине полос, возникавшие на прокатных станах, были достаточно велики, и именно их должен был в первую очередь легализовать весовой допуск¹ назначавшийся для каждого выпуска монет.

Величины погрешностей в толщине полос зависели только от степени конструктивного совершенства прокатного стана, а также от степени его изношенности и получались одинаковыми при прокате как тонких, так и толстых полос, а потому относительное отклонение от нормативного веса, обусловленное этими погрешностями, оказывалось большим у тонкого кружка, нежели у толстого. В связи с этим весовой допуск назначался зачастую дифференцированно, в зависимости от номинала монет (то есть от толщины их кружка). Например, для медных монет образца 1763 года весовой допуск был сформулирован следующим образом: при совместном взвешивании монет на сумму в 100 рублей допускается отклонение от нормативного веса (1 пуд 10 фунтов): для пятикопеечников, двухкопеечников и копеек – 2 фунта; для денег (полукопеечников) и полупешек – 4 фунта.

С течением времени, по мере усовершенствования прокатных станов и повышения качества проката, весовой допуск для монет ужесточался.

Как правило, все кружки, заготовленные для монет одного номинала и единой монетной стопы, имели одинаковый диаметр и примерно одинаковую толщину. Отступление от этого правила наблюдалось лишь у медных монет Петра I, а также у серебряных рублей и полтин Петра I и Екатерины I, чеканившихся на временном “Коллежском” монетном дворе в 1724–1726 годах.

В первом случае это происходило, видимо, вследствие того, что по каким-то причинам на вырубку кружков поступали полосы с толщиной, существенно отличавшейся от расчетной, и, чтобы выдержать нормативный вес монет, приходилось соответственно изменять диаметр вырубного пунсона. Наиболее характерными монетами с нестандартными размерами являются копейки 1707 года (кружок увеличенного диаметра), а также полукопеечники (денги) некоторых годов (кружки с уменьшенным диаметром).

Что же касается серебряных рублей и полтин 1724–1726 годов петербургской чеканки, имевших по сравнению с аналогичными монетами, чеканившимися в Москве, большее значение диаметра и меньшую толщину, то в отношении этих монет существует несколько версий. Согласно одной, высказанной И. Г. Спасским², увеличенный диаметр и меньшая толщина этих монет объясняются изготовлением их путем перечеканки западноевропейских талеров и полуталеров, которые предварительно обжимались под прессом с целью уничтожения имевшихся на них изображений и надписей.

Однако некоторые особенности рассматриваемых монет вроде бы свидетельствуют не в пользу такого предположения.

Во-первых, ни на одной из этих монет не обнаруживается ни малейших остаточных следов от исходной (перечеканенной) монеты, а этого не должно было быть даже в случае обжатия талеров под прессом. А во-вторых, ни один талер не мог иметь гуртовой узор, встречающийся на многих рублях Екатерины I 1725 года и состоящий из чередующихся

изображений российского гербового орла (рис. 1)³; поэтому при изготовлении таких рублей из талеров эти последние должны были проходить перегурчивание, а никаких следов этой операции на рублях 1725 года не обнаруживается.

В действительности же увеличенный диаметр рублей и полтин 1724–1726 годов петербургской чеканки объясняется следующим обстоятельством. Известно, что все рубли и полтины Петра I со знаком “СПБ”, а также рубли Екатерины I 1725-го и частично 1726 года были отчеканены на временном “Коллежском” монетном дворе⁴. Монетный пресс и весь необходимый инструмент для этого двора был доставлен из Германии, а потому входившие в комплект этого инструмента штампы для вырубki монетных кружков были рассчитаны на диаметры талера и полуталера, превышавшие по размеру российские рубли и полтины образца 1718 года. А когда с 1726 года чеканку рублей и полтин Екатерины I начал штатный Петербургский монетный двор, оснащенный отечественным оборудованием, размеры монет петербургской чеканки сравнялись с размерами монет, чеканившихся на московских монетных дворах. При этом не исключено, что в начале 1726 года и временный, и штатный петербургский монетные дворы некоторое время работали одновременно.

Во всех остальных случаях массовой чеканки российских монет XVIII – начала XX века в каждой группе (или группах) монет, имевших единую монетную стопу, каждому номиналу соответствовал определенный диаметр монетного кружка. Но это положение относилось только к кружкам-заготовкам для будущих монет. К самим же монетам понятие “диаметр” стало применимо только после того, как началась их чеканка в печатном кольце.

Как известно, на протяжении всего XVIII века и первого десятилетия XIX века монетный кружок при чеканке подкладывался под штемпели без каких-либо приспособлений, ограничивающих его радиальную деформацию. Вследствие этого кружок, при обжатии его штемпелями, существенно увеличивался в диаметре, а отсутствие в это время автоматического регулирования силы нажатия штемпелей приводило к тому, что

размеры отчеканенных монет чаще всего получались различными. Кроме того, рабочие поверхности штемпелей в момент нажатия на монетный кружок не всегда бывали строго параллельными между собой, и вследствие этого монета приобретала овальную форму; но чаще всего такой дефект возникал при размещении монетного кружка с небольшим сдвигом относительно штемпелей, когда их центр не совпадал с центром кружка. Дополнительное искажение формы монетного кружка (в плане) возникало из-за неравномерного удаления от края монеты различных деталей ее рельефа, что вызывало неравномерную радиальную деформацию кружка. Особенно же искажалась форма монеты в процессе широко применявшейся в XVIII веке перечековки, тем более, двукратной⁵.

Таким образом, указывать в нумизматических каталогах размеры российских монет, отчеканенных без использования такого формирующего приспособления, как печатное кольцо, просто не имеет смысла.

Некоторые пробные российские монеты были отчеканены с использованием печатного кольца на иностранных монетных дворах еще в XVIII веке⁶. А массовая чеканка монет в печатном кольце началась в России лишь в XIX веке: золотых – с 1817 года, серебряных – с 1807 года и медных монет эпизодически – с 1810 года, поголовно – с 1849 года.

Печатные кольца, позволявшие сохранить в процессе чеканки монеты правильную цилиндрическую форму монетного кружка, использовались двух видов. Печатное кольцо первого вида было разъемным, состоявшим обычно из трех равных частей. На внутренней поверхности этого кольца либо выбивалась вглубь пунсонами гуртовая надпись, либо кольцо оставалось гладким. Перед чеканкой монеты трехчастное разъемное печатное кольцо размещалось в собранном виде внутри массивного монолитного кольца, а внутрь получившейся сборной конструкции вставлялся монетный кружок, диаметр которого был несколько меньшим диаметра разъемного кольца. После обжатия монетного кружка штемпелями печатное кольцо вместе с отчеканенной монетой извлекалось из монолитного кольца. Если на разъемное печатное кольцо была нанесена гуртовая надпись, то на монете она получалась выпуклой, а наличие не менее трех

разъемов позволяло снимать составляющие части кольца с монеты, не повреждая на ней гуртовую надпись.

При чеканке в разъемном печатном кольце на гладких участках гурта монеты оставались узкие вертикальные выпуклые полоски – по числу разъемов кольца. Наиболее известные монеты, чеканившиеся в разъемном печатном кольце, – это пробные “рейхелевские” рубли и полтины 1845 года, а также новодельные “сестрорецкие” медные рубли, датированные 1771 годом. Для массовой чеканки разъемное печатное кольцо в России практически не использовалось⁷.

Печатное кольцо второго вида, получившее широкое применение в массовом производстве российских монет, было сплошным и имело гладкую внутреннюю поверхность. Монетный кружок, диаметр которого был несколько меньшим диаметра печатного кольца, помещался в это кольцо, либо имея гладкий гурт, либо пройдя гурчение. За обжатием монетного кружка штампами следовало извлечение отчеканенной монеты из кольца либо поднятием нижнего штампа, либо опусканием рабочего (шиберного) стола.

С началом использования неразъемного печатного кольца было сильно изменено гурчение монетных кружков. Прежде всего, гуртовые надписи на серебряных рублях и полтинах (а также на некоторых двадцатипятикопеечниках), на золотых монетах (после 1885 года) и на русско-финских двухмарочниках стали заглубленными, благодаря чему печатное кольцо формировало в процессе чеканки монеты только гладкие участки гурта. Для разменных серебряных монет (до 1867 года) и для золотых монет (до 1886 года) была введена пунктирная насечка (рис. 3 и 4), оставлявшая на гурте значительные участки свободной гладкой поверхности. Такие же большие свободные участки оставлял на гурте и узор (рис. 5), наносившийся на гурт золотых пятирублевиков (после 1896 года). Наконец, все разменные серебряные и медные монеты с 1867 года стали выпускаться с рубчатой насечкой, бороздки которой были расположены в направлении движения монеты при извлечении ее из печатного кольца (рис. 6)⁸. А широко применявшиеся до этого сетчатая и шнуровидная

(косая) гуртовые насечки после введения чеканки монет в печатном кольце больше никогда не использовались.

Таким образом, монеты одного номинала и единой монетной стопы, отчеканенные в печатном кольце, имели единый диаметр, равный внутреннему диаметру кольца⁹. Вот для таких монет вполне целесообразно указывать в каталогах стандартные значения их диаметра. Также целесообразно указывать и их стандартную толщину (имея в виду толщину, замеренную по краю монеты), однако необходимо учитывать, что иногда этот размер бывает несколько отличным от стандартного из-за наличия на монете обля¹⁰.

Для монет, чеканившихся до 1886 года, стандартные размеры диаметра и толщины их монетного кружка можно определить только путем замеров достаточно большого количества монет. Представляя 20 сентября 1885 года проект Монетного устава на рассмотрение Государственного совета, министерство финансов писало¹¹:

“В нашем монетном законодательстве до сих пор не было упоминаемо о величине диаметра монеты, что составляет пробел весьма существенный, так как при этом хранителем верности диаметра монеты являются лишь находящиеся в мастерских монетного двора шаблоны, по которым обтачиваются монетные штемпели и печатные кольца”.

Таким образом, утвержденный в декабре 1885 года Монетный устав¹² впервые законодательно зафиксировал стандартные величины диаметра общегосударственных монет массового выпуска. Что же касается толщины этих монет, то она по-прежнему может быть определена только замерами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Весовой допуск (ремедиум) – допустимое технологическое отклонение от нормативного веса монет. Учитывал также и возможные потери металла на протяжении всего производственного цикла (например, при отжиге монетных кружков перед чеканкой), но основу его все же составлял учет возможных отклонений от расчетной толщины полос.

2. *Спасский И. Г.* Первое трехлетие Петербургского монетного двора (1724–1727) // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XXVI. Л., 1986. С. 43.

3. На монетах, находившихся в обращении, узор из чередующихся орлов (рис. 1) превращался в некое подобие растительного узора (рис. 2).

4. См. очерк “Временные монетные дворы Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века”.

5. В результате такой двукратной перечеканки, как “павловский перечекан”, некоторые пятикопеечники оказались “раздавленными” до огромных размеров.

6. См. очерк “Российские монеты XVIII века, отчеканенные в печатном кольце”.

7. См. очерк “Две загадочные российские монеты”.

8. Рубчатая насечка наносилась также на гурт платиновых монет 1828–1845 годов, памятных серебряных рублей и полуторарублевиков 1834–1841 годов, русско-польских золотых и крупных серебряных монет (с 1819-го по 1834 год) и медных трехгрошевиков (с 1819-го по 1841 год), а также золотых и серебряных русско-финских монет.

9. При чеканке монет одного диаметра на протяжении значительного времени диаметр печатного кольца мог несколько меняться.

10. Облой – заусенец на кромке монеты, образовавшийся вследствие выдавливания металла при чеканке в зазор между штапелем и печатным кольцом.

11. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Русские монеты 1881–1890 гг. СПб., 1891. С. 34, док. № 33.

12. Собрание узаконений 1885 г. от 31 декабря. Статья 1056.

**СТАНДАРТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ДИАМЕТРА
И ТОЛЩИНЫ (ПО КРАЮ) РОССИЙСКИХ МОНЕТ,
ЧЕКАННЫХ В ПЕЧАТНОМ КОЛЬЦЕ
МОНЕТЫ МАССОВОГО ВЫПУСКА**

Золото

Номинал	Время чеканки	Диаметр, мм	Толщина, мм
1	2	3	4
15 рублей	1897 г.	24,5	1,8
10 рублей	1866–1897 гг.	24,4	1,8
	1898–1911 гг.	22,7	1,5
7 рублей – 50 копеек	1897 г.	21,4	1,8
5 рублей	1817–1885 гг.	22,8	1,2
	1886–1896 гг.	21,3	1,8
	1897–1911 гг.	18,4	1,2
3 рубля	1869–1885 гг.	19,7	1,0
25 рублей (донативные)	1876 г.	32,2	2,7
	1896 и 1908 гг.	33,7	2,5
37 рублей 50 копеек – 100 франков (донативные)	1902 г.	33,7	2,5
3 рубля – 20 злотых	1834–1841 гг.	19,0	1,0
50 злотых (для Польши)	1819–1829 гг.	23,9	1,4
25 злотых (для Польши)	1822–1833 гг.	18,5	1,2
20 марок (для Финляндии)	1878–1913 гг.	21,4	1,4
10 марок (для Финляндии)	1878–1913 гг.	19,1	0,9

Платина

1	2	3	4
12 рублей	1830–1845 гг.	35,6	2,2
6 рублей	1829–1845 гг.	28,5	1,7
3 рубля	1828–1845 гг.	23,4	1,4

Серебро

1	2	3	4
Рубль	1807–1885 гг.	35,8	2,3
	1886–1915 гг.	33,5	2,6
Полтина, 50 копеек	1809–1885 гг.	28,5	2,0
	1886–1914 гг.	26,7	2,0
Полуполтинник, 25 копеек	1808–1885 гг.	24,1	1,4
	1886–1901 гг.	22,6	1,5
20 копеек	1810–1811 гг.	22,7	1,5
	1813–1860 гг.	22,2	1,2
	1860–1866 гг.	22,0	1,4
	1867–1917 гг.	21,8	1,3
15 копеек	1860–1866 гг.	19,7	1,3
	1867–1917 гг.	19,6	1,2

1	2	3	4
10 копеек	1808–1810 гг.	18,9	0,8
	1810–1812 гг.	17,6	1,2
	1813–1860 гг.	17,6	1,0
	1860–1866 гг.	17,5	1,1
	1867–1917 гг.	17,3	1,0
5 копеек	1810–1812 гг.	15,0	0,8
	1813–1860 гг.	15,0	0,7
	1860–1866 гг.	15,0	0,8
	1867–1915 гг.	15,0	0,7
1½ рубля (памятные)	1839 г.	40,0	2,8
Рубль (памятный)	1834, 1839 гг.	35,8	2,3
	1841 г.	35,6	1,9
	1859, 1883 гг.	35,8	2,3
	1896–1914 гг.	33,5	2,6
1½ рубля – 10 злотых	1833–1841 гг.	40,0	2,7
¾ рубля – 5 злотых	1833–1841 гг.	33,0	2,0
30 копеек – 2 злотых	1834–1841 г.	26,0	1,2
25 копеек – 50 грошей	1842–1850 гг.	24,3	1,4
20 копеек – 40 грошей	1842–1850 гг.	22,2	1,4
15 копеек – 1 злотый	1832–1841 гг.	20,0	1,0
10 злотых (для Польши)	1820–1827 гг.	39,0	3,0
5 злотых (для Польши)	1829–1834 гг.	31,3	2,3
2 злотых (для Польши)	1819–1834 гг.	26,0	2,0
1 злотый (для Польши)	1822–1834 гг.	22,1	1,5
10 грошей (для Польши)	1820–1840 гг.	19,2	1,2
5 грошей (для Польши)	1819–1840 гг.	16,7	0,7
2 марки (для Финляндии)	1865–1908 гг.	27,5	2,0
1 марка (для Финляндии)	1864–1915 гг.	24,0	1,4
50 пенни (для Финляндии)	1865–1917 гг.	18,7	1,2
25 пенни (для Финляндии)	1865–1917 гг.	16,2	0,8

Медь

1	2	3	4
10 копеек	1830 г. (СПБ)*	42,7	4,0
5 копеек	1830 г. (СПБ)*	36,5	3,0
	1849–1867 гг.	35,8	3,1
	1867–1916 гг.	32,0	2,8
3 копейки	1840 г. (СПБ)*	38,8	3,4
	1848 г. (МВ)*	38,7	3,3
	1849–1867 гг.	32,2	2,4
	1867–1916 гг.	27,7	2,0
2 копейки	1810–1814 гг. (СПБ)*	29,2	2,7
	1830 г. (СПБ)*	29,0	2,0
	1840 г. (СПБ)*	32,2	3,2
	1848 г. (МВ)*	32,2	3,2
	1849–1867 гг.	28,0	2,5
	1867–1916 гг.	23,9	1,9
Копейка	1810–1811 гг. (СПБ)*	25,2	1,9
	1830 г. (СПБ)*	23,8	1,4
	1840 г. (СПБ)*	27,0	2,4
	1849–1867 гг.	23,0	1,5
	1867–1916 гг.	21,3	1,3

1	2	3	4
Деньга, ½ копейки, денежка	1810–1812 гг. (СПБ)*	20,0	1,5
	1840 г. (СПБ)*	21,0	2,0
	1848 г. (МВ)*	21,2	2,0
	1849–1867 гг.	18,0	1,3
	1867–1916 гг.	16,0	1,2
¼ копейки, полушка	1849–1867 гг.	14,3	1,2
	1867–1916 гг.	13,0	0,8
3 гроша (для Польши)	1819–1841 гг.	24,8	2,5
1 грош (для Польши)	1819–1841 гг.	19,5	1,2
10 пенни (для Финляндии)	1863–1917 гг.	30,0	2,5
5 пенни (для Финляндии)	1863–1917 гг.	25,0	1,8
1 пенни (для Финляндии)	1863–1917 гг.	15,0	1,0

ПРОБНЫЕ МОНЕТЫ

Золото

1	2	3	4
15 русов	1895 г.	24,5	2,0
10 русов	1895 г.	21,4	1,8
5 русов	1895 г.	19,6	1,1
25 злотых (для Польши)	1818 г.	18,5	1,2

Серебро

1	2	3	4
Рубль (6 вариантов)	1806–1807 гг.	37,5	2,1
Полуполтинник	1827 г.	24,1	1,4
Рубль (“рейхелевский”)	1845 г.	34,5	2,5
Полтина (“рейхелевская”)	1845 г.	28,5	1,8
Рубль (72-й пробы)	1860 г.	35,5	2,7
Полтина (72-й пробы)	1860 г.	28,8	2,3
25 копеек (72-й пробы)	1860 г.	24,3	1,6
10 копеек – 20 грошей	1842 г.	17,7	1,1
5 копеек – 10 грошей	1842 г.	15,0	0,8
Двойной абаз (для Грузии)	1828 г.	23,6	1,8
Абаз (для Грузии)	1828 г.	20,3	1,4
5 злотых (для Польши)	1818 г.	31,3	2,3
2 злотых (для Польши)	1818 г.	26,0	2,0
1 злотый (для Польши)	1818 г.	22,1	1,5
20 пенни (для Финляндии)	1866 г.	13,1	1,0

Медь

1	2	3	4
3 копейки	1827 г.	29,1	2,4
5 копеек (3 варианта)	1916 г.	26,7	2,0
3 копейки	1916 г.	24,4	2,0
2 копейки	1916 г.	22,0	1,5
Копейка (3 варианта)	1916 г.	18,3	1,5
2 пенни (для Финляндии, 2 варианта)	1866 г.	19,6	1,2

Никель

1	2	3	4
2 копейки	1863 г.	28,5	2,2
10 копеек (2 варианта)	1871 г.	25,2	2,0
3 копейки	1882 г.	21,0	1,4
25 копеек	1911 г.	25,2	2,2
20 копеек (2 варианта)	1911 г.	23,7	1,9
10 копеек	1911 г.	21,2	1,7
5 копеек	1911 г.	18,6	1,7

ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦЕ

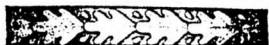
1. Звездочкой помечены монеты массового выпуска, подлинность которых не вызывает сомнения. Все другие монеты этого же образца, чеканенные в печатном кольце, но имеющие обозначение другого монетного двора и датированные другим годом, вероятнее всего, являются новодельными. Новоделами являются и все монеты массового выпуска XVIII века, чеканенные в печатном кольце при любом оформлении гурта.

2. Диаметр печатного кольца, использовавшегося при чеканке монет, выпуск которых осуществлялся на протяжении достаточно длительного времени, иногда несколько менялся. Также незначительно могла изменяться и толщина полосы, из которой вырубались кружки-заготовки для этих монет.

3. В 1885 году впервые были законодательно утверждены значения диаметра всех общегосударственных монет массового выпуска. В связи с этим, для монет последних лет царской чеканки (а для золотых десяти- и пятирублевых монет – 1886–1897 годов чеканки) указаны именно эти, официально утвержденные, значения диаметра, тогда как для остальных монет значения диаметра (а также толщины кружка для всех монет) получены в результате замеров.

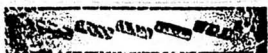
1

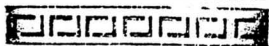
2

3

4

5

6

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОБЫ СПЛАВА ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ

Нарицательная цена (номинал) всех российских монет массового выпуска, чеканившихся в 1700–1917 годах, всегда определялась количеством металла, заложенного в монету¹. Соотношение между содержанием металла в монете и ее номиналом в различные периоды времени бывало различным и определялось для каждого выпуска монет законодательно утверждавшейся весовой нормой – монетной стопой.

Но этой характеристики было достаточно только для монет, отчеканенных из недрагоценного металла – меди², а для золотых и серебряных монет, изготавливавшихся из двухкомпонентных сплавов³, необходимо было знать количество содержащегося в них чистого драгоценного металла. Для этого законодательно устанавливалась проба – характеристика, определявшая содержание чистого золота или серебра в единице массы (веса) монетного сплава. В сочетании с монетной стопой проба позволяла определить нормативное количество драгоценного металла, которое должно содержаться в каждой конкретной монете.

Поскольку точно выдержать заданный состав монетного сплава в условиях массового монетного производства было невозможно, назначался ремедиум – допустимое технологическое отклонение от нормативного значения пробы⁴.

Правительственные решения, определявшие значения весовой нормы, пробы и ремедиума для российских золотых монет, известны с 1712 года, а для серебряных – с 1718 года. Первые же выпуски российских монет регулярного чекана в отношении монетной стопы и пробы сплавов драгоценных металлов были просто ориентированы на западноевропейские монеты – золотой дукат и серебряный талер.

Вполне понятно, что одной из важных задач каждого монетного двора, чеканившего золотые или серебряные монеты, являлось удержание пробы сплава в узаконенных пределах, поскольку превышение ремедиума либо наносило ущерб казне (в случае излишнего расходования чисто-

го золота или серебра), либо подрывало престиж государственной монеты (в случае излишней экономии драгоценного металла). Тем не менее, как показали замеры, проведенные на реальных монетах, монетные дворы нередко допускали превышение ремедиума по пробе. Следовательно, в некоторых случаях определение пробы сплава непосредственно на монетах бывает вполне оправданным – все дело в том, каким методом и с какой целью это определение производится.

Согласно существующему положению, каждый музейный предмет, изготовленный из драгоценного металла, должен быть обследован сотрудниками Пробирной палаты с целью замера его массы и пробы сплава, что в итоге позволяет установить количество драгоценного металла в чистоте, содержащееся в данном предмете. Таким образом, единственной целью пробирного надзора в музеях является сбор сведений о количестве драгоценных металлов, содержащихся в музейных коллекциях, в том числе и нумизматических.

Поскольку Пробирную палату совершенно не интересует историческая и художественная ценность музейных предметов, получаемые ею сведения могут иметь практическое применение лишь в том случае, если будет принято решение о переплавке музейных коллекций и превращении их в слитки драгоценных металлов. Именно в этом случае собранные Пробирной палатой сведения и позволили бы проконтролировать полностью сдачи музеями на переплавку имеющихся у них “запасов” золота, платины и серебра. Вполне очевидно, что такое решение, если бы оно действительно состоялось, было бы не только аморальным, но и абсурдным с чисто коммерческой точки зрения, поскольку реальная цена любого музейного предмета многократно превышает цену заключенного в этом предмете драгоценного металла, а зачастую эти цены бывают просто несопоставимы.

Следовательно, пробирный надзор, осуществляя учет драгоценных металлов, содержащихся в музейных предметах, искусственно отделяет эти металлы от самих предметов и фактически является закостеневшим пережитком понятий и установлений первых лет Советской власти.

С другой стороны, замеры количества драгоценного металла, содержащегося в каждой конкретной монете, если они не связаны со специальными научными исследованиями, при ближайшем рассмотрении вообще оказываются лишёнными практического смысла, и вот почему.

Выше уже отмечалось, что почти для каждой российской монеты, отчеканенной в 1701–1917 годах, известно нормативное значение количества содержащегося в ней чистого золота, платины или серебра, причем в абсолютном большинстве случаев эти сведения зафиксированы в правительственных решениях. Поэтому замеры количества драгоценного металла, содержащегося в каждой отдельно взятой монете, могут иметь целью лишь оценку величины отклонения этой величины от нормы.

Но замеры, которые проводит Пробирная палата, этой задачи решить не могут прежде всего потому, что применяемая палатой давно устаревшая методика определения пробы сплава (с использованием пробирного камня или химических реактивов) ориентирована на дискретную шкалу значений пробы и не обеспечивает обнаружение реально существующих небольших отклонений пробы монетных сплавов от нормы. Но даже если эти отклонения все же будут оценены палатой достаточно точно (при условии использования современной аппаратуры), то и это мало что изменит по существу. Во-первых, отклонения в пробе, никогда не достигающие существенных значений, вызывают совершенно незначительные отклонения от нормы количества драгоценного металла, заключенного в отдельно взятой монете, вследствие весьма небольшой величины лигатурной массы даже у самых крупных российских монет. А во-вторых, при обследовании достаточно больших количеств монет, каковыми и являются музейные собрания, оказывается, что отклонения в содержании драгоценного металла распределяются практически равномерно как в сторону превышения нормы, так и в сторону ее занижения, вследствие чего суммарное содержание драгоценного металла в таких собраниях всегда будет близким к узаконенной норме. Поэтому те же и даже более достоверные данные о содержании в монетах из музейных собраний драгоценных металлов могут быть получены, если в основу расчетов будут

положены не результаты замеров Пробирной палаты, а нормативные значения пробы и лигатурной массы, известные практически для всех российских монет XVIII – начала XX века.

Таким образом, замеры, которые проводит в музеях Пробирная палата и которым придана особая значимость (результаты аналогичных и даже более точных замеров, полученные музейными работниками, за достоверные не признаются), не только имеют весьма сомнительную конечную цель, но и являются совершенно излишними, поскольку результаты этих замеров могут быть с успехом заменены законодательно утвержденными характеристиками соответствующих монетных выпусков. Наконец, пробирный камень и химические реактивы, которыми до сих пор пользуется Пробирная палата, наносят исследуемой монете необратимые повреждения, что в отношении музейных предметов, имеющих подчас величайшую историческую ценность, совершенно недопустимо⁵.

Совсем по-иному обстоит дело, когда определение пробы сплава на конкретных монетах производится в научных целях. Необходимость таких научных исследований диктуется тем обстоятельством, что до настоящего времени не выяснен ряд вопросов, касающихся российского монетного производства 1701–1917 годов и представляющих значительный интерес для ученых-историков и сотрудников музеев. Так, все еще отсутствуют достаточно полные статистические данные о составе монетных сплавов, использовавшихся для чеканки российских золотых и серебряных монет в годы, предшествовавшие появлению первых правительственных актов, регламентировавших этот состав. Далее, отсутствует статистика случаев превышения ремедиума по пробе различными монетными дворами и в различные периоды времени. Нет точных данных о реальных значениях пробы сплава монет некоторых специфических выпусков: разменных серебряных монет 1726–1727 годов, золотых двухрублевиков, рублей и полтин 1756–1785 годов, серебряных монет “таврической” серии 1787 года, серебряных молдово-валашских монет 1772–1773 годов. Существуют и другие вопросы, решение которых требует определения пробы сплава.

Для проведения таких исследований использование пробирного камня или химических реактивов недопустимо прежде всего из-за недостаточной точности, получаемой при таких методах, не говоря уже о повреждениях, наносимых музейным предметам. Современную аппаратуру, не имеющую этих недостатков, отечественные музеи в настоящее время приобрести не в состоянии (вероятно, за очень редким исключением). Поэтому музеям, имеющим нумизматические коллекции, для проведения различных исследований может быть рекомендован метод вычисления пробы сплава по его плотности. Этот метод, обеспечивающий достаточную точность результатов, неоднократно опробован, исключает возможность повреждения обследуемой монеты, доступен любому музею, располагающему аналитическими рычажными или электронными весами с точностью взвешивания до второго знака, и требует лишь самых простых дополнительных приспособлений. Метод пригоден для определения пробы двухкомпонентных сплавов, каковыми и являются монетные сплавы золота и серебра, использовавшиеся в России в XVIII – начале XX века.

Если обозначить через m единицу массы (веса) исследуемого сплава, через C – его пробу, а через $\rho_{чм}$, $\rho_{лм}$, $\rho_{спл}$ – плотность соответственно чистого драгоценного металла, легирующего металла и исследуемого сплава, то по известной зависимости

$$\frac{m}{\rho_{спл}} = \frac{C}{\rho_{чм}} + \frac{(m - C)}{\rho_{лм}},$$

откуда получаем:

$$C = \frac{m \cdot \rho_{чм}}{\rho_{чм} - \rho_{лм}} - \frac{m \cdot \rho_{чм} \cdot \rho_{лм}}{\rho_{чм} - \rho_{лм}} \cdot \frac{1}{\rho_{спл}}$$

Подставляем в полученную формулу значения:

$$m=96 \text{ (при золотниковом исчислении пробы)}^6$$

$$m=1000 \text{ (при метрическом исчислении пробы)}^7$$

$$\rho_{\text{золота}} = 19,5 \text{ г/см}^3$$

– чистые драгоценные металлы

$$\rho_{\text{серебра}} = 10,5 \text{ г/см}^3$$

$$\rho_{\text{меди}} = 8,8 \text{ г/см}^3$$

– легирующий металл.

В результате получаем следующие рабочие формулы:

1. При золотниковом исчислении пробы

а) сплав “золото + медь”

$$C = 174,95 - 1539,59 \cdot \frac{1}{\rho_{\text{спл}}}$$

б) сплав “серебро + медь”

$$C = 592,4 - 5217,88 \cdot \frac{1}{\rho_{\text{спл}}}$$

C (при золотниковом исчислении) = $0,096C$ (при метрическом исчислении)

2. При метрическом исчислении пробы

а) сплав “золото + медь”

$$C = 1822,43 - 16037,38 \cdot \frac{1}{\rho_{\text{спл}}}$$

б) сплав “серебро + медь”

$$C = 6176,47 - 54352,94 \cdot \frac{1}{\rho_{\text{спл}}}$$

C (при метрическом исчислении) = $10,417C$ (при золотниковом исчислении)

Остается измерить плотность исследуемого сплава, для чего производится гидростатическое взвешивание монеты. На рис. 1 изображена примерная схема установки для такого взвешивания с использованием рычажных весов.

Процесс взвешивания существенно упрощается при использовании электронных весов, обеспечивающих взвешивание предметов, размещенных на подвеске (примерная схема установки с такими весами представлена на рис. 2).

Монета подвешивается на капроновой леске толщиной порядка 0,15 мм, причем крепление монеты к петле на конце лески осуществляется с помощью тонкой полоски скотча.

Взвешивание производится в два приема: сначала определяется масса монеты – m_1 , а затем масса монеты, погруженный в воду – m_2 . Значение плотности сплава, из которого изготовлена монета, вычисляется по формуле ⁸:

$$\rho_{\text{спл}} = \frac{G_2}{G_3}$$

При использовании рычажных весов перед использованием монеты необходимо компенсировать массу приспособления, с помощью которого леска крепится к чашке весов.

Для взвешивания следует брать воду, простоявшую в открытом сосуде не менее суток (для удаления из нее растворенных газов). Уменьшением плотности воды при комнатной температуре и наличием в водопроводной воде некоторого количества растворимых солей можно пренебречь, тем более что эти два фактора в какой-то мере компенсируют друг друга.

Значение пробы, определяемое гидростатическим взвешиванием, может быть сильно искажено в том случае, если в толще монетного кружка имеются воздушные полости. Поэтому не следует производить гидростатическое взвешивание монет, у которых на аверсе или реверсе наблюдаются вздутые участки поверхности.

Возможность просто, с достаточной точностью и без повреждения монеты определить пробу сплава позволяет существенно повысить достоверность экспертиз, проводимых некоторыми музеями на предмет ус-

тановления подлинности монет, поскольку многие фальшивые и новодельные монеты бывают изготовлены из сплавов золота и серебра, не соответствующих по пробе сплавам аналогичных подлинных монет.

Для примерного определения пробы сплава по значению его плотности можно воспользоваться графиками, приведенными на рис. 3 и 4.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В настоящее время монеты некоторых государств (в том числе и Российской Федерации), изготовленные из недрагоценных металлов, не всегда имеют прямую зависимость между их номиналом и массой заложенного в них металла. Это относится и к пробным российским монетам 1911 года из медно-никелевого сплава.

2. Для изготовления некоторых российских монет специальных выпусков были использованы и другие недрагоценные металлы: пушечная бронза (молдово-валашские монеты 1771–1774 годов) и медь с очень малым содержанием серебра и золота (сибирские монеты 1766–1781 годов).

3. Использувавшиеся в российском монетном производстве различные сплавы золота с медью и медно-серебряные сплавы по сравнению с чистым золотом и серебром обладали большей твердостью и повышенной стойкостью против истирания.

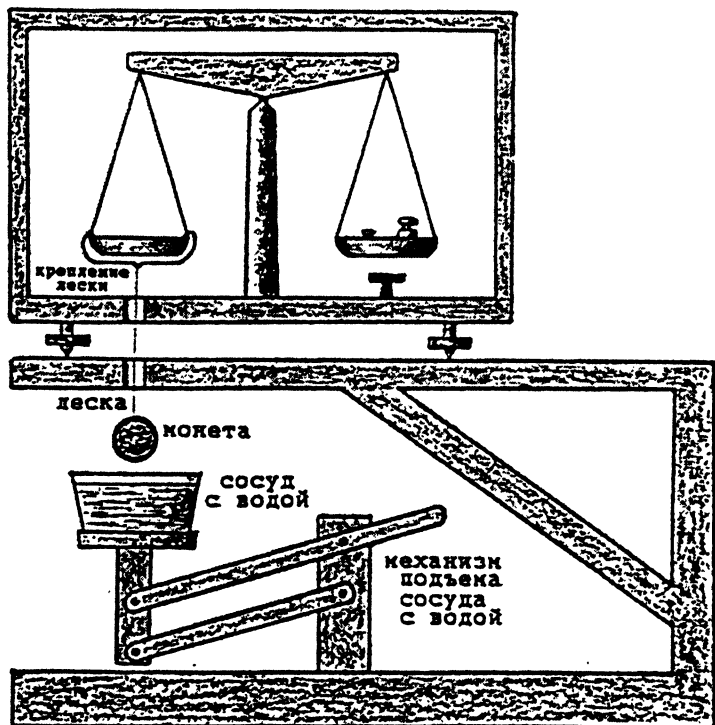
4. Кроме ремедиума по пробе, назначался также весовой ремедиум – допустимое отклонение от нормативного значения веса монет.

5. Некоторые таможенные службы, стремясь оперативно выяснить, из чего изготовлена задержанная ими монета, также пользуются пробирным камнем или химическими реактивами и тем самым многократно и необратимо снижают коллекционную цену обследованной монеты.

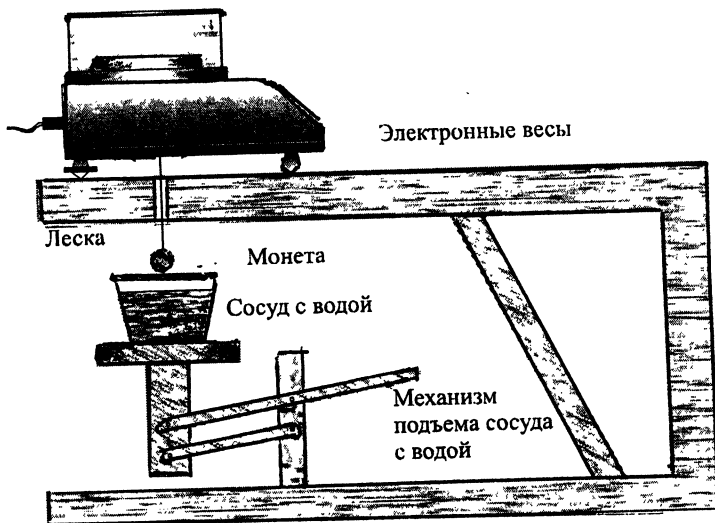
6. При золотниковом исчислении проба обозначает количество золотников чистого драгоценного металла, содержащееся в 1 фунте сплава (1 фунт равен 96 золотникам).

7. При метрическом исчислении проба обозначает количество чистого драгоценного металла в граммах, содержащееся в 1 килограмме сплава.

8. По закону Архимеда разность $m_1 - m_2$ равна массе воды, вытесненной обследуемой монетой (в граммах), и численно равна объему вытесненной воды, то есть объему обследуемой монеты (в см³).

1

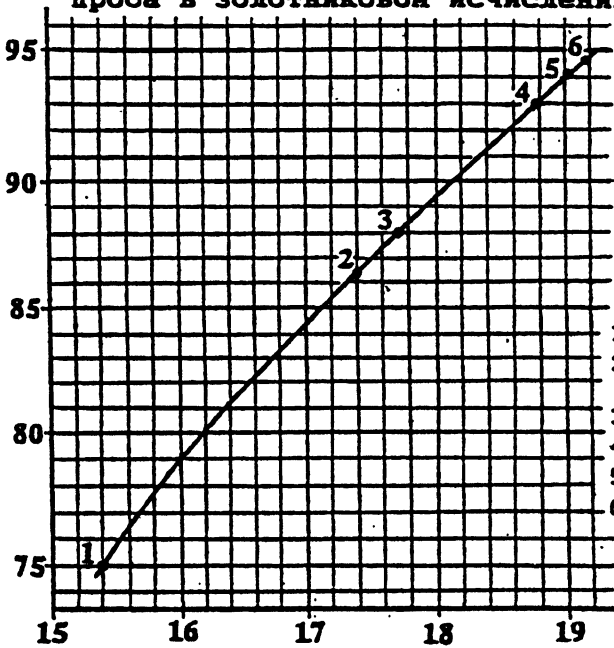

2

ЗОЛОТО+МЕДЬ

С

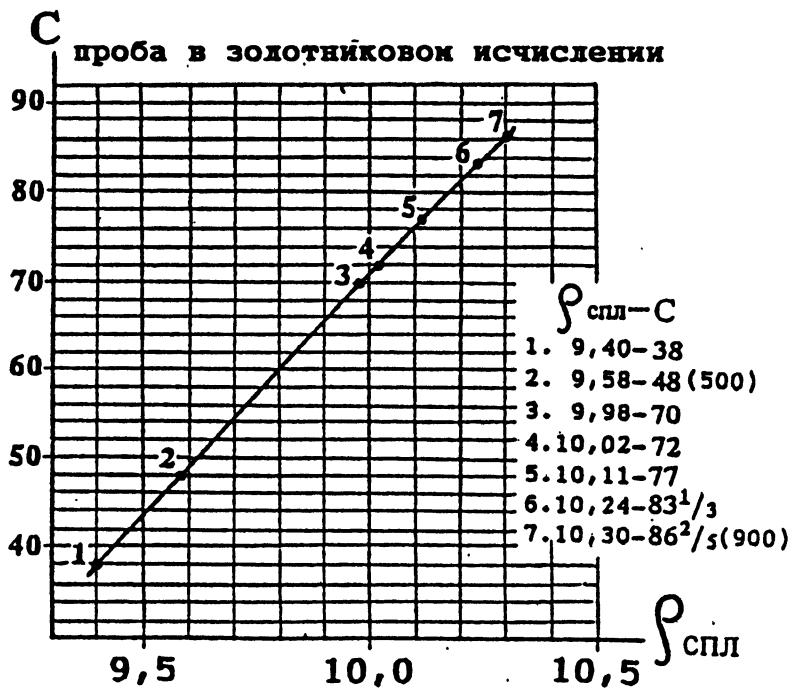
проба в золотниковом исчислении

- р спл — С
1. 15,40-75
 2. 17,39-86²/₅
 3. 17,71-88
 4. 18,79-93
 5. 19,04-94¹/₁₀
 6. 19,18-94²/₃

р спл

СЕРЕБРО+МЕДЬ

НЕСКОЛЬКО РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ЭКСПЕРТНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ МОНЕТ 1700–1917 ГОДОВ НА ПРЕДМЕТ УСТАНОВЛЕНИЯ ИХ ПОДЛИННОСТИ

Давно прошли те времена, когда фальсификаторы умели изготавливать только такие подделки коллекционных российских монет, которые могли ввести в заблуждение лишь самых неопытных, начинающих коллекционеров. Обширная подборка фотоизображений подобных примитивных фальшивок была в свое время опубликована, например, немецким коллекционером В. Фуксом в нескольких номерах журнала Российского нумизматического общества (США). Совсем иначе обстоит дело с фальшивками, которые фабрикуются в настоящее время: чаще всего их можно отличить от подлинников лишь в результате специального экспертного обследования. Огромное количество таких высококачественных фальшивок, заполонивших сейчас нумизматический рынок, делает весьма актуальным проведение экспертизы на предмет установления подлинности монет, приобретаемых музеями или коллекционерами.

Ниже приведены самые общие рекомендации по проведению экспертного обследования золотых, серебряных и медных монет Российской империи, чеканившихся в 1700–1917 годах, однако все содержащиеся здесь рекомендации могут быть успешно использованы только теми сотрудниками музеев (или другими специалистами), которые достаточно хорошо знакомы со всем многообразием российских монет указанного периода; при отсутствии таких знаний попытки проведения экспертизы будут вообще обречены на неудачу.

Основными способами изготовления современных высококачественных фальшивок являются:

- чеканка поддельными штемпелями, копирующими со всей возможной точностью подлинные штемпели;
- высокоточное литье в формы, при изготовлении которых в качестве моделей используются подлинные монеты.

На начальной стадии экспертного обследования производится взвешивание монеты (с точностью до сотых долей грамма), а также замер штангенциркулем ее диаметра и толщины (с точностью до десятых долей миллиметра); толщина замеряется по краю кружка в местах, свободных от облоя. Монеты, которые должны были чеканиться в печатном кольце, проверяются на предмет обнаружения малозаметных изменений их диаметра – путем вращения их вокруг центральной оси между закрепленными лапками штангенциркуля (проверка на “закусывание”).

Следующим этапом обследования золотых и серебряных монет является определение пробы сплава, из которого они изготовлены. При этом в любом случае данная операция не должна вызывать ни малейшего повреждения обследуемой монеты, ввиду чего совершенно недопустимо использование пробирного камня или химических реактивов. Если отсутствует возможность определить пробу золота или серебра с помощью специальной аппаратуры (например, с применением неразрушающего рентгено-флюоресцентного метода), то вполне успешно можно воспользоваться таким общедоступным методом, как гидростатическое взвешивание монеты¹.

На завершающем этапе выполняется визуальное обследование монеты (ее аверса, реверса и гурта), которое необходимо проводить под микроскопом при различном увеличении. Визуальное обследование имеет две задачи:

- а) выявить совпадение (или несовпадение) изображений, надписей и декоративных деталей, имеющих на обследуемой монете, с соответствующими элементами на монете-эталоне;
- б) выявить специфические признаки фальсификации.

Основную сложность здесь составляет выбор эталонной монеты, которая, с одной стороны, должна быть безусловно подлинной, а с другой – быть аналогом (по оформлению аверса, реверса и гурта) обследуемой монеты. Решение этой задачи наиболее доступно центральным музеям, располагающим крупными нумизматическими собраниями с достаточно полной подборкой поштемпельных разновидностей монет, причем эти

собрания в подавляющей своей массе сложились еще до 1940-х годов, то есть в то время, когда фальсификаторы еще не умели изготавливать высококачественные подделки. Если эксперт, проводящий обследование, не располагает полноценным эталоном, то ему придется воспользоваться фотоизображением соответствующей монеты из какого-либо нумизматического каталога, однако достоверность результатов экспертизы в этом случае будет, безусловно, снижена. Еще сложнее будет проводить экспертизу, если эксперту придется сличать обследуемую монету с экземпляром, всего лишь близким к ней по оформлению аверса и реверса – здесь решающую роль будет играть наличие у эксперта достаточного опыта в проведении таких исследований. Среди рублей и полтин 1718–1722 годов бывает очень трудно найти эталонную монету, которая была бы идентична обследуемой монете как по оформлению аверса и реверса, так и по оформлению гурта; поэтому вполне допустимо в этом случае пользоваться одновременно двумя эталонами: одним, идентичным по оформлению аверса и реверса, и другим, имеющим соответствующую гуртовую надпись.

Если сличение обследуемой монеты с эталоном позволяет, в основном, выявлять фальшивки, чеканенные поддельными штемпелями (которые, как правило, имеют отличия от подлинных штемпелей, хотя порой и весьма незначительные), то обнаружение на обследуемой монете каких-либо аномалий чаще всего свидетельствует об изготовлении ее высокоточным литьем. Литые подделки никаких отступлений в оформлении аверса, реверса и гурта от прототипной монеты не имеют, но зато на них можно, например, обнаружить:

- мелкие литейные раковины;
- точечные выпуклые образования на поверхности поля и изображений;
- недостаточную (по сравнению с эталоном) проработку некоторых деталей (особенно волос портрета);
- наличие плавного перехода выпуклых литер и цифр в поверхность поля монеты – вместо четко обозначенного прямого угла у подлинных монет;

– фактуру поверхностей, не соответствующую эталонной монете (например, вместо ярко выраженной матовой поверхности портрета и полированной поверхности поля вся поверхность монеты будет иметь слабо выраженную матовую фактуру).

Впрочем, инородные выпуклые образования и недостаточная проработка деталей изображений зачастую наблюдаются и на фальшивках, чеканенных поддельными штемпелями.

Визуальное обследование гурта монеты и сличение его с гуртом монеты-эталона должно выявить (в зависимости от вида оформления гурта) следующие обстоятельства:

- имеется ли у обеих монет полная идентичность гуртовой надписи по содержанию текста, условным обозначениям, декоративным деталям и по конфигурации литер и цифр;
- одинаков ли у них шаг насечки (прямой, косой или пунктирной), а также угол и направление наклона косой или пунктирной насечки;
- идентичен ли у обеих монет шаг, угол наклона и рисунок “плетения” сетчатой насечки или рисунок какого-либо узора.

Кроме того, бывает полезно обследовать гурт с прямой насечкой осязанием, поскольку фальшивые монеты с таким гуртом обычно имеют более острые (на ощупь) ребра гурта, нежели подлинные монеты.

Особенности оценки результатов обследования

Масса монеты

1. Полученное в результате взвешивания значение лигатурной массы обследуемой монеты лучше сопоставлять не с ее нормативным значением (даже с учетом весового допуска), а с реально существовавшими весовыми характеристиками монет данной разновидности. Дело в том, что даже золотые монеты, проходившие на монетных дворах наиболее строгий весовой контроль, нередко выпускались в обращение с весьма значительным превышением весового допуска. В таблице приведены выявленные взвешиванием большого числа экземпляров золотых монет

величины отклонения фактической лигатурной массы от ее нормативно-го значения (как в плюс, так и в минус), обычно встречающиеся у той или иной разновидности этих монет. Что касается монет из сплава серебра, особенно первой половины XVIII века, то у них отклонение величины массы от нормы может достигать еще больших величин.

Номинал монеты	Время чеканки	Величина отклонения массы от нормы в граммах	
		Наиболее характерная	Максим.
1	2	3	4
15 рублей; 7 руб. 50 коп.	1897 г.	0,01÷0,02	–
10 рублей	1755–1763 гг.	0,01÷0,05	0,14
	1764–1796 гг.	0,08÷0,17	0,26
	1802–1805 гг.	0,05÷0,07	–
	1886–1897 гг.	0,01÷0,02	0,04
	1897–1911 гг.	0,01÷0,02	0,06
5 рублей	1755–1763 гг.	0,01÷0,04	–
	1764–1796 гг.	0,02÷0,06	0,23
	1798–1805 гг.	0,02÷0,06	0,45
	1817–1842 гг.	0,02÷0,05	0,18
	1843–1885 гг.	0,01÷0,03	0,04
	1886–1896 гг.	0,01÷0,02	–
	1897–1911 гг.	0,01÷0,02	–
Двойной червонец	1714 г.	0,01÷0,02	–
	1749–1751 гг.	0,01÷0,02	0,10
Червонец	1701–1729 гг.	0,01÷0,05	0,11
	1730–1796 гг.	0,01÷0,06	0,09
	1796–1797 гг.	0,01÷0,02	0,07
3 рубля	1869–1885 гг.	0,01÷0,03	–

1		2	3	4
2 рубля		1718–1728 гг.	0,01÷0,07	0,15
Для дворцового обихода	2 рубля	1756,1758 гг.	0,01÷0,03	0,07
		1766,1785 гг.	0,11÷0,15	0,20
	Рубль	1756–1758 гг.	0,01÷0,02	0,10
		1779 г.	0,05÷0,10	0,20
Полтина	1756 г.	0,01÷0,03	–	
	1777–1778 гг.	0,01÷0,04	0,08	
3 рубля – 20 злотых		1834–1841 гг.	0,01÷0,04	0,06
25 рублей		1876 г.	0,02÷0,05	0,13
25 рублей; 37 руб. 50 коп.		1896–1908 гг.	0,01÷0,02	0,04
50 и 25 злотых для Польши		1817–1833 гг.	0,02÷0,05	–
20 и 10 марок для Финляндии		1878–1913 гг.	0,01÷0,02	–

Поэтому если лигатурная масса серебряного рубля XVIII века оказывается больше или меньше нормы на $2,0 \div 2,5$ г, то это еще не значит, что такой рубль обязательно фальшивый. Только со второй четверти XIX века был, видимо, существенно ужесточен контроль за соблюдением нормативного веса как золотых, так и серебряных монет, и с этого времени замеренную величину лигатурной массы обследуемой монеты из драгоценного металла можно оценивать, сравнивая ее с нормативным значением² (в пределах установленного весового допуска).

Фактическая масса медных монет, чеканившихся до середины XIX века, почти всегда заметно отличается от нормы. Объясняется это тем, что существовавшая в этот период времени технология массового производства медных монет не обеспечивала их достаточной стандартизации по весу, а весовую проверку все медные монеты проходили только в составе большой партии, и внутри этой партии могли находиться монеты со значительным отклонением от весовой нормы как в плюс, так и в минус, обеспечивая, тем не менее, выдерживание суммарного веса партии в

пределах установленного весового допуска. Лишь начиная со второй половины XIX века, с внедрением новой технологии, медные монеты стали подвергаться более строгому весовому контролю, что сделало возможным оценивать их фактические весовые характеристики путем непосредственного сопоставления их с нормативными значениями³.

При взвешивании монет необходимо обращать особое внимание на их сохранность – наличие потертости, отверстий, следов обрезания или опилования – и в случае необходимости вносить хотя бы приблизительные поправки в результаты взвешивания.

Если отклонение лигатурной массы обследуемой монеты от нормы достигает значительной величины (в частности, для золотых монет – величины, близкой к максимальной (см. таблицу), а тем более превышающей ее), то это должно служить тревожным сигналом, требующим особо тщательного обследования монеты по другим параметрам.

Особые случаи:

– среди медных монет XVIII – первой половины XIX века, а также среди серебряных гривенников 1742–1796 годов встречаются несомненно подлинные экземпляры с нестандартной массой (то есть явно завышенного или заниженного веса), которые нелегально изготавливались и использовались монетчиками при весовом контроле готовой продукции для корректировки проверочных партий монет, не укладывавшихся в установленный для них весовой допуск.

2. Габаритные размеры монеты

Как указано в очерке “К вопросу о стандартных размерах российских монет 1700–1917 годов”, говорить о каком-либо нормировании диаметра и толщины монет, отчеканенных без печатного кольца, вообще не имеет смысла. Поэтому замеренные осредненные габаритные размеры таких монет могут быть лишь ориентировочно сопоставлены с осредненными размерами аналогичных монет-эталонов.

Но и для монет, чеканившихся в печатном кольце, нормативные значения их диаметра были законодательно установлены лишь в декабре

1885 года. Таким образом, замеренный диаметр монет, отчеканенных в кольце до 1886 года, следует сопоставлять с диаметром аналогичных эталонных монет, а диаметр монет, отчеканенных после 1885 года, – с нормативными значениями диаметра⁴. По толщине же все монеты, чеканенные в кольце, должны сопоставляться с эталонами.

Эталонная монета, используемая для сопоставления габаритных размеров, должна быть отчеканена в том же году и на том же монетном дворе, что и обследуемая монета. Дело в том, что не оговоренные законодательно диаметры печатных колец в разные годы и на разных монетных дворах могли несколько различаться (для одного и того же типа и номинала монеты).

Если при сопоставлении с эталонной монетой или с нормативным значением диаметра обнаружится отклонение в габаритных размерах обследуемой монеты, подлежавшей чеканке в кольце, на величину, превышающую $0,3 \div 0,5$ мм, то это должно послужить серьезным предупреждением о возможности фальсификации. В первую очередь уменьшение диаметра характерно для литых подделок: в результате усадки металла их диаметр становится меньше диаметра прототипной монеты на величину от 1,5 до 3,0%.

Весьма важную роль в выявлении подделок играет проверка монет, подлежавших чеканке в кольце, на “закусывание”. Дело в том, что гурт многих, даже чеканенных, фальшивок (не говоря уже о литых) бывает оформлен без обжатия его кольцом или обточкой на токарном станке и потому не имеет правильной цилиндрической формы; этот дефект и выявляется указанной выше проверкой, когда монета то легко проворачивается, то в каком-то месте “закусывается” между закрепленными лапками штангенциркуля.

Особые случаи:

– габаритные размеры некоторых подлинных монет – медных копеек, денег и полушек 1701–1718 годов, серебряных рублей и полтин 1724–1726 годов – изменялись в весьма широких пределах: у первых – вследствие использования монетными дворами для вырубki монетных круж-

ков в разные годы медных полос различной толщины; у рублей и полтин – в зависимости от того, на каком монетном дворе они были отчеканены (на московском Кадашевском или на Петербургском);

– монеты с нестандартной массой всегда имеют несоответствующую толщину или несоответствующий диаметр; кроме того, эти монеты нередко бывают отчеканены на монетных кружках, предназначавшихся для монет совсем другого номинала;

– монеты, прошедшие перечеканку, практически всегда имеют увеличенный диаметр и уменьшенную толщину.

3. Проба металла монеты

Как показали замеры, выполненные в Историческом музее, проба двухкомпонентных сплавов, использовавшихся в России для монетной чеканки (золото + медь, серебро + медь), нередко не выдерживалась монетными дворами в пределах установленных допусков. Особенно большой разницей в пробе наблюдается у серебряных монет, чеканившихся до законодательного утверждения в 1718 году номенклатуры проб монетного серебра. Все это приходится учитывать при оценке результатов замера пробы золота или серебра обследуемой монеты.

И все же существенное отклонение значения пробы, замеренного при экспертном обследовании, по сравнению с нормативным значением ⁵ (а для серебряных монет 1701–1714 годов – по сравнению со значением, замеренным на монете-этalone), всегда является достаточно тревожным сигналом, а иногда и несомненным свидетельством подделки или новодельного характера обследованной монеты, особенно если это золотая монета.

Особые случаи:

– проба сплава серебряных гривен 1726–1727 годов чеканки может иметь значения, лежащие в необычно широком диапазоне – от 42-й до 18-й пробы;

– очень большое несоответствие фактической пробы серебра нормативному значению наблюдается у подлинных монет, чеканившихся в 1804–1833 годах для Грузии на Тифлисском монетном дворе;

– неоценимым подспорьем в деле установления подлинности сибирских монет было бы обнаружение в составе “колыванской” меди, из которой эти монеты должны были изготавливаться, золота и серебра (в определенных количествах ⁶); отсутствие в меди таких примесей однозначно свидетельствует о том, что обследованная монета является либо новоделом, либо фальшивкой (исключение составляют лишь чрезвычайно редкие “образцовые” сибирские монеты 1763–1764 годов, отчеканенные из обычной меди на Петербургском монетном дворе); однако, необходимые исследования провести путем гидростатического взвешивания монеты невозможно хотя бы потому, что серебристо-золотистая медь подлинных сибирских монет представляет собой трехкомпонентный сплав.

4. Оформление аверса, реверса и гурта монеты.

Если при визуальном обследовании монеты, представленной на экспертизу, выявлены какие-либо специфические признаки фальсификации, а оформление ее аверса, реверса и гурта не имеет отличий от оформления эталонной монеты, то вопрос решается достаточно просто: скорее всего, обследованная монета является литой подделкой (особенно, если это подтверждается результатами других видов исследования). Но если монета имеет отличия от эталона в рисунке изображений, в начертании литер или в расположении надписей, а также в оформлении гурта, и не имеет существенных отклонений в размерах, лигатурном весе и в пробе сплава, то в этом случае придется решать: является ли она фальшивкой, отчеканенной поддельными штемпелями, или же это ранее неизвестная или отсутствующая в распоряжении эксперта подлинная разновидность. Вот для решения этой задачи эксперту могут потребоваться все его знания и опыт в проведении экспертиз, поскольку ему, возможно, придется оценивать стилистические особенности изображений, помещенных на обследуемой монете, технические приемы нанесения на штемпели этой монеты различных деталей изображений и литер надписей, особенности исполнения гуртового оформления и целый ряд других особенностей, присущих российским монетам данного типа. При этом крайне важно

обнаружить наличие каких-либо упрощений либо непроработанности деталей в рисунке портрета или гербового орла, обычно допускавшихся изготовителями поддельных штемпелей.

В отношении специфических признаков фальсификации, присущих литым подделкам, следует иметь в виду следующие их особенности. Точечные выпуклости в подавляющем большинстве случаев присущи либо подделкам, отлитым в дефектную форму, либо новоделам, отчеканенным штемпелями, которые долгое время не были в употреблении и потому подверглись коррозии; если же точечные выпуклости были удалены с монеты штихелем, то в этих местах под микроскопом отчетливо наблюдаются изменения фактуры поверхности. А литейные раковины бывает очень трудно отличить от следов коррозии металла, часто появляющихся и на подлинных монетах.

И на подлинной монете, в результате ее общей потертости, может появиться сплошная слабо выраженная матовая фактура – вместо имевшейся первоначально ярко выраженной матовой поверхности изображений и полированной поверхности поля; однако в этом случае следы полированной поверхности все же будут просматриваться на участках поля, непосредственно прилегающих к выпуклым деталям рельефа.

Наличие на монете даже незначительного отслоения металла надежно свидетельствует о том, что обследуемая монета не изготовлена литьем и скорее всего является подлинной; необходимо только надежно удостовериться в том, что замеченный на монете дефект ее поверхности действительно является отслоением металла, а не представляет собой лишь след отслоения, имевшегося на подлинной монете, которая послужила моделью для литейной формы.

При сличении гуртовых надписей, имеющихся на обследуемой и эталонной монетах, следует учитывать, что никакого значения не имеют:

- а) разница в расстояниях между словами надписей;
- б) положение монеты (аверсом вверх или аверсом вниз), при котором гуртовая надпись читается.

А при сличении гуртовых насечек монета-эталон обязательно должна быть отчеканена в том же году и на том же монетном дворе, что и обследуемая монета.

Особые случаи:

– многие монеты, прошедшие перечеканку, имеют на аверсе и реверсе хаотичное смешение исходных и новых изображений и надписей, причем на некоторых из этих монет просматриваются сразу две даты – начальной чеканки и последующей перечеканки;

– если при перечеканке производилось перегурчивание монет, то на некоторых из них гурт состоит из фрагментов как исходного, так и нового оформления; если же перегурчивание при перечеканке не производилось, то оставшиеся на перечеканенных монетах исходные гуртовые надписи иногда не соответствуют новому оформлению их аверса (в отношении обозначения монетного двора);

– зачастую идентификации монеты мешают такие производственные дефекты и особенности, как непрочеканка надписей и буквенных обозначений, двойное нажатие штемпеля, перегравировка на штемпеле последней цифры даты и некоторые другие.

5. Новодельные монеты

Новодельные монеты (или новоделы), представляющие собой особый вид поддельных монет, изготовленных главным образом на монетных дворах, бывают отчеканены либо подлинными, либо специально изготовленными для этого штемпелями. Основная часть новоделов, отчеканенных заново изготовленными штемпелями, несет на себе хорошо заметные особенности внешнего оформления, описанные или проиллюстрированные в каталогах; вполне очевидно, что такие новоделы опознаются без проведения специальных исследований.

Что же касается новоделов, отчеканенных штемпелями, либо хорошо скопированными с подлинных, либо изготовленными с использованием подлинных маточников и пунсонов, либо, наконец, подлинными штемпелями, то они зачастую могут быть опознаны только после прохожде-

ния ими полного цикла экспертного обследования. Обычно новоделы этого типа отличаются от подлинных монет:

- значительным несоответствием веса нормативному значению, что обычно бывает вызвано излишне большой или очень малой толщиной монетного кружка;
- значительным несоответствием норме пробы драгоценного металла;
- наличием следов разрушения или коррозии рабочей поверхности штемпелей;
- видовым или технологическим несоответствием гуртового оформления стандартному (часто, например, гуртовая насечка наносилась на новоделы вручную, уже после их выхода с монетного двора);
- полированной поверхностью поля, не свойственной аналогичным монетам массового выпуска.

Кроме того, новоделы, отчеканенные неподлинными штемпелями, хорошо скопированными с подлинных, всегда имеют отличия (хотя подчас и малозаметные) от прототипной монеты в рисунке портрета, герба или вензеля, а иногда и в начертании литер и цифр надписей (в том числе – гуртовых).

В то же время необходимо помнить, что и подлинные монеты могут иметь и аномальный вес (монеты с нестандартной массой), и полированную поверхность поля, и следы разрушения рабочей поверхности штемпелей.

Принятие итогового решения по результатам обследования

Итак, рассмотрев результаты всех видов обследования, эксперт должен решить, является ли монета, представленная на экспертизу, подлинной, фальшивой или новодельной. Даже если обследованием выявлен явный признак неподлинности монеты, крайне желательно, чтобы окончательный вывод был подкреплён и другими следами фальсификации, хотя бы имеющими определённую степень вероятности. Вывод о поддельном характере монеты может быть сделан и на основании совокупности нескольких вероятных признаков, причём не исключено, что такой вывод может быть предположительным.

Если же у эксперта после анализа всех результатов обследования так и не сложилось какое бы то ни было определенное решение, то лучше от выдачи экспертного заключения вообще воздержаться.

В некоторых случаях результаты экспертного обследования могут быть правильно оценены лишь в результате использования при их анализе каких-либо дополнительных сведений о монете, проходившей экспертизу. Вот один из примеров такого использования.

На экспертизу поступил серебряный полуторарублевик-десятизлотовик 1836 года с портретами членов императорской фамилии и со знаком гравера Павла Уткина (“ПУ”). При визуальном обследовании монеты на среднем правом участке поля ее аверса была обнаружена группа выпуклых точек, весьма схожих со следами коррозии штемпеля. Подозрение на коррозию штемпеля (а следовательно, а новоделный характер обследуемой монеты) усугублялось тем обстоятельством, что подлинными штемпелями этой монеты было, действительно, отчеканено довольно большое количество новоделов. Хотя на нескольких таких новоделах, находящихся в собрании Исторического музея, следы коррозии штемпелей отсутствуют, еще оставалась вероятность того, что обследуемая монета все же может быть новоделом, но отчеканенным позднее музейных экземпляров, когда штемпель аверса уже подвергся коррозии. Однако на всех новоделах из музейного собрания имеется другой след – от разрушения участка рабочей поверхности штемпеля аверса в нижней правой его области (в виде наплыва металла), тогда как на аверсе обследуемой монеты такой след практически отсутствует. Вот этот факт уже однозначно свидетельствует о том, что если монета, представленная на экспертизу, и была отчеканена подлинными штемпелями, то намного раньше музейных новоделов, до начала разрушения штемпеля аверса. Но тогда на ней ни при каких условиях не могли появиться следы коррозии этого штемпеля. Отсюда вывод: при изготовлении обследованной монеты подлинные штемпели не использовались, а выпуклые точечные образования на поле ее аверса возникли в результате отливки ее в дефектную литейную форму. Такой вывод подтвердился и проверкой этой монеты на “закусывание”.

Результаты экспертизы должны быть изложены в экспертном заключении, содержащем:

а) краткое описание монеты, представленной на экспертизу (номинал, дата чеканки, металл, обозначение монетного двора, знаки гравера и минцмейстера, в случае необходимости – указание на принадлежность монеты к числу пробных или к монетам какого-либо специального выпуска);

б) перечень правительственных документов и установленных ими нормативных значений массы монеты, ее диаметра и пробы сплава (либо перечень среднестатистических значений этих величин);

в) результаты обмера обследуемой монеты, ее взвешивания и определения пробы металла;

г) результаты визуального обследования монеты (соответствие оформления ее аверса, реверса и гурта оформлению эталонной монеты, а также наличие аномалий и признаков фальсификации);

д) описание индивидуальных особенностей обследованного экземпляра монеты – производственных дефектов или механических повреждений (для “привязки” прошедшей экспертизу монеты к экспертному заключению);

е) вывод о том, что представляет собой обследованная монета – подлинник, подделку или новодел, – и обоснование этого вывода.

В настоящем очерке не освещены вопросы, касающиеся выявления поддельных российских платиновых монет, датированных 1828–1845 годами. Объясняется это тем, что к настоящему времени еще не выявлены признаки, по которым в условиях музеев и подобных им организаций можно было бы надежно отличить такие подделки от подлинников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Метод гидростатического взвешивания монет с целью определения пробы драгоценного металла, из которого они изготовлены, описан в очерке “Определение пробы сплава золотых и серебряных российских монет XVIII – начала XX века”.

2. Значения нормативной массы серебряных монет приведены в книге: *Уздеников В. В. Монеты России. М., 1985/86, 1-е изд.; М., 1992, 2-е изд.*
3. Значения нормативной массы медных монет приведены там же.
4. Нормативные значения диаметра, а также среднестатистические значения диаметра и толщины монет, чеканившихся в печатном кольце, приведены в очерке “К вопросу о стандартных размерах российских монет 1700–1917 годов”.
5. Нормативные значения пробы сплава золотых и серебряных монет приведены в книге: *Уздеников В. В. Монеты России. М., 1992.*
6. Нормативное и фактическое содержание золота и серебра в “кызылтанской” меди приведено в очерке “Сибирская монета”.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДЕФЕКТЫ МАССОВОЙ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ 1700–1917 ГОДОВ

Вопрос о допустимости присутствия российских монет массовой чеканки 1700–1917 годов с производственными дефектами в каталогах и нумизматических коллекциях, а также вопрос о различии между производственным дефектом и разновидностью на сегодня является настолько же актуальным, насколько и трудно разрешимым. Актуален он по той причине, что многие, явно дефектные монеты фигурируют в настоящее время практически во всех каталогах в качестве разновидностей, зачастую очень редких, а некоторые образцы дефектной продукции монетных дворов, которые трудно даже посчитать монетами, регулярно появляются на нумизматических аукционах, приобретаются коллекционерами и засоряют их собрания. Трудность же решения этого вопроса объясняется наличием многих факторов, не позволяющих однозначно рассматривать любой производственный дефект в классическом его определении – как несанкционированное отступление от утвержденного образца монеты, допущенное в процессе монетного производства.

Начнем с понятия “утвержденный образец”. Достоверно известно, что с самого начала регулярного монетного чекана¹ в России изготавливались образцовые экземпляры монет, которые затем, после их утверждения, пробивались, прошнуровывались, снабжались соответствующим ярлыком, опечатывались сургучной печатью и поступали на хранение в учреждение, ведавшее монетной чеканкой. Такие образцовые монеты имеются, например, в собрании Государственного Эрмитажа (серебряная полуполтина 1726 года) и в фондах Российского государственного архива древних актов (медная копейка 1728 года). Однако эти образцовые монеты были в первой половине XVIII века, главным образом, весовыми эталонами и эталонами пробы драгоценных металлов, а их внешний вид определял, видимо, лишь общую компоновку основных элементов оформления аверса и реверса монет массового выпуска. Именно поэтому резчики штемпелей (или форм²) примерно до середины XVIII века име-

ли полную возможность помещать на монетах портреты правителей, а также изображения гербовых орлов и других геральдических фигур своего, специфического рисунка, не говоря уже о возможности совершенно произвольного выбора различных декоративных деталей. Например, на медных копейках Петра I 1704–1718 годов чеканки насчитывается примерно 13 существенно различающихся изображений “ездеца” и около 25 разнообразных декоративных деталей.

Примерно со второй четверти XVIII века правительственные постановления о выпуске монет нового образца начинают сопровождаться изображениями этих монет, что, безусловно, способствовало сохранению единообразия их внешнего оформления при массовой чеканке. Однако изображения эти были недостаточно детализированы, что опять-таки давало возможность резчикам штемпелей или форм проявлять довольно широкую инициативу. Так, на рублевиках массового выпуска 1741–1761 годов существует шесть основных видов портрета императрицы Елизаветы Петровны, причем время выпуска монет с каждым из этих портретов практически совпадает со временем работы на монетном дворе автора соответствующего портрета (Б. Скотта, Ж.-А. Дасье, Т. Иванова и других). Даже в первой половине XIX века наблюдается неоднократное, хотя и непринципиальное, видоизменение некоторых деталей гербового орла (утвержденного типа), официально правительством не санкционированное; а в 1886 и 1887 годах серебряные рублевики чеканились одновременно с двумя, несколько различающимися, портретами императора Александра III.

Следовательно, некоторое несоответствие внешнего оформления монет массового выпуска утвержденному образцу, неоднократно проявлявшееся в XVIII–XIX веках, не вызывало запретительной реакции правительства, а потому такое отклонение от образца не может быть признано производственным дефектом. Тем более что в первой половине XVIII века “образцами” правильнее будет считать те специфические портреты правителей или изображения гербов, которые были выбраны для монет массового выпуска самими резчиками штемпелей (или форм).

Фактором, сужающим понятие “производственный дефект”, являлся также уровень развития техники изготовления монетных штемпелей (или форм) и техники чеканки монет. Дело в том, что почти всю первую треть XVIII века монетные штемпели либо полностью вырезались вручную, либо для их изготовления использовались пунсоны с негативным изображением отдельных деталей, например, элементов оперения гербового орла, корон и тому подобное³. В результате этого практически каждый штемпель, изготовленный в этот период времени, чем-то отличался от всех ранее изготовленных аналогичных штемпелей. В дальнейшем, когда монетное производство полностью перешло на изготовление штемпелей с помощью рабочих маточников, (а это произошло примерно с 1742 года), различия в рисунке однотипных портретов правителей и в изображениях гербов становятся сравнительно редкими и малозаметными. Тем не менее, как показали результаты обследований, проведенных В. В. Леоновым⁴, незначительные различия в рисунке гербового орла и отдельных деталей оформления медных монет массового выпуска, обусловленные особенностями техники изготовления форм, встречаются даже в начале XX века (до 1907 года включительно).

А основное различие в оформлении монет во второй половине XVIII века – это неодинаковое взаиморасположение изображений и надписей, что было обусловлено отдельным нанесением на штемпель изображений (с помощью рабочих маточников) и надписей (с помощью отдельных литерных и цифирных пунсонов). С течением времени такое различие постепенно исчезает, однако оно наблюдается, к примеру, даже в 1897 году на золотых 15-рублевых монетах.

Можно ли однозначно считать производственными дефектами неизбежные отступления от образца (в том числе – и от выбранного самим резчиком штемпеля), обусловленные ручным изготовлением штемпелей или недостаточно точным копированием начального образца формы, а также разницу во взаимном расположении изображений и надписей? Видимо, эти особенности также следует исключить из числа производственных дефектов, поскольку ни один, даже самый строгий контролер не

нашел бы в свое время достаточных оснований для отбраковки монет (или штемпелей), различающихся между собой по указанным параметрам.

Совершенно особой спецификой обладают монеты XVIII века, изготовленные перечеканкой и имеющие на аверсе, реверсе и гурте остаточные следы от исходной монеты. Такие изделия монетных дворов представляют собой несомненный производственный брак, тем более что на некоторых из них следы перечеканки не позволяют прочесть не только знак монетного двора или дату, но даже обозначение номинала⁵. И в то же время дефектный характер этих монет следует, видимо, признать неизбежным следствием перечеканки – именно так, несомненно, и подходили к этому вопросу контролеры на монетных дворах, выполнявших в XVIII веке перечеканку. К тому же следы перечеканки служат ценным вспомогательным признаком для исследователей – например, при выявлении монет “павловского перечекана”, изготовленных с использованием подлинных штемпелей Екатерины II⁶, или при выявлении монет “закупочного” тиража, чеканившихся на гладких кружках-заготовках и предназначенных для первоначального выкупа у населения монет, подлежавших перечеканке.

Должному отношению к дефектным монетам очень часто препятствует хорошо известное пристрастие коллекционеров-нумизматов ко всякого рода монетным диковинкам. Например, высоко ценится коллекционерами рубль 1723 года, на реверсе которого по ошибке резчика штемпеля в монограмме императора пропущены цифры “1”, или полтина 1882 года, на гурте которой, из-за ошибочного использования одной гуртильной верейки от пробной полтины 1860 года, указана 72-я проба серебра вместо действительной 83½ пробы. То же касается и некоторых ошибок в надписях, особенно если они образуют какое-нибудь “интересное” слово (вроде “ПЕРТЬ” вместо “ПЕТРЪ” или “САМОДЕРИЦА” вместо “САМОДЕРЖИЦА”), либо немыслимую дату (например, “1276” вместо “1726”). И никакие доводы, очевидно, не в силах отвлечь коллекционеров от поисков подобных “раритетов”.

Наконец, существуют аномальные монеты, в отношении которых нет оснований для однозначного причисления их либо к разновидностям, либо к производственному браку. На таких монетах, в отличие от других аналогичных экземпляров, отсутствуют буквенные индексы: либо обозначение монетного двора, либо знак минцмейстера, либо знак гравера. Хотя некоторые из таких монет, скорее всего, все же появились вследствие производственного дефекта штемпеля (индекс не был выбит на штемпеле случайно), причина появления других остается неясной. Поэтому правильнее будет считать все подобные монеты разновидностями.

Какие же особенности монет массовой чеканки должны быть однозначно признаны производственным браком? Назовем только некоторые из них.

Прежде всего, это дефекты монетного кружка, возникшие не в процессе обращения монеты, например: деформация кружка, образовавшаяся на гуртильном станке; наличие на краю монеты выемки, возникшей при вырубке монетного кружка из полосы с перекрытием отверстия, оставшегося от ранее вырубленного кружка; заглупления на поверхности монеты, явившиеся следствием недоброкачественной прокатки полосы, и тому подобное.

Большая группа несомненных производственных дефектов монет была вызвана частичным разрушением рабочей поверхности штемпелей в процессе чеканки с образованием на монетах инородных выпуклостей; монеты с дефектами именно этой группы очень часто принимаются недостаточно опытными коллекционерами за новые, нигде ранее не описанные, разновидности.

К производственным дефектам должно быть отнесено и отсутствие на монетах гуртового оформления, стандартного для данного выпуска – насечки, узора или надписи; такие монеты с гладким гуртом, обычно описываемые в каталогах в качестве разновидностей, появлялись лишь в результате того, что монетный кружок случайно не попадал на гуртильный станок, а сразу поступал на чеканку⁷.

Несмотря на несогласие многих коллекционеров, несомненными производственными дефектами являются многочисленные ошибки в надписях на монетах: орфографические ошибки⁸, пропуски букв, замена одних букв другими (случайно либо из-за отсутствия нужного литерного пунсона) и тому подобное.

Наконец, встречаются такие дефекты чеканки, которые превращают монетный кружок лишь в отдаленное подобие монеты. К этой категории производственных дефектов относятся: двойной оттиск штемпелей со значительным смещением монетного кружка, а также оттиск на одной из сторон кружка, образовавшийся не от штемпеля, а от только что отчеканенной монеты, “залипшей” на верхнем штемпеле⁹.

Необходимо признать, что все перечисленные выше примеры несомненных производственных дефектов были в свое время обнаружены на монетах, находившихся в обращении. В связи с этим возникает вопрос: а нужно ли относить к производственному браку монеты с любыми отклонениями от нормы (и даже изделия, едва похожие на монеты), если они были допущены в обращение контролерами монетных дворов? Не все ли равно, какой производственный недостаток имеет монета, если он не препятствовал ее обращению?

Во-первых, контролеры монетных дворов, не имевшие в своем распоряжении средств объективного контроля, могли по ряду причин допускать в своей работе серьезные промахи – из-за невнимательности, отсутствия опыта и так далее. Во-вторых, неизвестно, обращалась ли дефектная монета действительно беспрепятственно: может быть, каждый ее обладатель затрачивал немало сил и времени на то, чтобы всучить ее очередному розою. И в-третьих, частота встречаемости дефектных монет, попавших в обращение, несомненно, зависит от времени их изготовления: чем ближе к XX веку, тем меньше засоренность денежного обращения монетами, явно подлежащими отбраковке на выходном контроле монетных дворов; следовательно, руководители монетных дворов и вышестоящие инстанции считали это явление недопустимым и активно с ним боролись.

Итак, целый ряд отступлений в оформлении монет от образцов нельзя причислять к производственным дефектам и следует считать либо разновидностями, либо неизбежными спутниками определенной категории монет. Какие же рекомендации можно дать по поводу включения таких монет, с одной стороны, в коллекции, а с другой – в нумизматические каталоги?

Прежде всего следует сказать, что монетные собрания крупных музеев всегда формировались и формируются по принципу включения в них любых разновидностей¹⁰. Что же касается более скромных коллекций, принадлежащих периферийным музеям, то при их формировании следует ввести некоторые ограничения: например, включать в коллекцию только те разновидности, которые описаны в избранном для руководства каталоге. А вот состав частных коллекций чаще всего определяется вкусами и пристрастиями их владельцев, хотя для формирования и таких коллекций вполне подошли бы рекомендации, касающиеся небольших музейных собраний.

Что касается монет с явными производственными дефектами, то их присутствие, вообще говоря, допустимо в любой коллекции, но только в том случае, если эти дефекты не являются единственным отличием данного экземпляра монеты от аналогичных, уже присутствующих в коллекции. При этом каждый составитель коллекции, конечно же, должен стремиться заменить дефектную монету полноценной.

В то же время, как и любая другая коллекция, полное право на существование имеет и специализированная подборка монет с чисто производственными дефектами. Во всяком случае, формирование таких подборок в музеях весьма желательно – наравне с подборками новоделов, поддельных монет и гальваноконий.

Переходя к вопросу о разработке нумизматического каталога, необходимо отметить, что здесь прежде всего следует решить, какие именно монеты должны быть включены в каталог. Опыт полутора столетий свидетельствует о том, что совершенно необходимо ограничивать число описываемых монет, сознательно опуская некоторые их разновидности.

В первую очередь это относится к монетам первой половины XVIII века, когда фактическое отсутствие утвержденных образцов и ручное (или с ограниченным использованием пунсонов и маточников) изготовление штемпелей породило бесчисленное количество мелких разновидностей, действительного числа которых не знает никто и, видимо, никогда не узнает. То же можно сказать и о монетах более позднего периода, основная масса разновидностей которых обусловлена различным взаимным расположением изображений и надписей. Пренебрежением такими ограничительными мерами и объясняется, пожалуй, единственный недостаток непревзойденного отечественного каталога – Корпуса русских монет великого князя Георгия Михайловича, поскольку первоначальное намерение авторов Корпуса описать все разновидности российских монет XVIII–XIX веков оказалось совершенно невыполнимым. В конце концов, авторы и сами фактически отказались от этого намерения, в связи с чем в последнем (по времени издания) томе Корпуса “Монеты царствования императора Петра I”¹¹ для ряда монет вместо подробного описания их разновидностей приведены, например, такие сведения: “Все эти копейки (№№ 1372–1381. – В. У.) отличаются друг от друга незначительными подробностями штемпелей...” В то же время, содержащееся в Корпусе подробное описание довольно большого числа мелких разновидностей без указания на возможность обнаружения целого ряда других создает у читателей ложное представление об исчерпывающей полноте этого каталога, чего в действительности достичь просто невозможно, хотя авторы некоторых других каталогов пытаются назвать точное (!) число разновидностей той или иной монеты, не давая, конечно же, их описания. Даже такой узкоспециализированный каталог, как книга Е. Г. Полуйко, посвященная исследованию рублей императрицы Анны Иоанновны¹², не в состоянии претендовать на описание всех существующих разновидностей этих монет.

Таким образом, представляется совершенно необходимым вообще отказаться от описания в каталогах мелких разновидностей, граничащих с производственным браком и обусловленных примитивными способами

изготовления монетных штемпелей (или форм), а также стремлением резчиков штемпелей к использованию для оформления монет широкого спектра декоративных деталей. И уж совсем недопустимо помещать в нумизматическом каталоге описание монет с явными производственными дефектами¹³.

В то же время весьма актуальной была бы разработка специального каталога производственных дефектов, встречающихся на российских монетах массового выпуска XVIII – начала XX века, с изложением причины возникновения каждого дефекта. В этом каталоге должны быть собраны и систематизированы лишь образцы дефектных монет, а не предпринята неосуществимая попытка перечислить все случаи дефектной чеканки, как это попытался, например, сделать американский нумизмат Р. Джулиан, описывая ошибки в текстах на серебряных рублях и полтинах XIX века¹⁴.

В процессе работы над таким каталогом, возможно, будет выработан критерий, который позволит более точно установить разницу между производственным дефектом и разновидностью монеты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Регулярный чекан – упорядоченная машинная чеканка монет на круглых заготовках, окончательно введенная в России с 1700 года.

2. Форма – инструмент для изготовления рабочих маточников. На форму наносилось заглубленное (негативное) изображение портрета, герба, вензеля и других элементов оформления монеты, которое на маточнике, переведенном с формы, получалось выпуклым (позитивным), а на штемпеле, изготовленном с помощью маточника, – опять негативным.

3. Исключением было лишь использование в 1704–1718 годах Кадашевским монетным двором при изготовлении штемпелей аверса медных копеек рабочих маточников с полнообъемным изображением “ездеца”.

4. *Леонов В. В.* Если пристально взглядеться // “Миниатюра”, нумизматическое приложение “Старая монета”, 1998. Вып. 10. С. 4–5.

5. Именно по этой причине российские монеты, датированные 1797 годом и позднее, никогда больше не изготавливались перечеканкой.

6. “Павловский перечекаан” – перечекаанка медных монет Екатерины II 1796 года 32-рублевой монетной стопы в монеты 16-рублевой стопы. Перечекаанка проводилась в царствование Павла I, но штемпелями с вензелем Екатерины II и с датировкой, соответствующей годам ее царствования. Эти штемпели частично изготавливались специально, а частично заимствовались из числа сохранившихся подлинных штемпелей Екатерины II.

7. Такой дефект случаен, видимо, только на монетах, изготовленных обычным способом: на монетах, изготовленных перечекаанкой, он может быть допущенным преднамеренно и массовым (так же как и перечекаанка без перегурчивания) – в целях экономии средств и времени, отпущенных на перечекаанку.

8. К ним, конечно же, не относятся устаревшие в настоящее время правила орфографии, как, например, окончание прилагательных в родительном падеже “-АГО” вместо “-ОГО”.

9. В результате этого на обеих сторонах кружка получаются оттиски либо только аверса, либо только реверса, но один из этих оттисков нормальный, а другой представляет собой как бы зеркальное отражение первого, то есть имеет заглабленное негативное изображение всех элементов оформления, как на соответствующем штемпеле.

10. Необходимо оговориться, что, поскольку следы от исходной монеты на монетах, изготовленных перечекаанкой, носят характер сугубо индивидуальный для каждого экземпляра монеты, в коллекцию целесообразно помещать лишь несколько экземпляров с наиболее характерными следами перечекаанки.

11. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Петра I. СПб, 1914.

12. *Полуйко Е. Г.* Рубль Анны Иоанновны. Горький, 1989.

13. Единственно, что еще как-то допустимо, так это упоминание о наиболее “знаменитых” производственных дефектах, помещенное в примечаниях к описанию соответствующих монет.

14. *Julian R. W.* Russian Silver Coinage 1796–1917. Logansport, 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Переход на цифирь в обозначении даты на российских монетах.....	4
От московского рубля – к рублю российскому.....	17
Против реформ царя Петра Алексеевича.....	26
Счетные знаки на монетах. Переход к цифири в обозначении номинала.....	30
От множества названий номинала – к системе “рубель – копейка”.....	43
Перечеканка монет в XVIII веке.....	54
Монеты переходных периодов (в годы смены царствований).....	86
Монеты XVIII–XIX веков с нестандартной массой.....	103
Российские монеты XVIII века, отчеканенные в печатном кольце.....	113
О чеканке монет с заглубленными надписями.....	127
Номинал монеты – 5 копеек.....	136
1718 год.....	147
1755 год.....	153
В поисках новой монетной стопы.....	164
Никелевая монета в России.....	174
Изображения святого апостола Андрея Первозванного и ордена его имени на российских монетах.....	184
Эмблематика общегосударственных и русско-финских монет 1917 года чеканки.....	196
Временные монетные дворы Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века.....	207
Необычный полуполтинник царя Петра Алексеевича.....	215
История чеканки и обращения медных пятаков 1723–1730 годов.....	221
Пробные монеты 1726–1727 годов.....	256
Расшифровка вензеля на пробном медном гривеннике 1726 года.....	290
Монетные штампы работы И. К. Гедлингера и их копии работы Л. Дмитриева.....	296
Монеты императора Ивана Антоновича.....	314
Некоторые соображения о золотом рубле 1762 года.....	325
Медная копейка 1789 года московского Красного монетного двора.....	344
Минцмейстер Осип Мейджер.....	348
Что такое ефимок 1798 года?.....	358

Пробные медные монеты 1810 года.....	369
Две загадочные российские монеты	378
Золотые русы. “Французский след” в российском монетном деле.....	394
О способах чеканки медных квадратных “плат” 1725–1727 годов.....	407
Весовые характеристики медных квадратных гривен 1726–1727 годов	416
Необычный пробный ливо-эстонский 24-копеечник 1756 года	433
Сибирская монета.....	437
Таврические монеты.....	454
Пробные монеты XIX века: общегосударственные с двойным (русским и польским) обозначением номинала и русско-польские	463
Железные параллелепипеды с надписью “КОПЕЙКА” и “ДЕНЬГА”	479
Бронзовые монеты в начале XVIII века.....	486
Новодельные монеты. Особая группа новоделов	493
Пять медных новоделов пробных серебряных монет 1739–1740 годов.....	507
Новоделы трех пробных монет 1760 года	518
Новодельный империял 1805 года	524
Новодельные “гангутские” рубли.....	529
К вопросу о стандартных размерах российских монет 1700–1917 годов.....	531
Определение пробы сплава золотых и серебряных монет	546
Несколько рекомендаций по проведению экспертного обследования российских монет 1700–1917 годов на предмет установления их подлинности.....	558
Производственные дефекты массовой монетной чеканки 1700–1917 годов ..	574